ИСТОРІИ РОССІИ

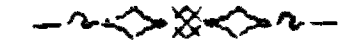
ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

ИСТОРІЯ РОССІИ.

Соч. Д. ИЛОВАЙСКАГО.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КІЕВСКІЙ ПЕРІОДЪ.

МОСКВА.
Типографія Грачева и К., у Пречистенскихъ В., д. Шиловой.
1876.

История какого либо народа есть изображеніе его прошлой жизни. Постепенное развитіе этой жизни, свѣтлыя и темныя стороны его быта, счастливыя и бѣдственныя эпохи имъ испытанныя, многообразная внѣшняя и внутренняя борьба, которую онъ велъ, перевороты, которымъ онъ подвергался—все это составляетъ задачу исторіи. По отношенію къ исполненію своему ея задача распадается на двѣ стороны, впрочемъ неразрывно между собою связанныя: съ одной стороны она наука, съ другой искусство. Изученіе источниковъ и пособій, ихъ взаимная провѣрка или критическое къ нимъ отношеніе, возстановленіе событій въ ихъ истинномъ видѣ, разъясненіе ихъ причинъ и слѣдствій, опредѣленіе естественныхъ и общественныхъ условій и различныхъ вліяній, вѣрная, по возможности безпристрастная, оцѣнка дѣятелей и обстоятельствъ и т. п. — вотъ научная приуготовительная сторона историческаго труда. За выполненіемъ этой стороны слѣдуетъ работа, такъ сказать, творческая. Изобразить событія, обстоятельства и лица такими, какими онѣ представляются воображенію самаго историка; при чемъ соблюсти историческую перспективу, т. е: выдвинуть на передній планъ важное и существенное; не быть подавлену матеріаломъ, а наоборотъ овладѣть имъ и подчинить его себѣ; дать каждой части свое мѣсто; найти всему соотвѣтствующее выраженіе въ языкѣ; усвоить своему изложенію достойный высокой задачи, благородный стиль, и согрѣть это изложеніе своимъ собственнымъ теп-

но объяснить замѣчательную живучесть и прочность нашего государственнаго организма.

Не возлагаю на себя никакихъ точныхъ обязательствъ относительно выхода въ свѣтъ дальнѣйшихъ частей предпринятаго труда. Могу только обѣщать, что буду работать надъ ними по мѣрѣ своихъ силъ и средствъ. Тѣмъ менѣе дерзаю расчитывать на благополучное достиженіе конца. Ars longa, vita brevis.

Москва. 1876 г. 9 апрѣля.

I.

РУСЬ ПОДЪ ЦАРЬГРАДОМЪ.

Положеніе Константинополя. Его дворцы и храмы. Состояніе имперіи. Михаилъ III и Василій Македонянинъ. Нападеніе Руси въ 865 г. Осада и патріархъ Фотій. Первое крещеніе Руси. Происхожденіе русскаго государственнаго быта. Кіевъ и объединеніе восточныхъ Славянъ. Торговля съ Греціей. Договоры Олега. Мирныя и враждебныя сношенія съ мусульманскимъ востокомъ. Печенѣги.

Когда Константинъ Великій задумалъ перенести на востокъ столицу Римской имперіи, онъ долго искалъ для нея наилучшаго мѣста. Вниманіе его останавливалось на разныхъ городахъ. Ему нравилось положеніе древнихъ Сардъ на берегахъ золотоноснаго Паткола; привлекала его также и богатая Ѳессалоника; приходило ему на умъ построить столицу на мѣстѣ столь прославленной Трои, или выбрать для нея виѳинскій городокъ Халкедонъ; но онъ не повторилъ ошибки, въ которую впалъ основатель этого городка. Халкедонъ возникъ полутора столѣтіями ранѣе чѣмъ лежащая въ виду его Византія. Говорятъ, персидскій царь Дарій во время своего похода въ Скиѳію, осмотрѣвъ берега Ѳракійскаго Боспора, сказалъ объ основателѣ Халкедона, что онъ былъ слѣпъ, потому что не выбралъ такой превосходной мѣстности, какую занимала Византія. Во время Константина этотъ послѣдній городъ представлялъ печальныя развалины, будучи разрушенъ лѣтъ за сто передъ тѣмъ въ эпоху междоусобныхъ войнъ, раздиравшихъ имперію. На немъ то великій императоръ остановилъ свой выборъ, и основалъ здѣсь другой Римъ, другой вѣчный городъ.

Изъ Чернаго моря въ Мраморное ведетъ узкій проливъ, который змѣею извивается между гористыми берегами. Со стороны Чернаго моря берега эти круты, мѣстами обнажены, скалисты и представляютъ довольно дикій видъ; но чѣмъ далѣе, тѣмъ очерки ихъ болѣе и болѣе смягчаются, и особенно живописнымъ является болѣе возвышенный европейскій берегъ. Довольно богатая растительность покрываетъ его вершины и скаты; тутъ между прочимъ красуются широковѣтвистые платаны и кедры и привлекаютъ своею темною зеленью рощи пирамидальныхъ кипарисовъ. Тамъ, гдѣ проливъ или т. наз. Боспоръ Ѳракійскій сливаетъ свои воды съ водами Мраморнаго моря, онъ отдѣляетъ отъ себя вѣтвь, которая далеко врѣзывается въ европейскій берегъ. Этотъ длинный и узкій заливъ еще у древнихъ носилъ названіе Керасъ, т. е. рогъ, такъ какъ къ концу онъ нѣсколько загибается и напоминаетъ бычачій рогъ. Впослѣдствіи ему дали названіе Золотаго Рога. Полуостровъ или уголъ, омываемый съ одной стороны Мраморнымъ моремъ, а съ другой Золотымъ Рогомъ, и упирающійся своею вершиною въ Боспоръ, есть то мѣсто, на которомъ раскинулся дивный городъ.

Константинополь подобно древнему Риму расположенъ на семи холмахъ, и подобно ему былъ раздѣленъ на четырнадцать частей. Эти семь холмовъ представляютъ гребень, который перещепывается долинами. Холмъ, залегающій на оконечности полуострова, есть главная часть города или Византійскій акрополь. Здѣсь сосредоточивались важнѣйшія и наиболѣе великолѣпныя постройки; такъ какъ почти весь этотъ холмъ былъ занятъ императорскимъ дворцомъ и примыкавшими къ нему храмами и площадями. Дворецъ представлялъ цѣлый лабиринтъ роскошныхъ залъ, покоевъ, портиковъ, перистилей, храмовъ, часовенъ, внутреннихъ двориковъ, термъ, садовъ и т. п. Основанный Константиномъ Великимъ, онъ потомъ постепенно расширялся и увеличивался новыми постройками, которыя совершены разными императорами. Внутренности залъ и покоевъ были изукрашены золотомъ и мозаичными изображеніями; галлереи и площадки пред-

ставляли пріятную перспективу своими мраморными колоннадами разныхъ цвѣтовъ, а также мраморными и бронзовыми статуями. Разныя отдѣленія этого дворца-лабиринта носили разныя названія. Укажемъ нѣкоторыя.

На самомъ берегу моря, гдѣ Боспоръ сливается съ Пропонтидой, рядомъ съ императорской гаванью стоялъ особый замокъ или укрѣпленный дворецъ, называвшійся Вуколеонъ. Названіе это сообщила ему находившаяся на его набережной мраморная группа, которая изображала быка, схваченнаго львомъ. Этотъ замокъ нерѣдко служилъ настоящимъ жилищемъ императоровъ. Далѣе за нимъ на возвышенности холма находилась слѣдующая группа дворцовыхъ зданій, между которыми первое мѣсто по своимъ размѣрамъ и украшеніямъ занималъ Хризотриклиній или Золотая палата (собственно Золотое ложе). Онъ представлялъ восьмиугольную ротонду, т. е. каждая изъ осьми его сторонъ заканчивалась полукруглымъ абсидомъ. Это была укращенная мозаиками главная тронная зала, въ которой совершались важнѣйшія церемоніи и пріемы иностранныхъ пословъ. За тѣмъ слѣдовали другія отдѣленія; напр. Магнаура или Большой дворецъ, Халкійскій или Мѣдный и Дафнійскій. Халкійскій получилъ свое названіе отъ бронзовыхъ воротъ искусной работы, а Дафнійскій вѣроятно отъ статуи Дафны, украшавшей одну изъ галлерей этого отдѣленія.

Извнѣ къ дворцовымъ зданіямъ примыкали Ипподромъ и форумъ Августеонъ. Ипподромъ представлялъ выровненную продолговатую площадь, обведенную стѣнами, украшенную посрединѣ рядомъ нѣскольких громадныхъ колоннъ и обелисковъ. При началѣ Ипподрома находился особый дворецъ, съ эстрады котораго императоръ и его дворъ смотрѣли на ристанія. Форумъ Августеонъ, т. е. Священный, представлялъ площадь, окруженную галлереей изъ аркадъ; по срединѣ онъ имѣлъ четырехъугольную тріумфальную арку съ большимъ крестомъ на верху, по бокамъ котораго стояли фигуры Константина и его матери Елены. Изъ числа статуй и колоннъ, красовавшихся на этомъ форумѣ, особенно замѣчательна колос-

сальная конная статуя императора Юстиніана, изображеннаго въ видѣ Ахиллеса.

Одною своею стороною форумъ Августеонъ примыкалъ къ первому святилищу Византіи, къ храму св. Софіи. Въ оградѣ императорскаго дворца заключалось много изящныхъ храмовъ и базиликъ; но всѣ они далеко уступали св. Софіи, которая служила вмѣстѣ и придворнымъ императорскимъ храмомъ и главною соборною церковью всей столицы.

Какое перо въ состояніи изобразить красоту Софійскаго храма! Извнѣ съ трехъ сторонъ его окружали величественные закрытые портики или притворы; а внутри онъ представляетъ чрезвычайно пріятную перспективу: это продолговатый овалъ, по бокамъ обрамленный двухъярусной колоннадой. Нижніе ряды колоннъ поддерживаютъ верхнюю галлерею, которая идетъ вокругъ стѣнъ внутри всего храма, за исключеніемъ абсида или алтарной части. Эта галлерея составляла обычную принадлежность византійскихъ церквей и называлась гинекеемъ, потому что назначалась для женскаго пола, который у Грековъ слушалъ богослуженіе отдѣльно отъ мужскаго. Надъ срединною частью зданія возвышается обширный куполъ, очень мало выпуклый, у основанія своего имѣющій многочисленные просвѣты, а потому кажущійся необыкновенно легкимъ. По гармоніи частей, изящной простотѣ и выдержанности стиля Софійскій храмъ и въ настоящее время представляетъ первое зданіе въ мірѣ; римскій соборъ св. Петра далеко уступаетъ ему въ этомъ отношеніи. Но можно представить себѣ, какое сильное впечатлѣніе производилъ этотъ храмъ своими внутренними украшеніями, т. е. разноцвѣтными мраморами и роскошными мозаиками, которые покрывали его стѣны! Строитель Софіи Юстиніанъ I имѣлъ полное право въ день освященія храма воскликнуть: „Слава Всевышнему, который удостоилъ меня совершить это дѣло. Я превзошелъ тебя, Соломонъ!“ (Со времени мусульманскаго ига внутреннія украшенія скрыты подъ густымъ слоемъ штукатурки, а снаружи зданіе обезображено разными пристройками).

Греки любили давать своимъ храмамъ имена въ честь божественныхъ свойствъ и добродѣтелей. Такъ неподалеку отъ св. Софіи или Премудрости Божіей находился храмъ св. Ирины, т. е. храмъ Мира или Согласія, построенный Константиномъ В. (Въ настоящее время это самый древній изъ дошедшихъ до насъ византійскихъ храмовъ. Турки обратили его въ арсеналъ). Далѣе къ западу на IV-мъ холмѣ находился величественный храмъ св. Апостоловъ, въ которомъ погребались византійскіе императоры. (Турки выбросили изъ него богатые мраморные саркофаги съ ихъ останками, разрушили церковь и на мѣстѣ ея воздвигли мечеть, извѣстную подъ именемъ Могамедіе). Многіе замѣчательные храмы, монастыри, термы, водопроводы, форумы, монументальныя колонны и статуи были разсѣяны по обширной Византіи. Было еще и нѣсколько особыхъ дворцовъ. Изъ послѣднихъ назовемъ Гебдомонъ съ храмомъ Іоанна Предтечи. (Остатки какого то красиваго зданія, уцѣлѣвшіе въ сѣверозападномъ углу города подлѣ Большихъ стѣнъ, считаются именно за остатки дворца Гебдомонъ). Не подалеку отъ него въ томъ же углу, ближе къ Золотому Рогу, въ части города называвшейся Влахернами, находился Влахернскій дворецъ съ термами и знаменитымъ храмомъ Богородицы.

Весь Константинополь былъ окруженъ стѣнами со многими башнями; но особенною крѣпостью и массивностію отличались Большія стѣны, защищавшія его съ сухаго пути; онѣ были двойныя и упирались однимъ концомъ въ Золотой Рогъ, а другимъ въ берегъ Мраморнаго моря. Изъ многихъ воротъ, заключавшихся въ этихъ Большихъ стѣнахъ, наиболѣе знамениты Золотыя, названныя такъ по своимъ украшеніямъ; они прилегали къ сторонѣ Мраморнаго моря. Неподалеку отъ Золотыхъ воротъ, внутри города на VII-мъ холмѣ, расположенъ былъ Студійскій монастырь Іоанна Крестителя, одинъ изъ самыхъ обширныхъ и богатыхъ монастырей цареградскихъ. Монастырь этотъ замѣчателенъ для насъ по своему послѣдующему вліянію на русское монашество и на русскую письменность.

За Большими стѣнами лежало Пегійское предмѣстье съ

загороднымъ дворцомъ и храмомъ Богородицы. Пегійскимъ онъ названъ по источникамъ, тамъ находившимся. За тѣми же стѣнами расположены были и другія селенія и монастыри. Между прочимъ на берегу Золотаго Рога за Влахернами лежало предмѣстье съ монастыремъ св. мученика Мамы. Въ этомъ предмѣстьѣ обыкновенно проживали русскіе торговцы, приходившіе въ Константинополь на своихъ лодкахъ однодеревкахъ. Золотой Рогъ служилъ превосходною гаванью, въ которой находили себѣ удобную стоянку многочисленныя торговыя и военныя суда. На другой сторонѣ этого залива, тамъ гдѣ онъ соединяется съ Боспоромъ, лежало предмѣстье Галата, носившее прежде названіе Сике, т. е. Смоковницы. Отъ этого предмѣстья къ оконечности Константинопольскаго полуострова, въ случаѣ надобности, протягивались желѣзныя цѣпи, которыя запирали входъ въ Золотой Рогъ. На противуположной сторонѣ Боспора лежало другое большое предмѣстье или пригородъ Константинополя, Хризополисъ, извѣстный въ послѣдствіи подъ именемъ Скутари. Затѣмъ по обоимъ берегамъ Боспора разсѣяны были селенія, монастыри, загородныя виллы и т. п. (1)

Въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, Византія только что успокоилась отъ внутреннихъ смутъ, причиненныхъ иконоборческой ересью. Θеодора, супруга императора Θеофила, одного изъ ревностныхъ иконоборцевъ, послѣ его смерти получила въ свои руки верховную власть по малолѣтству своего сына Михаила III. Первымъ ея дѣломъ было возстановленіе иконопочитанія, которое и утверждено созваннымъ ею духовнымъ соборомъ 842 года. Съ возобновленіемъ иконопочитанія вновь оживились и нѣкоторыя отрасли искусствъ. Имперія представила свое обычное явленіе. Сколько разъ во время смутъ, мятежей и непріятельскихъ нашествій она казалась близка къ разложенію или къ совершенному упадку. Но едва наступало затишье или на престолѣ появлялась умная, энергичная личность, какъ опять обнаруживались признаки могущества и процвѣтанія. Столько было еще жизненныхъ силъ въ этомъ съ виду ненадежномъ организмѣ и въ этой образованности, представлявшей замѣчательное сочетаніе христіан-

скихъ началъ съ классическими воспоминаніями, эллинизма съ варварствомъ, неограниченнаго самодержавія съ республиканскими преданіями. Но что особенно служило для Византійской имперіи неистощимымъ источникомъ ея процвѣтанія, ея блеска и обаянія въ глазахъ варварскихъ народовъ, это замѣчательное развитіе ея промышленности и искусствъ. Въ Царьградъ конечно стекались изъ провинцій наиболѣе искусные ремесленники и художники; вообще здѣсь искали себѣ счастья и богатства наиболѣе энергичные, даровитые и предпріимчивые люди. Изобиліе товаровъ, художественныхъ произведеній и всякаго рода услугъ развивали сильную роскошь въ средѣ столичныхъ обитателей, а вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживали въ ней привязанность къ веселой жизни, къ зрѣлищамъ и другимъ удовольствіямъ. Сюда собирались торговцы почти изъ всѣхъ сосѣднихъ странъ, чтобы мѣнять свои сырыя произведенія на греческія издѣлія. Но наиболѣе роскошныя издѣлія, напримѣръ самыя дорогія шелковыя ткани (паволоки), византійское правительство даже запрещало вывозить изъ имперіи для того, чтобы варвары и въ самой одеждѣ своей не могли сравняться съ Греками; а къ варварамъ они причисляли и западные, т. е. латинскіе, народы того времени.

Имперія не долго пользовалась благоразумнымъ и бережливымъ управленіемъ Ѳеодоры. Сынъ ея Михаилъ едва достигъ пятнадцатилѣтняго возраста, какъ объявилъ себя совершеннолѣтнимъ и устранилъ свою мать отъ всякаго участія въ дѣлахъ. Это былъ образецъ тираническаго властителя, преданнаго пьянству и другимъ порокамъ. Своимъ характеромъ и наклонностями онъ напоминалъ римскаго Нерона, съ тою разницею, что имѣлъ вкусы еще болѣе грубые. Неронъ, играя передъ публикою на цитрѣ, добивался славы великаго артиста; а Михаилъ III страстно любилъ лошадей и главное свое достоинство почиталъ въ искусствѣ ристанія. Циркъ или ипподромъ — это любимое зрѣлище византійцевъ — при немъ оживился и получилъ значеніе болѣе важное чѣмъ всѣ государственныя дѣла. Въ одеждѣ возницы изъ партіи Голубыхъ Михаилъ самъ принималъ дѣятельное уча-

стіе въ конномъ бѣгѣ, и добивался побѣды надъ соперниками, которую они конечно уступали ему очень легко. Расказываютъ, будто бы однажды, когда императоръ стоялъ на колесницѣ и ожидалъ сигнала къ начатію бѣга, главный сановникъ привелъ къ нему гонца, который только что прибылъ изъ Малой Азіи съ извѣстіемъ о вторженіи Арабовъ. „Несчастный! — воскликнулъ Михаилъ—и въ такую критическую минуту ты приходишь меня безпокоить!" На возвышенныхъ пунктахъ Малой Азіи устроены были сигнальные огни, что бы извѣщать о непріятельскомъ вторженіи; Михаилъ велѣлъ ихъ уничтожить; такъ какъ эти огни иногда тревожили жителей столицы и отвлекали ихъ вниманіе отъ ристаній цирка. Подобно своимъ предшественникамъ онъ воздвигъ нѣсколько храмовъ и другихъ изящныхъ или полезныхъ зданій; но главную свою заботу посвятилъ постройкѣ великолѣпныхъ дворцовыхъ конюшенъ; мраморъ и порфиръ украшали ихъ стѣны; онѣ были снабжены кромѣ того роскошными водоемами. Расказываютъ, что однажды, показывая кому то свои конюшни, Михаилъ выразилъ надежду, что это зданіе сдѣлаетъ безсмертнымъ его имя. „Государь, получилъ онъ въ отвѣтъ, Юстиніанъ построилъ и изукрасилъ св. Софію, и однако о немъ болѣе не говорятъ; а ты надѣешься пріобрѣсти безсмертіе этимъ вмѣстилищемъ навоза". Правдивый отвѣтъ былъ награжденъ ударами бича.

Подтверждая указы объ иконопочитаніи и выставляя себя опорою православія, Михаилъ въ тоже время предавался разнаго рода кощунству и иногда публичному. Ѳеодора возвела на патріаршій престолъ Игнатія, человѣка строгаго и твердаго характера. Разумѣется, онъ сдѣлался непріятенъ Михаилу, и послѣдній позволялъ себѣ иногда самые недостойные поступки. Напримѣръ, во время торжественной процессіи, когда патріархъ шелъ во главѣ клира, на встрѣчу ему вдругъ появилась другая процессія: то былъ Михаилъ съ толпою своихъ любимцевъ, одѣтыхъ на подобіе митрополитовъ и епископовъ; одинъ изъ нихъ, по имени Гриллъ, изображалъ патріарха; причемъ съ акомпаниментомъ цитры онъ пѣлъ непри-

стойныя пѣсни. Поступокъ почти невѣроятный въ столицѣ православія, хотя о немъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые византійскіе историки. Дядя императора, по имени Варда, старавшійся поддерживать порочныя наклонности племянника съ цѣлью проложить себѣ путь къ престолу, особенно возненавидѣлъ патріарха за его смѣлыя обличенія. Онъ убѣдилъ наконецъ императора свергнуть Игнатія и поставить другаго патріарха. Выборъ Варды палъ на одного свѣтскаго сановника, дальняго родственника царствующей фамиліи, человѣка знаменитаго громадною ученостію и литературными трудами, но не отличавшагося высокими нравственными доблестями. Это былъ Фотій. Въ нѣсколько дней онъ прошелъ духовныя степени, и былъ посвященъ въ патріархи. Но такъ какъ Игнатій ни зачто не соглашался отречься отъ своего сана, и за него стояла значительная часть духовенства, то Фотій обратился въ Римъ къ папѣ Николаю съ просьбою объявить низложеніе Игнатія и подтвердить избраніе его, Фотія. Это обращеніе, сдѣланное въ личныхъ видахъ, оказалось великою политическою ошибкою со стороны Константинополя. Папа воспользовался случаемъ принять рѣшающій тонъ въ дѣлахъ всей христіанской церкви. Онъ не призналъ избранія Фотія, и потребовалъ возстановленія Игнатія. Отсюда возникла великая распря, сопровождаемая взаимными отлученіями; началось явное раздѣленіе церкви на Восточную и Западную.

Между тѣмъ при Византійскомъ дворѣ вокругъ безпечнаго и погруженнаго въ свои развлеченія Михаила III кипѣла неусыпная крамола; злые ковы и заговоры скрещивались и перепутывались между собою. Варда, носившій титулъ цезаря, приготовлялся занять мѣсто своего племянника; но противъ него уже дѣйствовала рука болѣе искусная и умъ болѣе изворотливый. То былъ новый любимецъ Михаила, Василій Македонянинъ, знаменитый основатель Македонской династіи. Впослѣдствіи, по воцареніи этой династіи, не замедлили сложиться легенды, которыя украсили исторію ея основателя. Родъ его начали производить съ отцовской стороны отъ армянскихъ Арзакидовъ, а съ матерней отъ Константина Великаго. Уже дѣтство его будто бы сопро-

ставили по башнямъ находившуюся въ ихъ распоряженіи стражу и поспѣшили отправить гонцовъ къ императору.

Наступившая ночь, мрачная и бурная, еще усиливала тревогу и смятеніе въ городѣ. Наиболѣе робкимъ умамъ ежеминутно представлялось, что враги уже перелѣзли стѣны, завладѣли городомъ, — и насталъ всему конецъ. Но вотъ мракъ разсѣялся, вѣтеръ утихъ, морскіи волны улеглись, и тогда жители Византіи увидали вереницу судовъ, которые обступали Константинополь со стороны Воспора и Пропонтиды. Варвары, держа въ рукахъ обнаженные мечи свои, грозили ими городу и испускали дикіе крики. Это были большею частію статные люди съ свѣтлорусыми волосами и сѣрыми, острыми глазами. Наиболѣе знатные между ними отличались бритыми подбородками и длинными усами; остроконечные шлемы покрывали ихъ чубатые подстриженные кругомъ головы; сверхъ кольчуги на нихъ наброшены были плащи, углы которыхъ застегивались пряжкою на правомъ плечѣ. Вооруженіе этого народа составляли стрѣлы, копья, сѣкиры и мечи съ широкимъ, обоюду-острымъ лезвеемъ; а щиты, съуживающіяся къ низу, были такъ длинны, что закрывали почти все тѣло.

Окруживъ городъ со стороны моря, Руссы высадились на берегъ, и по обычаю своему начали насыпать валъ вдоль стѣнъ, защищавшихъ городъ съ суши, чтобы тѣмъ легче завладѣть ими. Въ тоже время часть ихъ разсѣялась по беззащитнымъ предмѣстьямъ и окрестностямъ Константинополя; они съ большою свирѣпостью принялись опустошать селенія и монастыри, истребляя огнемъ и мечемъ нивы, жилища, людей и скотъ, не щадя при этомъ ни младенцевъ, ни стариковъ, не смягчаясь никакими воплями и мольбами. Между прочимъ они захватили островокъ Теревинѳъ съ его монастыремъ, въ который былъ сосланъ патріархъ Игнатій, лишенный своего престола. Варвары разграбили здѣсь церковные сосуды и всю утварь; патріархъ какъ то спасся; но они схватили двадцать два человѣка изъ его монаховъ и слугъ, и всѣхъ изрубили топорами на кормѣ ладьи.

Въ отчаяніи своемъ жители Византіи обратились къ

тому, о чемъ они легко забывали въ дни мира и веселія, т. е. къ молитвѣ, посту и покаянію. Духовенство совершало постоянные молебны и всенощныя бдѣнія; отверстые храмы были наполнены молящимся народомъ; при чемъ наиболѣе кающіеся стояли на колѣняхъ, били себя въ грудь, плакали и стенали. Особенно густая толпа стекалась въ соборный храмъ св. Софіи. Патріархъ Фотій въ эту торжественную минуту явился вполнѣ достойнымъ своего сана и обнаружилъ замѣчательную силу слова. Съ Софійской каѳедры онъ яркими красками изображалъ варварское нашествіе какъ кару, ниспосланную Господомъ за тяжкіе грѣхи, въ которыхъ погрязло населеніе. При этомъ, смотря по теченію своихъ мыслей, онъ то называлъ варваровъ грозными и неодолимыми, и иногда выражался словами Библіи. Напримѣръ: „Народъ сей двинулся съ сѣвера съ тѣмъ, что бы дойти до втораго Іерусалима, и людъ сей устремился съ конца земли, неся съ собой стрѣлы и копья; онъ грозенъ и не милуетъ; голосъ его какъ шумъ моря", и т. д. То отзывался о нихъ съ презрѣніемъ, чтобы ярче выставить униженіе и стыдъ, которымъ подверглась Византія. „О градъ, царь едва не всей вселенной! — восклицалъ онъ — Какое воинство ругается надъ тобою какъ надъ рабою: необученное и набранное изъ рабовъ! О градъ, украшенный добычею многихъ народовъ, что за народъ вздумалъ взять тебя въ добычу! Слабый и ничтожный непріятель смотритъ на тебя сурово, пытаетъ на тебѣ крѣпость руки своей и хочетъ нажить себѣ славное имя". „Походъ этихъ варваровъ—замѣчаетъ онъ— схитренъ былъ такъ, что и молва не успѣла оповѣстить, и мы услыхали о нихъ уже тогда, когда увидѣли ихъ, хотя и раздѣляли насъ столькія страны и народоначальства, судоходныя рѣки и пристанищныя моря".

Патріархъ призывалъ къ покаянію, но не наружному только, а глубокому и искреннему. „Не вопите и не шумите. Перестаньте плакать, молитесь спокойно, будьте мужественны" — повторялъ онъ, и обѣщалъ заступленіе Божіе, если грѣшники имѣютъ твердое намѣреніе исправиться отъ своихъ беззаконій и поступать согласно съ заповѣдями Господними. „Было что посмотрѣть тогда!"—

говорилъ послѣ тотъ же Фотій. „Гордые смирились; сластолюбцы постились; у весельчаковъ и игроковъ слезы ручьями текли по щекамъ; ростовщики, копившіе деньги, раздавали ихъ бѣднымъ; жестокосердый сталъ милостивъ; преданный пьянству обѣщалъ не пить во всю жизнь; преданный чувственности добровольно далъ обѣтъ цѣломудрія, и вообще каждый всѣми силами давалъ знать, что онъ будетъ служить образцомъ добродѣтели, и обѣщался впередъ исполнять всѣ обѣты чистосердечно и неуклонно". Каялись жители Византіи также и въ нарушеніи договоровъ съ варварами и въ обидѣ имъ причиненной.

Между тѣмъ осада продолжалась; валъ, насыпаемый непріятелями, постепенно возрасталъ, и близился часъ, когда они съ этого вала могли перелѣзть на стѣны и ворваться въ городъ. „Наконецъ, возлюбленные, проповѣдывалъ Фотій, настало время прибѣгнуть къ Матери Слова, къ Ней, единой надеждѣ нашей и прибѣжищу. Къ ней возопіемъ: Досточтимая, спаси градъ твой, какъ вѣдаешь, Госпоже! Ее поставимъ ходатайницею передъ сыномъ и Богомъ нашимъ. Ее сдѣлаемъ свидѣтельницею и споручницею обѣтовъ нашихъ".

Главные византійскіе храмы изобиловали священными предметами; особымъ поклоненіемъ пользовались конечно тѣ предметы, которые въ народномъ вѣрованіи были связаны съ земною жизнію Спасителя и Богородицы. Напримѣръ, въ Софійскомъ соборѣ показывали вѣрующимъ пелены младенца Христа, золотые сосуды, принесенные ему въ даръ волхвами, копье, которымъ онъ былъ прободенъ, и т. д. Во Влахернскомъ храмѣ хранились поясъ Богоматери и ея риза, т. е. какая либо часть одежды. Эта святыня чтилась въ особенности какъ надежная защита во время опасности, и вообще жители Царьграда почитали Богородицу главною заступницею и покровительницею своего города. Патріархъ взялъ ея ризу, и съ молитвенными пѣснопѣніями обнесъ ее вдоль стѣнъ вокругъ города. Вслѣдъ за тѣмъ непріятели поспѣшно сняли осаду, сѣли на свои корабли и покинули Воспоръ, обогащенные награбленною на его берегахъ добычею. Источники не даютъ намъ ближайшихъ объясненій этого поспѣ-

шнаго отступленія Руссовъ. Безъ сомнѣнія въ это именно время достигло до нихъ извѣстіе о приближеніи византійскихъ легіоновъ и кораблей; ибо Михаилъ III тотчасъ повернулъ назадъ, какъ только услыхалъ о нападеніи Руси на его столицу (²).

Русь ушла отъ Царьграда; но византійское правительство должно было озаботиться защитою отъ нея своихъ Черноморскихъ областей, особенно Херсонеса и другихъ греческихъ городовъ, находившихся въ Тавридѣ по сосѣдству съ таманскими и таврическими владѣніями Руси. Въ этой войнѣ союзницей Грековъ явилась христіанская религія: греческіе проповѣдники склонили часть варваровъ къ принятію крещенія. Тотъ же патріархъ Фотій въ своемъ окружномъ посланіи 866 года, обращенномъ къ восточнымъ епископамъ, извѣщаетъ ихъ, что не только племя Болгарское перемѣнило свое древнее нечестіе на вѣру во Христа; но тоже сдѣлало и племя Русское. „Народъ, столь часто многими превозносимый—пишетъ Фотій—и превосходящій всѣ другіе народы своею жестокостію и кровожадностію, т. е. Россы, которые, покоривъ окрестные народы, возгордились, и, имѣя о себѣ весьма высокое мнѣніе, подняли оружіе на Римскую державу, теперь и сами преложили нечестивое языческое суевѣріе на чистую и непорочную христіанскую вѣру, и ведутъ себя какъ преданные друзья; хотя не задолго передъ этимъ тревожили насъ своими разбоями и учинили великое злодѣяніе“ (т. е. нападеніе на самый Царьградъ).

Но Фотій очевидно преувеличивалъ размѣры обращенія и преданности со стороны Руси. Только новому императору, Василію Македонянину, который въ слѣдующемъ 867 году воцарился на мѣстѣ убитаго имъ Михаила III, удалось богатыми дарами изъ золота, серебра и шелковыхъ тканей склонить русскихъ вождей къ миру и возобновить съ ними торговые договоры. Тогда и обращеніе варваровъ въ христіанство сдѣлало еще болѣе успѣховъ, такъ что Игнатій, снова возстановленный на патріаршемъ престолѣ, назначилъ особаго архіепископа для этой крещеной Руси.

Такому обращенію варваровъ много способствовалъ при-

мѣръ ихъ соплеменниковъ Болгаръ. Около этого времени Азовско-Днѣпровская Русь подчинила себѣ то Болгарское племя, которое жило на устьяхъ Кубани и въ восточной части Крыма и которое Русь освободила отъ Хазарскаго ига. Часть этихъ такъ наз. Черныхъ Болгаръ уже исповѣдывала христіанскую религію, проникшую къ нимъ изъ сосѣднихъ греческихъ городовъ, Херсонеса, Сугдіи, Боспора и др. Крещеные таврическіе Болгаре уже имѣли Евангеліе и нѣкоторыя другія священныя книги на родномъ языкѣ. Отъ нихъ то, по всей вѣроятности, знаменитые солунскіе братья, Кириллъ и Меѳодій, заимствовали церковнославянское письмо и начатки переводовъ Св. Писанія, которые и перенесли потомъ къ Славянамъ Дунайскимъ. Тоже церковнославянское письмо облегчило путь христіанской проповѣди и въ среду Русскаго народа, не задолго утвердившаго свое владычество на берегахъ Киммерійскаго Боспора въ городахъ *Корчево и Тмутракани*; такъ у мѣстныхъ Славянъ назывались древнія греческія колоніи, Пантикапея или Боспоръ и Ѳанагорія или Таматарха, откуда Русь вытѣснила Хазаръ.

Итакъ, первое громкое предпріятіе Руси, заставившее говорить о ней другіе народы, т. е. нападеніе на самый Константинополь, это предпріятіе совпадаетъ по времени съ началомъ Русскаго христіанства. Но вообще только незначительная часть Русскаго народа пока приняла крещеніе; а большинство хранило обычаи предковъ, и продолжало ревностно приносить кровавыя жертвы своимъ старымъ богамъ: Перуну, Волосу, Дажбогу, Стрибогу и проч. ([3]).

Какъ посреди ночной мглы иногда внезапный блескъ молніи прорѣзываетъ тучи и на мгновеніе озаряетъ окрестность; такъ нападеніе 865 года на Константинополь является для насъ яркимъ лучомъ свѣта на горизонтѣ начальной Русской исторіи, покрытой густымъ туманомъ. Басни и домыслы нашихъ старинныхъ книжниковъ только усилили этотъ туманъ и дали ложное направленіе тѣмъ позднѣйшимъ изслѣдователямъ, которые пытались разъяснить древнѣйшія судьбы Русскаго народа.

Нападеніе 865 года и современныя о нёмъ свидѣтель-

ства неоспоримо указываютъ на многочисленное, воинственное племя Русь, которое издавна обитало въ юго-восточной Европѣ, именно въ странахъ Приазовскихъ и Приднѣпровскихъ, появляясь въ исторіи предыдущихъ вѣковъ подъ именами Роксаланъ и Антовъ, а иногда скрываясь подъ болѣе общими названіями Скиѳовъ и Сарматъ. Много перемѣнъ испытало это племя, много борьбы и усилій должно было оно вынести, прежде нежели успѣло окрѣпнуть и создать могучее ядро, изъ котораго развилась русская государственная жизнь и русская національность. Народы пришлые и туземные, чуждые и родственные попеременно тѣснили Славянорусское племя, иногда подчиняли его себѣ, отрывали отъ него ту или другую вѣтвь, но никогда не могли его сломить. Нѣмецкіе Готы, финскіе Гунны и Угры, славянскіе Болгаре, черкесскіе Авары и Хазары, одни за другими или въ союзѣ другъ съ другомъ наступали на Антовъ — Русь, и угнетали ее. Но все вынесло, все преодолѣло это упругое племя, пока пробилось на широкую дорогу своей исторической жизни. Эта трудная и долгая школа закалила его характеръ и подготовила его къ послѣдующимъ испытаніямъ.

Изъ всѣхъ способностей, которыми природа щедро одѣлила Славянорусское племя, наиболѣе драгоцѣнными являются конечно его предпріимчивость, мужество и способность созидательная. Послѣдняя въ особенности необходима для самобытнаго развитія, и передовые историческіе народы обыкновенно обладаютъ ею въ высокой степени. Нужно имѣть значительный запасъ изобрѣтательности, трудолюбія и терпѣнія — особенно жителю сѣверныхъ странъ, — чтобы устроить свое жилище и оградить себя отъ суровыхъ вліяній климата, промыслить пропитаніе, и т. п. Но еще въ большей степени требуются тѣже качества, чтобы устроить свой общественный бытъ и охранить его отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Исторія показываетъ, что Славянскіе народы далеко не были лишены способности сосредоточивать свои силы и созидать государства; но въ ихъ характерѣ были и другія черты, которыя много мѣшали прочности такихъ со-

зиданій. Это излишняя впечатлительность, излишняя подвижность; она обусловливала даровитость Славянскаго племени; но она служила также источникомъ нѣкотораго непостоянства, нѣкоторой неустойчивости. Можно смѣло сказать, что даровитостью своею Славянское племя, напримѣръ, превосходитъ племя Нѣмецкое; но оно уступаетъ ему въ качествѣ болѣе драгоцѣнномъ, въ устойчивости и сосредоточенности, въ томъ, что называется силою характера. Къ счастію Россаланское или Русское племя въ этомъ отношеніи замѣтно выдвигается изъ своей Славянской семьи; уже съ самаго начала своей исторіи оно обнаруживаетъ терпѣніе и твердость, съ помощью которыхъ его творческая способность могла получить широкое развитіе на поприщѣ общественнаго и государственнаго быта. Этими чертами, т. е. сравнительно меньшею степенью впечатлительности и непостоянства, оно обязано какъ вліянію окружающей природы, такъ и своей исторической школѣ, и отчасти перекрещенію съ другими народностями, а именно съ готскими и финскими племенами, которые издревле обитали рядомъ съ нимъ въ Восточной Европѣ. Главная его вѣтвь издавна утвердилась на среднемъ теченіи Днѣпра, къ сѣверу отъ пороговъ, въ краю обильномъ цвѣтущими полями, рощами и текучими водами, въ сторонѣ отъ южныхъ степей, слишкомъ открытыхъ вторженію кочевыхъ народовъ. Въ этомъ краю оно построило себѣ крѣпкіе города и положило начало государственному быту съ помощью своихъ родовыхъ князей. Здѣсь Русь развила свою способность къ государственной жизни. Отсюда посредствомъ своихъ дружинъ она постепенно распространила свою объединительную дѣятельность на родственныя ей племена восточныхъ Славянъ. Какъ одно изъ наиболѣе даровитыхъ и предпріимчивыхъ арійскихъ племенъ, Русь съ одинаковымъ успѣхомъ предавалась мирнымъ и воинственнымъ занятіямъ, грабежу и торговлѣ, сухопутнымъ и морскимъ предпріятіямъ; дружинники русскіе съ одинаковою отвагою владѣли конемъ и лодкою, мечемъ и парусомъ. Ихъ смѣлые судовые походы по рѣкамъ и морямъ въ IX и X вѣкахъ сдѣлали громкимъ русское имя на востокѣ и на западѣ.

Превосходство Русскаго племени съ особою силою выразилось въ его объединительныхъ стремленіяхъ, въ постепенномъ и неуклонномъ собираніи воедино своихъ широко раскинувшихся вѣтвей. Объединеніе совершалось подъ предводительствомъ того княжескаго рода, который утвердился въ Кіевѣ. Въ Кіевской области сосредоточилось наиболѣе энергичное, наиболѣе предпріимчивое россаланское племя Поляне или *Рось* въ тѣсномъ смыслѣ. Оно продолжало сохранять свою любовь къ судоходству и свои связи съ берегами Азовскаго моря, бывшими колыбелью этого племени. Тамъ еще жили значительныя его поселенія. Дружины Полянъ-Руси ходили почти во всѣ стороны вверхъ и внизъ по теченію рѣкъ, налагая дани на своихъ сосѣдей. На восточной сторонѣ Днѣпра они объединили ближайшую свою вѣтвь россаланское племя Сѣверянъ, сидѣвшихъ по Деснѣ и имѣвшихъ своимъ средоточіемъ города Черниговъ и Любечъ. Подвигаясь къ сѣверу, пользуясь Днѣпромъ и его притоками, они подчинили себѣ на одной сторонѣ племя Радимичей, на другой Дреговичей. На верхнемъ Днѣпрѣ они утвердились въ Смоленскѣ, городѣ Кривичей. Постепенно углубляясь далѣе на сѣверъ, Русь перешла волоки; спустившись по Ловати, завладѣла берегами озера Ильменя, и водворилась въ главномъ средоточіи ильменскихъ Славянъ, въ знаменитомъ Новгородѣ, при истокѣ рѣки Волхова. Отсюда по Волхову, Ладожскому озеру и по рѣкѣ Невѣ она открыла себѣ путь для сношеній съ народами Скандинавіи. Другой водный путь въ Балтійское море пролегалъ по Западной Двинѣ. Ключомъ къ этому пути служилъ городъ Полоцкъ, и онъ къ началу X вѣка находился уже во владѣніи русскихъ князей.

Русь не довольствовалась днѣпровскими и ильменскими Славянами. Она проникла на Оку и верхнюю Волгу, и здѣсь посреди Финскихъ народцевъ основала свои поселенія и свое владычество, укрѣпясь преимущественно въ Муромѣ на возвышенномъ берегу Оки, и въ Ростовѣ на низменныхъ берегахъ Ростовскаго озера. Но между тѣмъ какъ распространеніе Русскаго господства на сѣверѣ принимало такіе обширные размѣры, на югѣ и

югозападѣ оно подвигалось съ трудомъ. Здѣсь въ области Днѣстра, Буга и нижняго Днѣпра жили хотя и родственные народы, но уже другой Славянской отрасли, не Россаланской, а Болгарской: Угличи, Тиверцы и отчасти Древляне или Волыняне. Покорить эти народы было нелегко, и у русскихъ лѣтописцевъ мы находимъ отголоски упорной борьбы, кипѣвшей когда-то между ними и властолюбивою Русью. Перевѣсъ остался за послѣднею, которая успѣла сосредоточить и развить свои силы въ то время, какъ означенные народы были раздроблены на многія владѣнія и общины. Легче подчинилась Руси та часть Тиверцевъ или Тавроскиѳовъ, которая обитала въ древнихъ своихъ жилищахъ на устьяхъ Кубани и въ восточной части Крыма, и называлась иначе Черными Болгарами. Съ VI по IX столѣтіе эти Болгары были угнетены владычествомъ Хазаръ. Послѣдніе представляли народъ смѣшанный изъ пришлыхъ Турокъ завоевателей съ покоренными туземцами Хазарами или Черкесами. Русскіе князья вступили въ дѣятельную борьбу съ турко-хазарскими каганами, мало по малу освободили отъ ихъ ига Черныхъ Болгаръ, и утвердили собственное владычество на берегахъ Боспора Киммерійскаго, т. е. въ Корчевѣ и Тмутракани. Такимъ образомъ постепенно, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, кіеворусскіе князья распространили свое господство отъ Ильменя до Тамани.

Дружины русскія приходили на устье Кубани изъ Кіевской области слѣдующимъ судовымъ путемъ: изъ Днѣпра въ его притокъ съ лѣвой стороны Самару; изъ Самары въ ея притокъ Волчью Воду; а отсюда небольшимъ волокомъ или вешнею полою водою ладьи входили въ Міусъ или Калміусъ, и такимъ образомъ достигали Азовскаго моря. Завладѣвъ берегами Киммерійскаго Боспора, Русь получила возможность развивать свое судоходство и по самому Черному морю, т. е. посѣщать берега его въ качествѣ торговцевъ и пиратовъ, и даже, какъ мы видѣли, сдѣлать набѣгъ на самый Царьградъ.

Для сношеній съ Византіей и Дунайскими Болгарами существовалъ другой путь въ Черное море, именно Днѣпромъ до самаго его устья; онъ былъ очень затрудните-

ленъ по причинѣ цѣлаго ряда огромныхъ пороговъ; но Русь умѣла преодолѣвать препятствія. Этотъ болѣе прямой путь особенно предпочитали торговые караваны. Обыкновенно зимою жители лѣсныхъ мѣстъ, прилегавшихъ къ верхнему и среднему Днѣпру, валили большія деревья и приготовляли изъ нихъ лодки — однодеревки, которыя при весеннемъ половодьѣ сплавляли по Днѣпру въ Кіевъ. Сюда собирались торговцы изъ разныхъ русскихъ городовъ, изъ Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова, Вышгорода и другихъ. Они покупали однодеревки, оснащивали ихъ, снабжали всѣмъ нужнымъ для плаванія, нагружали товаромъ, и выступали въ путь. У города Витичева, лежавшаго на Днѣпрѣ немного ниже Кіева, караванъ останавливался дня на два, на три, чтобы дать время собраться всѣмъ судамъ. Затѣмъ онъ направлялся къ порогамъ.

Къ югу отъ устья Самары Днѣпръ на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ верстъ отчасти запруженъ рядами огромныхъ камней, которые скрываются подъ водою или чернѣютъ надъ ея поверхностью; отчасти стѣсненъ въ своемъ теченіи крутыми берегами и множествомъ каменныхъ острововъ. Рѣка шумными, кипящими волнами стремится сквозь пороги, и дѣлаетъ плаваніе чрезвычайно опаснымъ. Достигнувъ какого либо большаго порога — а ихъ въ тѣ времена насчитывали до семи, — Русскіе принимали разныя предосторожности и употребляли разные способы. Гдѣ это было возможно, они просто пускали свои ладьи по быстрой волнѣ; на иныхъ порогахъ гребцы сходили въ воду и проводили лодки подлѣ самаго берега по мелкому каменистому дну; а гдѣ высокое паденіе воды и острые камни представляли неизбѣжную гибель, тамъ они выгружали товары, высаживали невольниковъ, предварительно связавъ ихъ другъ съ другомъ, и на разстояніи нѣсколькихъ тысячъ шаговъ тащили ладьи берегомъ. Такъ поступали они, достигнувъ четвертаго и самаго опаснаго порога, который назывался по славянорусски Айфаръ, а по славяноболгарски Неясыть; это названіе дано было ему по множеству неясытей или пеликановъ, гнѣздившихся въ скалахъ этого порога. Миновавъ пороги и вступивъ

въ область тихаго, широкаго теченія, усѣяннаго островами, Русь приставала къ одному Днѣпровскому острову, и здѣсь подъ огромнымъ дубомъ совершала благодарственныя жертвоприношенія своимъ богамъ. Между прочимъ она по жребію приносила въ жертву живыхъ птицъ, и съѣдала ихъ жертвенное мясо, а тѣхъ, которымъ выпадалъ счастливый жребій, отпускала на волю. Подъ дубомъ она втыкала свои стрѣлы, и раскладывала куски мяса, хлѣба или другія вещи, которыя оставляла въ даръ богамъ. Затѣмъ караванъ продолжалъ плаваніе до Днѣпровскаго лимана, и приставалъ къ острову св. Еѳерія. Здѣсь Руссы останавливались дня на два или на три; исправляли снасти, ставили мачты, паруса и вообще снаряжали свои ладьи для морскаго плаванія. Изъ лимана они выходили въ море, и, держась береговъ, направлялись къ устью Днѣстра, потомъ къ устью Дуная и такъ далѣе до самаго Царьграда (4). Сюда Русь привозила на продажу невольниковъ и разныя сырыя произведенія своей земли, каковы: мѣха, кожи, воскъ, медъ и т. п. А изъ греческихъ областей она вывозила различныя ткани, вино, плоды, дорогое оружіе, посуду и другія металлическія издѣлія.

Черноморская торговля снабжала Русь произведеніями высоко развитой греческой промышленности, и знакомила ее съ обстановкой утонченной гражданственности, съ обстановкой, которая всегда такъ обаятельно дѣйствуетъ на свѣжіе варварскіе народы, особенно народы богато одаренные духовными силами. Такъ Латинскій міръ дѣйствовалъ на Германцевъ, а Греческій на Славянъ. Торговыя и другія сношенія Русскаго народа съ Греческимъ міромъ, а слѣдовательно и вліяніе послѣдняго начались съ незапамятныхъ временъ на сѣверныхъ прибрежьяхъ Понта, гдѣ были разсѣяны богатыя греческія колоніи. Здѣсь въ числѣ другихъ скиѳскихъ народовъ и Россалане обмѣнивали скотъ и другія сырыя произведенія на греческія издѣлія; а иногда добывали ихъ разными услугами, или просто грабежемъ. Могильные курганы князей и вообще знатныхъ людей Россаланскаго племени, разсѣянные въ странѣ Приднѣпровской и Приазовской, обилуютъ греческими издѣліями и служатъ нагляднымъ памятникомъ

минувшихъ сношеній нашихъ предковъ съ Эллинскимъ міромъ (5).

Понятно, что русскіе князья весьма дорожили торговлею своего народа съ Греками и для ея обезпеченія охотно вступали въ договоры съ греческимъ правительствомъ. Послѣднее, какъ видно изъ договоровъ, цѣнило мирныя сношенія съ Русью, и старалось привязать ее разными льготами, которыя предоставляло русскимъ посламъ и гостямъ въ своей столицѣ. Когда начались подобные договоры, мы не знаемъ въ точности; по крайней мѣрѣ они уже существовали до 865 года, ибо и самое нападеніе Руси въ этомъ году имѣло своимъ поводомъ ихъ нарушеніе со стороны Грековъ. Первые дошедшіе до насъ договоры относятся къ началу X вѣка, т. е. къ совмѣстному царствованію Льва VI Философа и его брата Александра; а именно, мы имѣемъ договорную грамоту 911 года и отрывокъ изъ такой же грамоты 907 г. Эти договоры представляютъ и первые письменные Славянскіе источники для Русской исторіи, потому что дошли до насъ не въ греческомъ подлинникѣ, а въ славянскомъ переводѣ. Любопытно ихъ содержаніе.

Вопервыхъ, русскіе *гости*, т. е. торговцы, приходящіе въ Константинополь, должны останавливаться на житье въ отведенной имъ части, именно въ предмѣстьѣ св. Мамы. Здѣсь греческіе приставы записывали ихъ имена и въ теченіе полугода выдавали имъ помѣсячно опредѣленное количество хлѣба, вина, мяса, рыбы и овощей. Гости могли даромъ мыться въ публичныхъ баняхъ. На обратный путь ихъ снабжали изъ царской казны съѣстными припасами, якорями, парусами, канатами и прочими потребными вещами. При выдачѣ мѣсячнаго содержанія наблюдался порядокъ по старшинству городовъ: прежде получали гости кіевскіе, за ними черниговскіе, потомъ переяславскіе, полоцкіе. ростовскіе, любецкіе и пр. Тѣ Руссы, которые приходили въ Константинополь не для торговли, т. е. безъ товару, не получали содержанія отъ греческаго правительства. Въ самый городъ Русь могла входить только одними извѣстными воротами, притомъ неболѣе какъ въ числѣ 50 человѣкъ, безъ оружія и въ сопровожденіи цар-

скаго пристава. А въ окрестностяхъ Царьграда Русскимъ запрещалось буйствовать по селамъ и обижать жителей. Въ столицѣ русскіе гости могли покупать все безъ пошлины. Далѣе слѣдуютъ статьи о разныхъ случаяхъ столкновеній между Русью и Греками. Напримѣръ, если Русинъ убьетъ Грека или Грекъ Русина, то убійца долженъ быть казненъ на мѣстѣ преступленія; если же онъ убѣжитъ, то имущество его отдается родственникамъ убитаго. За рану, нанесенную мечемъ или другимъ орудіемъ „по закону Русскому" платится пять литръ серебра; у несостоятельнаго въ такомъ случаѣ берется все что онъ имѣетъ, даже снимается съ него послѣдняя одежда. Воръ долженъ отдать втрое большую сумму, чѣмъ стоило украденное; пойманный на мѣстѣ кражи, онъ можетъ быть убитъ въ случаѣ сопротивленія. Если Русь случится недалеко отъ греческаго корабля, прибитаго бурею къ чужому берегу, то она должна помочь ему и проводить его до безопаснаго мѣста. Плѣнныхъ, проданныхъ въ рабство, обѣ стороны выкупаютъ по ихъ цѣнѣ. Руссы вольны, если пожелаютъ, наниматься въ службу къ греческимъ царямъ. Послѣднее условіе находится въ полномъ соотвѣтствіи съ византійскими извѣстіями о русскихъ дружинахъ, которыя встрѣчаются въ тѣ времена въ императорскомъ войскѣ, и преимущественно во флотѣ.

Договоры скрѣплялись взаимною присягою сторонъ; причемъ императоры цѣловали крестъ, а русскій князь и его дружина клялись своимъ оружіемъ и своими богами, Перуномъ и Волосомъ. Договоры 907 и 911 гг. драгоцѣнны для насъ еще въ томъ отношеніи, что сообщаютъ намъ первыя историческія имена князя Кіевскаго и его бояръ. а также намекаютъ на отношенія къ нему другихъ русскихъ князей. Въ Кіевѣ княжилъ въ то время *Олегъ*, а русскіе мужи или бояре, отправленные въ Константинополь для заключенія договора, были: Карлы, Инегелдъ, Фарлофъ, Велемудъ, Рулавъ, Стемидъ, Рюяръ, Гуды и пр. Послы эти заключили договоръ отъ имени не одного Олега, но и всѣхъ „свѣтлыхъ князей русскихъ", которые находились „подъ рукою Олега". Такимъ образомъ владѣтель Кіевскій является только верховнымъ княземъ Рус-

ской земли; а по другимъ важнѣйшимъ городамъ, т. е. въ Черниговѣ, Переяславлѣ, Полоцкѣ, Ростовѣ и т. д., сидѣли князья отъ него зависѣвшіе. По всей вѣроятности это были отчасти его младшіе родичи, а отчасти потомки мѣстныхъ княжескихъ родовъ, силою оружія принужденные признать его старшинство и давать ему вспомогательныя дружины (6).

Второе мѣсто послѣ византійской торговли занимала торговля съ мусульманскимъ востокомъ, которая велась при посредствѣ двухъ приволжскихъ народовъ, Хазаръ и Камскихъ Болгаръ. Руссы ходили къ этимъ народамъ изъ Азовскаго моря Дономъ до того мѣста, гдѣ онъ сближался съ Волгою и гдѣ стояла хазарская крѣпость Саркелъ, построенная съ помощью византійскихъ зодчихъ. Тутъ Русь переволакивалась изъ Дона въ Волгу, и затѣмъ отправлялась или внизъ по этой рѣкѣ въ столицу хазарскаго царства Итиль, или вверхъ до города Великіе Болгары.

Итиль лежалъ на обоихъ берегахъ Волги недалеко отъ ея устьевъ. Здѣсь на одномъ изъ острововъ находился дворецъ хазарскаго кагана, окруженный стѣнами. Каганъ, его дворъ и нѣкоторая часть народа исповѣдывали еврейскую религію; остальные жители Хазаріи были частію мусульмане, частію христіане, а болѣе всего язычники. Только на зиму обитатели Итиля собирались въ этотъ городъ; а лѣтомъ большинство ихъ расходилось по окрестнымъ равнинамъ, и жило въ палаткахъ, занимаясь скотоводствомъ, садами и земледѣліемъ. Главную пищу ихъ составляли сарачинское пшено и рыба. Въ столицу Хазарскую стекались купцы даже изъ отдаленныхъ странъ Европы и Азіи. Между прочимъ здѣсь была цѣлая часть города, занятая русскими и вообще славянскими торговцами. Пріѣзжавшіе сюда русскіе гости обыкновенно платили въ пользу кагана десятину или десятую часть своихъ товаровъ. Многіе изъ Руссовъ служили также наемниками въ его войскахъ. Между Хазаріей и Камской Болгаріей лежала страна Буртасовъ, въ которой русскіе торговцы вымѣнивали мѣха пушныхъ звѣрей, особенно мѣха куньи.

Камская Болгарія имѣла своимъ средоточіемъ городъ Великіе Болгары, который лежалъ немного ниже Камскаго

устья на лѣвой сторонѣ Волги, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ самой рѣки. Здѣсь жилъ Болгарскій царь, который принялъ съ своимъ народомъ мусульманскую вѣру, и съ тѣхъ поръ этотъ край вступилъ въ дѣятельныя торговыя сношенія съ мусульманской Азіей. Сюда приходили не только арабскіе купцы, но и разнаго рода ремесленники, между прочимъ зодчіе, которые помогли Болгарамъ построить каменныя мечети, царскіе дворцы и городскія стѣны. Любимою пищею Болгаръ служили конина и просо. Источники не бросаютъ почти никакого луча свѣта на происхожденіе этого царства. По всей вѣроятности оно было основано подвинувшеюся сюда съ юга небольшою частью великаго Славяноболгарскаго племени. Эта горсть Славянъ, послѣдующими народными движеніями совершенно оторванная отъ своихъ соплеменниковъ, мало по малу смѣшалась съ туземными обитателями Финскаго и Турецкаго корня. Но она долго оживляла этотъ край своимъ предпріимчивымъ, торговымъ характеромъ; а въ X вѣкѣ повидимому еще сохраняла отчасти и свою народность; по крайней мѣрѣ арабскій путешественникъ Ибнъ Фадланъ иногда Камскихъ Болгаръ именуетъ Славянами (7).

Арабы, посѣщавшіе Итиль и Великіе Болгары, оставили намъ любопытные расказы о Руссахъ, которыхъ они тамъ встрѣчали. Особенно занимательны расказы Ибнъ Фадлана, который находился въ числѣ пословъ, отправленныхъ багдадскимъ халифомъ къ Альмасу, царю Камскихъ Болгаръ, въ первой четверти X вѣка. Онъ описываетъ Руссовъ людьми высокаго роста, статными, свѣтлорусыми, съ острымъ взоромъ; они носили короткій плащъ, наброшенный на одно плечо, сѣкиру, ножъ и мечъ съ широкимъ, волнообразнымъ клинкомъ *франкской* работы, и были очень склонны къ крѣпкимъ напиткамъ. Жены ихъ носили на груди металлическія украшенія (сустуги?) съ кольцомъ, на которомъ висѣлъ ножъ, а на шеѣ составленныя изъ монетъ (преимущественно арабскихъ) золотыя и серебряныя цѣпи, число которыхъ опредѣлялось состояніемъ мужа; но особенно онѣ любили ожерелья изъ зеленыхъ бусъ (доселѣ любимое украшеніе великорусскихъ женщинъ).

Приплывъ къ Болгарской столицѣ, Руссы прежде всего направлялись къ своимъ идоламъ, которые имѣли видъ столбовъ или болвановъ съ человѣчьими головами; подходили къ самому высокому изъ нихъ (конечно къ Перуну), падали ницъ, молили его о помощи въ торговлѣ и клали передъ нимъ свои приношенія, состоявшія изъ съѣстныхъ припасовъ, каковы мясо, хлѣбъ, молоко, лукъ, и кромѣ того изъ горячихъ напитковъ, т. е. меда или вина. Затѣмъ они строили себѣ на берегу Волги большія деревянныя помѣщенія, и располагались въ нихъ по 10 или по 20 человѣкъ съ своими товарами, которые преимущественно состояли изъ пушныхъ мѣховъ и невольницъ. Если продажа идетъ туго, купецъ въ другой и въ третій разъ несетъ подарки главному идолу; въ случаѣ продолжающейся неудачи онъ кладетъ приношенія передъ меньшими идолами, которые изображали женъ и дѣтей главнаго бога, и проситъ ихъ о ходатайствѣ. Когда же торговля пойдетъ удачно, то русскій купецъ убиваетъ нѣсколько воловъ и овецъ, часть мяса раздаетъ бѣднымъ, а остальное кладетъ передъ идолами въ знакъ своей благодарности. По ночамъ приходятъ собаки и пожираютъ это жертвенное мясо; а язычникъ думаетъ, что сами боги удостоили съѣсть его приношеніе.

Замѣчательны погребальные обычаи Руссовъ по описанію того же Ибнъ Фадлана. Бѣднаго покойника они просто сожигали въ маленькой лодкѣ, а богатаго съ разными церемоніями. Фадлану удалось присутствовать при погребеніи одного знатнаго и богатаго Русина. Покойника сначала положили въ могилу, гдѣ оставили его на десять дней, а между тѣмъ занялись приготовленіями къ торжественному погребенію или къ тризнѣ. Для этого наличное имущество его раздѣлили на три части: одну треть отдѣлили семьѣ, другую на погребальныя одежды, а третью на вино и вообще на погребальное пиршество (отъ этой третьей части названное *тризною*). Такъ какъ у каждаго Русина, а особенно у богатаго, было по нѣскольку женъ или наложницъ, то обыкновенно одна изъ нихъ вызывалась умереть вмѣстѣ съ своимъ господиномъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ попасть въ рай, который представлялся языческой

Руси прекраснымъ зеленымъ садомъ. Въ день, назначенный для погребенія, вытащили изъ воды ладью покойнаго и поставили ее на четырехъ столбахъ; въ ладьѣ устроили ложе съ подушками, покрытое коврами и греческою парчею. Затѣмъ вынули мертвеца изъ могилы; надѣли на него шаровары, сапоги, куртку и кафтанъ изъ греческой парчи съ золотыми пуговицами, а на голову парчевую шапку съ собольимъ околышемъ; посадили его на ложе и подперли подушками. Въ ладью положили благовонныя растенія, плоды, вино, собаку, разсѣченную на двѣ части, двухъ коней и двухъ быковъ, разрубленныхъ на куски, а также зарѣзанныхъ пѣтуха и курицу; обокъ съ покойникомъ положили и все его оружіе. Когда день сталъ близиться къ закату, какая-то старуха, называемая „ангеломъ смерти", ввела въ ладью невольницу, вызвавшуюся умереть вмѣстѣ съ своимъ господиномъ, съ помощью нѣсколькихъ мущинъ начала душить ее веревкой и докончила ножемъ. Въ это время другіе мужчины, стоя подлѣ ладьи, ударяли въ свои щиты, чтобы не было слышно криковъ дѣвушки. Тогда ближайшій родственникъ покойнаго взялъ зажженную лучину, задомъ приблизился къ ладьѣ и зажегъ сложенныя подъ нею дрова. Затѣмъ и другіе начали бросать туда же дрова и горящія лучины. Огонь, раздуваемый сильнымъ вѣтромъ, быстро охватилъ судно, и превратилъ его въ пепелъ вмѣстѣ съ трупами. На томъ мѣстѣ Руссы насыпали курганъ и поставили на немъ столпъ, на которомъ начертали имя покойника и имя русскаго князя (8).

Волжская торговля, свидѣтельствуя о богатствѣ и роскоши мусульманскихъ странъ, возбуждала предпріимчивыхъ, жадныхъ къ добычѣ Руссовъ попытать иногда счастья на берегахъ Каспійскаго моря. По извѣстію арабскаго писателя Масуди, въ 913 году собралась на Азовскомъ морѣ русская судовая рать, заключавшая въ себѣ будто бы до 500 ладей и до 50.000 человѣкъ. Рѣкою Дономъ Руссы поднялись до волока, около котораго находилась хазарская крѣпость (вѣроятно Саркелъ), и послали къ хазарскому кагану просить пропуска въ Каспійское море, обѣщая отдать ему половину всей будущей добычи.

Каганъ согласился. Тогда Русь перебралась на Волгу, спустилась въ море, и разсѣялась по его югозападнымъ берегамъ, убивая жителей, грабя ихъ имущество и забирая въ плѣнъ женщинъ и дѣтей. Народы, тамъ обитавшіе, пришли въ ужасъ; имъ съ давняго времени не случалось видѣть непріятелей; только купцы да рыболовы посѣщали ихъ берега. Наконецъ собралось большое ополченіе изъ сосѣднихъ странъ: оно сѣло на лодки и направилось къ островамъ, лежавшимъ противъ Нефтяной земли (Бакинская область), на которыхъ Русь имѣла сборное мѣсто и прятала награбленную добычу. Руссы устремились на это ополченіе и большую часть его избили или потопили. Послѣ того они въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ свободно распоряжались на каспійскихъ берегахъ, пока такая жизнь имъ не наскучила. Тогда они поплыли обратно въ Волгу, и послали хазарскому кагану условленную часть добычи. Хазарское войско состояло отчасти изъ мусульманъ. Послѣдніе сильно озлобились на Руссовъ за пролитую ими мусульманскую кровь, и испросили у кагана позволеніе отомстить за нее; а можетъ быть они желали отнять и другую половину добычи. Враги собрались въ числѣ 15.000, загородили дорогу Руссамъ и принудили ихъ выдти на берегъ. Послѣ трехдневной битвы большая часть Руси была избита; только 5000 ушли на судахъ вверхъ по Волгѣ, и тамъ были окончательно истреблены Буртасами и мусульманами изъ Камской Болгаріи (9).

Этотъ набѣгъ Руси на Каспійскіе берега былъ не первый; но по своей опустошительности онъ сдѣлалъ ея имя грознымъ между восточными народами, и писатели арабскіе стали часто упоминать о ней съ этого времени; подобно тому, какъ со времени нападенія на Константинополь въ 865 г. заговорили о Руси писатели византійскіе.

Около той же эпохи, именно въ концѣ IX вѣка, въ степяхъ Южной Россіи поселились новыя кочевыя орды, которыя стали безпокоить своими набѣгами всѣ сосѣдніе народы. Это было турецкое племя Печенѣговъ, издавна обитавшихъ въ странѣ между Ураломъ и Волгою. Чтобы уда-

лить отъ своихъ границъ такихъ безпокойныхъ сосѣдей, Хазары заключили союзъ съ ихъ соплеменниками Узами, которые кочевали далѣе къ востоку. Узы потѣснили Печенѣговъ и заняли ихъ мѣста; а Печенѣги въ свою очередь двинулись на западъ, и напали на Угровъ, которые обитали въ степяхъ Азовскихъ и Днѣпровскихъ. Угры не выдержали ихъ напора и перешли въ Дунайскую равнину или древнюю Паннонію, гдѣ они въ союзѣ съ Нѣмцами разрушили Славяно-Моравскую державу и основали свое Венгерское королевство. А Печенѣги между тѣмъ захватили огромное пространство отъ нижняго Дуная до береговъ Дона. Они дѣлились въ то время на восемь большихъ ордъ, состоявшихъ подъ управленіемъ родовыхъ князей. Четыре орды поселились на западъ отъ Днѣпра, а остальныя четыре на востокъ. Они заняли также степную часть Таврическаго полуострова, и стали такимъ образомъ сосѣдями греческихъ владѣній на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря. Чтобы удержать ихъ отъ нападеній на эти области, византійское правительство старалось быть съ ними въ мирѣ и посылало богатые подарки ихъ старшинамъ. Кромѣ того съ помощью золота оно вооружало ихъ противъ другихъ сосѣднихъ народовъ, когда послѣдніе грозили опасностію сѣвернымъ предѣламъ имперіи, именно противъ Угровъ, Дунайскихъ Болгаръ, Руссовъ и Хазаръ. Въ мирное время Печенѣги помогали торговымъ сношеніямъ Руси съ Корсунскою областью, нанимаясь перевозить товары; изобилуя скотомъ, они продавали Руси большое количество коней, быковъ, овецъ и пр. Но въ случаѣ враждебныхъ отношеній Печенѣги много мѣшали сообщеніямъ Руси съ ея владѣніями Азовскими и Таврическо-Таманскими, а также и торговымъ сношеніямъ съ Греками. Особенно они пользовались Днѣпровскими порогами, что бы нападать и грабить русскіе караваны. Кромѣ того эти хищные наѣздники врывались иногда въ самую Кіевскую область и опустошали ее. Кіевская Русь обыкновенно не могла предпринимать дальнихъ походовъ, если она находилась во враждѣ съ Печенѣгами. Поэтому кіевскіе князья должны были или вступать въ упорную борьбу съ этимъ народомъ, или при-

влекать его къ своему союзу и въ случаѣ войны съ сосѣдями нанимать вспомогательныя печенѣжскія дружины. Русь пользовалась и тою враждою, которая существовала между Печенѣгами и ихъ восточными сосѣдями Узами: послѣдніе своими нападеніями на Печенѣговъ нерѣдко отвлекали силы послѣднихъ въ другую сторону, и тѣмъ доставляли Кіевской Руси свободный путь къ берегамъ Чернаго и Азовскаго морей ([10]).

Вторженіе многочисленныхъ турецкихъ кочевниковъ въ южную Россію имѣло для нея важныя послѣдствія. Они особенно потѣснили жилища славяноболгарскихъ племенъ, т. е. Угличей и Тиверцевъ. Часть этихъ народовъ была оттѣснена въ область верхняго Днѣпра и Буга, гдѣ примкнула къ своей Карпатской или Древляно-Волынской вѣтви; а другая часть, оставшаяся въ Черноморьѣ и отрѣзанная Печенѣгами отъ Днѣпровской Руси, мало по малу потомъ исчезаетъ изъ исторіи. Истребляя греческія и славянскія поселенія, уничтожая нивы, сожигая остатки лѣсовъ, Печенѣги расширили область степей и внесли въ эти края еще большее запустѣніе, которому начало положили преимущественно народы Угорскаго племени, т. е. Гунны и Мадьяры.

II.

ИГОРЬ, ОЛЬГА И СВЯТОСЛАВЪ.

Походъ Игоря на Грековъ въ 941 г. Мирный договоръ. Судьба Игоря. Усмиреніе Древлянъ. Путешествіе Ольги въ Царьградъ. Торжественный, но холодный пріемъ. Характеръ Святослава. Тмутракань. Борьба съ Хазарами. Завоеваніе Дунайской Болгаріи. Цимисхій. Битвы подъ Дористоломъ. Отчаянная оборона. Миръ. Гибель Святослава.

Первый кіевскій князь, который заставилъ говорить о себѣ иноземныхъ писателей, былъ *Игорь*.

Около 940 года между Греками и Русью возникли непріязненныя отношенія. Что было ихъ причиною, не извѣстно. Поводомъ къ столкновенію могли послужить несоблюденіе Греками договоровъ или дѣла Дунайской Болгаріи, гдѣ въ то время происходили междоусобія, вызывавшія вмѣшательство Грековъ и Руси. Столкновеніе могло произойти и въ Тавридѣ, гдѣ русскія владѣнія соприкасались съ греческими. Какъ бы то ни было, лѣтомъ 941 года Кіевскій князь съ флотомъ въ нѣсколько сотъ ладей присталъ къ берегамъ Виѳиніи. Руссы разсѣялись по окрестнымъ областямъ и распространили свои опустошенія до самаго Боспора Ѳракійскаго. Какъ и въ первое свое нападеніе на Константинополь, Русь опять выбрала такое время, когда греческій флотъ былъ въ отсутствіи, въ походѣ противъ Сарацинъ. Очевидно она имѣла вѣрныя извѣстія о томъ, что происходило въ Византіи.

Управленіе имперіей находилось въ рукахъ Романа Лакапина, который захватилъ власть въ малолѣтство законнаго наслѣдника, Константина Багрянороднаго. Романъ нѣсколько ночей провелъ безъ сна, изыскивая способы

обезпечить столицу отъ варваровъ и отразить ихъ нашествіе. Въ гавани Цареградской нашлось десятка полтора старыхъ, брошенныхъ хеландій. Романъ былъ прежде самъ однимъ изъ начальниковъ флота и хорошо зналъ морское дѣло. Онъ велѣлъ исправить хеландіи, снабдить ихъ огнеметательными снарядами, извѣстными у насъ подъ именемъ „греческаго огня", и вмѣстѣ съ другими случившимися подъ рукою кораблями послалъ ихъ подъ начальствомъ протовестіарія (хранителя царскихъ одеждъ) Ѳеофана, чтобы загородить входъ въ Воспоръ. Игорь попытался было уничтожить эту преграду; но греческій огонь произвелъ такое опустошеніе въ его флотѣ, что онъ снова удалился къ берегамъ Виѳиніи, гдѣ Руссы продолжали свои грабежи и разоренія. Византійскіе историки говорятъ при этомъ объ ихъ чрезвычайной свирѣпости, о сожженныхъ ими селеніяхъ и монастыряхъ и варварскомъ умерщвленіи плѣнныхъ. Три мѣсяца они провели такимъ образомъ. Между тѣмъ противъ нихъ начали собираться византійскія войска и истреблять отряды Руссовъ, разсѣявшихся для грабежа. Приближалось зимнее время; а вмѣстѣ съ тѣмъ наступалъ и недостатокъ съѣстныхъ припасовъ въ опустошенной странѣ. Игорь собралъ свой флотъ и снова напалъ на византійскіе корабли. Но Ѳеофанъ, получившій подкрѣпленія, съ помощью греческаго огня нанесъ Руссамъ совершенное пораженіе; такъ что Игорь, какъ разсказываютъ, только съ десятью кораблями успѣлъ добраться до Воспора Киммерійскаго, т. е. до Корчева и Тмутраканя. Говорятъ, что всѣ Руссы, захваченные въ плѣнъ, были торжественно обезглавлены въ Константинополѣ по приказу императора Романа, возгордившагося своею побѣдою (11).

Война продолжалась еще года три. Очень вѣроятно, что опасность, которой подвергались со стороны воинственнаго и сильнаго русскаго князя греческіе города въ Тавридѣ, каковы Херсонъ, Сугдея и пр., заставили Грековъ предложить миръ, который и былъ наконецъ заключенъ въ 944 году.

Игоревъ договоръ съ Греками въ сущности есть подтвержденіе Олеговыхъ договоровъ. Но въ немъ мы встрѣ-

чаемъ нѣкоторыя новыя условія и новыя указанія, оросающія свѣтъ какъ на взаимное отношеніе Руссовъ къ Грекамъ, такъ и на современное состояніе самой Руси.

Во первыхъ, русскій князь и его бояре по прежнему отправляютъ въ Грецію сколько хотятъ кораблей съ послами и гостями; но прежде достаточно было, чтобы послы показали свои золотыя печати, а гости серебряныя; теперь же они обязаны имѣть отъ своего князя грамоту съ обозначеніемъ, сколько онъ отправилъ кораблей. Эта грамота должна служить доказательствомъ, что Русь пришла съ мирными намѣреніями, для торговли, а не для буйства и грабежа. Если караванъ придетъ безъ княжей грамоты, Греки задерживаютъ Руссовъ подъ стражею, пока не перешлются съ княземъ; а въ случаѣ сопротивленія могутъ ихъ убивать. Условіе это даетъ понимать, что дѣйствительно бывали подобныя столкновенія, которыя вели за собою месть со стороны Руссовъ, и Греки желали обезпечить себя на будущее время. Далѣе, русскіе торговцы всѣ купленныя ими паволоки обязаны показывать греческому чиновнику, и онъ кладетъ на нихъ клейма; они не имѣютъ права покупать тѣ паволоки, которыя стоятъ дороже 50 золотниковъ. (Послѣднее ограниченіе впрочемъ существовало для всѣхъ иностранцевъ). Затѣмъ идутъ статьи о взаимной выдачѣ бѣглыхъ рабовъ и преступниковъ, о наказаніи воровъ и убійцъ, о выкупѣ плѣнныхъ. Греки выкупаютъ у Руси своихъ плѣнныхъ по 10 золотниковъ за юношу и дѣвицу, по 8 за человѣка среднихъ лѣтъ и по 5 за людей стараго и дѣтскаго возраста; Русь выкупаетъ у Грековъ своихъ плѣнныхъ товарищей также по 10 золотниковъ.

Въ Игоревомъ договорѣ встрѣчаемъ новую и важную статью о Корсунской области и Черныхъ Болгарахъ. Русскій князь обязывается не нападать на Корсунь и другіе греческіе города въ Тавридѣ, и не только не воевать ихъ самому, но и не пускать на нихъ Черныхъ Болгаръ. Черными, какъ извѣстно, назывались тѣ Болгаре, которые оставались еще въ странѣ, откуда вышли Болгаре Дунайскіе, т. е. на нижней Кубани и въ восточной части Крыма. Олеговъ договоръ еще не упоминаетъ о

Черныхъ Болгарахъ и Корсунской странѣ; хотя Руссы по всѣмъ признакамъ уже въ то время владѣли берегами Киммерійскаго Боспора, гдѣ занимали города Корчевъ и Тмутракань. Очевидно предпріимчивый Игорь успѣлъ распространить русское господство въ этомъ краю и подчинить себѣ почти всѣхъ Таврическихъ Болгаръ; послѣ чего Руссы угрожали уже самому Корсуню и сосѣднимъ греческимъ городамъ. Кромѣ того Русь по этому договору обязывалась не обижать тѣхъ корсунскихъ Грековъ, которые приходили въ Днѣпровское устье для рыбной ловли; а сама она не должна зимовать въ этихъ мѣстахъ, но съ наступленіемъ осени возвращаться домой. Очевидно около Днѣпровскаго лимана въ тѣ времена еще существовали остатки греческихъ поселеній.

Другое весьма важное свидѣтельство Игорева договора, котораго нѣтъ въ Олеговомъ, это указаніе на крещеную Русь. Такъ, въ случаѣ бѣгства раба отъ Русскихъ къ Грекамъ, онъ долженъ быть выданъ назадъ владѣльцу. Если же онъ не отыщется, то Русскіе, какъ христіане, такъ и некрещеные, должны дать присягу, каждый по своей вѣрѣ, въ томъ, что рабъ дѣйствительно убѣжалъ къ Грекамъ, и тогда за каждаго раба владѣлецъ получаетъ условленную плату, т. е. по двѣ паволоки. Наконецъ самый договоръ, по условію, долженъ быть подтвержденъ присягою какъ со стороны Грековъ, такъ и Русскихъ.

По заключеніи мира цари греческіе присягнули въ присутствіи Русскихъ пословъ; а потомъ послы греческіе прибыли въ Кіевъ, чтобы свидѣтельствовать присягу Игоря, его бояръ и дружины. Для этого князь съ языческою Русью взошелъ на холмъ, гдѣ стоялъ идолъ Перуна. Здѣсь она положила свои щиты, мечи, золотые обручи, и по обычаю своему произносила слѣдующую клятву: „Если помыслимъ разрушить миръ съ Греками, то да не имѣемъ помощи отъ бога нашего Перуна, да не ущитимся щитами нашими, да будемъ посѣчены собственными мечами или погибнемъ отъ стрѣлъ и отъ иного оружія своего и да будемъ рабами въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ“. А крещеная Русь присягала въ соборномъ храмѣ Иліи надъ честнымъ крестомъ; она клялась, что въ случаѣ нарушенія мира

пусть получитъ возмездіе отъ Бога Вседержителя и осуждена будетъ на погибель въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ.

Мирный договоръ заключался на вѣчныя времена или какъ выражается грамота „доколѣ сіяетъ солнце и стоитъ міръ“. Послѣ того Игорь одарилъ греческихъ пословъ чѣмъ былъ богатъ, т. е. мѣхами, невольниками, воскомъ, и отпустилъ ихъ. А греческіе цари дарили русскихъ пословъ конечно золотыми деньгами, дорогими паволоками и прочими произведеніями византійской промышленности. Свидѣтельству Игорева договора о томъ, что значительная часть Руси была уже крещена, совершенно соотвѣтствуетъ свидѣтельство Констинтина Багрянороднаго. Въ своемъ сочиненіи „Объ обрядахъ Византійскаго двора“, онъ описываетъ торжественный пріемъ пословъ эмира Тарсійскаго, и говоритъ, что въ числѣ наемной дворцовой стражи при этомъ находились крещеные Руссы, которые были вооружены щитами и мечами и держали въ рукахъ знамена.

Договоръ Игоревъ, также какъ и Олеговъ, сохранилъ намъ имена русскихъ пословъ, которые на этотъ разъ были довольно многочисленны. Главою посольства былъ Иворъ, представитель великаго князя Игоря. Затѣмъ встрѣчаемъ особыхъ пословъ: отъ Игорева сына Святослава (Вуефастъ), отъ супруги Игоря Ольги (Искусеви), отъ племянника Игорева, также Игоря (Слуды), отъ другаго его племянника Акуна (Прастѣнъ). Кромѣ Ольги видимъ пословъ и отъ другихъ княгинь, вѣроятно родственницъ Игоревыхъ, именно отъ Предславы (Каницаръ) и Сфандры, жены какого то Улѣба (Шихбернъ). Затѣмъ идутъ послы отъ другихъ князей и знатныхъ людей русскихъ: Владислава, Турда, Фаста, Свирька, Войка, Аминода, Берна и пр. Въ числѣ пословъ упоминаются и нѣкоторые гости или *купцы* (Адунъ, Ингивладъ, Гомолъ, Моны, Гунастръ, Алданъ, Синко, Боричъ и пр.), какъ представители отъ „всѣхъ людей Русской земли“, а въ особенности конечно отъ русскихъ торговцевъ, для которыхъ главнымъ образомъ и былъ важенъ заключенный договоръ (12).

Договоры Олега и Игоря заставляютъ насъ предполагать, что въ Русской землѣ уже въ тѣ времена господствовало

дѣленіе на удѣлы между членами княжескаго рода и что князья русскіе подчинялись старшему изъ нихъ, сидѣвшему на Кіевскомъ столѣ. Впрочемъ въ числѣ этихъ князей можетъ быть встрѣчаются и такіе, которые не принадлежали собственно къ роду Кіевскаго великаго князя, а были потомки мѣстныхъ родовъ, признававшіе надъ собою его верховенство. Въ такомъ случаѣ у кіевскихъ князей конечно существовало стремленіе при первомъ удобномъ случаѣ посадить на мѣстѣ этихъ вассальныхъ владѣтелей кого либо изъ своихъ родичей: въ чемъ главнымъ образомъ и состояло объединеніе Славянорусской земли. Удѣлы давались не только князьямъ, но и княгинямъ. Такъ, по словамъ лѣтописи нашей, супруга Игоря Ольга получила себѣ въ удѣлъ Вышгородъ, расположенный верстахъ въ двѣнадцати выше Кіева на правомъ возвышенномъ берегу Днѣпра.

Тѣже договоры указываютъ и на тѣсную связь русскаго князя съ его дружиною. Между тѣмъ какъ съ греческой с [illegible] одни цари, облеченные неограни- [illegible] усской стороны вмѣстѣ съ княземъ [illegible] жи, т. е. его „дружина". Очевидно безъ нея князь не можетъ дѣлать никакого важнаго дѣла, не можетъ принять на себя никакого обязательства, касающагося цѣлой Русской земли. Рядомъ съ дружиною мы видимъ въ Игоревомъ договорѣ и земское начало: въ заключеніи мира участвуютъ и купцы, хотя ясной границы между военнымъ и торговымъ сословіемъ въ то время еще не существовало; торговцы при случаѣ обращались въ воиновъ и наоборотъ; однако означенные купцы, отправленные изъ разныхъ городовъ русскихъ, все таки могутъ считаться представителями уже болѣе земскаго нежели дружиннаго начала.

Обязанности подчиненныхъ племенъ къ Кіевскому к зю конечно выражались данью, которую они ему плати князь за то давалъ имъ судъ и расправу, и защищ отъ нападенія сосѣднихъ народовъ. Эти взаимныя от шенія представляли первобытный видъ того государств наго порядка, который развился впослѣдствіи на Русск землѣ. По словамъ Константина Багрянороднаго (О

управ. имперіи), съ наступленіемъ зимы въ ноябрѣ мѣсяцѣ князья русскіе, въ сопровожденіи своихъ дружинъ, отправлялись изъ Кіева въ земли Древлянъ, Дреговичей, Кривичей, Сѣверянъ, Угличей и прочихъ подвластныхъ Славянъ. Тамъ они проводили зиму, собирая дани, творя судъ и расправу между жителями. Это пребываніе ихъ называлось тогда *полюдьемъ*. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда Днѣпръ освобождался ото льда и плаваніе становилось свободнымъ, русскіе дружинники спускали свои ладьи, нагруженныя разными произведеніями областей, по Припети, Днѣпру и Деснѣ въ Кіевъ, и здѣсь приготовляли судовой караванъ для отправки въ Византію. Кромѣ названныхъ Константиномъ племенъ, обитавшихъ по обѣ стороны верхняго и средняго Днѣпра, владѣнія Руси при Игорѣ простирались съ одной стороны на юговостокѣ до Кавказа и Таврическихъ горъ; на что указываетъ статья его договора относительно Корсуня и Черныхъ Болгаръ. А съ другой они достигали на сѣверѣ до береговъ Волхова; о чемъ свидѣтельствуетъ Константинъ, говоря, что при жизни Игоря въ Новгородѣ княжилъ сынъ его Святославъ; ясно, что этотъ городъ онъ получилъ себѣ въ удѣлъ отъ отца.

Во время одного изъ упомянутыхъ выше полюдій погибъ знаменитый Игорь. По словамъ русской лѣтописи этотъ смѣлый, предпріимчивый князь сдѣлалъ оплошность. Пребывая въ землѣ Древлянъ на Волыни, онъ отправилъ въ Кіевъ большую часть своей дружины съ собранной данью; а самъ остался съ небольшимъ числомъ людей и продолжалъ производить поборы, не обращая вниманія на враждебное расположеніе туземцевъ. Тогда жители города Коростена собрались подъ начальствомъ своего князя Мала, напали на Игоря и убили его. А одинъ византійскій историкъ (Левъ Діаконъ) сообщаетъ, что Древляне варварски умертвили великаго князя: они привязали его къ верхушкамъ двухъ нагнутыхъ другъ къ другу деревьевъ, а потомъ пустили ихъ, и онъ былъ разорванъ ([13]).

Возмущеніе Древлянъ не могло остаться безнаказаннымъ со стороны могущественнаго племени Руссовъ; а

убіеніе великаго князя требовало кровной мести со стороны его родственниковъ. Лѣтописецъ украшаетъ эту месть баснословными сказаніями. Но достовѣрно то, что сынъ и преемникъ Игоря на Кіевскомъ столѣ Святославъ вмѣстѣ съ своей матерью Ольгой усмирилъ Древлянъ, взялъ и сжегъ городъ Коростенъ, главное гнѣздо возмущенія: часть его населенія по обычаю того времени была обращена въ рабство и раздѣлена между княземъ и его дружиною. Жители Коростена были обложены еще болѣе тяжкими поборами чѣмъ прежде. Двѣ трети этихъ поборовъ опредѣлены на Кіевъ, т. е. великому князю и его мужамъ; а одна треть на Вышгородъ, т. е. матери Святослава и ея дружинѣ; ибо княгини русскія также имѣли свои дружины. Послѣ усмиренія Древлянъ отправлена была тризна по Игорѣ на самой его могилѣ. Если погребеніе знатнаго Русина сопровождалось такими обрядами, какіе описалъ Ибнъ Фадланъ, то понятно, какою торжественностію и пышностію обставлялась тризна по великомъ князѣ. На могилу Игоря прибыла вся дружина Святослава и его матери; мѣстные жители должны были наварить потребное количество крѣпкаго меду. Многіе плѣнные Древляне принесены были въ жертву богамъ и погребены вокругъ Игоревой могилы; а надъ нею насыпанъ обширный курганъ. Затѣмъ совершились поминальное торжество и воинственныя игры въ честь покойнаго, согласно съ обычаями и обрядами языческой Руси.

Вдова Игоря Ольга является первою крещеною княгинею на Руси. Ея мужъ при всей своей воинственности очевидно отличался вѣротерпимостію, и вѣра христіанская при немъ сдѣлала большіе успѣхи въ средѣ Русскаго племени. Да иначе не могло и быть при дѣятельныхъ, постоянныхъ сношеніяхъ съ Византіей, которая всегда усердно заботилась о проповѣди между народами Кавказскими, Черноморскими и другими, сосѣдними съ имперіей. Кромѣ религіознаго усердія, одушевлявшаго греческихъ проповѣдниковъ, христіанство служило наилучшимъ средствомъ смягчить нравы варварскихъ народовъ, ослабить ихъ опустошительные набѣги на греческія области и еще крѣпче подчинить ихъ греческому вліянію.

Греки не упускали удобнаго случая дѣйствовать на воображеніе язычниковъ красотою храмовъ и дворцовъ, великолѣпіемъ богослуженія и другими сторонами своей богатой гражданственности. Такъ они любили показывать посламъ варварскихъ князей замѣчательныя зданія своей столицы, особенно большой императорскій дворецъ съ его роскошными залами и галлереями и чудный храмъ св. Софіи, блиставшій своими разноцвѣтными мозаиками. Многіе изъ тѣхъ Руссовъ, которые пріѣзжали въ Константинополь по торговымъ дѣламъ или служили въ императорскихъ войскахъ, конечно поддавались обаянію христіанства и греческой образованности, и принимали крещеніе; а, воротясь въ отечество, убѣждали къ тому же и своихъ близкихъ. Расказы пословъ и гостей о богатствахъ и чудесахъ греческой столицы и подарки, привозимые оттуда, въ свою очередь вызывали и въ другихъ стремленіе побывать въ этомъ чудномъ городѣ. Между варварскими вождями уже издавна встрѣчаются примѣры такихъ князей, которые для принятія крещенія отправлялись въ Царьградъ, и здѣсь самъ императоръ былъ ихъ воспреемникомъ; а высшіе греческіе сановники воспринимали бояръ и ихъ женъ. Богато одѣленные подарками, а иногда и титуломъ патриція, новокрещеные князья возвращались въ свою землю, и ревностно принимались за распространеніе и утвержденіе новой религіи. Таково, напримѣръ, было крещеніе двухъ болгарскихъ князей, приходившихъ изъ Тавриды въ Царьградъ, одного при Юстиніанѣ I, другаго при Иракліѣ; первый изъ нихъ за свою ревность къ христіанству былъ убитъ возмутившимися язычниками. Распространеніе новой религіи усилилось между Руссами въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ они утвердились въ землѣ Таврическихъ или Черныхъ Болгаръ, часть которыхъ, живя въ сосѣдствѣ съ Корсунемъ, уже давно исповѣдывала греческую вѣру.

Была ли Ольга окрещена уже въ Кіевѣ, и отправилась въ Константинополь собственно поклониться цареградскимъ святынямъ, получить благословеніе отъ патріарха и знаки вниманія отъ императоровъ Константина и его сына Романа, или она, подобно упомянутымъ князьямъ

Черныхъ Болгаръ, желала принять крещеніе изъ рукъ самого патріарха и имѣть своимъ воспреемникомъ императора — въ точности неизвѣстно. Замѣчательно однако, что въ числѣ ея спутниковъ мы находимъ священника Григорія. Какъ бы то ни было, въ 957 году Ольга совершила на корабляхъ путешествіе въ Константинополь; ее сопровождала большая свита, въ числѣ которой находились послы отъ Кіевскаго и другихъ русскихъ князей (14).

Когда русская княгиня вступила въ Золотой Рогъ, то ее повидимому подвергли всѣмъ обычнымъ порядкамъ, существовавшимъ въ Византіи для кораблей, приходившихъ изъ Руси, т. е. свидѣтельству княжескихъ грамотъ и печатей, переписке людей, груза и т. п., и только по выполненіи всѣхъ правилъ позволили ей сойти на берегъ. Вообще Ольгѣ пришлось долго ждать, прежде чѣмъ она была допущена къ императорскому двору. Константинъ VII Багрянородный извѣстенъ своею склонностію къ мирной семейной жизни и къ занятіямъ книжнымъ. Онъ извѣстенъ также своими стараніями соблюдать во всей точности многочисленные обряды, которыми отличался дворъ Восточной Римской имперіи и которые почитались необходимою принадлежностію императорскаго величія. Онъ написалъ даже особое большое сочиненіе „Объ обрядахъ Византійскаго двора“. Въ этомъ Обрядникѣ Константинъ слѣдующимъ образомъ описываетъ торжественный пріемъ русской княгини Ольги.

Сентября 9 въ среду княгиня прибыла во дворецъ; за нею слѣдовали сопровождавшіе ее родственницы, знатныя русскія боярыни, послы русскихъ князей, ея собственные мужи и русскіе гости. Княгиню остановили на томъ мѣстѣ, гдѣ логоѳетъ (канцлеръ) обыкновенно вопрошаетъ иностранныхъ пословъ, допущенныхъ къ императорскому пріему. Здѣсь она удостоилась видѣть самого императора, возсѣдавшаго на тронѣ и окруженнаго придворными чинами. Затѣмъ длиннымъ рядомъ великолѣпныхъ покоевъ провели ее въ портикъ той части дворца, который назывался Августеонъ, гдѣ она могла присѣсть на нѣсколько минутъ. Послѣ того ее ввели въ такъ наз. Юстиніанову палату, чтобы представить императрицѣ.

Въ этой палатѣ находилось возвышеніе, покрытое пурпуровыми тканями, а на немъ „тронъ императора Феофила“ и золотое сѣдалище. На тронѣ возсѣдала императрица; подлѣ нея на золотомъ сѣдалищѣ помѣстилась ея невѣстка, т. е. супруга молодаго императора Романа. По бокамъ ихъ стояли чины императрицы, а далѣе ея придворныя женщины, раздѣленныя по степенямъ ихъ знатности. Когда назначенный для того сановникъ привѣтствовалъ Ольгу отъ имени императрицы, княгиню и ея свиту отвели опять въ особый покой, гдѣ позволили присѣсть. А императрица между тѣмъ удалилась въ свое отдѣленіе. Когда сюда пришелъ императоръ съ своими дѣтьми и внуками, то позвали и княгиню, и тутъ только она получила позволеніе сѣсть въ его присутствіи и говорить съ нимъ сколько угодно.

Въ тотъ же день происходилъ торжественный обѣдъ въ Юстиніановой палатѣ. Обѣ императрицы опять сидѣли на томъ же возвышеніи. Когда ввели сюда русскихъ боярынь, онѣ сдѣлали низкій поклонъ; но русская княгиня только слегка наклонила голову. Ее посадили въ нѣкоторомъ разстояніи отъ трона за тѣмъ столомъ, за которымъ сидѣло первое отдѣленіе византійскихъ дамъ (такъ наз. *зосты*). Во время стола пѣвчіе пѣли стихотворенія, сочиненныя въ честь императорскаго дома, а придворные плясуны увеселяли присутствующихъ своимъ искусствомъ. Въ тоже время въ Золотой палатѣ былъ другой столъ, за которымъ обѣдала мужеская часть Ольгиной свиты, т. е. ея племянникъ, священникъ Григорій, переводчикъ, послы Святослава и другихъ русскихъ князей, а также русскіе гости. Всѣмъ имъ роздали въ подарокъ золотыя и серебряныя монеты, смотря по степени ихъ значенія. Послѣ обѣда императорское семейство вмѣстѣ съ Ольгою изъ Юстиніановой палаты перешло въ другой покой, гдѣ приготовлены были разныя сласти, разложенныя на блюдахъ, украшенныхъ драгоцѣнными камнями. На подобномъ же блюдѣ поднесли Русской княгинѣ въ подарокъ 500 милліарезій, шести ея ближнимъ боярынямъ по 20, а осемнадцати другимъ по 8 каждой.

18 октября, въ Воскресенье, устроенъ былъ другой пиръ

для Руссовъ въ Золотой палатѣ, на которомъ присутствовалъ самъ императоръ. А Русскую княгиню угощали въ палатѣ св. Павла, гдѣ присутствовала императрица съ своими дѣтьми и невѣсткою. На этотъ разъ Ольгѣ поднесли 200 милліарезій, и нѣсколько сотъ опять роздали ея свитѣ.

Вотъ все что сообщаетъ намъ Константинъ Багрянородный о пріемѣ Ольги. По всѣмъ признакамъ она не вполнѣ осталась довольна этимъ пріемомъ. Она должна была испытать все высокомѣріе византійскаго правительства и пройти всѣ степени придворныхъ церемоній, которыми Византійскій дворъ ясно давалъ понимать великое разстояніе, отдѣлявшее княгиню сѣверныхъ варваровъ отъ царствующаго дома великолѣпной Византіи. Не могли ее конечно удовлетворить и десятка два или три червонцевъ, поднесенныхъ ей въ замѣнъ дорогихъ мѣховъ и другихъ товаровъ, которые она привезла въ подарокъ императорскому двору. По словамъ того же Константинова Обрядника, незадолго до пріѣзда Ольги Византійскій дворъ съ тѣми же церемоніями чествовалъ пословъ одного незначительнаго арабскаго эмира; при чемъ послы и ихъ свита получили въ подарокъ большее количество червонцевъ, чѣмъ русская княгиня и ея спутники. А подобное обстоятельство конечно не осталось неизвѣстнымъ для Руссовъ.

Можетъ быть не безъ связи съ нѣкоторымъ недовольствомъ, которое Ольга возъимѣла противъ византійскаго правительства, состоялось посольство, отправленное ею къ императору Оттону I. Слава этого знаменитаго государя конечно достигла въ то время и до береговъ Днѣпра. Западные лѣтописцы повѣствуютъ, что въ 959 году послы русской княгини Елены (христіанское имя Ольги) прибыли къ Оттону, и просили у него епископа и священниковъ для своего народа. Императоръ отправилъ къ нимъ монаха Адальберта; но послѣдній вскорѣ воротился, будучи прогнанъ язычниками и потерявъ убитыми нѣкоторыхъ своихъ спутниковъ. Въ этомъ извѣстіи очевидно скрывается какое либо недоразумѣніе. Можетъ быть, цѣль русскаго посольства была отчасти политическая, отчасти религіозная; а нѣмецкій императоръ спѣшилъ воспользо-

ваться случаемъ, что бы подчинить католицизму возникавшую Русскую церковь. Съ помощью церкви онъ конечно думалъ утвердить нѣмецкое вліяніе и у Восточныхъ Славянъ подобно тому, какъ оно утверждалось у Западныхъ. Вотъ съ какихъ поръ начались попытки Латинской церкви подчинить себѣ Россію и оторвать ее отъ духовнаго единенія съ Византіей ([15]).

Ольга употребляла конечно всѣ усилія склонить къ принятію крещенія своего сына Святослава; но тщетно. Религія христіанская, проповѣдующая миръ и любовь, была не по нраву молодаго воинственнáго князя; онъ мечталъ только о битвахъ и завоеваніяхъ. Лѣтописецъ говоритъ, что Святославъ совершалъ свои походы на легкѣ и ходилъ быстро, подобно барсу. Онъ не тащилъ за собой обоза, не бралъ ни шатра, ни посуды; спалъ на конскомъ потникѣ, съ сѣдломъ въ головахъ; мяса не варилъ въ котлахъ, а, изрѣзавъ на куски конину, звѣрину или говядину, пекъ на угольяхъ, и ѣлъ. Такова была и вся его дружина. Усмиривъ Древлянъ, Святославъ обратился противъ другаго славянскаго племени, Вятичей, обитавшихъ на верхней Окѣ и дотолѣ не платившихъ дани русскимъ князьямъ. Но подчиненіе этого племени удалось окончить только преемникамъ Святослава.

Для его неукротимой отваги представилось широкое поле на востокѣ въ борьбѣ съ народами, обитавшими на Волгѣ и въ странахъ Прикавказскихъ. Тамъ еще стояла сильная Хазарская держава, съ которою Руссы вели значительную торговлю, а иногда вступали въ жестокую борьбу. Причиной столкновенія, во первыхъ, служили владѣнія въ Тавридѣ и на Тамани. Кіевская Русь успѣла уже освободить большую часть жившихъ тамъ Черныхъ Болгаръ отъ хазарскаго владычества и основать особое русское княжество, извѣстное подъ именемъ Тмутракани. Но на Таврическомъ полуостровѣ продолжали еще существовать вассальныя хазарскія владѣнія; а со стороны Кавказа Тмутраканская Русь терпѣла отъ набѣговъ косожскихъ или кабардинскихъ князей, которые также считались вассалами верховнаго хазарскаго кагана, жившаго въ Итилѣ. Вовторыхъ, Русь, проживавшая въ этомъ городѣ

и приходившая сюда для торговли, по всей вѣроятности терпѣла иногда разныя обиды и притѣсненія, за которыя она всегда готова была платить кровавымъ возмездіемъ. Наконецъ, хазарская твердыня Саркелъ на Дону и самъ столичный городъ Итиль на Волгѣ препятствовали Руси пробираться на своихъ судахъ въ Каспійское море и грабить его югозападныя прибрежья, изобильныя богатыми городами и селеніями. Послѣ похода Руси въ Каспійское море въ 913 году, восточные писатели упоминаютъ о другомъ подобномъ походѣ въ 944 году. На этотъ разъ Русь изъ Каспійскаго моря вошла въ рѣку Куру, захватила и разграбила городъ Берду, считавшійся въ то время однимъ изъ богатѣйшихъ городовъ Арабскаго халифата. Но изъ этого похода, также какъ изъ перваго, только немногимъ Руссамъ удалось воротиться въ отечество.

Святославъ вступилъ въ упорную борьбу съ Хазарами, и побѣдилъ ихъ. Онъ взялъ и разорилъ Саркелъ или Бѣлую Вежу, какъ его называетъ наша лѣтопись. Онъ побѣдилъ также хищныя племена Касоговъ и Ясовъ (Аланъ), и тѣмъ упрочилъ съ этой стороны существованіе русской Тмутракани. Съ раззореніемъ Саркела для Руси открылся свободный путь изъ Дона въ Волгу, которые раздѣлены небольшимъ волокомъ, и она не замедлила нанести рѣшительные удары враждебнымъ ей государствамъ, Болгарскому и Хазарскому. По извѣстіямъ восточныхъ писателей въ 968 году Руссы по Волгѣ поднялись до столицы Камскихъ Болгаръ, и сильно разорили этотъ торговый городъ. Потомъ они спустились внизъ по рѣкѣ, опустошили страну Буртасовъ (Мордвы), и напали на Итиль, обширную и богатую столицу хазарскихъ кагановъ. Большая часть ея жителей разбѣжалась уже при первомъ извѣстіи о приближеніи Руси. Ограбивъ Итиль, Русь берегомъ Каспійскаго моря достигла другаго богатаго хазарскаго города, Семендера (близъ Тарку), который былъ столицею особаго князя, зависимаго отъ верховнаго кагана и также исповѣдующаго іудейскую религію. Этотъ городъ обиловалъ мечетями, церквами и синагогами, такъ какъ здѣсь жили вмѣстѣ христіане, мусульмане и евреи; однихъ виноградниковъ онъ имѣлъ до 4000. Русь разгра-

била и разорила его, подобно Булгару и Итилю. Долго послѣ того на востокѣ со страхомъ и ужасомъ вспоминали о нашествіи свирѣпаго, неукротимаго народа Руссовъ. Хазарской державѣ этой войной нанесенъ былъ такой сильный ударъ, что она уже не могла болѣе оправиться и снова стать грозною для своихъ сосѣдей ([16]).

Около того времени на Балканскомъ полуостровѣ случились обстоятельства, которыя отвлекли вниманіе Руси отъ Волги и Каспійскаго моря на Дунай и Черное.

Высоко поднялось могущество Болгарскаго государства во время знаменитаго царя Симеона, который распространилъ его предѣлы на западъ и югъ, и едва не овладѣлъ самою Византіей. Но послѣ его смерти могущество это оказалось непрочно. Вожди Дунайскихъ Болгаръ не успѣли сплотить воедино южныхъ или Балканскихъ Славянъ, такъ, какъ это совершили князья Русскіе по отношенію къ Славянамъ Восточнымъ. Главнымъ препятствіемъ тому послужило слишкомъ близкое сосѣдство Византіи, съ ея искусною, дальновидною политикою. За принятіемъ греческой религіи послѣдовало быстрое пересажденіе въ Болгарію и греческой образованности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ внесены были и нѣкоторыя начала разложенія. Излишнее подражаніе византійской роскоши со стороны высшихъ классовъ и заимствованіе многихъ византійскихъ порядковъ часто вызывали народное неудовольствіе. Особенно сильное противодѣйствіе возникло со стороны народныхъ вѣрованій и обычаевъ противъ греческаго клира, водворившагося посреди Болгаръ. Противодѣйствіе это выразилось въ извѣстной ереси Богомиловъ, которая породила многіе смуты и мятежи, раздиравшіе Болгарію въ X вѣкѣ. Византійская политика напрягала всѣ усилія подорвать Болгарскую силу, захватившую многія греческія области и неразъ угрожавшую самой столицѣ имперіи. Она постоянно возбуждала противъ Болгаріи ея внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, насылала на нее Печенѣговъ, Угровъ, и подавала помощь Славянамъ, возстававшимъ противъ Болгарскаго владычества, напримѣръ Сербамъ.

Сынъ и преемникъ Симеона Петръ не былъ способенъ бороться съ тѣми затрудненіями, которыя его окружа-

ли, и его долголѣтнее царствованіе представляетъ эпоху быстраго политическаго упадка Болгаріи. Хотя онъ и былъ женатъ на греческой царевнѣ, однако греческая политика вполнѣ пользовалась его слабостью и неспособностію для своихъ цѣлей. Между болгарскимъ царемъ Петромъ и византійскимъ императоромъ Никифоромъ Фокою возникли неудовольствія: по однимъ извѣстіямъ изъ за дани, которую будто бы болгарскій царь потребовалъ отъ Византіи, а по другимъ изъ за Угровъ, которыхъ Болгаре пропускали черезъ свои земли, позволяя имъ врываться въ предѣлы имперіи. Никифоръ, занятый дѣлами на востокѣ, прибѣгъ къ обычной византійской политикѣ: вооружать сосѣдніе варварскіе народы другъ противъ друга, такимъ образомъ ослаблять ихъ и отклонять отъ замысловъ противъ имперіи. Въ 967 году онъ поручилъ патрицію Калокиру, сыну херсонскаго намѣстника, вступить въ переговоры съ русскимъ княземъ Святославомъ и склонить его къ нападенію на Дунайскихъ Болгаръ. Надобно полагать, что Святославъ находился тогда въ своихъ таврическихъ владѣніяхъ, т. е. по сосѣдству съ Херсономъ. Переговоры, подкрѣпленные со стороны Грековъ значительнымъ количествомъ золота и разными льстивыми обѣщаніями, увѣнчались полнымъ успѣхомъ ([17]). Князь призвалъ къ оружію храброе русское юношество, и въ слѣдующемъ 968 году съ сильною ратью вступилъ на своихъ ладьяхъ въ Дунай. Тщетно болгарское ополченіе собралось на берегу этой рѣки и пыталось помѣшать высадкѣ Руссовъ. Болгаре были разбиты; затѣмъ покорены и разграблены многіе дунайскіе города, въ томъ числѣ Малая Преслава или Переяславецъ и сильно укрѣпленный Дористолъ. Побѣда досталась легко потому, что значительная часть Болгаръ отложилась отъ своего царя и вѣроятно дѣйствовала за одно съ соплеменною ей Русью. Старый Петръ во время этихъ событій отъ огорченія получилъ параличный ударъ, и умеръ, оставивъ двухъ сыновей, Бориса и Романа. Легкость завоеванія, пріятность климата, а также выгодное торговое положеніе Болгаріи между Византіей и Придунайскими странами такъ привлекли

Русскаго князя, что онъ уже не желалъ разстаться съ завоеванною землею, и вѣрить нашей лѣтописи, вмѣсто роднаго Кіева алъ утвердить свой столъ въ Переяславцѣ. „Сюда—говорилъ онъ—сходится все благое: отъ Грековъ золото, паволоки, вина и разныя овощи, отъ Чеховъ и Угровъ серебро и кони, изъ Руси мѣха, воскъ, медъ и невольники". Поэтому весною 969 года Святославъ только на короткое время отправился въ Кіевъ, и съ свѣжими силами вернулся на берега Дуная. Тогда онъ завладѣлъ самою столицею Болгарскаго царства Великою Преславою, захватилъ въ свои руки сыновей Петра, и, признавая царскій титулъ за старшимъ изъ нихъ, Борисомъ, въ сущности сдѣлался настоящимъ государемъ Болгаріи, по крайней мѣрѣ ея восточной половины.

Никифоръ Фока съ ужасомъ увидѣлъ свою ошибку: сосѣдство съ такимъ могучимъ и предпріимчивымъ племенемъ, какова была Русь, подвергало имперію великимъ опасностямъ. Доходили до него также слухи и о замыслахъ коварнаго Калорика. Этотъ грекъ съумѣлъ пріобрѣсти дружбу Святослава и поощрялъ его желаніе утвердиться въ Болгаріи, съ условіемъ получить отъ него помощь для достиженія византійскаго престола. Послѣднее намѣреніе въ тѣ времена нисколько не казалось страннымъ; ибо мятежи и перемѣны правителей сдѣлали престолъ императорскій обычною цѣлью отважныхъ честолюбцевъ, и самъ Никифоръ достигъ его незаконнымъ путемъ. Онъ началъ дѣятельныя приготовленія къ войнѣ съ Руссами, и въ тоже время вошелъ въ сношенія съ Болгарами: послѣдніе, будучи христіанскимъ народомъ, конечно съ неудовольствіемъ переносили господство языческой Руси, и особенно были раздражены произведенными ею разореніями и свирѣпствами. Между прочимъ, говорятъ, будто Святославъ, завладѣвъ Филиппополемъ, посадилъ на колъ до 20.000 плѣнныхъ, и тѣмъ навелъ такой страхъ, что заставилъ себѣ покориться и другіе города. Поэтому неудивительно, что многіе Болгаре съ радостію встрѣтили предложеніе Никифора общими силами воевать противъ Руси, и по его просьбѣ охотно отправили въ Византію двухъ дѣвицъ изъ своего царскаго рода, чтобы соединить ихъ бракомъ съ сыновьями покой-

наго греческаго императора Романа II, предшественника Фоки.

Но посреди этихъ приготовленій Никифоръ Фока, снискавшій себѣ уваженіе многими заслугами и строгимъ своимъ правленіемъ, погибъ жалкою смертію.

Прекрасная наружностью, но крайне испорченная нравомъ, императрица Феофано отравила своего перваго мужа Романа II, чтобы вмѣстѣ съ своею рукою доставить престолъ Никифору Фокѣ. Теперь она приготовила туже участь и второму своему мужу. Изъ числа византійскихъ полководцевъ этого времени особенно выдвигался Іоаннъ Цимисхій, родомъ армянинъ; а прозваніе Цимисхій на армянскомъ языкѣ значило „Малорослый“. Онъ приходился родственникъ Никифору, и былъ его сподвижникомъ на поляхъ битвъ; но по своему смѣлому честолюбивому характеру возбудилъ противъ себя подозрѣнія, лишенъ начальства надъ восточными легіонами и нѣкоторое время жилъ въ уединеніи. Θеофано выпросила ему позволеніе явиться въ столицу. Никифоръ очень ее любилъ и не могъ отказать ея просьбамъ. Но Іоаннъ воспользовался своимъ пребываніемъ въ Константинополѣ для того, чтобы вмѣстѣ съ вѣроломною Θеофано устроить заговоръ противъ Никифора. Она тайно ввела въ свое отдѣленіе дворца вооруженныхъ людей, и скрывала ихъ до удобнаго случая. Въ одну глухую ночь Цимисхій на лодкѣ подплылъ къ дворцу со стороны моря, и на веревкахъ былъ поднятъ на кровлю Вуколеона ожидавшими его соумышленниками. Онъ немедленно ворвался съ ними въ царскую спальню, и безчеловѣчно умертвилъ спящаго Никифора. Цимисхій былъ провозглашенъ императоромъ; но Θеофано ошиблась въ своихъ расчетахъ: первымъ дѣломъ новаго императора была ссылка ея на одинъ изъ острововъ Мраморнаго моря.

Умный, дѣятельный, отважный Цимисхій спѣшилъ великими дѣяніями и хорошимъ управленіемъ загладить пятно своего преступленія (если только оно могло быть заглажено). Во всѣхъ дѣлахъ имперіи почувствовалась новая сила, новая энергія. Одною изъ первыхъ его заботъ было удаленіе Руссовъ изъ Болгаріи. Сначала онъ пытался

склонить къ тому Святослава переговорами, и предлагалъ вознаградить его на основаніяхъ договора, заключеннаго съ Никифоромъ. Но Русскій князь предъявилъ условія неисполнимыя: онъ потребовалъ огромнаго выкупа за всѣ завоеванные города, за всѣхъ плѣнныхъ, и вообще далъ такой гордый отвѣтъ, что война сдѣлалась неизбѣжною. Не ограничиваясь собственною ратью, Святославъ вооружилъ вспомогательное войско изъ покоренныхъ Болгаръ; кромѣ того нанялъ конныя толпы Угровъ и Печенѣговъ, и послалъ ихъ разорять Ѳракію. Подъ стѣнами Адріанополя эти хищники потерпѣли пораженіе отъ мужественнаго, искуснаго византійскаго полководца Варды, по прозванію *Склира* (крѣпкаго). Но такъ какъ этотъ военачальникъ вслѣдъ за тѣмъ былъ отправленъ въ Малую Азію для усмиренія мятежа, поднятаго тамъ Фокою, племянникомъ убитаго императора Никифора, то отряды варваровъ распространили свои набѣги и опустошенія по Ѳракіи и Македоніи. Зимнее время прошло безъ важныхъ событій. Но Іоаннъ не терялъ времени. Сдѣлавъ Адріанополь опорнымъ пунктомъ для будущихъ военныхъ дѣйствій, онъ приготовлялъ тамъ склады оружія и съѣстныхъ припасовъ; а между тѣмъ снаряжалъ многочисленный флотъ изъ мелкихъ судовъ для дѣйствій на Дунаѣ, и усердно обучалъ свои полки военному искусству; при чемъ составилъ особый отрядъ тѣлохранителей, набранный изъ храбрѣйшихъ молодыхъ людей и названный „Безсмертнымъ". Къ веснѣ приготовленія были окончены, мятежъ Фоки усмиренъ, и восточные легіоны переправились въ Европу, имѣя во главѣ побѣдоноснаго Варду Склира.

Выступленіе императора въ походъ противъ Руссовъ сопровождалось большою торжественностію. Онъ всенародно молился въ знаменитѣйшихъ храмахъ столицы, сначала въ церкви Спасителя, находившейся въ Халкійскомъ отдѣленіи дворца, потомъ въ соборѣ св. Софіи и во Влахернскомъ храмѣ Богоматери. Онъ сдѣлалъ смотръ и примѣрное сраженіе своего флота въ Золотомъ Рогѣ передъ отплытіемъ его въ Дунай, и затѣмъ направился съ легіонами въ Адріанополь. Отсюда онъ послалъ развѣдать о положеніи непріятеля, и съ удивленіемъ узналъ, что Балканскія тѣснины

(*клисуры*), ведущія изъ Өракіи въ Болгарію, не были заняты Руссами. Этихъ проходовъ болѣе всего опасались Греки, вспоминая о пораженіяхъ, которыя они понесли здѣсь въ прежнихъ своихъ войнахъ съ Болгарами. Русь повидимому не ожидала такого ранняго движенія со стороны Грековъ: наступало время пасхи; а это время императоры обыкновенно проводили въ столицѣ, исполняя всѣ обряды великаго праздника, являясь народу на торжественныхъ выходахъ во всемъ блескѣ своего сана, устраивая пиршества и увеселяя толпу ристаніями или другими зрѣлищами. Какъ бы то ни было, но Русь показала большую безпечность и допустила захватить себя врасплохъ. Императоръ поспѣшно прошелъ ущелья, и явился на сѣверномъ склонѣ Балканъ подъ Преславой. Неожиданность нападенія помогла ему овладѣть столицею Болгаріи. Стоявшій тамъ русскій отрядъ сначала бился въ открытомъ полѣ передъ городомъ; потомъ защищался въ его стѣнахъ; вытѣсненный изъ города, онъ сосредоточился въ царскомъ дворцѣ, который былъ расположенъ на отдѣльномъ возвышеніи и окруженъ особою стѣною. Когда Греки, не смотря на всѣ усилія, не могли взять этого замка, они начали съ разныхъ концовъ бросать въ него огонь; тогда Руссы покинули пылавшее зданіе, и, окруженные со всѣхъ сторонъ непріятелями, были истреблены послѣ отчаянной обороны. Только начальникъ ихъ Сфенкелъ съ немногими успѣлъ спастись, и ушелъ къ Святославу, который съ главнымъ своимъ войскомъ стоялъ въ Дористолѣ. Въ Преславѣ Греки плѣнили молодаго болгарскаго царя Бориса съ его семействомъ. Іоаннъ, какъ искусный политикъ, обошелся съ нимъ ласково, заявляя что онъ ведетъ войну не съ Болгарами, а только съ Русью. Не теряя времени, императоръ двинулся къ Дористолу.

По всей вѣроятности не одна оплошность Руссовъ была причиною ихъ неудачъ съ самаго начала войны и ихъ оборонительнаго, а не наступательнаго образа дѣйствій. Очевидно наемныя полчища Угровъ и Печенѣговъ покинули Святослава въ самое нужное время, вѣроятно склоненные къ тому греческимъ золотомъ. Значительная часть Болгаръ возстала противъ Руси и начала помогать Грекамъ. Послѣднее обстоятельство подтверждается тѣмъ из-

вѣстіемъ, что Святославъ, рѣшаясь защищаться въ Дористолѣ, поспѣшилъ обезпечить себя со стороны жителей слѣдующею жестокою мѣрою: онъ собралъ наиболѣе знатныхъ и богатыхъ гражданъ и велѣлъ до трехъ сотъ человѣкъ обезглавить, а остальн[illegible]
содержать въ темницахъ.

Первая битва Цимисхія и [illegible]ава подъ Дористоломъ была весьма упорна. Руссы, сомкнувъ свои щиты и копья, стояли стѣной передъ городомъ, когда Іоаннъ повелъ на нихъ свои стройные легіоны. Грековъ одушевляли недавніе успѣхи и присутствіе ихъ искуснаго мужественнаго вождя; а Руссы, гордые своими завоеваніями и побѣдами надъ сосѣдними народами, считали пораженіе для себя невыносимымъ бѣдствіемъ; они дрались съ неукротимою яростію и съ дикимъ крикомъ поражали непріятелей. День уже склонялся къ вечеру, а побѣда все еще колебалась. Наконецъ Іоаннъ выдвинулъ всю свою конницу и велѣлъ ей стремительно ударить на варваровъ. Послѣдніе не выдержали этого натиска, отступили, и заключились въ городѣ. Императоръ немедленно устроилъ укрѣпленный лагерь на возвышеніи, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города; Греки окопались и поставили свои шатры. Въ то же время греческій флотъ вошелъ въ Дунай, и отрѣзалъ Руссамъ отступленіе въ отечество. Флотъ этотъ былъ страшенъ для нихъ своими огнеметательными снарядами. Они еще живо помнили разсказы отцевъ о томъ, какъ этотъ огонь истребилъ суда Игоря. Русь собрала свои ладьи, и держала ихъ подъ самыми стѣнами Дористола, не смѣя приблизиться къ греческимъ судамъ. Итакъ съ прибытіемъ греческаго флота она была окружена непріятелемъ. Началась знаменитая осада, которая по своему упорству и подвигамъ, совершеннымъ съ обѣихъ сторонъ, напоминаетъ нѣсколько баснословную осаду Трои, прославленную древними поэтами.

Геройская борьба Святослава съ Цимисхіемъ описана довольно подробно въ произведеніяхъ нѣкоторыхъ византійскихъ историковъ. Не всѣ они согласуются между собою въ изложеніи ея подробностей; но нисколько не разногласятъ относительно ея характера и главныхъ событій ([18]).

Отрѣзанные отъ родины, не получая ни откуда помощи ни людьми, ни припасами, Руссы защищались съ удивительнымъ мужествомъ и терпѣніемъ. Они не прятались за городскими стѣнами, и рѣдкій день не выходили на битву съ непріятелемъ. Русь, приплывшая на судахъ, составляла собственно пѣшую рать, за исключеніемъ предводителей и знатныхъ людей. Видя, какое превосходство даетъ Грекамъ ихъ броненосная конница, Руссы въ началѣ осады попытались и съ своей стороны выставить конное войско; но ни лошади, набранныя у туземцевъ, не годились къ бою, ни сами всадники, непривыкшіе къ конному строю, не могли соперничать съ хорошо обученной конницей Цимисхія. Да и лошади конечно мало по малу были съѣдены, когда наступило истощеніе запасовъ. Обыкновенно русская, кольчужная рать, выступивъ изъ города и закрывшись своими длинными, до самыхъ ногъ, щитами, стѣною шла на непріятеля и сокрушала все передъ собою до тѣхъ поръ, пока Цимисхій и его полководцы клинообразнымъ построеніемъ своей пѣхоты, неожиданными нападеніями съ боковъ, съ тыла или стремительными ударами конницы успѣвали разстроить сомкнутую русскую фалангу и принудить ее къ отступленію, но не къ бѣгству: ибо Руссы шли назадъ медленно, закинувъ за спину свои огромные щиты. По ночамъ они выходили иногда въ поле, собирали тѣла павшихъ товарищей и сожигали ихъ на разложенныхъ кострахъ; при чемъ закалали своимъ богамъ многихъ плѣнниковъ, а также по извѣстному славянскому обычаю убивали и женщинъ (вѣроятно принадлежавшихъ болѣе знатнымъ покойникамъ); кромѣ того приносили въ жертву младенцевъ и пѣтуховъ, которыхъ опускали въ Дунай. Эти погребальные обряды они сопровождали дикимъ воемъ и плачемъ въ честь покойниковъ. Нерѣдко Греки, снимая доспѣхи съ убитыхъ непріятелей, открывали между ними трупы женщинъ, которыя въ мужской одеждѣ слѣдовали за своими господами и на поле сраженія.

Цимисхій устроилъ метательные снаряды, которые бросали камни въ городъ, и убивали многихъ осажденныхъ. Русь однажды сдѣлала нечаянную выла[illegible] [illegible]обы сжечь

эти машины; но подоспѣвшая конница спасла ихъ отъ истребленія. Въ этомъ дѣлѣ Руссамъ удалось убить одного греческаго военачальника въ доспѣхахъ изъ позолоченныхъ бляхъ; они приняли его за самаго императора, и, вонзивъ на конецъ копья отрубленную его голову, выставили ее на городской стѣнѣ. Но оказалось, что то былъ магистръ Іоаннъ, родственникъ императора, начальствовавшій осадными машинами. Въ другой разъ, Святославъ, выбравъ темную, бурную ночь, съ 2000 воиновъ сѣлъ въ ладьи, и, незамѣченный греческими судами, собралъ въ ближнихъ селеніяхъ, сколько можно было захватить, муки, хлѣба и другихъ съѣстныхъ припасовъ, въ которыхъ осажденные терпѣли крайнюю нужду. На обратномъ пути онъ успѣлъ еще истребить цѣлый греческій отрядъ, безпечно разсыпавшійся для водопоя и для рубки дровъ въ лѣсу. Императоръ сильно досадовалъ на начальниковъ своего флота за ихъ оплошность, и грозилъ имъ смертною казнію, если подобная вылазка повторится. Съ этого дня Греки еще тщательнѣе начали оберегать всѣ пути, ведущіе въ Дористолъ, и лишили осажденныхъ всякой возможности промышлять себѣ припасы. Одинъ византійскій писатель (Кедренъ) говоритъ, будто Іоаннъ Цимисхій, весьма искусный во всѣхъ военныхъ упражненіяхъ, во время этой осады предлагалъ Святославу не продолжать излишняго кровопролитія, а рѣшить дѣло ихъ единоборствомъ; но Святославъ будто бы отвѣчалъ: „Я лучше врага своего знаю, что мнѣ дѣлать; если жизнь ему наскучила, то много способовъ отъ нея избавиться; пусть выбираетъ любой“.

Осада длилась уже болѣе двухъ мѣсяцевъ. Русскій князь потерялъ большую часть своей дружины и лучшихъ своихъ воеводъ. Въ числѣ павшихъ находился и Сфенкелъ. Съ его смертію первое мѣсто въ войскѣ послѣ Святослава занялъ Икморъ, не столько по своему происхожденію, сколько по своимъ подвигамъ, необычайной силѣ и росту. Въ вылазкѣ 20 іюля онъ съ особою яростію поражалъ Грековъ во главѣ отборнаго отряда. Тогда одинъ изъ конныхъ тѣлохранителей Цимисхія, по имени Анемасъ, родомъ критянинъ, отличавшійся также большимъ мужествомъ и силою, разгоря-

чивъ своего коня, понесся на Икмора, и поразилъ его прямо въ шею съ такою мощью, что голова русскаго богатыря упала на землю вмѣстѣ съ правою рукою. Увидавъ его паденіе, Руссы подняли отчаянные вопли; а Греки ободрились, ударили съ новою энергіей, и заставили своихъ непріятелей уйти въ городъ.

Съ паденіемъ Икмора уныніе и отчаяніе проникли въ среду неукротимой русской рати. Святославъ созвалъ на совѣтъ воеводъ и старшую дружину, и спросилъ, что дѣлать. Нѣкоторые предлагали выбрать глухую ночь, и, сѣвъ на суда, спасаться бѣгствомъ; но другіе, указывая невозможность пройти мимо огненосныхъ греческихъ кораблей, совѣтовали заключить миръ съ императоромъ. Тогда князь сталъ напоминать товарищамъ славу непобѣдимаго русскаго оружія, которое покорило цѣлыя страны. „И къ чему послужитъ намъ жизнь, спасенная бѣгствомъ или униженіемъ? — говорилъ онъ. Насъ будутъ презирать тѣ самые народы, которые доселѣ трепетали передъ нами. Нѣтъ, если не можемъ добыть побѣды, то добудемъ себѣ славной смерти". Конечно византійскіе историки, влагая подобныя рѣчи въ уста своихъ героевъ, слѣдовали въ этомъ отношеніи классическимъ образцамъ; но несомнѣнно, что въ такомъ смыслѣ Святославъ говорилъ своей дружинѣ, и дѣйствительно съумѣлъ вдохнуть въ нее новое мужество и новыя силы. Опять послѣдовали отчанныя битвы. Во время одной изъ нихъ и самой упорной, Анемасъ, усмотрѣвъ Святослава, примѣромъ своимъ одушевлявшаго русскіе полки и сильно тѣснившаго Грековъ, вздумалъ повторить тотъ же ударъ, который ему удался противъ Икмора. Мечемъ своимъ онъ проложилъ себѣ дорогу къ русскому князю, и поразилъ его въ самую ключевую кость. Ударъ былъ такъ силенъ, что Святославъ упалъ съ коня; но крѣпкая кольчуга и щитъ охранили его. Окруженный непріятелями, Анемасъ многихъ побилъ; но наконецъ палъ подъ ударами русскихъ копій. Смерть его ободрила Руссовъ и опечалила Грековъ. Послѣдніе начали отступать. Императоръ, видя крайнюю опасность, велѣлъ ударить въ бубны и трубить въ трубы, и самъ съ копьемъ въ рукѣ, во главѣ своего отряда

безсмертныхъ, понеся на русскія дружины. Греки возобновили битву; на помощь къ нимъ явилась внезапная буря, которая понесла облака пыли на русское войско, и заслѣпила ему глаза. Между тѣмъ особый греческій отрядъ, предводительствуемый Вардою Склиромъ, зашелъ въ тылъ Русскому войску и грозилъ отрѣзать его отъ города. Тогда Руссы поспѣшно отступили. Самъ Святославъ, израненный и истекающій кровью, едва спасся отъ плѣна. Впослѣдствіи у Грековъ сложилась легенда, что на полѣ битвы явился какой-то воинъ на бѣломъ конѣ, который чудеснымъ образомъ поражалъ Руссовъ и разстроивалъ ихъ ряды: то былъ никто иной какъ мученикъ Θеодоръ Стратилатъ, котораго сама Богородица послала на помощь императору Іоанну.

Наконецъ, когда всѣ средства для борьбы были истощены и въ Дористолѣ насталъ ужасный голодъ, Святославъ рѣшился просить мира. Цимисхій охотно согласился: хотя Греки не имѣли ни въ чемъ недостатка и получали подкрѣпленія; однако и они были утомлены такою отчаянною обороною и они сильно желали мира. Русскій князь обязался выдать всѣхъ плѣнниковъ, сдать Дористолъ и уйти изъ Болгаріи. Онъ обязывался и впредь не помышлять о войнѣ съ Греками, не нападать на греческія владѣнія въ сѣверномъ Черноморьѣ, именно на Корсунскую область, а также на страну Дунайскихъ Болгаръ, и не только самому не нападать, но препятствовать въ томъ и другимъ непріятелямъ Грековъ. Обязательства эти Русь должна была подтвердить обычною клятвою на своемъ оружіи, Перуномъ и Волосомъ. Съ своей стороны императоръ давалъ Руси свободный путь для возвращенія въ отечество; а также согласился по прежнему допускать русскихъ торговцевъ въ Византію и обходиться съ ними подружески. Договоръ заключенъ синкеломъ Θеофиломъ, отъ имени Цимисхія и двухъ молодыхъ императоровъ, братьевъ Василія и Константина. А съ русской стороны въ грамотѣ, писанной подъ Дористоломъ, кромѣ Святослава упоминается только одинъ воевода Свенельдъ, по всей вѣроятности занимавшій теперь первое мѣсто послѣ князя.

Цимисхій велѣлъ раздать голодающей Руси хлѣбъ, по двѣ мѣры на человѣка. Византійскій историкъ Левъ Діаконъ говоритъ, что изъ 60.000 приведенныхъ Святославомъ въ Болгарію, насчитали теперь только 22.000. Но и изъ этого числа едва ли болѣе половины оставалось способныхъ къ бою. При заключеніи договора Святославъ попросилъ о личномъ свиданіи съ императоромъ, и получилъ согласіе. Они свидѣлись на берегу Дуная. Цимисхій явился на конѣ, покрытый своимъ позлащеннымъ вооруженіемъ; за нимъ слѣдовалъ отрядъ всадниковъ въ блестящихъ доспѣхахъ. А Святославъ подъѣхалъ къ берегу въ ладьѣ; при чемъ дѣйствовалъ весломъ наравнѣ съ прочими гребцами. Греки съ любопытствомъ разсматривали наружность русскаго князя. Онъ былъ средняго роста, статенъ, широкоплечъ и съ мускулистой шеей; имѣлъ голубые глаза и густыя брови, носъ немного плоскій, подстриженную бороду и длинные усы. Съ его оголенной головы спускался на бокъ локонъ волосъ, по обычаю знатныхъ русскихъ людей. Въ одномъ ухѣ онъ носилъ золотую серьгу, украшенную рубиномъ и двумя жемчужинами. Выраженіе его лица показалось Грекамъ суровымъ и мрачнымъ. На немъ былъ наброшенъ бѣлый плащъ, такой же какъ и у всѣхъ его товарищей. Не выходя изъ ладьи, онъ черезъ переводчика поговорилъ немного съ императоромъ, и отъѣхалъ назадъ. По всему вѣроятію при этомъ свиданіи Святославъ просилъ императора, чтобы онъ потребовалъ отъ Печенѣговъ свободнаго пропуска Руссовъ въ отечество. Цимисхій обѣщалъ.

Когда Русь сѣла на свои суда и удалилась, императоръ занялъ Дористолъ и другія дунайскія крѣпости, а затѣмъ воротился въ столицу. Побѣда надъ такимъ храбрымъ непріятелемъ, какова была Русь, и избавленіе имперіи отъ грознаго Святослава покрыли Цимисхія громкою славою. Патріархъ, епископы, сенаторы и огромная толпа византійскихъ гражданъ встрѣтили его за стѣнами города съ побѣдоносными пѣснопѣніями и поздравленіями. Ему поднесли скипетры и золотые вѣнцы, и подвели тріумфальную колесницу, запряженную бѣлыми конями. Императоръ принялъ вѣнцы и скипетры, но отказался сѣсть на тріум-

фальную колесницу, и велѣлъ поставить на нее взятую въ Болгаріи икону Богородицы; самъ же слѣдовалъ за нею на своемъ быстромъ конѣ, увѣнчанный діадимою. Столица принимала его, изукрашенная лавровыми вѣтвями, коврами и другими разноцвѣтными тканями. Прежде всего императоръ отправился въ св. Софію, гдѣ совершилъ благодарственное моленіе, и посвятилъ храму дорогой вѣнецъ болгарскихъ царей. Затѣмъ онъ вступаетъ на форумъ Августеонъ, сопутствуемый плѣннымъ болгарскимъ царемъ Борисомъ, и здѣсь въ присутствіи народной толпы приказываетъ ему снять съ себя царскіе знаки, т. е. шитую золотомъ и осыпанную жемчугомъ шапку, багряный плащъ и красную обувь. Вмѣсто нихъ Борисъ получилъ достоинство римскаго магистра. Такимъ образомъ знаменитое царство Дунайскихъ Болгаръ, сломленное руками единоплеменной имъ Руси, объявлено простою областью Византійской имперіи.

Между тѣмъ пользуясь отсутствіемъ русскаго князя и войска, хищныя печенѣжскія орды до того усилились, что во время пребыванія Святослава въ Болгаріи напали на самый Кіевъ и едва не овладѣли русскою столицею. Посольство, отправленное Цимисхіемъ къ этимъ кочевникамъ, предложило имъ вступить въ союзъ съ Греками; при чемъ потребовало, чтобы они не переходили Дунай для опустошенія Болгаріи и не препятствовали возвращенію Руссовъ въ отечество. Печенѣги согласились на первое; но въ послѣднемъ требованіи отказали. Такъ повѣствуютъ византійскіе историки. Сомнительно, чтобы Греки искренно хлопотали о безопасности Руссовъ. Вѣроятнѣе, что они дѣйствовали при этомъ не безъ лукавства, и не прочь были погубить такого предпріимчиваго, опаснаго сосѣда, какимъ былъ Святославъ.

Узнавъ, что Печенѣги заступили дорогу, русскій князь зазимовалъ въ Бѣлобережьѣ, гдѣ-то около Днѣпровскаго устья. Здѣсь русская рать принуждена была терпѣть страшную нужду въ пищѣ и питалась кониною; но и та была такъ дорога, что приходилось платить по полугривнѣ за конскую голову. Князь конечно поджидалъ помощи изъ Кіева. Но очевидно или въ Русской землѣ въ то время

дѣла находились въ большомъ разстройствѣ, или тамъ не имѣли точныхъ свѣденій о положеніи князя. Помощь ни откуда не приходила. На весну Святославъ рѣшился оружіемъ пробиваться въ отечество. Съ остаткомъ своей рати онъ поплылъ въ ладьяхъ по нижнему Днѣпру; но около пороговъ Русь должна была выдти на берегъ и идти степью; такъ какъ на ладьяхъ невозможно было пройти пороги противъ теченія. Тогда то подстерегавшія Руссовъ печенѣжскія орды окружили ихъ, конечно въ удобномъ для себя мѣстѣ. Произошла отчаянная сѣча. Святославъ палъ, и только немногіе Руссы успѣли воротиться въ Кіевъ съ воеводою Свенельдомъ (972 г.). Въ Русской лѣтописи сохранилось извѣстіе о какомъ то упрямствѣ князя, который не послушалъ совѣта Свенельдова, не пошелъ въ Кіевъ окольнымъ путемъ, а съ свойственною ему отвагою хотѣлъ пробиться сквозь Печенѣжскую орду. Таже лѣтопись прибавляетъ, что печенѣжскій князь Куря велѣлъ черепъ Святослава оковать металломъ, и на пирахъ пилъ вино изъ этой чаши — обычай существовавшій не только у дикихъ турецкихъ кочевниковъ, но даже у германскихъ и славянскихъ народовъ во времена ихъ варварства.

Такъ погибъ знаменитый Русскій князь, котораго излишняя отвага и жажда къ завоеваніямъ завлекли слишкомъ далеко.

III.

ВЛАДИМІРЪ ВЕЛИКІЙ И ТОРЖЕСТВО ХРИСТІАНСТВА.

Сыновья Святослава. Варяги помогаютъ Владиміру добыть Кіевъ. Войны съ сосѣдями. Язычество. Гоненіе на христіанъ. Взятіе Корсуня. Крещеніе Владиміра и утвержденіе христіанства на Руси. Удѣлы. Борьба съ Печенѣгами. Дружина Владиміра. Католическіе миссіонеры. Отношенія польскія, греческія и варяжскія. Ингигерда и отложеніе новогородскаго князя. Кончина Владиміра Великаго.

Мы знаемъ, что у Святослава были двоюродные братья, а можетъ быть и родные. Братья эти конечно имѣли свои удѣлы; но наши источники молчатъ объ ихъ судьбѣ. По извѣстію Русской лѣтописи, Ольга скончалась за три года до гибели Святослава; а послѣ него осталось три сына, рожденные отъ разныхъ матерей; такъ какъ Святославъ, подобно другимъ русскимъ князьямъ, держался языческаго обычая многоженства. Великіе князья кіевскіе очевидно старались имѣть своими намѣстниками въ областяхъ собственныхъ сыновей и другихъ родственниковъ, чтобы крѣпче связать съ Кіевомъ подвластныя племена и вытѣснять мѣстные княжескіе роды. Во время пребыванія Святослава въ Болгаріи старшій сынъ Ярополкъ заступалъ его мѣсто въ Кіевѣ; другой, по имени Олегъ, княжилъ въ землѣ Древлянской, т. е. на Волыни и въ Полѣсьѣ; а младшему, Владиміру, отецъ отдалъ Новгородъ, въ которомъ самъ княжилъ при жизни Игоря. Въ остальныхъ русскихъ областяхъ вѣроятно сидѣли другіе родственники. Произошло обычное явленіе, которое неразъ повторялось послѣ того, повторялось конечно и прежде. Кіевскій князь не хотѣлъ ограничиваться только званіемъ старшаго князя, но стремился быть дѣйствитель-

нымъ господиномъ всей Русской земли. Слѣдовательно, едва только начинаетъ проясняться Русская исторія, мы уже видимъ борьбу единодержавія съ удѣльнымъ порядкомъ, и въ то же время борьбу сѣвера съ югомъ, Новгорода съ Кіевомъ. Лѣтопись объясняетъ возникшія послѣ Святослава междоусобія внушеніями нѣкоторыхъ бояръ, именно Свенельда, который былъ главнымь совѣтникомъ Ярополка, и Добрыни, который приходился Владиміру дядею по матери и руководилъ своимъ юнымъ племянникомъ. Въ междоусобіи Ярополка съ Олегомъ послѣдній былъ убитъ, и Кіевскій князь завладѣлъ его удѣломъ. Но и Владиміръ съ Добрынею не теряли времени, что бы увеличить свою область. Главнымъ средствомъ для того послужили наемныя варяжскія дружины.

Извѣстно, что на Скандинавскихъ островахъ и полуостровахъ въ IX и X вѣкахъ совершался важный переворотъ. Тамъ слагались три сильныя королевства: Швеція, Норвегія и Данія; при чемъ многіе мелкіе владѣтели, не желая сдѣлаться простыми подданными королей, начали уходить изъ отечества съ своими друзьями и слугами. Они искали счастья въ иныхъ странахъ, или въ качествѣ завоевателей, если собирались въ значительномъ числѣ и находили себѣ достойныхъ вождей, или просто въ качествѣ наемниковъ. Отсюда возникло знаменитое движеніе норманскихъ дружинъ. Главное, именно завоевательное, движеніе направилось на западъ, преимущественно въ Англію и Сѣверную Францію. Между тѣмъ на востокѣ, на Балтійскомъ поморьѣ и на Руси, которую они называли землею Гардовъ (Гардарикія), Норманны появляются въ качествѣ наемныхъ отрядовъ. Первая норманская дружина на Руси встрѣчается въ Новгородѣ. Граждане новогородскіе издревле отличались предпріимчивымъ, свободолюбивымъ нравомъ, и кіевскіе князья, подчинивъ себѣ этотъ край, что бы держать его въ повиновеніи, водворили въ Новгородѣ наемную варяжскую дружину, которую должны были содержать сами же Новгородцы. По крайней мѣрѣ, лѣтопись русская говоритъ, что еще Олегъ уставилъ ежегодную дань съ Новгорода въ 300 гривенъ на плату варяжскому

гарнизону, „мира дѣля“ какъ она выражается, т. е. ради порядка и спокойствія. Сношенія Руссовъ съ Норманнами постепенно умножались; князья наши нерѣдко заключали дружественныя и родственныя связи съ скандинавскими державцами. Значеніе варяжскихъ наемныхъ дружинъ на Руси особенно усилилось вслѣдствіе междоусобій возникшихъ въ потомствѣ Игоря: онѣ явились сильнымъ орудіемъ въ рукахъ наиболѣе предпріимчивыхъ властолюбивыхъ князей.

Владиміръ и Добрыня искусно воспользовались Варягами для своихъ замысловъ. Судя по лѣтописи, Владиміръ самъ отправлялся куда то за море, гдѣ и нанялъ значительное варяжское войско. Онъ началъ свои завоеванія съ Полоцкаго или Кривскаго края. Въ томъ краю княжилъ Рогволодъ. Неизвѣстно, принадлежалъ ли онъ къ роду собственно кіеворусскихъ князей, или къ мѣстнымъ кривскимъ владѣтелямъ; послѣднее вѣроятнѣе. Лѣтопись говоритъ, что онъ отказалъ Владиміру отдать ему въ замужство свою дочь Рогнѣдь, предпочитая другаго ея жениха, кіевскаго князя Ярополка. Новогородскій князь пошелъ на Рогволода, и побѣдилъ его; причемъ послѣдній погибъ съ двумя своими сыновьями; а Рогнѣдь силою принуждена была сдѣлаться женою побѣдителя. Затѣмъ послѣдовала неизбѣжная борьба Владиміра съ Ярополкомъ. Съ помощью тѣхъ же наемныхъ Варяговъ меньшій братъ остался побѣдителемъ, и завладѣлъ Кіевомъ. Лѣтопись повѣствуетъ при этомъ объ измѣнѣ боярина Блуда, который повидимому сдѣлался главнымъ совѣтникомъ Ярополка по смерти Свенельда. Но приведенная ею причина предательства не совсѣмъ вѣроятна: Владиміръ обѣщалъ воздать ему большую честь и „имѣть его въ отца мѣсто“. Для чего же Блуду нужно было искать перваго мѣста при младшемъ братѣ, когда онъ уже занималъ это мѣсто при старшемъ и когда въ отца мѣсто служилъ Владиміру его дядя Добрыня, который конечно не уступилъ бы никому этого мѣста? Достовѣрно только одно, что Ярополкъ, вытѣсненный изъ Кіева и осажденный въ городѣ Роднѣ, на устьѣ Роси, такъ былъ стѣсненъ, особенно наступившимъ здѣсь голодомъ, что склонился на переговоры. Довѣряя мирнымъ

предложеніямъ Владиміра, онъ отправился въ его ставку; но у входа въ нее былъ убитъ двумя варягами, спрятанными въ засадѣ (19). Такимъ то способомъ младшій изъ сыновей Святослава возстановилъ единство Русскихъ областей.

Жадные варяжскіе наемники, окружавшіе Владиміра, смотрѣли на Кіевъ какъ на собственное завоеваніе; по словамъ лѣтописи, они потребовали отъ Кіевлянъ окупа по двѣ гривны съ человѣка (вѣроятно съ каждаго главы семейства). Владиміръ обѣщалъ исполнить это требованіе. Но онъ успѣлъ выиграть время и принять свои мѣры противъ безпокойныхъ союзниковъ; послѣ чего сбросилъ съ себя личину. Тогда Варяги попросили его отпустить ихъ въ Грецію. Князь выбралъ лучшихъ мужей, которыхъ оставилъ въ своей службѣ; а остальныхъ отправилъ съ русскимъ судовымъ караваномъ въ Византію. Дѣйствительно, мы встрѣчаемъ потомъ въ числѣ греческихъ наемныхъ войскъ отряды изъ *Варанговъ;* начало этихъ отрядовъ вѣроятно и было положено тѣми Норманнами, которыхъ отпустилъ Владиміръ.

Гибель многочисленной русской рати вмѣстѣ съ самимъ Святославомъ и послѣдующія за тѣмъ междоусобія его сыновей, естественно, должны были нанести сильный ударъ возраставшему могуществу Руси. Часть покоренныхъ племенъ отложилась, т. е. перестала платить дань; а нѣкоторые сосѣди спѣшили пользоваться обстоятельствами, чтобы грабить Русь или увеличить на ея счетъ собственные предѣлы. Пришлось вновь покорять первыхъ и укрощать послѣднихъ; что и было съ успѣхомъ исполнено, благодаря великому человѣку, въ рукахъ котораго сосредоточились тогда судьбы Руси. Почти все княженіе Владиміра, особенно первая его половина, было наполнено удачными походами и битвами. Такъ на востокѣ усмирены Вятичи и Радимичи. Послѣднихъ, по словамъ лѣтописи, побѣдилъ воевода Владиміровъ, по прозванію Волчій Хвостъ, на рѣкѣ Пищанѣ. Отсюда Русь будто бы впослѣдствіи корила Радимичей поговоркою: „Пищанцы волчья хвоста бѣгаютъ". На югѣ шла жестокая борьба съ Печенѣгами, дерзость и грабежи которыхъ значительно

усилились послѣ гибели Святослава. На западѣ Владиміръ отражалъ набѣги дикаго лѣснаго племени Ятвяговъ, и воевалъ подкарпатскихъ Славянъ или Бѣлыхъ Хорватовъ, сосѣднихъ съ Волынью. Къ тому же времени относится первое исторически извѣстное столкновеніе Руси съ другою юною Славянскою державою, съ Поляками. Столкновеніе ихъ произошло въ области тѣхъ же подкарпатскихъ Славянъ. По словамъ лѣтописи, Владиміръ въ 981 году пошелъ на Ляховъ, и отвоевалъ у нихъ нѣкоторые города, въ томъ числѣ Перемышль и Червень. Послѣдній стоялъ на рѣчкѣ Гучвѣ (недалеко отъ Холма), и отъ него то вся эта страна получила названіе Червонной Руси.

Подъ 985 годомъ лѣтопись помѣщаетъ походъ Владиміра на Камскихъ Болгаръ. Въ той сторонѣ лежалъ Ростовско-Суздальскій край, составлявшій владѣнія русскихъ князей. Находимые въ этомъ краю клады съ арабскими монетами и разными металлическими вещами восточной работы указываютъ на довольно дѣятельныя торговыя сношенія его съ сосѣднею Камскою Болгаріей, при помощи судоваго пути Волжскаго и Окскаго. Новый походъ на Болгаръ могъ произойти вслѣдствіе нарушенія договоровъ и притѣсненія русскихъ купцовъ; притомъ Русь побуждаема была вѣроятно желаніемъ вновь поживиться добычею въ зажиточныхъ болгарскихъ городахъ, а можетъ быть надѣялась принудить ихъ къ постоянной дани. Въ этомъ походѣ въ первый разъ упоминаются Торки, кочевое племя сосѣднихъ степей: русская рать по своему обычаю ходила на судахъ, а торкская конница шла берегомъ. Лѣтопись украшаетъ Болгарскій походъ слѣдующимъ преданіемъ. Добрыня осмотрѣлъ плѣнныхъ Болгаръ, и, увидавъ на нихъ сапоги, сказалъ Владиміру: „нѣтъ, эти не будутъ давать намъ дани; поищемъ лучше лапотниковъ“. Заключенъ былъ миръ, и обѣ стороны будто бы при этомъ поклялись хранить его до тѣхъ поръ, пока камень начнетъ плавать, а хмѣль тонуть.

Возстановивъ русское господство въ Восточной Европѣ, Владиміръ рѣшился вступить въ борьбу съ Византіей: Русь конечно не могла еще забыть пораженіе Святослава и потерю Дунайской Болгаріи. Война началась тамъ,

гдѣ русскія владѣнія соприкасались съ греческими, т. е. въ Тавридѣ, въ странѣ Черныхъ Болгаръ. Очень можетъ быть, что Греки, надмѣнные своею побѣдою, пытались вытѣснить Русь изъ той страны и воротить подъ свою державу область Боспора Киммерійскаго. А Русскій князь въ свою очередь задумалъ присоединить къ своимъ землямъ и послѣдній остатокъ греческихъ владѣній въ Тавридѣ, т. е. область Корсунскую и такъ наз. Климаты (Готія или южный берегъ). Эта война съ Греками получила великое значеніе въ нашей исторіи: она повлекла за собою крещеніе Владиміра и окончательное водвореніе христіанства на Руси.

Отечественные и иноземные источники равно указываютъ на двѣ отличительныя черты Русскаго князя: вопервыхъ, наклонность къ разгулу при необыкновенномъ женолюбіи, а вовторыхъ, жестокость, соединенную съ ревностнымъ идолопоклонствомъ. Языческіе обычаи Руси допускали многоженство и наложничество. Женщина вообще стояла довольно низко въ русскомъ обществѣ: она была рабою; а понятія мужъ и господинъ не раздѣлялись между собою. Но Владиміръ очевидно перешелъ всѣ предѣлы, дозволенные обычаемъ въ этомъ отношеніи. Кромѣ Рогнѣди онъ имѣлъ многихъ женъ, между прочимъ взялъ за себя одну гречанку, плѣненную Святославомъ и бывшую уже женою старшаго брата Святополка. Кромѣ того онъ содержалъ въ разныхъ мѣстахъ цѣлыя сотни наложницъ. Такъ, по извѣстію лѣтописи, въ селѣ Берестовѣ подъ Кіевомъ у него было ихъ 200, въ Вышгородѣ 300, въ Бѣлгородѣ тоже 300—числа почти невѣроятныя. Недовольствуясь тѣмъ, онъ не оставлялъ въ покоѣ всякую понравившуюся ему дѣвицу или замужнюю женщину ([20]). Едва ли народъ, особенно такой подвижной какъ Кіевляне, равнодушно относился къ столь крайнему выраженію самовластія, и, если князь могъ презирать народнымъ неудовольствіемъ, то конечно не безъ помощи наемныхъ Варяговъ и собственныхъ щедро награждаемыхъ дружинниковъ.

Кромѣ женолюбія, Владиміръ въ первую эпоху своего самовластія отличался усердіемъ къ идолослуженію.

Еще знаменитый византійскій писатель VI вѣка, Про-

копій, замѣтилъ о русскихъ Славянахъ (которыхъ онъ называетъ Антами), что они поклоняются богу, производящему молнію, закалаютъ ему быковъ и другихъ животныхъ, почитаютъ рѣки, нимфъ и иныя существа; что они дѣлаютъ своему богу обѣты въ случаѣ опасности или какой нужды, по избѣжаніи ея приносятъ ему обѣщанныя жертвы, и совершаютъ по своимъ жертвамъ гаданія. Въ IX и X вв. мы находимъ у Руссовъ тоже поклоненіе богу огня или грома и молніи, котораго они именовали *Перуномъ*. Подобно всѣмъ языческимъ народамъ, русскіе Славяне смотрѣли на окружающую природу какъ на существо живое, и всѣ стихіи представляли себѣ особыми божествами. Съ понятіемъ объ огнѣ и теплѣ тѣсно связано понятіе и о солнечномъ свѣтѣ. Солнце пользовалось обоготвореніемъ весьма распространеннымъ у восточныхъ Славянъ. Оно чтилось подъ разными именами, каковы: *Хорсъ*, *Дажбогъ*, *Волосъ, Яръ* (у западныхъ Славянъ: Яровитъ, Святовитъ, Сварожичъ, Радегастъ и др.). Въ непосредственной связи съ разными поворотами солнца, какъ благодѣтельнаго божества, находящагося въ постоянной борьбѣ съ тьмою и холодомъ, находились главные славянскіе праздники. Такъ поворотъ съ зимы на весну былъ отмѣченъ праздникомъ, извѣстнымъ подъ именемъ *Коляды* или *Асеня*; а въ ту пору, когда все ожило и разцвѣло подъ благотворнымъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, т. е. въ концѣ весны, происходило празднество *Купала* или *Ярила*, которое сопровождалось веселыми играми, прыганьемъ черезъ горящіе костры, собираніемъ цѣлебныхъ травъ и таинственныхъ цвѣтовъ.

Поклоняясь огню и солнцу, восточные Славяне въ тоже время были усердными водо-поклонниками. Они почитали рѣки за отдѣльныхъ боговъ, и нѣкоторыя изъ нихъ даже называли просто *Богъ* (по польскому произношенію Бугъ). Другое не разъ встрѣчающееся для рѣкъ названіе было *Рось*, которое перешло и на самый Русскій народъ. Это слово заключало въ себѣ понятіе свѣта, а также влаги, *росы*. Отсюда произошло и названіе *русалокъ*, тѣхъ игривыхъ женскихъ существъ, которыми воображеніе Славянъ населяло водное царство (подъ именемъ нимфъ у Прокопія

разумѣлись конечно славянскія русалки или вилы). Къ воднымъ божествамъ вѣроятно принадлежала и богиня *Мокошь*, упомянутая въ лѣтописи. Купала и особенно Дажьбогъ служили связью въ поклоненіи солнцу и водѣ; именемъ послѣдняго обозначалась и влага, падающая съ неба (дождь). Священное значеніе воды ясно, между прочимъ, изъ обычая совершать около нея „умыканіе", т. е. похищеніе дѣвицъ юношами; что у нѣкоторыхъ племенъ замѣняло брачный обрядъ. Водѣ также приносили въ жертву животныхъ и другіе предметы; особенно дѣлали это во время какого либо труднаго плаванія. Обожая солнце и воду, Славяне почитали и землю живымъ существомъ, и боготворили ее подъ именемъ „Матери сырой земли". Властителемъ вѣтровъ они называли *Стрибога*.

Русскіе Славяне вѣрили въ загробную жизнь; но имѣли о ней такія же земныя представленія какъ и большая часть другихъ языческихъ народовъ. Загробное существованіе по ихъ понятіямъ было какъ бы продолженіемъ настоящей жизни. Рай они воображали себѣ какимъ-то цвѣтущимъ, зеленымъ садомъ; но онъ принадлежитъ собственно людямъ свободнымъ; а женщины и рабы должны тамъ по прежнему служить своимъ господамъ. Конечно въ связи съ такимъ понятіемъ господствовалъ у древнихъ Славянъ обычай при погребеніи покойника убивать одну изъ его женъ, а съ знатнымъ человѣкомъ погребать еще и нѣсколько рабовъ. По словамъ одного византійскаго историка (Льва Діакона) Руссы предпочитали лучше пронзить себя собственнымъ мечемъ, чѣмъ сдаться живыми непріятелю; ибо они страшились рабства, думая, что оно продолжается и за гробомъ. Объ адѣ Славяне имѣли самыя неопредѣленныя представленія. Обычай сожженія труповъ основанъ былъ на томъ вѣрованіи, что душа, очищенная огнемъ, немедленно могла войти въ рай; чему способствовали и жертвы, приносимыя на могилѣ покойниковъ. Но душа человѣка недостойнаго, повидимому, должна была мучиться въ какомъ то преисподнемъ огнѣ (*пекло*), прежде чѣмъ очистится отъ грѣховъ. Поклоненіе предкамъ, столь обычное у языческихъ народовъ, существовало и у Славянъ, которые чтили ихъ подъ именами *Рода* и *Рожаницы*, *Чура*

или *Щура* (пращуръ), и также приносили имъ жертвы. Вообще вся видимая природа въ ихъ воображеніи населена была множествомъ мѣстныхъ божествъ или геніевъ, то добрыхъ и благосклонныхъ, то злыхъ и враждебныхъ, каковы: домовой, водяной, лѣшій и пр.

Упомянутые боги не вездѣ у восточныхъ Славянъ имѣли одинакое значеніе и почитаніе; оно видоизмѣнялось по разнымъ племенамъ и отчасти по характеру окружающей природы. Но главнымъ народнымъ божествомъ собственно Русскаго племени всегда оставался громовникъ Перунъ. Его имя Русь употребляла въ самыхъ торжественныхъ клятвахъ; при чемъ рядомъ съ нимъ ставила только одного Волоса. Послѣдній, будучи первоначально солнечнымъ богомъ, является потомъ покровителемъ земледѣлія, охранителемъ табуновъ и стадъ, вдохновителемъ пѣвцовъ и гусляровъ, и вообще сохраняетъ въ понятіи народа свой свѣтлый образъ. Что же касается Перуна, то это было божество грозное, дѣятельное и воинственное: отъ него зависѣла не только удача вообще, но, главное, онъ давалъ побѣду надъ врагами. Перунъ по преимуществу является выраженіемъ той стороны въ характерѣ древней Руси, которая отмѣчена неукротимою энергіей, отвагой и предпріимчивостію. Чтобы умилостивить своего верховнаго бога или возблагодарить его за побѣду, Русь закалала ему въ жертву не только коней, быковъ или другихъ животныхъ, но даже и людей, послѣднихъ конечно въ особенно торжественныхъ случаяхъ. Впрочемъ религіозное чувство Славяноруссовъ, способное къ сильнымъ порывамъ, не отличалось вообще мрачнымъ или угрюмымъ настроеніемъ. Это видно уже изъ самаго представленія ихъ о раѣ, какъ о свѣтломъ, зеленомъ садѣ (не похожемъ на скандинавскую Валгаллу). Тоже показываютъ ихъ любовь къ частымъ праздникамъ и пѣсни въ честь бога *Лада* или *Леля*, какъ источника любви и веселья. Самыя жертвоприношенія богамъ обыкновенно заключались веселымъ пиромъ и шумными игрищами. Эти жертвоприношенія совершались передъ идолами или человѣкообразными истуканами, сдѣланными преимущественно изъ дерева. Надобно полагать, что мѣсто, гдѣ стояли идолы, окружалось

заборомъ, вообще оградою, и составляло святилище. Самые идолы ставились вѣроятно подъ тѣнью липы или дуба (дерева посвященнаго Перуну); а въ зажиточныхъ городахъ безъ сомнѣнія надъ ними воздвигалась кровля или шатеръ; передъ ними же устроивался родъ жертвенника. Такъ надобно разумѣть тѣ *капища* и *требища*, о которыхъ упоминаютъ наши древніе писатели. Былъ у восточныхъ Славянъ и родъ жреческаго сословія, обозначаемый именами волхвовъ, кудесниковъ и людей вѣщихъ. Они занимались жертвоприношеніями, врачествомъ, гаданіями, священными пѣснопѣніями; почитались служителями боговъ и пользовались уваженіемъ въ народѣ. Но при довольно сильномъ развитіи княжеской власти у Русскаго племени, жреческое сословіе не получило опредѣленнаго, іерархическаго устройства и большаго вліянія на общественныя дѣла. По всѣмъ признакамъ, князь былъ не только военачальникъ и судья въ своемъ племени, но вмѣстѣ съ тѣмъ и его верховный жрецъ, а слѣдовательно и главная опора старой религіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ Кіевѣ со времени Ольги шла оживленная борьба между язычествомъ и христіанствомъ. Ревнители старой религіи съ неудовольствіемъ смотрѣли на постоянно возраставшее число христіанъ и на ихъ молитвенныя собранія. Есть извѣстіе, что Святославъ послѣ одного неудачнаго похода поднялъ гоненіе на христіанъ и разорилъ ихъ храмы; при чемъ были мученики, въ числѣ которыхъ погибъ и собственный братъ Святослава Глѣбъ. Тоже извѣстіе говоритъ, что Ярополкъ отличался вѣротерпимостью и при немъ христіанство вновь стало рости и укрѣпляться. (21) Все это довольно вѣроятно. Подобно своему отцу Владиміръ былъ воспитанъ на сѣверѣ, гдѣ крѣпче сохранялись языческіе нравы; да и въ Кіевѣ онъ, можетъ быть, утвердился не безъ поддержки со стороны наиболѣе ревностной языческой партіи. Во всякомъ случаѣ, при немъ идолослуженіе отправлялось здѣсь съ особымъ усердіемъ и нерѣдко сопровождалось кровавыми, человѣческими жертвоприношеніями. Лѣтопись говоритъ, что на холмѣ Перуна князь поставилъ новый деревянный идолъ этого бога съ серебряною головою и золотыми усами. Кромѣ Перуна воздвигнуты были новые идолы и другимъ бо-

гамъ, а именно: Хорсу, Дажбогу Стрибогу, Мокоши и еще какому то Симарглу. Этимъ идоламъ Кіевляне приводили на закланіе своихъ сыновей и дочерей, избираемыхъ по жребію. Добрыня, бывшій посадникомъ въ Новгородѣ, воздвигъ и тамъ кумиръ Перуну, которому также приносилъ человѣческія жертвы. Христіане подверглись новому гоненію, и многіе изъ нихъ принуждены были скрывать свою религію.

Гоненіе это имѣло своихъ мучениковъ, и вотъ что расказываетъ о нихъ лѣтопись.

Послѣ удачнаго похода на Ятвяговъ Владиміръ, чтобы возблагодарить боговъ, велѣлъ принести имъ человѣческую жертву. Кіевляне бросили жребій на своихъ дѣтей. Жребій упалъ на сына одного Русина, который по причинѣ службы или торговли бывалъ въ Греціи и принялъ тамъ христіанскую вѣру, но по видимому содержалъ ее въ тайнѣ. Отецъ отказалъ выдать сына посланнымъ отъ городскихъ старѣйшинъ. Тогда народная толпа схватила топоры, окружила его домъ и съ крикомъ требовала у него сына. Христіанинъ стоялъ на высокихъ сѣняхъ, и смѣло обличалъ мерзость идольскаго служенія, называя единымъ богомъ того, кому поклоняются Греки. Разсвирѣпѣвшіе язычники подрубили столбы, на которыхъ держались сѣни, и убили отца вмѣстѣ съ сыномъ ([22]).

Но эти кровавыя жертвы были послѣднею вспышкою язычества въ Кіевѣ. Обращеніе Владиміра въ христіанство сдѣлалось достояніемъ народной легенды, занесенной въ нашу лѣтопись. Она повѣствуетъ о посольствахъ въ Кіевъ отъ разныхъ народовъ, каждаго съ предложеніемъ своей вѣры, и потомъ о посольствѣ кіевскихъ мужей въ разныя страны для знакомства съ ихъ богослуженіемъ. Но Русь давно уже была знакома съ этими народами, съ ихъ пропагандой (мусульманскіе Болгаре, хазарскіе Евреи, латинскіе Нѣмцы и Греки). Окончательное торжество греческой религіи совершилось просто и естественно. Несмотря на гоненія, восточное христіанство продолжало дѣйствовать неотразимо. Нетолько въ народѣ, но и въ дружинѣ, въ самомъ семействѣ князя были христіане. Наиболѣе усерднымъ проводникомъ новой религіи на Руси, какъ и вез-

дѣ, были женщины. Въ числѣ Владиміровыхъ женъ упоминаются чехиня, болгарыня и гречанка, которыя безъ всякаго сомнѣнія были усердными миссіонерами въ семьѣ русскаго князя и продолжали дѣло бабки Владиміровой Ольги. Особенно важны были для успѣха новой религіи постоянныя связи Кіева съ Тмутраканскимъ краемъ или страною Черныхъ Болгаръ. Послѣдняя лежала въ сосѣдствѣ съ греческимъ Корсунемъ, и заключала въ себѣ такіе города какъ Боспоръ и Таматарха, давно имѣвшіе своихъ особыхъ епископовъ. Сами Черные Болгаре были частію христіане. Мало того, они имѣли уже начатки переводовъ Св. Писанія на свой языкъ. Есть основаніе думать, что именно эти начатки были найдены въ Корсуни знаменитыми солунскими братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ, и принесены ими въ Моравію; откуда ученики ихъ распространили такъ наз. Кирилловское письмо и въ самой Дунайской Болгаріи ([28]).

Итакъ Русскій князь, окруженный отчасти христіанами и имѣвшій въ своемъ владѣніи цѣлую христіанскую область, уже былъ вполнѣ приготовленъ къ перемѣнѣ религіи, когда возникла у него война съ Греками въ Тавридѣ, и не одинъ онъ: къ той же перемѣнѣ были приготовлены его бояре и главные дружинники, безъ совѣта съ которыми князья не предпринимали никакого важнаго дѣла. Владиміръ осадилъ Корсунь. Онъ высадился около этого города, и сначала сталъ отъ него на разстояніи перелета стрѣлы. Корсунцы мужественно встрѣтили непріятелей, и на требованіе сдачи отвѣчали рѣшительнымъ отказомъ. Тогда Владиміръ придвинулся къ самымъ стѣнамъ, и, по обычаю Руси, велѣлъ вокругъ нихъ насыпать валъ. Лѣтопись говоритъ, что граждане сдѣлали подкопъ, и по ночамъ уносили въ городъ землю, насыпанную Руссами; но едва ли они могли уносить ея достаточное количество. Владиміръ рѣшилъ взять городъ во что бы ни стало, и грозилъ употребить для того хотя бы три года. Измѣна помогла ему въ этомъ дѣлѣ. Какой то грекъ Анастасъ увѣдомилъ князя, что ему легко принудить къ сдачѣ Корсунцевъ: стоитъ только перенять трубы, проведенныя изъ источниковъ, протекавшихъ на вос-

токъ отъ города. Корсунь лежала на каменистомъ плоскомъ берегу моря, и получала прѣсную воду при помощи подземныхъ водопроводовъ, въ устройствѣ которыхъ Греки были очень искусны. Русскій князь исполнилъ совѣтъ, велѣлъ перекопать водопроводъ, и городъ, томимый жаждою, сдался. Лѣтописное преданіе прибавляетъ, будто князь заранѣе далъ обѣтъ креститься, если возметъ городъ. Въ исторіи христіанства это не первый примѣръ того, что языческій вождь даетъ обѣтъ крещенія въ случаѣ побѣды. Очевидно въ числѣ окружавшихъ князя были люди, склонявшіе его къ принятію крещенія и обѣщавшіе ему за то Божью помощь въ его предпріятіяхъ. Теперь оставалось только исполнить свой обѣтъ.

Естественнымъ является стараніе Владиміра придать возможно болѣе торжественности своему крещенію. Если онъ для того не отправлялся лично въ Царьградъ, какъ это прежде него дѣлали нѣкоторые языческіе князья Восточной Европы, то, можетъ быть, гордость побѣдителя или недовѣріе къ коварнымъ Грекамъ, или продолжавшаяся еще война мѣшали ему лично явиться въ ихъ столицѣ. Владиміръ очевидно желалъ держать себя на равной ногѣ съ византійскимъ правительствомъ; онъ имѣлъ въ виду примѣръ западныхъ государей, и однимъ изъ условій мира поставилъ руку царевны Анны, сестры византійскихъ императоровъ Василія и Константина. Имперія находилась тогда въ довольно стѣсненныхъ обстоятельствахъ вслѣдствіе возстанія Болгаръ и новаго мятежа Варды Фоки (того самаго, который выступилъ при Цимисхіѣ). Однако, сохраняя свое достоинство, византійское правительство отвѣчало русскому князю, что оно не отдаетъ греческихъ царевенъ за языческихъ князей. Тогда Владиміръ далъ знать, что онъ готовъ принять крещеніе; пусть Анна прибудетъ для того съ цареградскими священниками. Братья уговорили сестру ради выгоднаго мира и умноженія Христова стада исполнить требованіе могущественнаго русскаго князя. Анна прибыла въ Корсунь со свитою, состоявшею изъ гражданскихъ сановниковъ и духовенства. Корсунскій епископъ вмѣстѣ съ прибывшими священниками преподалъ наставленіе въ вѣрѣ Русскому князю и его бо-

ярамъ. Крещеніе совершено было въ церкви св. Василія, которая стояла на Корсунской торговой площади. Подлѣ этой церкви находились палаты, въ которыхъ тогда жили русскій князь и прибывшая византійская царевна. Новокрещеному князю дано было христіанское имя Василія,—вѣроятно въ честь Святаго, въ церкви котораго совершено было крещеніе, а можетъ быть и въ честь старшаго изъ двухъ братьевъ императоровъ: весьма возможно, что послѣдній былъ нареченъ и воспреемникомъ, какъ это обыкновенно происходило при крещеніи языческихъ князей. Вмѣстѣ съ княземъ крестились его бояре и вся языческая часть его дружины.

За крещеніемъ послѣдовало брачное торжество. Послѣ того Владиміръ оставался еще нѣкоторое время въ Корсуни, и успѣлъ соорудить здѣсь новую церковь, на томъ холмѣ, который образовала земля, уносимая осажденными изъ русскаго вала. Въ это же время, благодаря родственному союзу, Греки заключили выгодный миръ съ Русскимъ княземъ: они получили обратно Корсунскую область. Льготы, которыми пользовались русскіе торговцы въ Константинополѣ, конечно были подтверждены. Повидимому обѣ стороны обязались кромѣ того обоюдно помогать войсками противъ внѣшнихъ враговъ; по крайней мѣрѣ это можно заключить изъ ихъ послѣдующихъ отношеній. Покидая Корсунь, князь взялъ съ собою упомянутаго Анастаса и нѣсколькихъ священниковъ съ мощами или вѣроятнѣе съ частію мощей папы римскаго Климента (сосланнаго сюда императоромъ Трояномъ и здѣсь утопленнаго), а также ученика его Фива. Онъ увезъ съ собою многіе сосуды и иконы для будущихъ кіевскихъ храмовъ, кромѣ того двѣ мѣдныя статуи и четыре мѣдныхъ коня для украшенія своей столицы. (24)

По возвращеніи въ Кіевъ Владиміръ окрестилъ все свое семейство, и началъ ревностно вводить новую религію въ Русской землѣ. Онъ сокрушалъ идоловъ и предавалъ огню тѣхъ, которые были сдѣланы изъ дерева. А Перуна, по словамъ лѣтописи, онъ велѣлъ привязать къ конскому хвосту, подъ ударами палокъ стащить его съ холма по Боричеву взвозу и бросить въ Днѣпръ. Особые воины

приставлены были, чтобы отталкивать Перуна отъ берега, и они будто бы проводили его до самыхъ пороговъ. Когда по Боричеву тащили идола, его сопровождала народная толпа, которая плакала, смотря на поруганіе того, кого она привыкла чтить своимъ верховнымъ божествомъ. Невидно, чтобы Кіевскій народъ рѣшился на какое либо враждебное дѣйствіе для защиты старой религіи: такъ христіанство было уже сильно въ Кіевѣ, и воля князя при этомъ переворотѣ опиралась конечно не на одну вооруженную силу. Между тѣмъ священники неутомимо наставляли въ вѣрѣ и крестили язычниковъ. Чтобы разомъ покончить съ остальными, князь велѣлъ собрать ихъ на берегу Днѣпра, и здѣсь совершить надъ ними общій обрядъ.

Въ Кіевѣ началась дѣятельная постройка храмовъ. По обычаю христіанскаго духовенства храмы воздвигали въ особенности на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли идолы, чтобы освятить эти мѣста свѣтомъ истинной религіи и изгладить самое воспоминаніе о прежнемъ идолопоклонствѣ. На Перуновомъ холмѣ князь поставилъ церковь во имя своего святаго, т. е. Василія. Но самый великолѣпный храмъ, и притомъ каменный, Владиміръ воздвигъ въ честь Успенія Богородицы, особое почитаніе которой незамедлило перейти къ Русскимъ отъ Грековъ. Для построенія этого храма князь призвалъ греческихъ мастеровъ. Онъ сооруженъ по образцу корсунскихъ храмовъ на томъ мѣстѣ, гдѣ погибли упомянутые выше христіанскіе мученики, отецъ съ сыномъ. Въ немъ помѣщены были мощи, иконы и церковная утварь, привезенныя изъ Корсуня; а попеченіе о немъ ввѣрено Анастасу и корсунскимъ священникамъ. Храмъ этотъ строился въ теченіе пяти или шести лѣтъ; освященіе его сопровождалось великими пирами, которые князь давалъ своей дружинѣ и гражданамъ, а также богатою раздачею милостыни нищимъ и убогимъ. Князь назначилъ на содержаніе храма и его причта десятую часть отъ нѣкоторыхъ своихъ доходовъ; отъ чего онъ и сдѣлался извѣстенъ болѣе подъ именемъ Десятиннаго.

Между тѣмъ дѣло крещенія усердно подвигалось впередъ и по другимъ городамъ Русской земли. Первоначально

христіанская религія распространилась конечно въ той полосѣ, которая лежала на торномъ водяномъ пути отъ Кіева до Новгорода. Проповѣдь священниковъ поддерживалась княжескою дружиною; такъ какъ дѣло крещенія во многихъ мѣстахъ не обходилось безъ противодѣйствія и мятежа со стороны язычества. На югѣ борьба съ нимъ непредставляла большой трудности; ибо тамъ почва для новой религіи была уже давно подготовлена. Но въ сѣверныхъ и восточныхъ областяхъ проповѣдники не разъ встрѣчали упорное сопротивленіе. Особенно сильна была языческая партія въ Новгородѣ; есть извѣстіе, что она вооружилась для защиты своихъ идоловъ и подняла мятежъ, который былъ усмиренъ посадникомъ Добрынею съ большимъ кровопролитіемъ; при чемъ часть города сдѣлалась добычею пламени. Послѣ того идолы были истреблены; новогородскій Перунъ брошенъ въ Волховъ, и въ этой рѣкѣ многіе Новогородцы были окрещены подобно тому какъ Кіевляне въ Днѣпрѣ. Добрынѣ помогъ при усмиреніи мятежа тысяцкій Путята съ ростовскою дружиною; чѣмъ и объясняли старую новогородскую поговорку: „Путята крестилъ мечемъ, а Добрыня огнемъ" ([25]).

Судя по лѣтописи, одновременно съ утвержденіемъ на Руси христіанства, и можетъ быть не безъ связи съ этимъ событіемъ, произошло размѣщеніе Владиміровыхъ сыновей по разнымъ областямъ, т. е. окончательная раздача имъ удѣловъ. Лѣтопись насчитываетъ ихъ до 12; но это число вѣроятно поставлено ради своего священнаго значенія. Несомнѣнно, что при необычайномъ многоженствѣ русскаго князя семья его была гораздо многочисленнѣе. Назовемъ наиболѣе извѣстныхъ изъ его сыновей. Отъ Рогнѣды Владиміръ имѣлъ Изяслава, Ярослава, Мстислава и Всеволода, отъ чехини Вышеслава, отъ гречанки (принадлежавшей прежде Ярополку) Святополка, отъ болгарыни Бориса и Глѣба, еще отъ неизвѣстной намъ женщины Святослава, и т. д. Изъ всѣхъ его женъ только Рогнѣда сдѣлалась предметомъ народнаго преданія, занесеннаго въ лѣтопись. Преданіе это повѣствуетъ, будто она, живя подъ Кіевомъ въ селѣ Предиславинѣ, однажды задумала умертвить соннаго Владиміра за его измѣны

и избіеніе ея родичей. Владиміръ внезапно проснулся и хотѣлъ казнить ее, но былъ остановленъ маленькимъ сыномъ ея Изяславомъ. Тогда по совѣту бояръ своихъ онъ отдалъ этому Изяславу и его матери удѣлъ его дѣда Рогволода, т. е. Полоцкую область, и послѣдняя навсегда осталась за потомствомъ Изяслава, который умеръ прежде своего отца.

Старшему сыну своему Вышеславу Владиміръ далъ въ удѣлъ Новгородъ, Святополку Туровъ, Ярославу Ростовъ; Мстислава посадилъ на Боспорѣ Киммерійскомъ, т. е. въ области Тмутраканской; а Древлянскую или Волынскую землю раздѣлилъ между Святославомъ и Всеволодомъ, предоставивъ послѣднему Владиміръ Волынскій, и т. д. Когда же Вышеславъ умеръ, то отецъ перевелъ въ Новгородъ Ярослава, а его Ростовскій удѣлъ передалъ Борису; сосѣдній съ нимъ край Муромскій отдалъ Глѣбу. Этотъ раздѣлъ Русскихъ земель между сыновьями кіевскаго князя былъ не первымъ въ исторіи. Мы видѣли его при Святославѣ; конечно онъ происходилъ и ранѣе, потому что истекалъ изъ обычнаго въ то время понятія, общаго не однимъ Славянамъ, но и нѣкоторымъ другимъ народамъ,—понятія о томъ, что города и области должны дѣлиться между сыновьями и родственниками князей какъ и всякое другое имущество. Еще не было на Руси представленія о Русской землѣ какъ о единомъ нераздѣльномъ государствѣ. Единство сохранялось только подчиненіемъ всѣхъ русскихъ князей старшему, т. е. великому князю Кіевскому. Дотолѣ въ нѣкоторыхъ русскихъ областяхъ по всѣмъ признакамъ существовали еще мѣстные князья, только признававшіе надъ собою зависимость отъ Кіевскаго; а въ иныхъ краяхъ, гдѣ не было мѣстнаго князя, управляли посадники, присланные изъ Кіева. Но племена славянскія, особенно тѣ, которыя имѣли уже значительные города, какъ напримѣръ Новгородъ Великій, неохотно подчинялись кіевскимъ посадникамъ, и большею частію желали имѣть собственнаго князя, хотя бы и зависимаго отъ Кіева. Владиміръ, размѣщая повсюду своихъ сыновей и родственниковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ вѣроятно устранялъ отъ управленія или ослаблялъ значеніе многихъ мѣстныхъ князей и старѣй-

шинъ. Онъ несомнѣнно подвинулъ впередъ объединеніе разныхъ племенъ и областей подъ властію одного княжескаго рода, т. е. подъ властію Игоревичей. Размѣщеніе сыновей, окруженныхъ своими совѣтниками и дружинами, представляло также значительныя удобства для сбора дани, суда, расправы и для внѣшней защиты этихъ областей. Вотъ почему князья кіевскіе обыкновенно еще при жизни своей раздавали волости сыновьямъ и родственникамъ. Изъ своего стольнаго города великій князь надзиралъ за ихъ управленіемъ, снабжалъ ихъ отчасти боярами и ратными людьми, и требовалъ отъ нихъ исправной присылки слѣдующихъ ему даней. Онъ оставался верховнымъ судьей и военачальникомъ для всѣхъ областей.

Въ личномъ своемъ управленіи и попеченіи Владиміръ удержалъ конечно область Кіевскую. На югѣ эта область граничила съ степями, въ которыхъ кочевали хищные Печенѣги. Своими набѣгами и опустошеніями варвары эти не давали покоя Русскому народу, и въ дѣятельной борьбѣ съ ними Владиміръ провелъ почти всю вторую половину своего княженія. Чтобы преградить имъ доступъ къ самому Кіеву, онъ окружалъ послѣдній рядомъ укрѣпленныхъ мѣстъ; обновлялъ старые города (Корсунь, Бѣлгородъ) и строилъ новые по рѣкамъ: Деснѣ, Остру, Трубежу, Сулѣ, Стугнѣ (Васильевъ, Городецъ и пр.), наполняя ихъ переселенцами изъ другихъ областей. Построенные на границѣ степей городки и сторожевые курганы Владиміръ связывалъ между собою обычнымъ въ тѣ времена валомъ и частоколомъ; на извѣстныхъ пунктахъ въ этомъ валу находились свободныя для проѣзда мѣста или ворота, оберегаемыя заставами изъ ратныхъ людей. Такимъ образомъ онъ едва ли не первый изъ русскихъ князей устроилъ непрерывныя укрѣпленныя линіи, защищавшія предѣлы Руси отъ кочевниковъ. Русь пользовалась при этомъ случаѣ безчисленными курганами, которые со временъ еще Скиѳскихъ насыпались надъ могилами вождей и знатныхъ мужей.

Но валъ и частоколъ не всегда были надежною защитою отъ хищныхъ степныхъ ордъ, и онѣ нерѣдко врывались въ Кіевскіе предѣлы. Лѣтопись сообщаетъ нѣко-

торыя отчасти баснословныя сказанія изъ этой борьбы съ кочевниками. Такъ во время одной встрѣчи съ ними на Трубежѣ, около Переяславля, отличился какой то русскій юноша, который одолѣлъ въ единоборствѣ печенѣжскаго великана. Въ другой разъ, подъ Васильевымъ, Владиміръ съ малою дружиною вышелъ противъ Печенѣговъ, былъ разбитъ и укрылся подъ какимъ то мостомъ. Въ этотъ день случился праздникъ Преображенія, и князь далъ обѣтъ построить въ его честь храмъ въ Васильевѣ, если спасется. Онъ исполнилъ свой обѣтъ, и, построивъ храмъ, цѣлые 8 дней праздновалъ его освященіе великими пирами, которые задавалъ своей дружинѣ и гражданамъ. Воротясь въ Кіевъ, онъ устроилъ такіе же пиры и для кіевскихъ гражданъ. Въ третій разъ, когда Владиміръ находился на сѣверѣ въ Новогородской области, Печенѣги воспользовались его отсутствіемъ, осадили Бѣлгородъ и думали взять его голодомъ. Сказаніе говоритъ, будто граждане по совѣту одного мудраго старца обманули дикарей, показавъ имъ два колодезя, одинъ съ медвяною сытой, а другой съ киселемъ (для устройства которыхъ собрали по горсти разнаго хлѣба и взяли изъ княжей медуши лукно меду); чѣмъ и принудили непріятелей отступить отъ города.

Постоянныя войны съ Печенѣгами заставили Кіевскаго князя содержать значительныя дружины, свои и наемныя; послѣднія состояли преимущественно изъ Варяговъ. По поводу издержекъ на ратныхъ людей лѣтопись сообщаетъ краткое, но выразительное преданіе. По ея словамъ, Владиміръ послѣ принятія христіанства изъ князя суроваго и мстительнаго сдѣлался такъ кротокъ и милостивъ, что, опасаясь грѣха, не хотѣлъ строго наказывать и тяжкихъ преступниковъ, ограничиваясь взиманіемъ виры, т. е. денежной пени; отчего умножились на Руси разбои. Тогда епископы сказали ему, что онъ поставленъ на казнь злымъ и на милость добрымъ и что разбойниковъ должно казнить. Князь послушался, отмѣнилъ виры и началъ казнить убійцъ и грабителей. Но впослѣдствіи, когда усилились войны съ Печенѣгами, епископы и старцы посовѣтовали князю возобновить виры, чтобы употребить ихъ на коней и оружіе. и князь снова послушалъ ихъ совѣта.

Трудна была въ тѣ времена служба ратныхъ людей. Они должны были постоянно сторожить границы и всегда быть готовыми къ отпору степныхъ ордъ, а въ тоже время держать въ повиновеніи племена, подвластныя Кіевской Руси. Извѣстно также, что введеніе христіанства во многихъ мѣстахъ не обошлось безъ сильныхъ мятежей и возстаній со стороны языческаго населенія. Владиміръ цѣнилъ военныя заслуги; по словамъ лѣтописи, онъ очень любилъ свою дружину, постоянно совѣтовался съ нею о земскихъ и ратныхъ дѣлахъ, щедро награждалъ и часто пировалъ съ нею въ своей гридницѣ. Лѣтопись прибавляетъ, будто княжескіе гриди, т. е. дружинники, разъ какъ то подпивъ за столомъ, возроптали на деревянныя ложки, и Владиміръ велѣлъ наковать для нихъ серебряныя; причемъ замѣтилъ, что съ дружиною онъ добудетъ серебро и золото также какъ его отецъ и дѣдъ. Извѣстно, что Владиміръ и его богатыри сдѣлались героями былевыхъ народныхъ пѣсенъ на востокѣ Европы, подобно тому какъ Карлъ Великій и его паладины на западѣ. Народъ далъ ему названіе „ласковаго князя" и „краснаго солнышка". Но пѣсенный Владиміръ конечно далекъ отъ Владиміра историческаго. Въ пѣсняхъ смѣшаны преданія о разныхъ эпохахъ и событіяхъ и отнесены къ одному Владиміру. Пѣсенные богатыри, окружающіе Владиміра (Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ и пр.) суть лица вымышленныя народной фантазіей; хотя нѣкоторые пытались открыть въ нихъ лица историческія, и ссылались на лѣтописи, въ которыхъ упоминаются, напримѣръ, Рагдай Удалой и Александръ Поповичъ. Но послѣдніе встрѣчаются только въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ, куда занесены очевидно изъ баснословныхъ преданій и народныхъ былинъ ([26]).

Продолжая упорныя войны со степными варварами, Русь во вторую половину Владимірова княженія наслаждалась почти непрерывнымъ миромъ со своими западными сосѣдями: Поляками, Уграми и Чехами. Вниманіе и силы знаменитаго польскаго короля Болеслава Храбраго въ то время были отвлечены борьбою съ германскимъ императоромъ Генрихомъ II, который требовалъ отъ Польши вас-

сальной зависимости. Владѣнія чешскія при Болеславѣ II распространились на Моравію и Силезію; въ сѣверныхъ Карпатахъ, т. е. въ странѣ Бѣлохорватской, онѣ сходились съ владѣніями Русскими. Впрочемъ послѣ смерти Болеслава II (999) въ Чешской землѣ наступили смуты, и области эти были утрачены Чехами. Въ Уграхъ современникомъ Владиміра былъ король Стефанъ, точно также знаменитый утвержденіемъ христіанства въ своемъ народѣ. Всѣ эти сосѣдніе народы, не исключая и Угровъ, первоначально приняли христіанство по восточному или греческому обряду; но стараніями латинскихъ миссіонеровъ, при помощи нѣмецкаго вліянія, были привлечены къ Западной или Римской церкви. Послѣдняя тоже самое пыталась сдѣлать и съ Русскимъ народомъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что латинскіе миссіонеры въ теченіе X вѣка проникали въ Кіевъ и склоняли русскихъ князей къ принятію крещенія по католическому обряду. На это намекаетъ между прочимъ извѣстное сказаніе о томъ, какъ къ Владиміру приходили послы отъ разныхъ народовъ съ предложеніемъ своей вѣры; причемъ были и послы отъ Нѣмцевъ, предлагавшіе вѣру Римскую. Но связи съ Византіей и вообще греческое вліяніе были слишкомъ сильны, чтобы не взять верха надъ домогательствами Римской куріи.

Когда восточное православіе окончательно утвердилось въ Россіи вмѣстѣ съ крещеніемъ Владиміра, папы все таки не оставили своихъ попытокъ. Этимъ попыткамъ благопріятствовали дружескія отношенія Руси къ Германской имперіи, а также родственныя связи Владиміра съ князьями Чешскимъ и Польскимъ. По крайней мѣрѣ мы видимъ рядъ посольствъ и миссій. Во время Ольги русскіе послы встрѣчаются при дворѣ Оттона I; а за тѣмъ, какъ сказано выше, послѣдовала неудачная миссія нѣмецкаго епископа Адальберта. При Ярополкѣ, по извѣстію одного лѣтописнаго свода (Никоновскаго), въ Кіевъ приходили послы отъ папы Римскаго; что не одинъ разъ повторилось и при Владимірѣ. Послѣдній повидимому благодушно принималъ этихъ пословъ и миссіонеровъ, хотя и не показывалъ ни малѣйшей склонности перемѣнить греческій обрядъ на латинскій. Впрочемъ въ тѣ времена

раздѣленіе церквей, хотя и обозначилось, но еще не совершилось окончательно, и еще не было той жестокой вражды, которая обнаружилась впослѣдствіи.

Одинъ изъ нѣмецкихъ миссіонеровъ, приходившихъ въ Россію, оставилъ намъ любопытное извѣстіе о своемъ пребываніи въ ней. То былъ Брунъ, впослѣдствіи, подобно Войтеху, получившій мученическій вѣнецъ въ странѣ Литовцевъ, къ которымъ онъ отправился проповѣдывать христіанскую вѣру. Въ 1006 году Брунъ прибылъ въ Кіевъ, былъ радушно принятъ княземъ, и провелъ здѣсь мѣсяцъ. Отсюда онъ рѣшилъ идти для проповѣди къ Печенѣгамъ. Тщетно Владиміръ отклонялъ гостя отъ его намѣренія, представляя ему всѣ опасности, которыя неминуемо постигнутъ его посреди этого дикаго и свирѣпаго народа. Наконецъ онъ уступилъ просьбамъ Бруна, и самъ съ военнымъ отрядомъ проводилъ его въ степь. Они шли два дня до южныхъ предѣловъ Кіевскаго княжества, которые были ограждены крѣпкимъ тыномъ или частоколомъ. Пройдя пограничную заставу князь съ боярами сошелъ съ коней и сталъ на одномъ курганѣ; между тѣмъ какъ Брунъ съ своими спутниками стоялъ на другомъ, держа въ рукахъ крестъ и возглашая молитвы. Здѣсь они разстались. Цѣлые пять мѣсяцевъ Брунъ провелъ въ Печенѣжскихъ степяхъ, подвергаясь побоямъ и всякимъ лишеніямъ, и неоднократно былъ близокъ къ мученической смерти, но спасенъ отъ нея старшинами варваровъ. Изъ четырехъ печенѣжскихъ ордъ, обитавшихъ на западъ отъ Днѣпра, онъ обошелъ три орды, а изъ четвертой приходили къ нему вѣстники отъ старѣйшинъ. Ему удалось окрестить 30 человѣкъ. Повидимому Бруну помогало то обстоятельство, что онъ явился къ Печенѣгамъ какъ бы примирителемъ ихъ съ великимъ княземъ Русскимъ. Варвары охотно склонялись на миръ, и будто-бы обѣщали даже всѣ принять христіанство, если этотъ миръ съ Русскимъ княземъ будетъ проченъ. По крайней мѣрѣ такъ говорилъ Брунъ по возвращеніи въ Кіевъ. По его просьбѣ Владиміръ отправилъ къ Печенѣгамъ въ заложники одного изъ собственныхъ сыновей, съ которымъ отправился и одинъ изъ спутниковъ Бруна, посвященный имъ во епископа.

Печенѣжскаго. Но очевидно христіанство не успѣло утвердиться въ средѣ степныхъ дикарей. Только нѣкоторые изъ знатныхъ Печенѣговъ, попавшіе въ плѣнъ или искавшіе въ Кіевѣ убѣжища отъ своихъ соперниковъ, приняли крещеніе и вступили въ службу Русскаго князя.

Но католическое духовенство по характеру своему не могло ограничиться одними дружескими сношеніями съ Русью, и еще при Владимірѣ успѣло обнаружить свои неуклонные виды на присоединеніе Русской церкви къ Риму. Поводомъ къ тому послужилъ родственный союзъ Русскаго княжескаго дома съ Польскимъ. Владиміръ женилъ одного изъ своихъ сыновей, Святополка Туровскаго, на дочери польскаго короля Болеслава Храбраго. Польская княжна прибыла на Русь въ сопровожденіи Рейнберна, епископа Колобрежскаго (Кольбергскаго). Послѣдній, по всѣмъ признакамъ, началъ склонять къ переходу въ латинство Туровскаго князя и его приближенныхъ, и не безъ успѣха. Такъ какъ Святополкъ въ это время имѣлъ старшинство между сыновьями Владиміра, то ему принадлежало право на великое княженіе Кіевское по смерти отца, и слѣдовательно католицизму открывалась возможность съ его помощью и всю Русь отторгнуть отъ Греческой церкви. Замыслы эти втайнѣ поддерживалъ тесть Святополка король Болеславъ. Послѣдній повидимому желалъ, что бы зять его захватилъ великое Кіевское княженіе, не дожидаясь смерти Владиміра; при чемъ онъ конечно надѣялся воспользоваться смутами, чтобы увеличить свои владѣнія на счетъ Руси. По крайней мѣрѣ, Владиміръ узналъ о какихъ то замыслахъ Святополка, и заключилъ его въ темницу вмѣстѣ съ его женою и епископомъ Рейнберномъ. Окончаніе этого дѣла неизвѣстно; но Святополкъ вѣроятно успѣлъ оправдаться; такъ какъ во время Владиміровой кончины мы видимъ его на свободѣ ([27]).

Самыя живыя и непрерывныя сношенія Руси при Владимірѣ были конечно съ Византіей. Отсюда юная Русская церковь получала иконы, священную утварь и мастеровъ для сооруженія храмовъ, а также пастырскія наставленія и самихъ епископовъ. Но сношенія эти не ограничивались церковными дѣлами и торговлей, которая безъ сомнѣнія

усилилась еще болѣе сравнительно съ прошлымъ временемъ. Между Кіевомъ и Царьградомъ установился тѣсный политическій союзъ. Со времени своего брака съ царевной Анной Владиміръ до конца жизни оставался самымъ вѣрнымъ союзникомъ Византіи, и усерднымъ помощникомъ ея противъ внѣшнихъ враговъ. Знаменитый императоръ Василій II Болгаробойца искусно пользовался русскою помощью и былъ обязанъ ей многими своими успѣхами. Кажется, еще во время своего пребыванія въ Корсуни Владиміръ отправилъ на помощь зятю значительный отрядъ войска; ибо Василій, благодаря русской дружинѣ, уже въ 989 году успѣлъ подавить опасное возстаніе Варды-Фоки. Затѣмъ мы встрѣчаемъ шеститысячный русскій отрядъ въ войскахъ Василія II во время его похода въ Арменію (1000 г.). Въ продолжительной борьбѣ Василія съ возставшими противъ Грековъ Дунайскими Болгарами, съ ихъ энергичнымъ вождемъ Самуиломъ и его преемниками русскія вспомогательныя войска также принимали дѣятельное участіе. Въ этой помощи снова сказалось превосходство высоко развитой государственной политики Византійцевъ надъ политикою ихъ славянскихъ сосѣдей: Русь сама способствовала новому уничтоженію возраждавшейся независимости своихъ Дунайскихъ соплеменниковъ. Сообща съ Русью дѣйствовали Греки и тамъ, гдѣ ихъ владѣнія соприкасались и имѣли общагѣ непріятеля, т. е. въ Тавридѣ, противъ Хазаръ. Въ рукахъ послѣднихъ еще оставалась здѣсь небольшая область. Около времени Владиміровой кончины императоръ послалъ флотъ и войско, съ которымъ соединились Русскіе. Эти соединенныя силы взяли въ плѣнъ самого хазарскаго князя, по имени Георгія Чула, и завоевали остатокъ хазарскихъ владѣній въ Тавридѣ ([28]).

Во времена Владиміра усилилось на Руси значеніе варяжскихъ наемныхъ дружинъ. Извѣстно, что съ ихъ помощью онъ завоевалъ себѣ Кіевское княженіе; съ тѣхъ поръ наемные Варяги въ значительномъ числѣ присутствуютъ не только на сѣверѣ, въ Новгородѣ, но также и въ Кіевѣ на службѣ великаго князя. Кромѣ платы и почестей наиболѣе заслуженные или наиболѣе знатные Нор-

манны награждаемы были иногда намѣстничествомъ въ русскихъ городахъ; нѣкоторые изъ нихъ навсегда поселились въ Россіи. Русскіе князья нерѣдко вступали въ дружескія и родственныя связи съ Норманскими конунгами. При частыхъ междоусобіяхъ и борьбѣ за королевскій престолъ въ самой Скандинавіи, обиженные, угнетенные противною стороною принцы Скандинавскіе иногда искали пріюта на востокѣ, въ странѣ Гардовъ. Такъ, по извѣстію исландскихъ сагъ, Олавъ, сынъ норвежскаго короля Тригвія, гонимый врагами, еще въ отроческихъ лѣтахъ нашелъ убѣжище на Руси. Въ числѣ бояръ Владиміровыхъ онъ встрѣтилъ даже роднаго дядю Сигурда, брата своей матери Астриды. Олавъ воспитался при Кіевскомъ дворѣ; потомъ отличился своими подвигами на службѣ Владиміра, и сдѣлался однимъ изъ его военачальниковъ. Но его возвышеніе и любовь къ нему великаго князя возбудили ревность и нареканія русскихъ бояръ. Тогда Олавъ покинулъ Россію. Впослѣдствіи онъ принялъ крещеніе; послѣ многихъ превратностей и приключеній завладѣлъ норвежскимъ престоломъ, и усердно началъ вводить христіанство въ своемъ королевствѣ. Между тѣмъ изгнанный имъ изъ Норвегіи ярлъ Эрикъ собралъ дружину, и напалъ на сѣверозападные предѣлы Руси. Онъ захватилъ городъ Ладогу, четыре года грабилъ отсюда сосѣднія Новогородскія волости и воевалъ съ Владиміромъ; но наконецъ принужденъ былъ удалиться.

Городъ Ладога (Альдейгаборгъ Скандинавскихъ сагъ) вообще служилъ главнымъ пристанищемъ для тѣхъ Варяговъ, которые плавали въ Новогородскій край или, какъ они его называли, въ Гольмгардъ. Здѣсь они вели торговлю съ Новогородцами, покупали у нихъ дорогіе мѣха и разныя ткани, привозимыя въ Россію съ востока изъ мусульманскихъ странъ или съ юга изъ Византіи. По крайней мѣрѣ въ сагахъ не однажды встрѣчаются расказы о скатертяхъ, коврахъ, златотканныхъ одеждахъ и другихъ драгоцѣнныхъ товарахъ, которые покупались варяжскими торговцами въ Гольмгардѣ для скандинавскихъ конунговъ. Изъ Ладоги многіе Варяги отправлялись въ Новгородъ, особенно по зимнему пути; такъ какъ плава-

ніе вверхъ по Волхову было затруднительно по причинѣ пороговъ. Весною, со вскрытіемъ водъ, они возвращались въ Ладогу, исправляли свои суда и отплывали на родину или отправлялись на морской разбойничій промыселъ. Одни и тѣже люди, смотря по обстоятельствамъ, занимались торговлею или нанимались въ русскую военную службу; а при случаѣ тѣже Варяги обращались въ пиратовъ, и грабили русскіе предѣлы; какъ это показываетъ война Эрика съ Владиміромъ. Восточные берега Балтійскаго моря, т. е. страны Кареловъ, Эстовъ и Куроновъ, въ особенности служили поприщемъ столкновенія между русскими князьями и норманскими конунгами; ибо и тѣ и другіе хотѣли собирать дани въ этихъ странахъ. Кромѣ двухъ водяныхъ путей въ Восточную Европу, Нево-Ладожскаго и Западно-Двинскаго, Норманны проложили морской путь къ самымъ сѣвернымъ краямъ Восточной Европы: ихъ торговцы и пираты огибали Норвегію, входили въ Бѣлое море и приставали къ берегамъ Сѣверной Двины. Здѣсь, по извѣстію исландскихъ сагъ, лежала обширная Біармія, которую эти баснословные расказы изображаютъ богатою страною, изобилующею мѣхами, серебромъ и золотомъ (29).

По нѣкоторымъ признакамъ, Владиміръ Великій подъ конецъ своего княженія уже не такъ ласкалъ Варяговъ и покровительствовалъ имъ какъ въ началѣ, когда онъ съ ихъ помощью утверждалъ свою власть. Съ одной стороны надменность и жадность этихъ наемниковъ, съ другой неудовольствіе на ихъ возвышеніе, обнаруженное коренными русскими боярами и дружинниками, охладили къ нимъ Владиміра во вторую половину его княженія. Но Варягамъ скоро представился новый случай показать свою силу и свое значеніе на Руси. Не безъ связи съ варяжскими отношеніями, какъ надобно полагать, возникло неповиновеніе одного изъ сыновей Владиміра, отравившее отцу послѣдніе дни его жизни.

Трудно, почти невозможно было Кіевскому князю удержать въ полномъ подчиненіи всѣ русскія области, разбросанныя на огромномъ пространствѣ отъ Ладожскаго озера до Карпатскихъ и Кавказскихъ горъ. Раздача этихъ

областей въ намѣстничество членамъ одного рода хотя и подвинула впередъ дѣло объединенія Восточной Европы подъ владычествомъ Русскаго племени; но въ тоже время имѣла своимъ послѣдствіемъ неизбѣжныя междоусобія. Энергія и могучая воля Владиміра поддерживали согласіе въ его семьѣ до тѣхъ поръ, пока онъ бодро стоялъ во главѣ своихъ дружинъ, всегда готовый строго наказать всякую попытку неповиновенія. Физическія наслажденія, которымъ онъ предавался особенно въ молодости, а также тяжелые походы и великіе труды подточили его организмъ, и безъ того не отличавшійся богатырскимъ сложеніемъ (о чемъ свидѣтельствуетъ латино-нѣмецкій лѣтописецъ Дитмаръ). Болѣзни начали удручать его.

Первая попытка къ отложенію отъ Кіева произошла тамъ, гдѣ всего естественнѣе было ея ожидать, т. е. въ Новгородѣ. При своей отдаленности, при подвижномъ, промышленномъ характерѣ своего населенія, Новогородскій край всегда тяготился зависимостью отъ южной Руси и большими данями, которыми обложилъ его великій князь Кіевскій. Со времени введенія христіанства вражда къ югу усилилась; такъ какъ въ Новгородѣ еще жила многочисленная языческая партія, только по наружности принявшая крещеніе. Мы знаемъ, что великіе князья кіевскіе содержали въ Новгородѣ наемную варяжскую дружину, что бы обуздывать безпокойную сѣверную Русь. Но эта наемная сила въ рукахъ честолюбиваго новогородскаго намѣстника или удѣльнаго князя увеличивала средства для борьбы съ самимъ великимъ княземъ Кіевскимъ; что на самомъ себѣ испыталъ Владиміръ въ молодости. По его стопамъ пошелъ и сынъ его Ярославъ. Находясь въ постоянномъ общеніи съ Норманнами, Ярославъ пріобрѣлъ себѣ друзей между ихъ вождями, и связи свои съ Скандинавіей скрѣпилъ женитьбою на Ингигердѣ, дочери шведскаго короля Олава Скёткокунга. Исландскія саги расказываютъ, что переговоры объ этомъ бракѣ длились довольно долго, и невѣста согласилась на него только послѣ разныхъ условій. Между прочимъ она вытребовала себѣ въ вѣно городъ Альдейгаборгъ или Ладогу. Ингигерда отправилась въ Гольмгардъ съ большою свитою,

во главѣ которой поставила своего родственника ярла Рагенвальда; послѣдній и получилъ отъ нея въ управленіе Альдейгаборгъ съ его областью. Саги изображаютъ Ингигерду женщиной гордой, умной и рѣшительной: она не замедлила пріобрѣсти большое вліяніе на своего мужа Ярослава. Очень вѣроятно, что не безъ этого вліянія послѣдній еще при жизни отца задумалъ отложиться отъ Кіева и сдѣлаться независимымъ, самостоятельнымъ государемъ обширной Новогородской области. Его поддерживали въ этомъ намѣреніи стремленіе самихъ Новогородцевъ къ независимости отъ Кіева, а также надежда на варяжскую помощь. Обстоятельства благопріятствовали ему и въ другомъ отношеніи: вниманіе и силы Кіевской Руси были отвлекаемы къ южнымъ предѣламъ почти постоянною борьбою съ Печенѣгами. Какъ бы то ни было, Ярославъ вдругъ отказался платить великому князю установленную съ Новгорода ежегодную дань въ 2000 гривенъ.

Владиміръ весьма разгнѣвался на сына, и велѣлъ исправлять пути для своего войска, которое хотѣлъ вести лично. Съ обѣихъ сторонъ начались ратныя приготовленія. Но силы измѣнили старому князю: онъ такъ заболѣлъ, что слегъ въ постель. Въ то же время пришло извѣстіе о новомъ нападеніи Печенѣговъ. Владиміръ отправилъ противъ нихъ кіевскую рать подъ начальствомъ сына Бориса. Послѣднему хотя и была назначена въ удѣлъ Ростовская область; но отецъ очень его любилъ и держалъ при себѣ, также какъ и Глѣба Муромскаго, единоутробнаго Борису. Вслѣдъ за тѣмъ старый князь скончался, не достигши еще глубокой старости, но переживъ многихъ своихъ женъ, сыновей, даже внуковъ, въ томъ числѣ и христіанскую свою супругу, греческую царевну Анну. Любимымъ мѣстопребываніемъ Владиміра Великаго было загородное село Берестово, гдѣ и застигла его кончина лѣтомъ 1016 года. Бояре проломали полъ въ теремѣ; завернули тѣло князя въ коверъ, спустили внизъ на веревкахъ, и отвезли его въ кіевскій Десятинный храмъ Богородицы. Здѣсь оно было заключено въ мраморную гробницу, устроенную по образцу византійскихъ саркофаговъ, которая и была поставлена въ церкви рядомъ съ гробницею супру-

ги его Анны. Лѣтописецъ повѣствуетъ о безчисленномъ стеченіи народа при погребеніи знаменитаго князя; всѣ плакали и стенали отъ боярина до послѣдняго простолюдина. Нѣтъ сомнѣнія, что печаль была непритворная; ибо хоронили государя щедраго, ласковаго, даровавшаго народу долголѣтній внутренній миръ и побѣду надъ внѣшними врагами, а главное, распространившаго свѣтъ христіанской религіи. Это былъ поистинѣ великій человѣкъ. Печаль народа усиливалась неопредѣленнымъ положеніемъ, въ которомъ оставалась Русская земля, опасеніемъ кровавыхъ раздоровъ и бѣдствій, которыя скоплялись надъ нею ([30]).

IV.

ЯРОСЛАВЪ I И ВОДВОРЕНІЕ УДѢЛЬНАГО ПОРЯДКА.

Святополкъ. Убіеніе Бориса и Глѣба. Ярославъ въ Кіевѣ. Вмѣшательство Болеслава Храбраго. Торжество Ярослава. Мстиславъ Чермный. Единодержавіе Ярослава. Послѣдній морской походъ на Византію. Тѣсныя связи съ Норманнами. Устроеніе церковное. Дѣленіе на удѣлы. Изяславъ и другіе сыновья Ярослава. Ростиславъ Тмутраканскій и Всеславъ Полоцкій.

Услыхавъ о кончинѣ Владиміра, Святополкъ Туровскій прискакалъ немедленно въ Кіевъ, и сѣлъ на великокняжескомъ столѣ какъ старшій въ родѣ. Онъ началъ щедро одѣлять подарками знатнѣйшихъ гражданъ, что бы привлечь Кіевлянъ на свою сторону. Но они обнаруживали колебаніе. Имъ хорошо была извѣстна нелюбовь Владиміра къ Святополку; можетъ быть, покойный князь и не прочилъ его на Кіевскій столъ. Притомъ кіевская рать находилась тогда въ походѣ съ Борисомъ, и граждане не знали еще, признаютъ ли Борисъ и войско Святополка великимъ княземъ. Послѣдній послалъ къ брату гонцовъ съ вѣстію о смерти отца и съ лестными предложеніями, т. е. съ обѣщаніями увеличить его удѣлъ. Но опасенія съ этой стороны оказались напрасными. Борисъ не встрѣтилъ Печенѣговъ, и, возвращаясь назадъ, сталъ лагеремъ недалеко отъ города Переяславля на рѣчкѣ Альтѣ, впадающій въ Трубежъ. Этотъ добродушный, благочестивый князь былъ опечаленъ смертію родителя, и не питалъ никакихъ честолюбивыхъ замысловъ. Нѣкоторые дружинники изъявили желаніе посадить его на Кіевскій столъ; но Борисъ отвѣчалъ, что не подниметъ ру-

ки на брата старѣйшаго, котораго считаетъ себѣ „въ отца мѣсто". Тогда войско, повидимому недовольное его уступчивостію, разошлось по домамъ, и онъ остался на берегу Альты съ немногими отроками.

Захвативъ въ свои руки великое княженіе, Святополкъ спѣшилъ не только обезпечить его за собою, но и по возможности завладѣть удѣлами другихъ братьевъ, т. е. возстановить единодержавіе. Средства, которыя онъ избралъ для этого, были согласны съ его вѣроломнымъ, свирѣпымъ характеромъ. Такимъ образомъ почти съ самыхъ первыхъ страницъ нашей исторіи мы видимъ на Руси постоянно возобновлявшуюся борьбу двухъ началъ: единодержавнаго и удѣльнаго, борьбу, которая происходила тогда и у другихъ Славянскихъ народовъ. Кромѣ примѣра самаго Владиміра Великаго, Святополкъ имѣлъ предъ глазами еще подобные же примѣры: въ Чехіи, гдѣ Болеславъ Рыжій пытался истребить своихъ братьевъ, и въ Польшѣ, гдѣ тесть Святополка, Болеславъ Храбрый, дѣйствительно успѣлъ частію изгнать, частію ослѣпить братьевъ и такимъ образомъ сдѣлаться единовластителемъ. Очень можетъ быть, въ своихъ замыслахъ Святополкъ былъ ободряемъ собственнымъ тестемъ, который надѣялся теперь не только захватить часть русскихъ земель, но и угодить Римской церкви введеніемъ католичества въ Россіи при помощи своего зятя.

Не полагаясь на кіевскую дружину, Святополкъ отправился въ ближній Вышгородъ, и склонилъ вышегородскихъ бояръ помочь ему въ его намѣреніяхъ. Здѣсь нашлось нѣсколько злодѣевъ, которые взяли на себя избавить его отъ Бориса; то были Путша, Талецъ, Еловичъ и Ляшко, частію не русскаго (м. б. ляшскаго) происхожденія, если судить по ихъ именамъ. Съ отрядомъ вооруженныхъ людей они отправились на Альту, ночью напали на шатѐръ Бориса и убили его вмѣстѣ съ нѣсколькими его отроками. Любопытно, что въ числѣ его убійцъ упоминаются два варяга, подобно тѣмъ двумъ варягамъ, которые убили Ярополка. Эти продажные люди играли немаловажную роль въ русскихъ междоусобіяхъ того времени, и нерѣдко служили орудіемъ разна-

го рода злодѣйствъ. Не смѣя показать тѣло Бориса Кіевлянамъ, Святополкъ велѣлъ отвезти его въ Вышегородскій замокъ и похоронить тамъ подлѣ церкви св. Василія. Почти въ одно время съ Борисомъ погибъ и младшій его братъ Глѣбъ, котораго Владиміръ по его молодости держалъ при себѣ въ Кіевѣ. При первыхъ признакахъ опасности юный князь сѣлъ съ нѣсколькими отроками въ ладью, и поспѣшилъ изъ Кіева въ свой Муромскій удѣлъ. Но Святославъ послалъ за нимъ погоню по Днѣпру. Она настигла Глѣба около Смоленска; отроки молодаго князя оробѣли, и собственный его поваръ, родомъ Торчинъ, по приказанію Горясѣра, начальника погони, зарѣзалъ Глѣба. Тѣло его было заключено между двумя колодами (т. е. выдолбленными обрубками), и зарыто въ лѣсу на берегу Днѣпра. Точно также Святополку удалось погубить еще одного брата, Святослава Древлянскаго. Послѣдній думалъ спастись бѣгствомъ къ Угорскому королю; погоня настигла его гдѣ то около Карпатскихъ горъ и умертвила ([31]). Но съ нимъ окончилось злодѣйское истребленіе братьевъ. Отпоръ дальнѣйшимъ предпріятіямъ Святополка долженъ былъ послѣдовать съ сѣвера отъ сильнаго Новогородскаго князя.

Средства, собранныя для борьбы съ отцомъ, Ярославъ употребилъ на борьбу съ Святополкомъ. Онъ и его супруга Ингигерда слишкомъ потакали наемнымъ Варягамъ. Послѣдніе своею жадностію, высокомѣріемъ и разнаго рода насиліями, особенно въ отношеніи женскаго пола, возбуждали противъ себя ненависть и иногда кровавое возмездіе со стороны Новогородцевъ. Князь въ такихъ случаяхъ принималъ сторону наемниковъ, и казнилъ многихъ гражданъ. Однако Новогородцы не отказали ему въ помощи деньгами и войскомъ, лишь бы не подчиниться Кіевскому князю, не платить ему тяжкихъ даней и не принимать къ себѣ его посадниковъ. Около этого времени къ Ярославу прибыли съ небольшою дружиною два норвежскихъ витязя, Эймундъ и Рагнаръ; они вступили въ его службу на извѣстный срокъ, выговоривъ себѣ, кромѣ обильнаго снабженія съѣстными припасами, еще извѣстное количество серебра на каждаго воина; по

недостатку серебра эта наемная плата могла быть выдана имъ дорогими мѣхами, бобровыми и собольими. По словамъ хвастливой исландской саги, Эймундъ съ своими товарищами будто бы игралъ первую роль въ успѣшной борьбѣ Ярослава съ Святополкомъ (32).

Встрѣча сѣвернаго ополченія съ южнымъ произошла на берегахъ Днѣпра подъ Любечемъ. Святополкъ кромѣ собственной рати привелъ съ собою наемныя полчища Печенѣговъ. Долго два ополченія стояли на противуположныхъ берегахъ рѣки, не рѣшаясь перейти ее. Иногда, по обычаю того времени, они осыпали другъ друга насмѣшками и бранью. Напримѣръ, южные ратники кричали Новогородцамъ: „Эй вы плотники! Что пришли съ своимъ хромцемъ? (Ярославъ былъ хромъ). Вотъ мы заставимъ васъ рубить намъ хоромы!“ Наступили морозы, Днѣпръ сталъ покрываться льдомъ, начинался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Изворотливый Ярославъ между тѣмъ пріобрѣлъ себѣ пріятелей въ лагерѣ Святополка, отъ которыхъ получалъ вѣсти. Однажды ночью онъ переправился черезъ Днѣпръ, и напалъ на противника въ то время, когда тотъ не ожидалъ. Сѣверные ратники имѣли головы перевязанныя убрусами, чтобы отличать своихъ отъ непріятелей. Сѣча была упорная. Печенѣги, стоявшіе гдѣ то за озеромъ, не могли приспѣть во время. Къ утру Святополкъ былъ совершенно разбитъ и обратился въ бѣгство. Ярославъ вступилъ въ Кіевъ, и занялъ великокняжескій столъ; послѣ чего щедро наградилъ Новогородцевъ, и отпустилъ ихъ домой (1017 г.). Но это было только начало борьбы. Святополкъ нашелъ убѣжище и помощь у своего тестя Болеслава Храбраго. Болеславъ былъ радъ случаю вмѣшаться въ дѣла Руси и воспользоваться ея смутами; но онъ находился тогда въ войнѣ съ германскимъ императоромъ Генрихомъ II. Императоръ также хотѣлъ воспользоваться обстоятельствами, и предложилъ Ярославу напасть на ихъ общаго врага, короля Польскаго. Ярославъ дѣйствительно началъ войну съ Поляками, но почему то велъ ее вяло и нерѣшительно. Недовольный имъ, Генрихъ II заключилъ миръ съ Болеславомъ. Тогда послѣд-

ній поспѣшилъ напасть на Русскаго князя, ведя съ собою кромѣ польской рати еще дружины Нѣмцевъ, Угровъ и Печенѣговъ. Ярославъ встрѣтилъ его на берегахъ Буга. По словамъ лѣтописи, воевода Ярослава Будый, глумясь надъ противникомъ, кричалъ Болеславу: „Вотъ мы проткнемъ трескою (копьемъ) чрево твое толстое". Польскій король былъ очень тученъ, такъ что едва могъ сидѣть на конѣ. Именно эта брань будто бы побудила его стремительно переплыть рѣку и напасть на Ярослава. Послѣдній былъ разбитъ и ушелъ опять на сѣверъ, въ свой Новгородъ. Кіевъ послѣ непродолжительной осады сдался Болеславу, который возстановилъ зятя на великокняжескомъ престолѣ. Здѣсь Польскій король захватилъ часть Ярославова семейства и его сестеръ, изъ которыхъ одну, именно Предиславу, сдѣлалъ своей наложницей, изъ мести: онъ когда то просилъ ея руки, но получилъ отказъ по различію вѣроисповѣданія.

Часть польской рати была размѣщена по русскимъ городамъ. Пребываніе ея вскорѣ сдѣлалось большою тягостью для жителей. Самъ Святополкъ очевидно былъ недоволенъ тестемъ, который распоряжался на Руси какъ завоеватель. По городамъ начались кровавыя столкновенія жителей съ Поляками и избіеніе послѣднихъ. Тогда Болеславъ покинулъ Кіевъ и ушелъ, обремененный огромною добычею и множествомъ плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ были и сестры Ярослава. Онъ удержалъ за собою нѣкоторыя пограничныя области, напримѣръ, Червенскіе города.

Между тѣмъ Ярославъ не терялъ времени въ Новгородѣ, и собиралъ новыя силы. Лѣтопись говоритъ, что послѣ своего пораженія онъ хотѣлъ даже бѣжать за море къ Варягамъ; но Новгородцы съ своимъ посадникомъ Коснятинымъ, сыномъ Добрыни, не пустили его, изрубивъ приготовленныя имъ ладьи. Они изъявили готовность снова биться за Ярослава и жертвовать имуществомъ для найма воиновъ, лишь бы не покориться Святополку. Начали собирать деньги: простые граждане были обложены взносомъ на войско по 4 куны, старосты по 10 гривенъ, а бояре по 18 гривенъ. Призвали изъ за моря новыя дружины

Варяговъ. Но успѣху Ярослава болѣе всего помогъ упомянутый раздоръ Святополка съ Болеславомъ. Когда сѣверное ополченіе снова пошло на Кіевъ, Святополкъ, нелюбимый Кіевлянами, искалъ помощи у Печенѣговъ, и нанялъ многочисленныя ихъ толпы. Онъ встрѣтилъ Ярослава на берегу Альты, уже знаменитой убіеніемъ Бориса. Лѣтопись говоритъ, что сѣча была злая и возобновлялась три раза, и что кровь обильно текла по удольямъ. Дрались цѣлый день, и только къ вечеру Ярославъ одолѣлъ. Святополкъ *Окаянный* бѣжалъ на западъ, къ Чехамъ; но умеръ гдѣ то на дорогѣ. По всѣмъ признакамъ это былъ злодѣй далеко недюженный (33).

Только послѣ смерти Святополка Ярославъ прочно утвердился на Кіевскомъ столѣ, и, какъ выражается лѣтопись, „утеръ пота съ своей дружиной". Но междоусобія въ семьѣ Владиміра еще не кончились. Обширныя владѣнія Ярослава возбуждали зависть въ остальныхъ его родственникахъ. Въ Полоцкѣ княжилъ въ то время племянникъ его Брячиславъ Изяславичъ. Онъ объявилъ притязанія на часть новогородскихъ областей; получивъ отказъ, напалъ на Новгородъ, взялъ его и разграбилъ (1021 г.). Вѣсть о приближеніи Ярослава съ войскомъ побудила Брячислава удалиться изъ Новгорода; но онъ захватилъ съ собою большое количество плѣнниковъ и заложниковъ. Въ Псковской области на рѣкѣ Судомѣ Ярославъ нагналъ Полоцкаго князя, поразилъ его, и освободилъ новогородскихъ плѣнниковъ. Послѣ того они заключили миръ, по которому Ярославъ увеличилъ Полоцкое княженіе городомъ Витебскомъ съ его волостью.

Едва окончилась война съ Полоцкимъ княземъ, какъ выступилъ другой соперникъ, борьба съ которымъ оказалась гораздо труднѣе. То былъ младшій братъ Ярослава, Мстиславъ Чермный, князь Тмутраканскій, успѣвшій прославить себя богатырскими подвигами въ борьбѣ съ Таврическими и Кавказскими Черкесами, извѣстными въ лѣтописяхъ подъ именами Козаръ и Касоговъ. Между прочимъ лѣтописецъ нашъ сохранилъ преданіе о его войнѣ съ сосѣднимъ касожскимъ княземъ Редедею. По обычаю того времени общее сраженіе замѣнялось иногда еди-

ноборствомъ. Подобное единоборство сильный Редедя предложилъ Мстиславу. Они схватились. Мстиславъ одолѣлъ, бросилъ противника на землю и закололь его ножомъ. По условію онъ взялъ семейство Редеди и все его имѣніе, а Касоговъ обложилъ данью. По возвращеніи въ Тмутракань князь построилъ церковь Богородицы, исполняя обѣтъ, который далъ въ трудную минуту своего поединка. Этотъ-то воинственный князь объявилъ притязанія на раздѣлъ русскихъ земель по ровну, и пошелъ на Кіевъ во главѣ своей болгаро-русской дружины и черкесской конницы. Встрѣтивъ мужественное сопротивленіе со стороны Кіевлянъ, Мстиславъ обратился на Черниговъ, взялъ его и сдѣлалъ своимъ стольнымъ городомъ. Ярослава въ то время не было въ Кіевѣ. Онъ находился на сѣверѣ, и усмирялъ мятежъ въ Суздальской землѣ. Тамъ случился сильный голодъ, и волхвы возмутили народъ, который еще былъ преданъ своей старой языческой религіи. Суевѣрные люди бросились избивать старухъ, которыя по словамъ волхвовъ причиняли голодъ своимъ колдовствомъ. Ярославу удалось схватить многихъ волхвовъ, и частію казнить ихъ, частію заточить. А между тѣмъ изъ Камской Болгаріи купцы навезли много жита; тогда голодъ прекратился, и мятежъ утихъ. Это было въ 1024 году.

Въ Новгородѣ великій князь собралъ рать противъ Мстислава, и призвалъ изъ за моря наемныхъ Варяговъ. Они пришли подъ начальствомъ знатнаго витязя Якуна (т. е. Гакона), который обратилъ на себя вниманіе Русскихъ своею красивою наружностію и златотканою лудою или верхнею одеждою. Мстиславъ встрѣтилъ сѣверную рать недалеко отъ Чернигова у мѣстечка Листвена, и напалъ на нее въ темную бурную ночь, когда свирѣпствовала сильная гроза съ дождемъ. Въ челѣ сѣверной рати стояла Варяжская дружина; Мстиславъ выставилъ противъ нея Черниговское или Сѣверское ополченіе. Объ это мужественное ополченіе разбилась неукротимая храбрость Норманновъ. Тмутраканскій князь остался побѣдителемъ; Ярославъ и Якунъ спаслись бѣгствомъ; при чемъ послѣдній потерялъ свою золотую луду. Осматривая поутру поле битвы, Мстиславъ выразилъ особую радость тому, что

наибольшее число павшихъ пришлось на долю Сѣверянъ и Варяговъ; а его собственная тмутраканская дружина осталась цѣла. Ярославъ снова удалился въ свой вѣрный Новгородъ. Побѣдитель послалъ сказать ему, что признаётъ его старшинство и ненамѣренъ добиваться Кіева. Однако Ярославъ не довѣрялъ брату, и воротился въ Кіевъ только во главѣ вновь собраннаго на сѣверѣ сильнаго ополченія. Тогда между братьями состоялся договоръ, по которому они раздѣлили между собою Русскую землю, назначивъ границею рѣку Днѣпръ: области, лежавшія на восточной сторонѣ Днѣпра, были уступлены Мстиславу (1025 г.).

Съ того времени братья жили дружно между собою, и общими силами воевали внѣшнихъ враговъ. Между прочимъ они вмѣстѣ ходили на Ляховъ. Въ тотъ годъ, когда братья помирились, скончался Болеславъ Храбрый, вскорѣ послѣ своего торжественнаго коронованія королевскимъ вѣнцомъ. Преемникъ его Мечиславъ II не былъ способенъ удержать завоеванія отца и внушить уваженіе сосѣдямъ. Со всѣхъ сторонъ поднялись на него сосѣдніе народы, которые хотѣли воротить ту или другую отнятую у нихъ землю, а именно: Чехи, Угры, Нѣмцы и Русь. Ярославъ въ свою очередь воспользовался обстоятельствами; вмѣстѣ съ братомъ онъ повоевалъ пограничную Польскую землю, и воротилъ Руси Червенскіе города. Братья привели изъ польскаго похода большое число плѣнниковъ; часть ихъ, доставшуюся на долю Ярослава, онъ поселилъ по рѣкѣ Роси въ городкахъ, построенныхъ для защиты отъ степныхъ варваровъ. Взаимное согласіе братьевъ продолжалось до самой смерти Мстислава Чермнаго, который однажды на охотѣ сильно заболѣлъ, и вскорѣ умеръ (1036). Лѣтописецъ говоритъ, что Мстиславъ отличался тучностію, румянымъ лицомъ и большими глазами, былъ очень храбръ и ласковъ къ своей дружинѣ, для которой не щадилъ ни имѣнія, ни питія, ни брашна. Онъ не оставилъ послѣ себя наслѣдниковъ, и всѣ его земли достались Ярославу. Въ томъ же году послѣдній засадилъ въ порубъ, т. е. въ темницу, брата своего Судислава Псковскаго, неизвѣстно по какой причинѣ, вѣроятно за его притязанія на раздѣлъ

земель. Такимъ образомъ великій князь Кіевскій еще разъ соединилъ въ своихъ рукахъ всѣ русскія области, за исключеніемъ Полоцкаго удѣла, и сталъ властителемъ единодержавнымъ. Это единовластіе дало Русской землѣ тишину внутри и силу противъ внѣшнихъ враговъ.

Въ самый годъ Мстиславовой смерти, когда великій князь отлучился въ Новгородъ, Печенѣги воспользовались его отсутствіемъ и въ большомъ числѣ подступили къ Кіеву. Получивъ о томъ извѣстіе, Ярославъ поспѣшилъ на помощь стольному городу съ Варягами и Новогородцами. Онъ далъ рѣшительную битву варварамъ подъ самыми стѣнами Кіева. Въ центрѣ его войска стояли Варяги, на правомъ крылѣ Кіевляне, на лѣвомъ Новогородцы. Послѣ упорной сѣчи Печенѣги потерпѣли полное пораженіе; во время бѣгства много ихъ перетонуло въ Сѣтомли и въ другихъ ближнихъ рѣчкахъ. Со времени этой великой битвы лѣтопись уже не упоминаетъ болѣе о печенѣжскихъ набѣгахъ на Кіевскую область.

При Ярославѣ Русь увеличилась пріобрѣтеніемъ новыхъ земель и данниковъ, особенно на сѣверѣ въ странѣ Финскихъ племенъ. Между прочимъ Ярославъ, еще при жизни Мстислава, ходилъ на Чудь, обитавшую на западной сторонѣ Чудскаго озера, и, чтобы утвердить здѣсь свое господство, построилъ городъ, который назвалъ Юрьевымъ въ честь своего ангела; ибо христіанское его имя было Юрій или Георгій (1031). А, спустя лѣтъ 10 или 11, онъ посылаетъ въ туже сторону своего сына Владиміра Новогородскаго для завоеванія сосѣдняго съ Чудью финскаго народца Ямь, жившаго около Финскаго залива. Походъ хотя и былъ побѣдоносенъ; но дружина Владиміра воротилась почти безъ коней, вслѣдствіе постигшаго ихъ сильнаго падежа. О русскихъ походахъ на сѣверовостокъ къ Уральскому хребту свидѣтельствуетъ извѣстіе о какомъ то Улѣбѣ, который въ 1032 году ходилъ изъ Новгорода за такъ наз. Желѣзныя ворота, безъ сомнѣнія на лодкахъ по рѣкамъ; но въ этомъ походѣ потерялъ большую часть своей дружины ([34]).

На западныхъ предѣлахъ Руси Ярославъ долженъ былъ укрощать своихъ безпокойныхъ сосѣдей, Литву и Ятвя-

говъ. По крайней мѣрѣ лѣтопись упоминаетъ о его предпріятіяхъ въ ту сторону, вызванныхъ вѣроятно набѣгами этихъ племенъ. Кромѣ того онъ совершилъ нѣсколько судовыхъ походовъ въ Мазовію. Въ Польшѣ по смерти Мечислава II (1034) наступили жестокія смуты: вельможи изгнали его сына Казиміра, и начали самовольствовать. Чехи спѣшили воспользоваться этою анархіей, чтобы увеличить свои предѣлы на счетъ Поляковъ. Наконецъ Казиміръ съ помощью Нѣмцевъ воротилъ свой престолъ; онъ прекратилъ анархію; но не могъ усмирить нѣкоего Моислава, который захватилъ Мазовію и хотѣлъ быть ея независимымъ властителемъ. Казиміру въ этомъ случаѣ помогъ родственный союзъ съ Ярославомъ. Послѣдній выдалъ за польскаго короля свою сестру Марію (1043), которая потомъ перешла въ католичество и извѣстна у Поляковъ подъ именемъ Доброгнѣвы. Казиміръ вмѣсто вѣна, т. е. брачнаго подарка, возвратилъ Кіевскому князю 800 русскихъ плѣнниковъ, которые были взяты въ прежнихъ войнахъ. А Ярославъ помогъ ему усмирить Мазовію, куда онъ ходилъ два или три раза; при послѣднемъ походѣ Моиславъ былъ убитъ (1047). Союзъ съ Польшею былъ еще скрѣпленъ женитьбою Ярославова сына Изяслава на сестрѣ Казиміра ([35]).

Ярославово княженіе, между прочимъ, ознаменовалось послѣднимъ большимъ походомъ русскаго флота на Византію.

Послѣ Владиміра Русь нѣкоторое время еще оставалась вѣрною союзницею Византіи, и вспомогательныя русскія дружины не разъ встрѣчаются въ ея войнахъ. Дружественныя связи поддерживались взаимными торговыми выгодами: русскіе гости проживали въ Константинополѣ, греческіе приходили въ Кіевъ. Со времени крещенія Руси къ военнымъ и торговымъ сношеніямъ прибавились и дѣятельныя сношенія церковныя. Эти дружескія связи нарушены были въ 1043 году. Въ Константинополѣ изъ за чего то произошелъ споръ съ нѣкоторыми русскими торговцами; отъ спора дѣло дошло до драки, и одинъ изъ почетнѣйшихъ русскихъ гостей былъ убитъ. Отсюда возникло неудовольствіе между обоими правительствами. На

византійскомъ престолѣ въ то время сидѣлъ Константинъ Мономахъ, третій супругъ императрицы Зои. Извѣстно, что Зоя и ея незамужняя сестра Ѳеодора, дочери Константина IX и племянницы Василія II Болгаробойцы, были послѣднимъ отпрыскомъ знаменитой Македонской династіи. Константинъ Мономахъ, государь безпечный и преданный своимъ удовольствіямъ, повидимому не спѣшилъ дать Руси необходимое удовлетвореніе за обиду. Ярославъ снарядилъ большой ладейный флотъ, и послалъ его подъ начальствомъ своего старшаго сына Владиміра Новогородскаго съ воеводою Вышатой. Въ этой судовой рати находились и наемные Варяги. Византійскіе историки преувеличиваютъ ея число до 100.000. По извѣстію нашей лѣтописи, Русь хотѣла высадиться на Дунаѣ, вѣроятно съ намѣреніемъ поднять Болгаръ противъ Грековъ; но Варяги увлекли Владиміра далѣе. Флотъ подошелъ къ Боспору, и готовился напасть на самый Царьградъ. Между тѣмъ императоръ велѣлъ заключить подъ стражу всѣхъ русскихъ купцовъ и воиновъ, находившихся въ Константинополѣ и другихъ городахъ. Онъ не одинъ разъ отправлялъ къ Владиміру пословъ съ мирными предложеніями; но тотъ предъявлялъ слишкомъ высокія требованія (византійцы говорятъ, будто онъ потребовалъ по три фунта золота на каждаго воина). Этими переговорами Греки конечно желали выиграть время, чтобы приготовиться къ отпору. Дѣйствительно они успѣли собрать и снарядить флотъ, который подъ начальствомъ самого императора загородилъ входъ въ Боспоръ; а на берегахъ его расположились конные отряды. Послѣдовали битвы на морѣ.

Мелкія русскія суда старались держаться ближе къ берегу; тутъ съ помощью огнеметательныхъ снарядовъ Грекамъ удалось сжечь часть нашего флота и привести въ замѣшательство остальную. Многія русскія ладьи сильнымъ волненіемъ были брошены на береговыя скалы и потерпѣли крушеніе. Самъ Владиміръ едва не погибъ; его спасъ одинъ изъ воеводъ, Иванъ Творимiричъ, взявъ на свой корабль. Часть Русской рати, спасшаяся на берегъ послѣ крушенія своихъ судовъ, собралась тамъ въ числѣ шести тысячъ человѣкъ. Они рѣшили пробиваться въ отечество

сухимъ путемъ. Вышата не захотѣлъ оставить ихъ безъ воеводы. „Живъ ли буду, такъ съ ними, а если и погибну, такъ съ дружиною“, сказалъ онъ; сошелъ на берегъ, и самъ повелъ ихъ къ Дунаю. Императоръ съ торжествомъ воротился въ столицу, отрядивъ 24 корабля для преслѣдованія отступавшаго Владиміра. Эти корабли были окружены русскими ладьями и почти всѣ погибли; при чемъ Русскіе взяли многихъ плѣнниковъ, и такимъ образомъ имѣли хотя небольшой успѣхъ въ своемъ походѣ. Но рать, предводимая Вышатой, большею частію истреблена превосходными силами Грековъ; оставшіеся въ живыхъ отведены плѣнниками въ Константинополь, гдѣ императоръ велѣлъ многихъ изъ нихъ ослѣпить. Спустя три года, миръ былъ возобновленъ, и плѣнные обоюдно возвращены. Миръ этотъ скрѣпленъ бракомъ одного изъ сыновей Ярослава, его любимца Всеволода, съ греческой царевной, но неизвѣстно, съ дочерью или съ другой какой родственницей Константина Мономаха ([46]).

Время Ярослава было также эпохою самыхъ дѣятельныхъ и дружескихъ связей съ Норманнами Скандинавіи, извѣстными у насъ подъ именемъ Варяговъ. Бракъ съ шведскою принцессою и помощь, оказанная варяжскими дружинами при завоеваніи Кіевскаго княженія, еще болѣе возвысили ихъ значеніе при дворѣ и въ войскѣ великаго князя Русскаго. Мы видимъ, что почти во всѣхъ важнѣйшихъ битвахъ варяжская дружина занимаетъ чело русской рати. Мы видимъ знатныхъ людей, даже королей и принцевъ скандинавскихъ, которые находятъ пріютъ у Русскаго князя, нерѣдко вступаютъ въ его службу, становятся его совѣтниками и помощниками въ дѣлахъ внутренняго управленія и внѣшней защиты. Варяжскіе наемники и торговцы безъ сомнѣнія пользовались на Руси особымъ покровительствомъ великой княгини Ингигерды (въ православіи Ирины), которая имѣла большое вліяніе на своего супруга. Еще будучи новогородскою княгинею, она, какъ извѣстно, доставила своему родственнику Рагенвальду городъ Ладогу, въ качествѣ удѣльнаго княжества. Впослѣдствіи мужъ ея сестры норвежскій король Олавъ Святой, лишенный своего престола датскимъ

королемъ Канутомъ Великимъ, нашелъ убѣжище и почетъ при Кіевскомъ дворѣ съ своимъ малолѣтнимъ сыномъ Магнусомъ. Конечно не безъ помощи Кіевскаго князя онъ снарядилъ дружину, чтобы воротить себѣ утраченный престолъ, и высадился на берега Норвегіи; но погибъ въ битвѣ при Стиклестадѣ (1030 г.). Сынъ Олава Магнусъ, прозванный *Добрымъ*, оставался на попеченіи Ярослава и воспитывался вмѣстѣ съ его дѣтьми. Спустя нѣсколько лѣтъ, когда смуты въ Норвегіи и угнетенія, испытанныя отъ Датчанъ, заставили многихъ норвежскихъ вельможъ сожалѣть объ изгнаніи собственнаго королевскаго дома, Магнусъ съ русскою помощью воротился въ отечество и занялъ наслѣдственный престолъ.

Младшій братъ Олава Святаго, Гаральдъ Смѣлый (Гардрада) послѣ битвы при Стиклестадѣ, гдѣ онъ былъ раненъ, также нашелъ убѣжище при Кіевскомъ дворѣ, и нѣкоторое время служилъ въ варяжской дружинѣ великаго князя. Гаральдъ полюбилъ старшую дочь Ярослава и Ингигерды, Елизавету, и просилъ ея руки. Предложеніе изгнаннаго принца, не имѣвшаго ни земли, ни богатства, на первое время встрѣтило отказъ, но повидимому не безъусловный. Гаральдъ послѣ того отправился въ Царьградъ, и сдѣлался тамъ начальникомъ такой же варяжской дружины. Именно около этого времени византійскіе историки впервые упоминаютъ о наемномъ отрядѣ *Варанговъ* на византійской службѣ. Онъ возникъ вѣроятно по примѣру тѣхъ отрядовъ, которые служили Русскимъ князьямъ, и отчасти изъ тѣхъ Варяговъ, которые покидали Русь, что бы искать еще болѣе выгодной службы въ богатой Греческой имперіи. Наемные Варанги, по своей храбрости и вѣрности принятымъ на себя условіямъ, сдѣлались въ послѣдствіи любимымъ войскомъ у византійскихъ императоровъ, и между прочимъ занимали самое видное мѣсто въ ихъ гвардіи. Сага о Гаральдѣ Смѣломъ расказываетъ баснословные примѣры его отваги и остроумія, а также его романтическія приключенія во время византійской службы. По ея словамъ, онъ воевалъ, одерживалъ побѣды и бралъ для Грековъ непріятельскіе города въ Азіи, Африкѣ и Сициліи; ходилъ въ Іерусалимъ;

но не забывалъ о своей привязанности къ русской княжнѣ, и, будучи самъ поэтомъ, въ честь ея сложилъ пѣсню. Въ этой пѣснѣ онъ говоритъ объ отчаянныхъ битвахъ, объ опасностяхъ, которыя преодолѣлъ, и сѣтуетъ на пренебреженіе, оказанное ему русскою дѣвою. Между тѣмъ награды и добыча, награбленная во время походовъ, сдѣлали его богатымъ человѣкомъ. Онъ могъ теперь бросить жизнь изгнанника, искателя приключеній и воротиться въ отечество, гдѣ царствовалъ его племянникъ Магнусъ. Гаральдъ опять пріѣхалъ въ Кіевъ, получилъ наконецъ руку Елизаветы, и отправился въ Норвегію, гдѣ, спустя нѣсколько лѣтъ, наслѣдовалъ своему племяннику, погибшему въ битвѣ съ врагами (1047). Впослѣдствіи и самъ Гаральдъ Смѣлый, какъ извѣстно, также палъ во время своей отчаянной высадки на берега Англіи (1066) ([37]).

Мы видѣли, что Владиміръ подъ конецъ жизни пересталъ возвышать Варяговъ; но Ярославъ, кажется, до конца оставался ихъ другомъ, отчасти подъ вліяніемъ Ингигерды, а отчасти потому, что Варяги, какъ и всякіе наемники, въ рукахъ великаго князя были надежнымъ орудіемъ для поддержки его самовластія. Незамѣтно также, чтобы Ярославъ послѣ услугъ, оказанныхъ Новогородцами въ борьбѣ его съ Святополкомъ, освободилъ ихъ отъ варяжскаго гарнизона. По крайней мѣрѣ лѣтопись говоритъ, что Новгородъ до самой смерти Ярослава ежегодно платилъ Варягамъ количество гривенъ, установленное еще Олегомъ. Новогородскимъ намѣстникомъ при Ярославѣ былъ его старшій сынъ Владиміръ, который, судя по извѣстію нѣкоторыхъ сѣверныхъ лѣтописей, былъ также какъ и отецъ его женатъ на какой то норманской принцессѣ. Ладога и Новгородъ продолжали служить главными пристанищами для Варяговъ, приходившихъ на Русь въ качествѣ гостей или ищущихъ службы, а также и для варяжскихъ принцевъ, отправлявшихся къ Кіевскому двору. Былъ и другой путь изъ Скандинавіи въ Россію, по Западной Двинѣ. Несомнѣнно, что торговцы и наемники варяжскіе посѣщали Полоцкъ; но послѣдній тогда началъ выдѣляться изъ об-

щаго состава Руси подъ владѣніемъ своихъ мѣстныхъ князей.

Здѣсь, въ этихъ родственныхъ, дружескихъ связяхъ Игорева дома съ Варягами, въ томъ положеніи, которое эти иноземцы заняли на Руси при Владимірѣ Великомъ и особенно при сынѣ его Ярославѣ, въ происхожденіи послѣдующихъ кіевскихъ князей, по матери, отъ Скандинавскаго королевскаго дома, въ частыхъ призывахъ варяжскихъ дружинъ и въ громкой славѣ, которою пользовались тогда норманскіе викинги, — здѣсь и надобно искать зародышъ той басни, которая впослѣдствіи такъ распространилась и укрѣпилась. Извѣстно, что эта басня весь русскій княжескій родъ начала вести отъ варяжскихъ принцевъ, которые будто бы были когда то призваны въ Новогодскую землю для водворенія въ ней порядка.

Кромѣ родственныхъ связей съ государями Византіи, Польши и Скандинавіи, Ярославъ вступалъ въ такія же связи и съ другими европейскими владѣтелями. Такъ вторая его дочь Анна была выдана за Генриха I, короля Французскаго, а третья, Анастасія, за короля венгерскаго Андрея I. Были также и родственныя связи съ владѣтелями Германіи: нѣмецкіе лѣтописцы говорятъ о бракѣ двухъ германскихъ принцессъ съ князьями русскими (можетъ быть, съ Вячеславомъ и Игоремъ, младшими сыновьями Ярослава). Все это указываетъ на дружескія сношенія Кіевскаго двора почти со всѣми важнѣйшими дворами сѣверной и средней Европы. Есть даже извѣстіе о родственномъ союзѣ русскаго княжескаго дома съ королями Англіи и пребываніи въ Россіи двухъ англійскихъ принцевъ, искавшихъ убѣжища при дворѣ Ярослава ([38]). Очевидно Русь того времени занимала не послѣднее мѣсто въ международныхъ отношеніяхъ Европы, и жила общею европейскою жизнію.

Великое значеніе Ярослава I въ Русской исторіи впрочемъ основано не столько на его удачныхъ войнахъ и внѣшнихъ связяхъ, сколько на его трудахъ по внутреннему устроенію Русской земли. Въ этомъ отношеніи пер-

вое мѣсто принадлежитъ его дѣятельности на пользу христіанской церкви.

Владиміръ Великій вмѣстѣ съ христіанствомъ утвердилъ въ Россіи и порядокъ греческой іерархіи. Русская церковь составила особую митрополію, зависимую отъ патріарха Константинопольскаго. Зависимость эта выражалась въ особенности поставленіемъ высшаго духовнаго сановника, т. е. Кіевскаго митрополита, а въ началѣ и другихъ іерарховъ или епископовъ. Мы не имѣемъ точныхъ несомнѣнныхъ свѣденій о первыхъ кіевскихъ митрополитахъ. Позднѣйшіе лѣтописные своды называютъ первымъ русскимъ митрополитомъ Михаила, прибывшаго съ Владиміромъ изъ Корсуня. Преемникомъ его они именуютъ Леонтія; за Леонтіемъ слѣдовалъ Іоаннъ, управлявшій церковью во второй половинѣ княженія Владиміра и въ первой Ярослава; Іоанну былъ преемникомъ Ѳеопемтъ. Эти митрополиты, поставленные константинопольскимъ патріархомъ, назначались изъ духовенства Греческой имперіи; но весьма вѣроятно, что они были происхожденія Болгарскаго или по крайней мѣрѣ имѣли свѣденія въ Славянскомъ языкѣ; безъ чего дѣятельность ихъ на Руси была бы очень затруднительна. Извѣстно, что вмѣстѣ съ христіанствомъ Русь получила богослуженіе и Священное писаніе на языкѣ Славяноболгарскомъ. Вмѣстѣ съ митрополитами первые наши епископы и многіе священники были также по всей вѣроятности изъ Болгаръ. Они приносили съ собою богослужебныя книги и другіе болгарославянскіе переводы.

Духовенство, какъ прибывавшее изъ Византійской имперіи, такъ и прежде существовавшее въ Кіевской крещеной Руси, могло удовлетворить только первой необходимости. Но съ распространеніемъ христіанства и построеніемъ храмовъ въ русскихъ областяхъ сильно возрастала и потребность въ своихъ собственныхъ служителяхъ церкви, въ наставникахъ вѣры, близкихъ къ народу, вполнѣ ему понятныхъ и способныхъ бороться съ язычествомъ, которое было сильно даже въ населеніи, считавшемся христіанскимъ; не говоримъ о дальнихъ областяхъ, коснѣвшихъ еще въ грубомъ идолопоклонствѣ. Уже Владиміръ при-

казывалъ брать дѣтей и отдавать ихъ въ книжное ученіе, вѣроятно для того, что бы приготовить изъ нихъ священнослужителей. Лѣтописецъ прибавляетъ любопытную черту: матери этихъ дѣтей плакали по нимъ какъ по мертвецамъ, потому что еще не утвердились въ вѣрѣ. Ярославъ продолжалъ дѣло своего отца и поручалъ церковнослужителямъ обучать грамотѣ дѣтей; а въ Новгородѣ, по извѣстію лѣтописи (позднѣйшихъ сводовъ) онъ устроилъ училище, состоявшее изъ 300 мальчиковъ, сыновей священниковъ и старостъ.

На Руси повторилось почти тоже, что мы видимъ въ Дунайской Болгаріи. Тамъ христіанство окончательно было введено княземъ Богорисомъ; а сынъ его Симеонъ произвелъ уже эпоху процвѣтанія Болгарской словесности. Такъ и у насъ Ярославъ, сынъ князя, утвердившаго на Руси христіанство, отличался особою приверженностію къ дѣлу книжному. Онъ собиралъ писцовъ для списыванія болгарскихъ рукописей; причемъ иногда поручалъ переводить прямо съ греческаго или исправлять болгарскіе переводы. Изъ словъ лѣтописи можно заключить, что онъ даже самъ списалъ нѣкоторыя священныя книги и принесъ ихъ въ даръ созданному имъ храму св. Софіи. При Ярославѣ и съ его поощренія начали распространяться на Руси и монашескія общины; а однимъ изъ главныхъ занятій монастырскихъ въ Средніе вѣка, какъ извѣстно, было списываніе книгъ.

Ярославъ не щадилъ издержекъ на внѣшнее благолѣпіе церкви, которое такъ сильно дѣйствуетъ на воображеніе юнаго, мало развитаго общества, еще не окрѣпшаго въ вѣрѣ. Самыя великолѣпныя постройки, совершенныя имъ, конечно принадлежали стольному Кіеву, и произведены съ помощью греческихъ мастеровъ. Вопервыхъ, онъ обвелъ городъ новыми каменными стѣнами. Однѣ изъ воротъ въ этихъ стѣнахъ названы были Золотыми, въ подражаніе такимъ же воротамъ Цареградскимъ; а надъ ними построена церковь въ честь Благовѣщенія. Новыя стѣны были обширнѣе прежнихъ; между прочимъ онѣ обнимали часть поля, на которомъ происходила выше упомянутая послѣдняя битва съ Печенѣгами, окончивша-

яся ихъ совершеннымъ пораженіемъ. Въ память этой битвы и на ея мѣстѣ Ярославъ въ слѣдующемъ 1037 году заложилъ знаменитый соборный храмъ св. Софіи. Храмъ съ тѣмъ же именемъ существовалъ въ Кіевѣ уже при Владимірѣ Великомъ, но только на другомъ мѣстѣ; по крайней мѣрѣ о немъ упоминаетъ нѣмецкій лѣтописецъ Дитмаръ, по поводу вступленія въ Кіевъ Болеслава Храбраго. Во время междоусобныхъ войнъ Святополка съ Ярославомъ этотъ храмъ сгорѣлъ; вмѣсто него Ярославъ построилъ новый, и въ болѣе великолѣпномъ видѣ. Онъ былъ украшенъ фресковою живописью и роскошными мозаиками или, какъ тогда называлось, мусіею. Кромѣ того Ярославъ построилъ въ Кіевѣ монастырь св. Георгія, въ честь своего ангела, и монастырь св. Ирины (вѣроятно въ честь своей супруги). Вообще древнѣйшіе и главные храмы Кіева строились большею частію въ подражаніе цареградскимъ и носили ихъ имена, каковы св. Софія, св. Ирина, а также храмы въ честь Богородицы, столь распространенные въ Византіи (начиная съ знаменитаго Влахернскаго). По образцу Кіева и въ другихъ главныхъ городахъ Руси встрѣчаемъ соборные храмы преимущественно или Софійскіе, или Богородичные (Рождественскіе и Успенскіе). Такъ почти въ одно время съ Кіевской Софіей создана была и славная Софія Новогородская. По свидѣтельству лѣтописей, сначала эта Софійская церковь была деревянная о тринадцати верхахъ, построенная первымъ епископомъ Новгорода Іоакимомъ на берегу Волхова; но она сгорѣла. Тогда сынъ Ярослава Владиміръ, удѣльный князь Новогородскій, вмѣстѣ съ епископомъ Лукою Жидятою въ 1045 году заложилъ новый Софійскій соборъ, уже каменный и нѣсколько на другомъ мѣстѣ, хотя тоже на берегу Волхова. Этотъ храмъ построенъ и украшенъ фресковою живописью также съ помощью греческихъ художниковъ. Строитель его, Владиміръ Ярославичъ, спустя нѣсколько лѣтъ, скончался и былъ въ немъ погребенъ ([33]).

Такимъ образомъ построеніе христіанскихъ храмовъ повело за собою пересажденіе въ Россію изящныхъ искусствъ изъ Византіи. При Ярославѣ, по извѣстію лѣтописей, пріѣхали къ намъ изъ Греціи церковные пѣвцы,

которые научили Русскихъ осьмогласному или такъ наз. демественному пѣнію.

Признавая русскую іерархію въ зависимости отъ цареградскаго патріарха, Ярославъ въ тоже время допускалъ эту зависимость только до извѣстной степени. Онъ ревниво оберегалъ княжескую власть въ самыхъ дѣлахъ церковныхъ, и оставлялъ за собою рѣшеніе іерархическихъ вопросовъ. Такъ въ концѣ его княженія нужно было поставить новаго митрополита, а между тѣмъ великій князь находился въ разладѣ съ византійскимъ правительствомъ. Тогда онъ созвалъ соборъ изъ русскихъ епископовъ, и велѣлъ имъ поставить на митрополію священника изъ села Берестова, Иларіона, отличавшагося книжною ученостію и бывшаго однимъ изъ первыхъ нашихъ духовныхъ писателей. Этотъ Иларіонъ является такимъ образомъ первымъ кіевскимъ митрополитомъ русскаго происхожденія. Соборнымъ поставленіемъ его однако не была нарушена связь Русской церкви съ Греческой, и по возобновленіи дружественныхъ сношеній возобновились почтительныя, сыновнія отношенія кіевскаго митрополита къ цареградскому патріарху. Первые христіанскіе князья наши, т. е. Владиміръ и Ярославъ, воздвигая храмы и полагая начало духовному сословію, вмѣстѣ съ тѣмъ старались обезпечить матеріальными средствами существованіе и дальнѣйшее развитіе этого сословія. По примѣру византійскихъ императоровъ, они дарили извѣстную часть изъ княжихъ доходовъ на содержаніе храмовъ и ихъ причта, надѣляя ихъ землями и разными угодьями. Кромѣ того они опредѣлили въ пользу духовенства часть доходовъ съ судопроизводства, подчинивъ епископамъ разбирательство нѣкоторыхъ тяжебныхъ дѣлъ и проступковъ. Ярославъ пользуется въ исторіи славою нашего перваго законодателя: ему приписывали древнѣйшій сводъ русскихъ узаконеній, извѣстный подъ именемъ Русской Правды.

Онъ соединилъ въ своемъ владѣніи почти всѣ русскія земли. Но это единовластіе было личное и временное. Подобно Владиміру Великому, онъ возстановилъ единство русскихъ земель только для того, чтобъ укрѣпить ихъ за своимъ собственнымъ семействомъ, а не для того, чтобы вод-

ворить на Руси единодержавіе. Нравы и понятія восточныхъ Славянъ того времени были слишкомъ далеки отъ подобной мысли; никакія распоряженія, никакія завѣщанія въ этомъ смыслѣ не могли оказаться дѣйствительными. Понятіе о Руси какъ о единомъ, нераздѣльномъ владѣніи, о единомъ *государствѣ*, еще не сложилось. Если бы Кіевскій князь вздумалъ всю Русскую землю отдать одному сыну, то остальные сыновья и родственники не признали бы такого распоряженія, и общими силами подняли бы противъ него оружіе. Государственное начало и единеніе Русскихъ земель, повторяемъ, поддерживались только тѣмъ, что онѣ находились во владѣніи одного княжескаго рода и что князь, сидѣвшій въ Кіевѣ, считался старѣйшиной всѣмъ князьямъ Русскимъ.

Ярославъ, подобно отцу, дѣду и прадѣду, еще при жизни своей раздавалъ сыновьямъ въ управленіе или въ намѣстничество свои земли. Старшій его сынъ Владиміръ, по установившемуся обычаю, былъ намѣстникомъ въ сѣверномъ Новгородѣ. Онъ скончался за два года до смерти отца, и тогда въ Новгородъ былъ переведенъ изъ Турова Изяславъ, оставшійся теперь старшимъ. Лѣтопись раскасываетъ, что Ярославъ передъ смертью распорядился областями такимъ образомъ: Изяславу онъ назначилъ Кіевъ, Святославу Черниговъ, Всеволоду Переяславль, Игорю Владиміръ Волынскій и Вячеславу Смоленскъ. При этомъ онъ увѣщевалъ ихъ жить въ любви и согласіи между собою и дружно дѣйствовать противъ враговъ; въ противномъ случаѣ предрекалъ гибель Русской землѣ, которую ихъ отцы и дѣды стяжали великими трудами. Онъ внушалъ имъ слушаться старшаго брата, имѣя его „въ отца мѣсто"; а старшему завѣщалъ не давать въ обиду никого изъ братьевъ и помогать обиженному. Но подобныя увѣщанія составляютъ общее мѣсто; ихъ конечно дѣлалъ почти каждый попечительный отецъ своимъ дѣтямъ. Лѣтописецъ впрочемъ тутъ же сообщаетъ, что во время кончины Ярослава Изяславъ былъ въ Новгородѣ, Святославъ во Владимірѣ Волынскомъ, а въ Кіевѣ оставался только Всеволодъ, котораго отецъ очень любилъ и всегда держалъ при себѣ. (40) Во всякомъ случаѣ сыновья Ярослава должен-

ствовали быть тѣснѣе связаны между собою, нежели сыновья Владиміра: послѣдніе рождены въ язычествѣ отъ разныхъ женъ и наложницъ; тогда какъ Ярославичи были плодомъ брака, освященнаго церковью, были дѣти нетолько одного отца, но и одной матери.

Ярославъ дожилъ до глубокой старости: смерть застигла его на 76 году отъ роду въ ближнемъ Вышгородѣ, въ февралѣ 1054 года. Всеволодъ распорядился погребеніемъ: тѣло покойнаго князя возложили на сани, съ молитвами и церковными пѣснопѣніями привезли въ Кіевъ, и опустили въ мраморную гробницу, которая поставлена въ одномъ изъ придѣловъ воздвигнутаго имъ Софійскаго собора.

Младшіе его сыновья, Игорь и Вячеславъ, скоро послѣдовали за своимъ отцомъ, и удѣлы ихъ достались старшимъ, преимущественно Изяславу. Такимъ образомъ послѣдній, удержавъ за собою Новгородъ, владѣлъ землями Кіевскою и Волынскою, т. е. почти всею страною на западъ отъ Днѣпра. Святославъ, кромѣ Чернигова, захватилъ себѣ всю область Сѣверянъ, Вятичей, Рязань, Муромъ и Тмутракань, слѣдовательно всѣ земли на востокъ отъ Днѣпра. Всеволодъ помѣстился въ южномъ Переяславлѣ на рѣкѣ Трубежѣ; но къ этому удѣлу онъ еще получилъ почти все верхнее Поволжье, т. е. земли Ростовскую, Суздальскую и Бѣлозерскую. Затѣмъ каждый изъ трехъ братьевъ въ своихъ удѣлахъ раздавалъ города и волости въ управленіе или намѣстничество членамъ собственнаго семейства. Еще былъ живъ одинъ изъ сыновей Владиміра Великаго, Судиславъ, заключенный Ярославомъ въ порубъ. По старшинству своему онъ теперь имѣлъ право занять великокняжескій Кіевскій столъ; но, просидѣвъ болѣе 20 лѣтъ въ заключеніи, старикъ не думалъ уже о своихъ правахъ. Племянники освободили его, взявъ съ него присягу не искать княженія, и онъ вскорѣ умеръ чернецомъ.

Послѣ Ярослава недолго продолжался внутренній миръ на Руси, хотя три его сына жили пока въ согласіи между собою. Но у нихъ нашлись родственники, которые не хотѣли помириться съ ихъ львиными частями при раздѣлѣ земель, и вотъ мало по малу открылся долгій, непре-

рывный рядъ княжескихъ междоусобій изъ за удѣловъ или волостей.

Первый примѣръ междоусобія на этотъ разъ подалъ родной племянникъ Ярославичей, Ростиславъ, сынъ ихъ старшаго брата Владиміра Новогородскаго. Былъ ли онъ совершенно обдѣленъ дядями или получилъ отъ нихъ слишкомъ незначительную волость, въ точности неизвѣстно. Мы видимъ только, что этотъ предпріимчивый князь обратился въ Новгородъ, гдѣ еще живы были воспоминанія объ его отцѣ, который повидимому пользовался народною любовью. Здѣсь Ростиславъ набралъ себѣ вольную дружину. Въ числѣ его товарищей упоминаются и знатные новогородскіе люди, Порѣй и Вышата. Послѣдній былъ сынъ Изяславова посадника Остроміра, который за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ погибъ въ одномъ походѣ на Чудь. Ростиславъ удалился въ Тмутраканскій край, манившій къ себѣ своимъ отдѣльнымъ положеніемъ, торговыми связями съ промышленнымъ Корсунемъ и сосѣдствомъ съ воинственными Кавказскими народами, гдѣ легко было набирать вспомогательные наемные отряды. Этимъ краемъ въ то время управлялъ Глѣбъ, старшій сынъ Святослава Ярославича. Ростиславъ вытѣснилъ изъ Тмутраканя своего двоюроднаго брата. Отецъ послѣдняго Святославъ явился на помощь сыну, и воротилъ ему удѣлъ. Но едва Святославъ отправился назадъ въ свой Черниговъ, какъ Ростиславъ снова изгналъ Глѣба и снова занялъ Тмутракань (1064 г.), гдѣ и княжилъ до своей смерти. Но княженіе это было кратковременно: оно продолжалось только два года. Ростиславъ скоро сдѣлался грозенъ для своихъ сосѣдей, т. е. для корсунскихъ Грековъ и кавказскихъ Касоговъ. Послѣдніе принуждены были платить ему дань; а Греки, тяготясь сосѣдствомъ такого воинственнаго князя, рѣшились его извести. Лѣтопись наша расказываетъ, что какой то греческій начальникъ или катапанъ пріѣхалъ къ Русскому князю, подольстился къ нему и потомъ отравилъ его во время пира, когда князь пилъ здоровье своего гостя. Онъ погребенъ въ томъ каменномъ храмѣ Богородицы, который былъ построенъ Мстиславомъ Чермнымъ. Послѣ смерти Ростислава граждане Тмутра-

каня послали въ Черниговъ просить Святослава, чтобы онъ снова отпустилъ къ нимъ на княженіе своего сына Глѣба: очевидно послѣдній пользовался ихъ любовью. Святославъ исполнилъ ихъ просьбу. Памятникомъ Глѣбова управленія на этомъ концѣ древней Руси служитъ извѣстный Тмутраканскій камень, представляющій плиту, на боковой сторонѣ которой высѣчена надпись. Эта надпись свидѣтельствуетъ, что князь Глѣбъ въ 1068 году мѣрилъ по льду проливъ между городами Корчевомъ и Тмутраканемъ, и насчиталъ 14.000 сажень.

Почти въ одно время съ Ростиславомъ противъ Ярославичей поднялся другой племянникъ, впрочемъ двоюродный. Это былъ полоцкій князь Всеславъ, сынъ Брячислава (умершаго въ 1044 году). Своимъ предпріимчивымъ и безпокойнымъ характеромъ онъ не уступалъ Ростиславу. Лѣтопись изображаетъ его княземъ хитрымъ и жестокимъ. У него отъ природы была на головѣ какая то язвина, вслѣдствіе чего онъ носилъ повязку, и суевѣрные люди приписывали этой повязкѣ особое волшебное значеніе. Всеславъ, по всей вѣроятности, питалъ неудовольствіе за то, что его ограничивали одною Полоцкою областью и не давали ему части въ другихъ русскихъ земляхъ. Подобно отцу своему, онъ обнаружилъ притязанія на Новогородскій край или по крайней мѣрѣ на ближнія новогородскія волости. Сначала онъ пытался осаждать Псковъ, но безъ успѣха; затѣмъ явился съ войскомъ подъ самымъ Новгородомъ, ворвался въ него и сжегъ часть города; при чемъ ограбилъ храмъ св. Софіи, снявъ самые колокола и паникадила. Тогда Ярославичи соединенными силами отправились воевать Полоцкую землю. Они взяли городъ Минскъ, и съ свойственною тому времени жестокостію избили мужеское населеніе, а женъ и дѣтей роздали въ рабство своимъ дружинникамъ. Всеславъ встрѣтилъ дядей не далеко отъ этого города на берегахъ рѣчки Немизы. Дѣло происходило въ мартѣ мѣсяцѣ, и земля была еще покрыта глубокимъ снѣгомъ. Послѣ упорной битвы Ярославичи побѣдили; но очевидно борьба съ такимъ противникомъ оказалась нелегкою; такъ какъ они пред-

почли прибѣгнуть къ вѣроломству. Князья съѣхались для переговоровъ гдѣ то около Смоленска, и расположились лагеремъ на противоположныхъ берегахъ Днѣпра. Ярославичи пригласили Всеслава переѣхать на ихъ сторону, и поцѣловали крестъ, т. е. присягнули въ его безъопасности. Но едва Изяславъ ввелъ его въ свой шатеръ, какъ Полоцкаго князя схватили, отвезли въ Кіевъ, и засадили въ порубъ вмѣстѣ съ двумя его сыновьями ([41]).

Такое вѣроломство, по словамъ лѣтописца, не замедлило вызвать Божье наказаніе на князей-клятвопреступниковъ. Русскую землю посѣтили новые враги иноплеменники. То были Половцы, народъ одного корня съ Печенѣгами, но еще болѣе дикій и многочисленный.

V.

ПОЛОВЦЫ И ВЛАДИМІРЪ МОНОМАХЪ.

Торки и Куманы. Двукратное изгнаніе Изяслава. Святославъ Черниговскій и его сыновья. Всеволодъ Переяславскій. Святополкъ II. Олегъ Святославичъ и междоусобія за Черниговъ. Любецкій съѣздъ. Ослѣпленіе Василька и споры за Волынь. Съѣздъ Витичевскій. Ожесточеніе на Половцевъ. Соединенные походы князей въ степи. Владиміръ Мономахъ въ Кіевѣ. Поученіе дѣтямъ. Усмиреніе непокорныхъ князей. Плѣнъ Володаря. Столкновеніе съ Греками на Дунаѣ. Политика Владиміра.

Послѣ извѣстнаго пораженія Печенѣговъ подъ самымъ Кіевомъ въ 1036 году наша лѣтопись уже не упоминаетъ объ ихъ нашествіяхъ на Русскую землю. Упорная, побѣдоносная борьба съ ними Владиміра и Ярослава очевидно ослабила ихъ силу; окончательно ихъ сломили собственныя междоусобія и другіе кочевники, надвигавшіе съ востока. Въ IX вѣкѣ, какъ извѣстно, Печенѣговъ оттѣснили изъ за Дона ихъ единоплеменники Узы въ союзѣ съ хазарскими каганами. Когда Печенѣги разсѣялись въ Черноморскихъ степяхъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, Узы заняли ихъ кочевья въ степяхъ Задонскихъ. Не всѣ Печенѣги ушли изъ прежнихъ своихъ степей; часть ихъ осталась между Узами, отъ которыхъ, по словамъ Константина Багрянороднаго, она отличалась болѣе короткимъ платьемъ, достигавшимъ только до колѣнъ и неимѣвшимъ рукавовъ. Въ первой половинѣ X вѣка, по извѣстію того же Константина, пустынное пространство въ пять дней ѣзды отдѣляло Печенѣговъ отъ Узовъ. Но послѣдніе недолго оставались въ покоѣ на новыхъ мѣстахъ. Въ свою

очередь тѣснимые другими кочевниками, они перешли на западную сторону Дона и стали подвигать свои кочевья къ степямъ Днѣпровскимъ, гдѣ снова столкнулись съ Печенѣгами. Подобно Печенѣгамъ, Узы были туркотатарскій народъ, дѣлившійся на разныя орды подъ управленіемъ своихъ родовыхъ старѣйшинъ или хановъ. Русскіе князья въ борьбѣ съ Печенѣгами пользовались иногда ихъ враждою съ Узами. Изъ послѣднихъ, также какъ изъ первыхъ, они при случаѣ нанимали вспомогательную конницу для войны съ сосѣдями. Мы видѣли, что уже Владиміръ Великій въ походѣ противъ Камскихъ Болгаръ имѣлъ у себя конныхъ *Торковъ*. Этимъ именемъ русская лѣтопись называетъ Узовъ.

Печенѣги еще храбро держались противъ Узовъ. Но въ послѣдніе годы Ярославова княженія между печенѣжскими ордами возникли жестокія междоусобія. Поводомъ къ нимъ послужила вражда самаго сильнаго изъ печенѣжскихъ хановъ Тураха противъ Кегена, который изъ простыхъ людей возвысился въ число главныхъ старѣйшинъ, благодаря своимъ подвигамъ въ войнахъ съ Узами. Тѣснимый соперникомъ, Кегенъ убѣжалъ съ частью Печенѣговъ за Дунай, и отдался подъ покровительство императора Константина Мономаха съ обязанностію защищать греческіе предѣлы отъ набѣговъ собственныхъ соплеменниковъ. Тогда Узы окончательно взяли верхъ надъ Печенѣгами, которые оставались въ степяхъ между Днѣпромъ и Дунаемъ; что побудило послѣднихъ къ новымъ переходамъ за Дунай, гдѣ они получали отъ византійскаго правительства земли для поселенія, преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ Болгаріи, которыя запустѣли послѣ истребительныхъ войнъ Василія II Болгаробойцы.

Но и Узы или Торки не долго господствовали въ степяхъ Приднѣпровскихъ и грабили Русскіе предѣлы. Вскорѣ съ сѣвера ихъ потѣснили русскіе князья; а съ востока по ихъ собственнымъ слѣдамъ надвинулись на нихъ орды Кумановъ, которые извѣстны въ нашихъ лѣтописяхъ подъ именемъ *Половцевъ*. Первое упоминаніе о Половцахъ встрѣчается вскорѣ по смерти Ярослава. Именно въ 1055 году князь переяславскій Всеволодъ побѣдоносно воевалъ

съ Торками, и въ томъ же году заключилъ миръ съ Половцами, которые приходили съ своимъ ханомъ Болушемъ. Очень вѣроятно, что Русскій князь заключилъ союзъ съ болѣе отдаленными варварами или съ Половцами, противъ сосѣднихъ враговъ или Торковъ. Спустя пять лѣтъ послѣ того, мы видимъ, что русскіе князья рѣшили общими силами ударить на послѣднихъ. Не только собрались вмѣстѣ Ярославичи, т. е. Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ; но съ ними соединился и Всеславъ Полоцкій. Многочисленная русская рать, конная и судовая, пошла на Торковъ, и произвела между ними такой погромъ, что тѣ бѣжали далѣе на югъ. Тамъ повидимому ихъ доканали Куманы. Угнетенные ими, Узы или Торки, вслѣдъ за Печенѣгами, цѣлыми ордами начали переходить за Дунай въ предѣлы Византійской имперіи. Кромѣ того большія толпы ихъ, захваченныя въ плѣнъ русскими князьями, были поселены на южныхъ предѣлахъ Кіевской и Переяславской области, для защиты этихъ предѣловъ отъ другихъ степняковъ. Въ послѣдующей исторіи того края играли не маловажную роль полукочевые потомки этихъ Торковъ или такъ наз. Черные Клобуки.

Русь ничего не выиграла съ паденіемъ Печенѣговъ и Узовъ. Ихъ мѣсто въ степяхъ заняли ближайшіе ихъ соплеменники, еще болѣе свирѣпые и многочисленные Куманы или Половцы, которые не замедлили начать свои опустошительныя вторженія и сильно потѣснили южнорусскія области (42).

Уже въ слѣдующемъ году послѣ погрома Торковъ Половцы пришли грабить Переяславскую область, и разбили Всеволода. Въ 1068 году они явились снова. Братья Ярославичи соединили свои дружины, и дали имъ битву на берегахъ рѣчки Альты, слѣдовательно почти подъ самымъ Переяславлемъ; но были разбиты и побѣжали, Святославъ въ Черниговъ, а Изяславъ со Всеволодомъ въ Кіевъ. Послѣ того Половцы во всѣ стороны распустили свои загоны для грабежа. Кіевляне были сильно недовольны поведеніемъ своего князя и его дружинниковъ. Они своевольно собрались на вѣче на торговой площади въ нижнемъ городѣ, т. е. на Подолѣ, и оттуда

послали сказать великому князю: „дай намъ оружіе и коней; хотимъ еще биться съ Половцами“. Великій князь отказался уступить этому шумному требованію. Тогда граждане подняли мятежъ. Они бросились въ верхній городъ, сначала къ дому кіевскаго тысяцкаго, т. е. главнаго воеводы, Коснячка; но тотъ успѣлъ скрыться. Отсюда одна часть мятежниковъ направилась къ тюрьмѣ, чтобы выпустить колодниковъ и Всеслава Полоцкаго; а другая ко двору княжескому. Изяславъ въ это время сидѣлъ съ дружиною на сѣняхъ своего терема. Нѣкоторые бояре совѣтовали ему убить поскорѣе Всеслава. Но великій князь ни на что не рѣшался; наконецъ потерялъ голову, покинулъ Кіевъ вмѣстѣ съ братомъ Всеволодомъ, и бѣжалъ въ Польшу къ своему родственнику королю Болеславу. Кіевляне между тѣмъ освободили Всеслава и поставили его своимъ княземъ. Дворъ и имущество Изяслава были при этомъ разграблены мятежною чернью.

То, чего тщетно требовали Кіевляне отъ Изяслава, т. е. новой битвы съ Половцами, разсѣявшимися для грабежа, исполнилъ мужественный Святославъ Черниговскій. Онъ вышелъ съ трехтысячной дружиной противъ варваровъ, которые свирѣпствовали около Чернигова, и столкнулся съ ихъ главнымъ двѣнадцати тысячнымъ отрядомъ на берегахъ рѣки Сновы. „Уже намъ некуда дѣваться. *Потягнемъ*!“ закричалъ князь своей дружинѣ; ударилъ на Половцевъ, разбилъ ихъ, и взялъ въ плѣнъ самого предводителя.

Цѣлые семь мѣсяцевъ Всеславъ занималъ столъ великокняжескій. Король польскій Болеславъ II, по прозванію Смѣлый, находился въ двойномъ родствѣ съ Изяславомъ; такъ какъ онъ былъ двоюроднымъ братомъ кіевскому князю по своей матери, и въ тоже время деверемъ по своей сестрѣ, супругѣ Изяслава. Воинственный Болеславъ радушно принялъ бѣглеца, и охотно выступилъ въ походъ для возвращенія ему Кіевскаго стола. Кіевляне пошли ему навстрѣчу подъ начальствомъ Всеслава. Но послѣдній въ Бѣлгородѣ ночью тайкомъ покинулъ кіевскую рать и убѣжалъ въ свой Полоцкъ. Кіевляне воротились домой, и на вѣчѣ рѣшили послать къ братьямъ великаго князя съ просьбою придти и защитить Кіевъ отъ Поляковъ и

отъ мести Изяслава. „Если не поможете намъ—говорили они,—то зажжемъ городъ и уйдемъ въ Греческую землю". Святославъ и Всеволодъ дѣйствительно вступились за нихъ, и велѣли сказать старшему брату: „Не води Ляховъ на Кіевъ; если же хочешь погубить городъ, то знай, что намъ жаль отцовскаго стола". Изяславъ послушался, но не вполнѣ. Сынъ его (Мстиславъ), вошедшій въ городъ съ передовою дружиною, многихъ гражданъ избилъ, а другихъ ослѣпилъ, мстя за освобожденіе Всеслава Полоцкаго. Болеславъ съ Ляхами прогостилъ въ Кіевѣ цѣлую зиму (1069). Онъ конечно не даромъ помогъ Изяславу: кромѣ богатыхъ подарковъ, по извѣстію нѣкоторыхъ польскихъ лѣтописцевъ, на обратномъ пути онъ занялъ часть Червонной Руси съ крѣпкимъ городомъ Перемышлемъ, который впрочемъ былъ взятъ имъ послѣ мужественной обороны ([43]).

Съ возвращеніемъ Изяслава въ Кіевъ, казалось, ничто не нарушало согласія между тремя братьями. Согласіе это продолжалось около 18 лѣтъ послѣ смерти ихъ отца. Благодаря ихъ единодушію, Всеславъ Полоцкій нѣкоторое время былъ лишенъ своего удѣла; а его новое нападеніе на Новгородъ отбито Новогородцами подъ предводительствомъ Глѣба Святославича. Въ 1072 году происходило перенесеніе мощей Бориса и Глѣба въ Вышгородѣ изъ старой деревянной церкви въ новую каменную, построенную Изяславомъ. Братья съѣхались на торжество съ своими боярами, и послѣ литургіи пировали всѣ вмѣстѣ „съ любовью великою", какъ выражается лѣтописецъ. А въ слѣдующемъ году между ними уже идетъ котора, т. е. распря. Лѣтописецъ не говоритъ ясно о ея причинахъ; нетрудно догадаться, что возникъ споръ о волостяхъ. Поводомъ къ нему повидимому послужилъ все тотъ же неугомонный Всеславъ Полоцкій, который успѣлъ снова воротить себѣ наслѣдственный удѣлъ и вступилъ въ какіе то переговоры съ великимъ княземъ, возбудившіе неудовольствіе Святослава Черниговскаго. Послѣдній подговорилъ Всеволода, и они вмѣстѣ изгнали Изяслава изъ Кіева. По всей вѣроятности

граждане кіевскіе питали неудовольствіе на Изяслава и за его мщеніе, совершенное съ помощью Ляховъ, и за его небреженіе о защитѣ Руси отъ хищныхъ Половцевъ; тогда какъ мужественный Святославъ имѣлъ за собою славу побѣдителя на берегахъ Сновы.

Изяславъ, успѣвшій увести съ собою много цѣннаго имущества, вторично обратился къ своему родственнику Болеславу Смѣлому за помощью. Но польскій король на этотъ разъ не изъявлялъ охоты вооружиться за его права, хотя и присвоилъ себѣ большую часть привезеннаго имъ имущества. Изгнанникъ поѣхалъ въ Германію, гдѣ у русскихъ князей того времени были также родственныя связи съ владѣтельными лицами. Онъ обратился къ императору Генриху IV, признавая его судьею въ своемъ дѣлѣ съ братьями и подкрѣпляя свои просьбы подарками. Но Генрихъ былъ слишкомъ занятъ собственными дѣлали и борьбою съ мятежными вассалами, что бы предпринять вооруженное вмѣшательство въ дѣла отдаленной Россіи. Онъ ораничился отправленіемъ посольства въ Кіевъ съ требованіемъ, что бы этотъ городъ былъ возвращенъ старшему брату. Святославъ почтительно принялъ посольство, и отпустилъ его съ такими богатыми дарами, которые возбудили удивленіе между Нѣмцами. По крайней мѣрѣ одинъ изъ ихъ лѣтописцевъ говоритъ, что „никогда мы не видали столько золота, серебра и дорогихъ тканей". Не добившись ничего отъ Генриха IV, Изяславъ обратился къ его знаменитому противнику, къ папѣ Григорію VII. Онъ отправилъ въ Римъ своего сына, чтобы просить папу о заступленіи и принести жалобу на вѣроломство короля польскаго. Изгнанникъ даже готовъ былъ повидимому признать папскую власть надъ Русскою церковью, лишь бы добиться своего личнаго удовлетворенія. Хотя и отвлекаемый въ то время важнѣйшими дѣлами, Григорій VII не упустилъ удобнаго случая показать свое верховенство надъ земными владыками. Онъ прислалъ двѣ грамоты, одну милостивую Изяславу, а другую укорительную Болеславу, котораго упрекалъ за неправедно присвоенное имущество Русскаго князя ([44]). Въ это именно время мы находимъ польскаго

короля въ союзѣ съ братьями Изяслава: такъ въ слѣдующемъ 1076 году юные сыновья ихъ, Олегъ Святославичъ и Владиміръ Всеволодовичъ (Мономахъ), ходили съ русскою дружиною на помощь Болеславу противъ Чеховъ. Но въ томъ же году великій князь Святославъ скончался, и обстоятельства вновь измѣнились въ пользу Изяслава. Польскій король внялъ наконецъ его просьбамъ и далъ ему вспомогательное войско, съ которымъ тотъ пошелъ на Всеволода, занявшаго Кіевъ. Всеволодъ не упорствовалъ и поспѣшилъ помириться съ старшимъ братомъ. Изяславъ снова сѣлъ на Кіевскомъ столѣ, а младшему брату отдалъ Черниговскую область. Но эта передача въ свою очередь послужила источникомъ большихъ междоусобій, потому что дѣти Святослава считали Черниговъ своимъ наслѣдственнымъ удѣломъ, своею отчиною.

Святославъ оставилъ пять сыновей: Глѣба, Олега, Давида, Романа и Ярослава. Одна любопытная рукопись сохранила намъ изображеніе этихъ князей вмѣстѣ съ ихъ родителями. Святославъ, подобно отцу своему Ярославу, былъ книголюбецъ, и заставлялъ переписывать для себя славяноболгарскія рукописи. До насъ дошелъ въ подлинникѣ, переписанный для него въ 1073 году, сборникъ разныхъ статей преимущественно религіознаго содержанія. Къ этому Святославову Сборнику приложенъ рисунокъ, который изображаетъ князя и его семейство, состоящее изъ супруги и пяти упомянутыхъ сыновей. Всѣ они представлены въ цвѣтныхъ кафтанахъ, спускающихся ниже колѣнъ и подпоясанныхъ золотнымъ кушакомъ. У кафтановъ золотые воротники и узкіе рукава съ золотными поручами. На головахъ сыновей шапки или клобуки съ мѣховой опушкой и синимъ закругленнымъ верхомъ. Клобукъ самаго Святослава имѣетъ верхъ болѣе низкій и повидимому золотой. Кромѣ того на немъ наброшенъ верхній плащъ (япанча или корзно), зеленый съ золотою каймою, застегнутый на правомъ плечѣ пряжкою съ дорогимъ камнемъ. Сапоги у всѣхъ изъ цвѣтнаго сафьяна. Сыновья всѣ безбородые; а отецъ, обладающій круглымъ красивымъ лицемъ, имѣетъ густые усы и подстриженную бороду. У княгини вокругъ головы обвернутъ платокъ или фата,

спускающаяся однимъ концомъ на правую сторону. На ней надѣто длинное верхнее платье съ широкимъ, отложнымъ воротникомъ, золотымъ поясомъ и широкими рукавами, подъ которыми замѣтны золотые поручи нижняго кафтана.

Старшій изъ Святославичей Глѣбъ, какъ мы видѣли, снискалъ себѣ извѣстность своимъ управленіемъ въ Тмутракани. Затѣмъ встрѣчаемъ его княземъ Новогородскимъ, побѣдителемъ Всеслава Полоцкаго и усмирителемъ народнаго мятежа. Уже 80 лѣтъ минуло съ той поры, когда Добрыня съ Путятой огнемъ и мечемъ сокрушили идолослуженіе въ Новгородѣ Великомъ; но сѣверная Русь все еще помнила о своей старой религіи, и здѣсь все еще была сильна языческая партія. Въ 1071 году, по словамъ лѣтописи, тамъ явился какой то волхвъ, который началъ смущать народъ мнимыми чудесами и хулою на христіанскую вѣру. Новогордская чернь подняла мятежъ, и хотѣла убить епископа. Епископъ облекся въ ризы, взялъ крестъ, вышелъ къ народу, и сказалъ: „Кто вѣруетъ волхву, пусть идетъ за нимъ; а кто почитаетъ крестъ—слѣдуетъ за мною". Князь Глѣбъ Святославичъ съ дружиною сталъ подлѣ епископа; но около волхва собралась большая народная толпа. Глѣбъ спряталъ топоръ подъ скутомъ (т. е. подъ плащемъ), подошелъ къ волхву и спросилъ: „Знаешь ли, что будетъ завтра"? „Знаю", отвѣчалъ онъ. „А знаешь ли, что будетъ сегодня?" „Я сотворю великія чудеса". Тогда Глѣбъ ударилъ волхва топоромъ, и тотъ упалъ мертвый. Мятежъ послѣ того утихъ, и толпа разошлась по домамъ.

Послѣ смерти отца Глѣбъ вскорѣ погибъ въ какомъ то походѣ на Заволочьѣ, т. е. въ странѣ сѣверной Чуди. Братья его Олегъ и Романъ были посажены отцомъ, первый во Владимірѣ Волынскомъ, а второй въ Тмутракани. Но дядья вывели Олега изъ Владиміра, и повидимому рѣшили оставить за дѣтьми Святослава только отдаленныя Муромо-Рязанскія земли и Тмутракань. Съ такимъ рѣшеніемъ не могли помириться предпріимчивые Святославичи и особенно самый безпокойный изъ нихъ, Олегъ. Онъ не поѣхалъ въ свой Муромскій удѣлъ, а отправился къ Роману въ Тмутракань,

и тамъ соединился еще съ однимъ обдѣленнымъ племянникомъ Ярославичей, съ Борисомъ Вячеславичемъ. Средства для борьбы съ старшими князьями оказались подъ рукою; это были половецкія дружины, всегда готовыя за плату или за добычу помогать кому угодно. Олегъ и Борисъ наняли Половцевъ и пошли къ Чернигову на Всеволода. Послѣдній былъ разбитъ на рѣкѣ Сожицѣ; при чемъ пали многіе знатные бояре русскіе, между прочимъ Иванъ Жирославичъ, Тукы, братъ Чудиновъ, и Порѣй.

Изгнанный изъ Чернигова, Всеволодъ обратился за помощью въ Кіевъ къ старшему брату. Изяславъ старался утѣшить его, напоминалъ о собственномъ двукратномъ изгнаніи изъ Кіева, и выражалъ готовность положить свою голову за обиду братнюю. Онъ собралъ большое войско, и двинулся со Всеволодомъ противъ мятежныхъ племянниковъ. Сынъ Всеволода Владиміръ Мономахъ, княжившій въ Смоленскѣ, также поспѣшилъ на помощь отцу. Ярославичи осадили Черниговъ, граждане котораго, кажется, были преданы Святославову семейству: они мужественно оборонялись, хотя ихъ молодые князья находились въ отсутствіи. Но Олегъ и Борисъ скоро явились съ новыми наемными толпами Половцевъ. Тогда Ярославичи оставили осаду города и пошли на встрѣчу племянникамъ. Въ виду неравныхъ силъ, Олегъ желалъ уклониться отъ битвы; но пылкій Борисъ хвалился выдти на бой съ одною собственною дружиною. Гдѣ то недалеко отъ Чернигова на мѣстѣ, которое въ лѣтописи названо Нѣжатиной нивой, произошла жаркая битва. Борисъ палъ въ этой сѣчѣ. Изяславъ стоялъ посреди своихъ пѣшихъ полковъ, когда какой то непріятельскій всадникъ наскакалъ на него, и поразилъ его копьемъ. Великій князь упалъ мертвымъ. Сраженіе окончилось побѣдою Всеволода. Разбитый Олегъ опять ушелъ въ Тмутракань. Тѣло Изяслава отвезли въ Кіевъ, и положили въ мраморной гробницѣ въ Десятинной церкви (1078 г.). Смерть за младшаго брата въ глазахъ народа искупила отчасти воспоминаніе о слабыхъ сторонахъ Изяславова княженія. Это мы видимъ изъ тѣхъ теплыхъ словъ, которыми лѣтописецъ сопровождаетъ расказъ о его погребеніи: онъ особенно ста-

витъ современнымъ князьямъ въ примѣръ братнюю любовь Изяслава.

Старшимъ княземъ на Руси оставался теперь послѣдній изъ Ярославичей, Всеволодъ. Онъ занялъ Кіевскій столъ; а Черниговъ передалъ своему сыну Владиміру Мономаху. Сыновей своего старшаго брата Изяслава онъ щедро наградилъ удѣлами: Ярополку Изяславичу отдалъ область Волынскую; а Святополка Изяславича посадилъ въ Новгородѣ. Но Святославичи, Романъ и Олегъ, а также Давидъ Игоревичъ и три сына умершаго Ростислава Тмутраканскаго, Рюрикъ, Василько и Володарь, считали себя обдѣленными, и продолжали оружіемъ добиваться волостей; средства къ тому доставляли Половцы, Хазаро-Черкесы и вольныя русскія дружины. Романъ и Олегъ, изъ своего Тмутраканя снова ходили съ половецкою и черкесскою конницею добывать Черниговъ; во время этого похода Романъ былъ убитъ самими Половцами; а Олегъ, схваченный тмутраканскими Хазарами, выданъ Грекамъ, которые заточили его на островъ Родосъ ([45]).

Ростиславичи, такіе же воинственные, безпокойные князья какъ ихъ отецъ, получили въ удѣлъ Червенскіе города, которые хотя и были захвачены Болеславомъ Смѣлымъ, но вновь возвращены Русью, благодаря смутамъ, наступившимъ въ Польшѣ. Недовольствуясь этими городами, Ростиславичи старались отнять у Ярополка часть Волынской земли. Давидъ Игоревичъ добился нѣкоторыхъ волостей въ той же землѣ. Между тѣмъ и неугомонный Всеславъ Полоцкій также продолжалъ свои непріязненныя дѣйствія. Тщетно Всеволодъ пытался смирять непокорныхъ родственниковъ и посылалъ на нихъ своего сына Владиміра Мономаха: междоусобія, потушенныя въ одномъ мѣстѣ, съ новою силою возникали въ другомъ. Русь страдала при немъ и отъ частыхъ половецкихъ набѣговъ; а Кіевское населеніе терпѣло еще обиды отъ княжескихъ тіуновъ. Удрученный старостію и болѣзнями, Всеволодъ самъ мало занимался главными обязанностями князя, т. е. судомъ и расправою, и предоставлялъ дѣла своимъ тіунамъ: народныя жалобы на ихъ грабительства и неправды проникли и въ самую лѣтопись, обыкновенно столь благо-

склонную къ роду Мономаха. Сверхъ того княженіе Всеволода ознаменовалось и другими бѣдствіями, каковы чрезвычайный моръ, истребившій много народу, и страшная засуха, сопровождаемая лѣсными пожарами.

Въ 1093 году Всеволодъ умеръ, и былъ погребенъ въ великомъ Софійскомъ храмѣ, тамъ же гдѣ и отецъ его Ярославъ, любившій его болѣе другихъ дѣтей. Онъ оставилъ послѣ себя двухъ сыновей, Владиміра Мономаха и Ростислава, и нѣсколькихъ дочерей. Изъ послѣднихъ Анна или Янка, какъ называетъ ее лѣтопись, отличавшаяся приверженностію къ церкви, дѣвицей постриглась въ монахини, и основала женскій монастырь при храмѣ св. Андрея. По смерти митрополита Іоанна, извѣстнаго своею ученостію и своими сочиненіями, Янка предпринимала путешествіе въ Царьградъ, и оттуда привезла въ Кіевъ новаго митрополита, именемъ также Іоанна, мужа неученаго, притомъ еще скопца. Послѣдній не понравился народу, который, смотря на его блѣдное лице, называлъ его мертвецомъ (навье); впрочемъ онъ и дѣйствительно скоро умеръ. Другая дочь Всеволода, Евпраксія, имѣла замѣчательную судьбу. Сначала она была выдана за мужъ за одного нѣмецкаго маркграфа. Оставшись вдовою, въ 1089 году она вступила въ новый бракъ съ императоромъ Генрихомъ IV, успѣвшимъ также овдовѣть. Но послѣдній бракъ былъ самый несчастный. Много пришлось ей вытерпѣть насилій и всякаго рода оскорбленій отъ жестокаго и развратнаго супруга. Она даже была лишена свободы; но успѣла бѣжать, и нашла убѣжище у знаменитой Тосканской маркграфини Матильды, съ помощью которой хлопотала о разводѣ передъ папою Урбаномъ II. Потомъ она воротилась на родину, въ Кіевъ; здѣсь постриглась, скончалась въ 1109 году, и погребена въ Печерскомъ монастырѣ. Янка пережила ее четырьмя годами ([46]).

Со смертію послѣдняго изъ сыновей Ярослава великокняжеское достоинство должно было перейти къ одному изъ его внуковъ. По родовымъ понятіямъ того времени старшинство принадлежало Святополку Изяславичу, т. е. сыну старшаго изъ Ярославичей, занимавшихъ Кіевскій столъ. Хотя Кіевляне и выражали желаніе имѣть княземъ

мужественнаго Владиміра Мономаха, который призванъ былъ своимъ умирающимъ отцомъ въ Кіевъ и присутствовалъ при его погребеніи; но Владиміръ не хотѣлъ нарушить права Святополка и навлекать междоусобную войну. Онъ послалъ за нимъ въ Туровъ звать его на великокняжескій столъ; а самъ отправился въ свой Черниговскій удѣлъ. Не даромъ Кіевляне желали обойти Святополка: онъ скоро обнаружилъ свою неспособность внушить уваженіе младшимъ родичамъ и страхъ внѣшнимъ врагамъ Россіи.

Половцы шли воевать Русскую землю въ то время, когда до нихъ достигла вѣсть о смерти Всеволода; они отправили пословъ къ Святополку съ предложеніемъ мира, сопровождая это предложеніе конечно разными требованіями. Святополкъ, не внимая совѣтамъ опытныхъ кіевскихъ бояръ, служившихъ его отцу и дядѣ, послушалъ своихъ дружинниковъ, пришедшихъ съ нимъ изъ Турова, и велѣлъ заключить подъ стражу половецкихъ пословъ. Тогда Половцы принялись опустошать русскіе предѣлы и между прочимъ осадили Торческъ, городъ находившійся на рѣкѣ Роси, на границѣ со степью, и населенный преимущественно плѣнными Торками. Святополкъ спохватился, отпустилъ половецкихъ пословъ, и самъ предлагалъ миръ; но теперь уже трудно было остановить орду. Имѣя у себя не болѣе 800 отроковъ, великій князь по совѣту неразумныхъ людей хотѣлъ выступить противъ варваровъ; однако послушалъ наконецъ старыхъ бояръ, и послалъ просить помощи у Владиміра Мономаха. Послѣдній не замедлилъ придти изъ Чернигова, а своего младшаго брата Ростислава призвалъ изъ Переяславля. Но силы собрались недостаточныя. Когда князья пришли къ рѣкѣ Стугнѣ, Владиміръ совѣтовалъ остановиться, и, угрожая отсюда Половцамъ, войти съ ними въ переговоры. Но Святополкъ отважился на битву, которой требовало и пылкое кіевское юношество. Рѣка Стугна находилась тогда въ разливѣ. (Дѣло происходило въ маѣ мѣсяцѣ). Войска переправились черезъ нее, миновали городъ Треполь и вышли за валъ, насыпанный Русью для защиты отъ степняковъ. Тутъ встрѣтила Русскихъ Половецкая орда, и ударила прежде всего на дружину Святополка; послѣдняя не выдер-

жала и побѣжала; за тѣмъ варвары сломили дружины Владиміра и Ростислава. Святополкъ бросился съ своими людьми въ ближній городъ Треполь; а Черниговцы и Переяславцы побѣжали къ Стугнѣ и пошли черезъ нее въ бродъ; при чемъ Ростиславъ утонулъ. Владиміръ, хотѣвшій подхватить брата, самъ едва не пошелъ ко дну. Онъ потерялъ въ этой битвѣ значительную часть своей дружины со многими боярами, и очень печаленъ воротился въ Черниговъ. А Святополкъ въ туже ночь изъ Треполя убѣжалъ въ Кіевъ. Тогда Половцы, распустивъ свои загоны по Русской землѣ, безпрепятственно принялись грабить и брать полонъ. Загоны ихъ доходили до Вышгорода, т. е. къ сѣверу отъ Кіева. Святополкъ попытался снова сразиться съ варварами, и опять былъ разбитъ на голову. Между тѣмъ осажденный Торческъ болѣе девяти недѣль мужественно оборонялся; наконецъ, томимый голодомъ и жаждою, отворилъ ворота. Варвары зажгли городъ, а жителей его раздѣлили между собою, и увели въ свои вежи вмѣстѣ съ огромнымъ полономъ, захваченнымъ въ другихъ городахъ и селахъ. Въ слѣдующемъ 1094 году Святополкъ заключилъ миръ съ Половцами, и, чтобы скрѣпить его, женился на дочери сильнѣйшаго изъ половецкихъ хановъ Тугоркана. Но эта война была только началомъ тѣхъ бѣдствій и междоусобныхъ браней, которыми ознаменовалось княженіе Святополка—Михаила.

Причиной междоусобій, происходившихъ при Святополкѣ II, было продолженіе споровъ съ одной стороны за Черниговъ, съ другой за Волынь. Олегъ Святославичъ, заточенный греческимъ правительствомъ на островъ Родосъ, пробылъ тамъ два года. Но съ восшествіемъ на византійскій престолъ знаменитаго Алексѣя Комнена обстоятельства измѣнились. Русскій князь не только получилъ свободу, но, кажется, и помощь, съ которою воротилъ себѣ Тмутраканскій столъ (въ 1083 г.); при чемъ строго наказалъ крамольныхъ тмутраканскихъ Хазаръ, и казнилъ главныхъ виновниковъ своей ссылки. Около десяти лѣтъ Олегъ сидѣлъ смирно въ Тмутракани; но по смерти Всеволода онъ въ 1094 году явился съ толпами Половцевъ подъ Черниговомъ, что бы завоевать

свой наслѣдственный удѣлъ. Владиміръ Мономахъ, еще не оправившійся отъ пораженія на берегахъ Стугны, на этотъ разъ не былъ готовъ къ борьбѣ. Когда непріятели начали выжигать монастыри и села, лежащія около Чернигова, онъ послѣ осьмидневной обороны помирился съ Олегомъ, сдалъ ему городъ; а самъ съ своимъ семействомъ подъ прикрытіемъ небольшой дружины прошелъ сквозь половецкія толпища, и удалился въ свой наслѣдственный Переяславль. Однако Олегъ не вдругъ утвердился въ Черниговской области. Святополкъ и Владиміръ Мономахъ пригласили его идти вмѣстѣ съ ними на Половцевъ; но онъ уклонился отъ войны съ бывшими союзниками. Въ слѣдующемъ 1096 году Святополкъ и Владиміръ послали звать Олега въ Кіевъ, чтобы сообща разсудить о защитѣ Русской земли отъ варваровъ и подумать о томъ совокупно съ епископами, игумнами, боярами и городскими старцами. Олегъ далъ гордый отвѣтъ: „не пристало судить меня епископамъ, игумнамъ и смердамъ". „Такъ ты нейдешь ни на поганыхъ съ нами, ни на совѣтъ къ намъ; а замышляешь поганымъ помогать противъ насъ"— велѣли сказать ему Святополкъ и Владиміръ, и, соединясь, пошли на Олега. Послѣдній былъ изгнанъ изъ Чернигова; но вмѣсто Тмутраканя онъ удалился теперь въ другой наслѣдственный удѣлъ Святославичей, въ землю Муромо-Рязанскую.

Не задолго до того времени одинъ изъ сыновей Владиміра Мономаха, Изяславъ, выгналъ изъ Мурома посадниковъ Олега и завладѣлъ этимъ городомъ. Олегъ съ Рязанцами пришелъ къ Мурому, и подъ его стѣнами разбилъ Изяслава; послѣдній палъ въ этой битвѣ; а его ростовскіе и бѣлозерскіе дружинники были взяты въ плѣнъ и заключены въ оковы. Недовольствуясь возвращеніемъ Муромскаго удѣла, Олегъ въ свою очередь захватилъ сосѣднія волости Ростовскую и Суздальскую, наслѣдственныя въ семьѣ Мономаха, размѣстилъ тамъ своихъ посадниковъ и началъ собирать дани. Тогда противъ Олега выступилъ его крестникъ, старшій сынъ Мономаха Мстиславъ, княжившій въ Новгородѣ Великомъ. Онъ явился въ Суздальской области и выгналъ оттуда Олеговыхъ посадниковъ.

Скромный Мстиславъ послѣ того предложилъ крестному отцу миръ. „Я моложе тебя,—велѣлъ онъ сказать Олегу—пересылайся съ моимъ отцомъ, возврати захваченную дружину; а я во всемъ тебя послушаю". Къ тому же времени вѣроятно относится сохраненное въ лѣтописи письмо Мономаха къ Олегу. Не смотря на печаль о потерѣ младшаго сына, Владиміръ однако склоняется на миролюбивыя убѣжденія Мстислава; онъ обращается къ своему врагу съ словами примиренія, и въ трогательномъ посланіи къ нему изливаетъ свои чувства отца и христіанина. Но коварный Олегъ желалъ переговорами только выиграть время, чтобы приготовить силы и напасть врасплохъ. Была первая недѣля великаго поста. Мстиславъ въ Суздалѣ однажды сидѣлъ за обѣдомъ, когда къ нему пришла вѣсть, что Олегъ уже появился на Клязьмѣ. Молодой князь успѣлъ собрать свою дружину, состоявшую изъ Новогородцевъ, Ростовцевъ и Бѣлозерцевъ, поспѣшилъ на встрѣчу Олегу, и разбилъ его на берегахъ рѣчки Колокши, впадающей въ Клязьму. Преслѣдуя своего крестнаго отца и дядю въ глубь Рязанской области, Мстиславъ велѣлъ ему сказать: „Не бѣгай, а пошли лучше къ братьямъ съ просьбою; они не лишатъ тебя Русской земли (т. е. удѣла въ южной Руси); я также попрошу за тебя своего отца". Олегъ наконецъ послѣдовалъ его совѣту, и на этотъ разъ мирные переговоры повели къ знаменитому Любецкому съѣзду, который прекратилъ жестокія междоусобія за Черниговъ.

Въ 1097 году въ Любечѣ на берегахъ Днѣпра собрались старшіе князья, внуки Ярослава, Святополкъ, Владиміръ Мономахъ, Давидъ Игоревичъ и Олегъ съ братомъ своимъ Давидомъ, кромѣ того племянникъ ихъ Василько Ростиславичъ. „Зачѣмъ мы губимъ Русскую землю своими ссорами;—говорили они другъ другу—а Половцы радуются нашимъ междоусобнымъ бранямъ и разносятъ нашу землю; будемъ отнынѣ за одно, и пусть каждый владѣетъ своею отчиною". Вслѣдствіе того порѣшили, чтобы Святополкъ по прежнему держалъ Кіевъ, а Владиміръ Мономахъ земли Переяславскую и Ростовскую, Давидъ, Олегъ и Ярославъ Святославичи Черниговскую и Муромо-Рязанскую, Давидъ Игоревичъ Владиміро-Волынскую; Ростислави-

чамъ оставлены города, которые назначены были еще Всеволодомъ, именно, Володарю Перемышль, а Васильку Теребовль. Князья поцѣловали крестъ, т. е. присягнули на этомъ рѣшеніи, и обязались вооружиться всѣмъ на того, кто вздумаетъ нарушить согласіе. Затѣмъ они разъѣхались. Такимъ образомъ Черниговъ былъ возвращенъ Святославичамъ.

Любецкій съѣздъ имѣетъ то значеніе въ нашей исторіи, что на немъ ясно высказалось стремленіе Руси къ раздробленію на отдѣльныя земли (отчины), т. е. къ закрѣпленію этихъ земель за извѣстными вѣтвями Русскаго княжескаго дома, а слѣдовательно къ нѣкоторому ихъ обособленію. Постановленіе этого съѣзда легло въ основу почти всѣхъ послѣдующихъ междукняжескихъ отношеній.

Но едва утихла междоусобная брань со стороны Чернигова, какъ она быстро и неожиданно возникла съ другой стороны: за Черниговскимъ выступилъ вопросъ Волынскій, сопровождаемый дѣлами еще болѣе кровавыми и драматическими. Прежде нежели перейти къ дальнѣйшимъ событіямъ, необходимо упомянуть объ одномъ случаѣ, имѣющемъ съ ними тѣсную связь. Выше сказано, что въ княженіе Всеволода племянникъ его Ярополкъ Изяславичъ получилъ въ удѣлъ Владиміро-Волынскую область, и что съ нимъ враждовали его сосѣди Ростиславичи: послѣдніе желали увеличить свои удѣлы на счетъ Волынской земли. Однажды Ярополкъ Изяславичъ ѣхалъ изъ Владиміра въ свой червенскій Звенигородъ и лежалъ на возу. Вдругъ одинъ изъ дружинниковъ, его сопровождавшихъ, по имени Нерадецъ, улучивъ минуту, вонзилъ князю въ бокъ свой мечъ, и ускакалъ. Убійца бѣжалъ въ Перемышль къ старшему изъ Ростиславичей Рюрику; поэтому на нихъ и пало подозрѣніе въ подговорѣ къ злодѣянію, которое повидимому осталось безнаказаннымъ. Послѣ того удѣлъ Владиміро-Волынскій достался Давиду Игоревичу.

За Давидомъ утверждена Волынь и на Любецкомъ съѣздѣ, исключая нѣкоторой ея части, прилежавшей къ Червенскимъ городамъ и отданной двумъ Ростиславичамъ, Васильку и Володарю (старшій ихъ братъ Рю-

рикъ уже умеръ). Коварный, завистливый Давидъ тяготился сосѣдствомъ Ростиславичей. Неизвѣстно, хотѣлось ли ему владѣть всею Волынскою землею безраздѣльно, или онъ не считалъ себя безопаснымъ съ ихъ стороны; но дѣло въ томъ, что онъ послушалъ нѣкоторыхъ злыхъ совѣтниковъ и рѣшился погубить Василька; а для этого воспользовался старымъ, темнымъ дѣломъ о смерти Ярополка Изяславича. Изъ Любеча волынскій князь вмѣстѣ съ Святополкомъ прибылъ въ Кіевъ, и началъ внушать ему, будто Владиміръ Мономахъ и Василько Ростиславичъ сговорились дѣйствовать за одно: первый хочетъ завладѣть Кіевомъ, а второй Владиміромъ. Обстоятельства какъ бы подтверждали его навѣты: Василько дѣйствительно собиралъ силы, звалъ къ себѣ Берендеевъ и Торковъ, и готовился къ войнѣ. Великій князь сначала выражалъ недовѣріе къ словамъ Давида; но послѣдній напомнилъ ему объ участи его старшаго брата Ярополка, прямо утверждая, что тотъ погибъ отъ Ростиславичей. Напоминаніе это подѣйствовало на слабодушнаго Святополка; онъ сдѣлался доступенъ внушеніямъ Давида, который твердилъ: „пока не схватимъ Василька, ни тебѣ не княжить въ Кіевѣ, ни мнѣ во Владимірѣ".

Между тѣмъ Василько, возвращаясь изъ Любеча, также прибылъ къ Кіеву. 4-го ноября онъ переправился съ своимъ обозомъ черезъ Днѣпръ у Выдубецкаго монастыря; вечеромъ ужиналъ въ монастырѣ, и потомъ ночевалъ въ своемъ лагерѣ. Поутру Святополкъ — Михаилъ прислалъ просить, что бы онъ погостилъ въ Кіевѣ до имянинъ его, великаго князя, т. е. до 8-го ноября. Василько отказывался, говоря, что нужно спѣшить домой, что ему грозитъ рать отъ Поляковъ. Новый поводъ для злыхъ внушеній Давида Святополку: „смотри, онъ совсѣмъ не почитаетъ тебя за старѣйшаго, и вотъ увидишь, какъ вернется домой, такъ и захватитъ твои волости Туровъ и Пинскъ, и Берестье". Святополкъ послалъ сказать Васильку, что бы тотъ побывалъ къ нему хотя на короткое время. Василько сѣлъ на коня, и съ нѣкоторыми слугами поѣхалъ въ Кіевъ. По словамъ лѣтописи, какой то отрокъ, т. е. изъ младшихъ дружин-

никовъ, предупреждалъ его объ опасности, но тщетно; князь не повѣрилъ, вспоминая недавнее крестное цѣлованіе въ Любечѣ, и сказалъ: „Воля Господня да будетъ". Въ гридницѣ у Святополка онъ встрѣтился съ Давидомъ; между тѣмъ какъ хозяинъ разговаривалъ съ гостемъ, Давидъ сидѣлъ молча, потупивъ взоры, Святополкъ вышелъ подъ предлогомъ распорядиться о завтракѣ; вслѣдъ за нимъ ушелъ и Давидъ. На Василько тотчасъ напали воины и заключили его въ оковы. Дѣло было очень важное; поэтому Святополкъ на другой день собралъ своихъ бояръ вмѣстѣ съ кіевскими старѣйшинами и сообщилъ имъ слышанное отъ Давида: будто Василько сговорился съ Владиміромъ Мономахомъ убить великаго князя и завладѣть его городами. Бояре и старцы недоумѣвали, вѣрить этому или не вѣрить, и дали отвѣтъ уклончивый: „ты, князь, долженъ беречь свою голову, и, если обвиненіе справедливо, Василько подлежитъ наказанію; но, если Давидъ молвилъ неправду, то пусть отвѣчаетъ за нее передъ Богомъ". Узнавъ о томъ, игумены монастырей поспѣшили ходатайствовать за Василька передъ великимъ княземъ. Тогда Давидъ удвоилъ свои усилія запугать послѣдняго и склонить его на ослѣпленіе узника; Святополкъ послѣ нѣкотораго колебанія согласился.

Въ туже ночь Ростиславича привезли въ Звенигородъ, мѣстечко верстахъ въ десяти отъ Кіева, и остановились съ нимъ въ одной избѣ. Тутъ Василько увидалъ княжаго пастуха, родомъ Торчина, точившаго ножъ; онъ догадался, что его хотятъ ослѣпить и горько заплакалъ. Дѣйствительно, вошли два конюха, одинъ Святополковъ, другой Давидовъ, разослали коверъ и хотѣли повалить князя; послѣдній, хотя и связанный, отчаянно оборонялся; позвали еще двоихъ. Василька повалили, положили ему на грудь доски и сѣли на нихъ всѣ четверо; кости несчастнаго захрустѣли. Тогда Торчинъ съ звѣрскою жестокостью совершилъ ослѣпленіе. Замертво положили князя на телѣгу, и повезли во Владиміръ Волынскій. Когда проводники остановились обѣдать въ мѣстечкѣ Здвиженьѣ, они сняли съ Василька сорочку, и отдали вымыть попадьѣ. Вымывъ ее и надѣвъ опять на князя, попадья

начала плакать по немъ какъ по мертвомъ. Отъ этого плача князь очнулся, выпилъ свѣжей воды, и, ощупавъ грудь, сказалъ: „зачѣмъ вы сняли съ меня окровавленную сорочку? Пусть бы я умеръ въ ней и вмѣстѣ съ нею предсталъ предъ Богомъ". Во Владимірѣ Давидъ посадилъ плѣнника подъ стражу, и приставилъ къ нему 30 воиновъ съ двумя княжими отроками, Уланомъ и Колчею. Сидя въ заключеніи, Василько, въ минуту смиренія, говорилъ, что Богъ конечно наказалъ его за гордость. Не было у него и помышленія на Святополка или Давида; но были у него обширные замыслы. Онъ собиралъ войско и призывалъ Берендеевъ и Торковъ съ Печенѣгами, что бы идти на Ляховъ. Онъ думалъ сказать Давиду и брату своему Володарю: „дайте мнѣ младшую свою дружину, а сами пейте и веселитесь; я же пойду въ землю Ляшскую, возьму ее и отомщу за землю Русскую". Потомъ онъ хотѣлъ захватить какую то часть Дунайскихъ Болгаръ и поселить ихъ у себя; а послѣ того намѣренъ былъ проситься у Святополка и Владиміра на Половцевъ и тамъ или добыть себѣ славы, или сложить свою голову за Русскую землю. „Я уже возвеселился душою, слыша, что ко мнѣ идутъ Берендичи; но Богъ низложилъ меня за мое высокоуміе" — заключилъ узникъ.

Вѣсть объ ослѣпленіи Василька привела въ ужасъ другихъ князей; „никогда такого дѣла не было въ родѣ нашемъ", говорили они. Владиміръ Мономахъ немедленно призвалъ къ себѣ Святославичей, Давида и Олега, и вмѣстѣ съ ними пошелъ къ Кіеву. На упреки, обращенные къ великому князю, послѣдній оправдывался тѣмъ, что говорилъ ему Давидъ Игоревичъ о замыслахъ Василька. „Нечего тебѣ ссылаться на Давида, — отвѣчали ему братья — не въ Давидовомъ городѣ былъ взятъ и ослѣпленъ Василько". Владиміръ и Святославичи готовились уже переправиться за Днѣпръ, что бы изгнать Святополка изъ Кіева, когда къ нимъ явились послами отъ Кіевлянъ мачиха Владиміра и митрополитъ Николай. Они умоляли князей не губить Руси новою междоусобною бранью и не радовать тѣмъ Половцевъ; послѣдніе придутъ и возьмутъ землю Русскую, которую ста-

рые князья стяжали своею храбростію и своими великими трудами. Владиміръ былъ тронутъ этими увѣщаніями; онъ чтилъ супругу своего отца, чтилъ и санъ святительскій, и согласился на миръ, но съ тѣмъ, чтобы самъ Святополкъ шелъ на Давида Игоревича и наказалъ бы его за гнусную клевету. Святополкъ обѣщалъ. Между тѣмъ Володарь Ростиславичъ уже началъ войну съ Давидомъ, и соглашался на миръ только подъ условіемъ выдачи своего ослѣпленнаго брата. Давидъ дѣйствительно выдалъ ему Василька; но миръ былъ непродолжителенъ. Слѣпой Василько жаждалъ мести; кромѣ того былъ споръ о нѣкоторыхъ городахъ, и война возгорѣлась снова. Ростиславичи осадили Давида въ самомъ Владимірѣ, и послали сказать гражданамъ, что они не хотятъ разорять городъ, а требуютъ только выдачи своихъ злодѣевъ Туряка, Лазаря и Василя, которые подговаривали Давида на ослѣпленіе Василька. Граждане заставили князя выдать Лазаря и Василя (Турякъ успѣлъ бѣжать въ Кіевъ). Ростиславичи повѣсили ихъ, и отступили отъ города. Примѣръ этихъ людей показываетъ, какое дѣятельное участіе въ смутахъ того времени имѣли бояре и дружинники княжескіе, и какъ они подчиняли своему вліянію князей недальновидныхъ или слабодушныхъ.

Святополкъ медлилъ исполнить обѣщаніе, данное Владиміру Мономаху и Святославичамъ. Только въ 1099 г. онъ собрался наконецъ и пошелъ на Давида. Послѣдній обращался съ просьбою о помощи къ союзнику своему польскому королю Владиславу Герману; но и Святополкъ тоже предлагалъ Владиславу свой союзъ и послалъ ему богатые дары. Осажденный во Владимірѣ и не получая помощи отъ Поляковъ, Давидъ принужденъ былъ сдать городъ Святополку и довольствоваться небольшою оставленною ему волостью. Но междоусобія этимъ не кончились. Великій князь, поощренный успѣхомъ, вздумалъ теперь выгнать и Ростиславичей изъ Волынской земли, что бы владѣть ею сполна. Еще слишкомъ жива была память о могуществѣ Кіевскаго государя, господствовавшаго надъ всѣми русскими землями, и даже такой непредпріимчивый князь какъ Святополкъ II (конечно не безъ

вліянія кіевскихъ бояръ) обнаруживаетъ попытку если не къ объединенію, то къ возможно-бóльшему захвату земель въ свои руки. А въ подобныхъ случаяхъ благодатная Волынская земля, какъ ближайшая къ Кіевской и не отдѣленная отъ нея никакими естественными преградами, обыкновенно служила первымъ предметомъ кіевскихъ домогательствъ. Борьба съ храбрыми братьями однако была неудачна. Тогда великій князь призвалъ на помощь угорскаго короля Коломана. Но на этотъ разъ общая опасность помирила Ростиславичей съ Давидомъ: онъ соединился съ ними противъ Святополка, что бы воротить себѣ Владиміръ. Давидъ привелъ наемную половецкую помощь. Съ нимъ пришелъ знаменитый половецкій ханъ Бонякъ, и они рѣшили напасть на Угровъ, которые стояли около Перемышля на рѣкѣ Вагрѣ и были гораздо многочисленнѣе Половцевъ. Лѣтописецъ нашъ по этому поводу сообщаетъ любопытныя подробности о Бонякѣ. Въ ночь передъ битвою онъ выѣхалъ изъ своего стана въ поле, и началъ выть по волчьи; ему откликнулся сначала одинъ волкъ, потомъ завыли и многіе. Бонякъ воротился въ станъ и сказалъ Давиду: „завтра намъ будетъ побѣда надъ Уграми". Поутру онъ раздѣлилъ войско на три части: впередъ пустилъ своего воеводу Алтунопу, Давида поставилъ назади подъ стягомъ, т. е. подъ знаменемъ, съ его русскою дружиною; а самъ съ остальными Половцами устроилъ засаду по сторонамъ. Угры стояли заставами; Алтунопа напалъ на первую заставу, и, пустивъ стрѣлы, обратился въ притворное бѣгство. Угры дались въ обманъ и начали его преслѣдовать; когда они миновали засады, Бонякъ вышелъ и напалъ на нихъ съ тыла; Алтунопа повернулъ имъ въ лице; подоспѣлъ и Давидъ. Бонякъ, по выраженію лѣтописи, сбилъ Угровъ въ мячъ, „какъ соколъ сбиваетъ галокъ". Угры бросились спасаться бѣгствомъ; при чемъ много ихъ перетонуло въ рѣкахъ Вагрѣ и Санѣ.

Война Давида и Ростиславичей съ Святополкомъ продлилась до слѣдующаго 1100 года; въ августѣ этого года князья собрались на новый съѣздъ, который на сей разъ происходилъ подлѣ Витичева (47). Святополкъ, Владиміръ

Мономахъ, Давидъ и Олегъ Святославичи въ сопровожденіи своихъ дружинниковъ съѣхались, что бы разсудить дѣло Давида Игоревича, и, кажется, по его собственной жалобѣ. Онъ также явился на съѣздъ. „Ну вотъ ты сидишь теперь съ нами на одномъ коврѣ; — сказали братья Давиду — говори, въ чемъ твоя жалоба“. Давидъ былъ смущенъ, и отвѣчалъ, что они сами его призвали. Братья встали, сѣли на коней, и каждый подъѣхалъ къ своей дружинѣ, что бы посовѣтоваться съ нею. Давидъ между тѣмъ сидѣлъ въ сторонѣ и ждалъ рѣшенія. Переговоривъ съ боярами и между собою, братья отрядили своихъ мужей, Святополкъ Путяту, Владиміръ Орогостя и Ратибора, Давидъ и Олегъ Святославичи какого то Торчина, и велѣли сказать Давиду Игоревичу слѣдующее:

„Не даемъ тебѣ стола Владимірскаго, потому что ты бросилъ ножъ между нами, и сдѣлалъ то, чего никогда не бывало въ Русской землѣ. Мы тебя не подвергаемъ заключенію, и не дѣлаемъ тебѣ никакого другаго зла; ступай, садись въ Бужскѣ и Острогѣ; Святополкъ даетъ тебѣ еще Дубно и Чарторыйскъ, Владиміръ двѣсти гривенъ, Давыдъ и Олегъ также двѣсти гривенъ“.

Опальный князь долженъ былъ подчиниться рѣшенію братьевъ. Владиміръ Волынскій остался за Святополкомъ; послѣдній далъ еще Давиду городъ Дорогобужъ, гдѣ тотъ впослѣдствіи и умеръ.

Какъ Любецкій съѣздъ порѣшилъ споръ о Черниговѣ, такъ Витичевскій съѣздъ прекратилъ междоусобія за Волынскую область. Водворивъ миръ въ Русской землѣ, князья склонились на убѣжденія Владиміра Мономаха и соединенными силами обратились теперь на своихъ общихъ враговъ, т. е. на дикихъ Половцевъ. Борьба Руси съ этими кочевниками около того времени принимаетъ ожесточенный, упорный характеръ. Столь же коварные какъ и хищные, половецкіе ханы часто заключали миръ съ русскими князьями; при чемъ брали дары и клялись не нападать на русскія земли; но вслѣдъ за тѣмъ забывали о своихъ клятвахъ и вновь приходили жечь, грабить и уводить въ плѣнъ русское населеніе. Такое вѣроломство ожесточило русскихъ людей, и только этимъ общимъ

ожесточеніемъ можно объяснить слѣдующій поступокъ Владиміра Мономаха, наиболѣе уважавшаго клятвы и договоры, наиболѣе рыцарственнаго изъ русскихъ князей того времени.

Въ 1095 году два половецкихъ хана, Итларь и Китанъ, пришли къ Владиміру въ Переяславль для заключенія мира. Итларь съ своими людьми вошелъ въ самый городъ, и расположился на дворѣ Ратибора; а Китанъ сталъ за городомъ между валами, взявъ къ себѣ въ заложники одного изъ сыновей Владиміровыхъ, Святослава. Ратиборъ былъ старый, знатный бояринъ, служившій воеводою еще отцу Мономаха. Этотъ бояринъ и его семья почему то особенно злобились на Половцевъ, и задумали вѣроломнымъ образомъ перебить своихъ гостей. Въ тоже время въ Переяславлѣ находился кіевскій бояринъ Словята, присланный отъ Святополка съ какимъ то порученіемъ (очевидно относившимся къ тѣмъ же Половцамъ). За одно съ нимъ Ратиборовичи начали уговаривать Владиміра на истребленіе Половцевъ. Князь колебался, говоря: „какъ можно это сдѣлать послѣ только что данной присяги?". Дружина успокоивала его совѣсть словами: „нѣтъ въ томъ грѣха; Половцы всегда даютъ клятву сохранять миръ и всегда ее нарушаютъ, безпрестанно проливая кровь христіанскую". Владиміръ, хотя и неохотно, но далъ свое согласіе. Въ туже ночь Словята съ отрядомъ изъ Русскихъ и Торковъ подкрался къ стану Китана: сначала выкрали молодаго Святослава; а потомъ бросились на Половцевъ и всѣхъ перебили вмѣстѣ съ ханомъ. Итларь съ своими людьми между тѣмъ ночевалъ на дворѣ Ратибора, ничего не зная объ участи Китана. Поутру его пригласили въ избу, чтобы позавтракать и обогрѣться; такъ какъ дѣло было въ концѣ февраля. Но едва ханъ и его свита вошли въ избу, какъ ихъ заперли, вскрыли потолокъ, и оттуда первый Ольбегъ Ратиборичъ угодилъ стрѣлою прямо въ сердце Итларя; затѣмъ избили и всѣхъ его людей. Такое вѣроломство конечно не принесло никакой существенной пользы Русской землѣ. Оно только еще болѣе ожесточило обѣ стороны. Вслѣдъ за тѣмъ Святополкъ и Владиміръ соединенными силами предприняли походъ въ степи, ра-

зорили нѣкоторыя половецкія вежи и воротились съ большою добычею, состоявшею изъ челяди, коней, верблюдовъ и прочаго скота. Это былъ тотъ походъ, отъ участія въ которомъ уклонился Олегъ Святославичъ. Половцы въ томъ же году отомстили нашествіемъ на кіевскіе предѣлы; они долго осаждали городъ Юрьевъ, на рѣкѣ Роси, и наконецъ сожгли его, послѣ того какъ онъ былъ оставленъ своими жителями. Этихъ выходцевъ изъ Юрьева Святополкъ поселилъ на мѣстѣ древняго Витичева, на высокомъ холму праваго Днѣпровскаго берега, и вновь основанный здѣсь городъ назвалъ своимъ именемъ *Святополчъ*.

Въ слѣдующемъ 1096 году, когда великій князь и Владиміръ были заняты междоусобною войною съ Олегомъ Святославичемъ, Половцы воспользовались удобнымъ временемъ и усилили свои набѣги. Свирѣпый ихъ ханъ Бонякъ разорялъ правый берегъ Днѣпра до самаго Кіева; при чемъ опустошилъ окрестности столицы и обратилъ въ пепелъ загородный великокняжескій дворъ на Берестовѣ; а другой ханъ, Куря, свирѣпствовалъ на лѣвой сторонѣ около Переяславля. Пришелъ тесть Святополка Тугорканъ, и осадилъ самый Переяславль, въ отсутствіе Владиміра. Тогда Святополкъ и Владиміръ, соединясь, переправились за Днѣпръ у Заруба и неожиданно для Половцевъ явились подъ Переяславлемъ. Варвары были разбиты на голову. Въ числѣ убитыхъ былъ и Тугорканъ; великій князь велѣлъ его какъ своего тестя отвезти въ столицу и погребсти у Берестова. Но между тѣмъ какъ князья еще находились въ Переяславлѣ, Бонякъ пользуясь отсутствіемъ войска, явился опять около Кіева и едва не ворвался въ самый городъ. Онъ сжегъ нѣсколько монастырей и селъ, въ томъ числѣ и красный княжескій дворъ, построенный Всеволодомъ на Выдубецкомъ холму. При этомъ неожиданномъ нашествіи пострадала и знаменитая Печерская обитель. Варвары съ дикими криками напали на нее въ тотъ часъ, когда иноки послѣ заутрени спали по своимъ кельямъ. Вырубивъ монастырскія ворота, они принялись грабить, поджигать храмъ Богородицы и рыскать по пустымъ кельямъ, изъ которыхъ мо-

нахи успѣли спастись бѣгствомъ. Услыхавъ объ этомъ нашествіи, Святополкъ и Владиміръ спѣшили ударить на Боняка; но онъ съ такою же быстротою ушелъ въ степи, съ какою пришелъ. Русскіе князья погнались за нимъ, но не могли настичь.

Подобныя нападенія Половцевъ повторялись почти ежегодно; русскимъ князьямъ иногда удавалось вóвремя собрать силы и поразить ту или другую толпу варваровъ. Нерѣдко князья съѣзжались вмѣстѣ съ половецкими ханами, заключали съ ними миръ, скрѣпляли его взаимными клятвами и даже браками съ ихъ дочерьми. Но ничто не могло прекратить губительныхъ половецкихъ набѣговъ. Оборонительная война оказывалась слишкомъ недостаточною; надобно было повести борьбу болѣе энергичную и дружную, что бы отбить движеніе степи на Южную Русь. Благодаря усиліямъ Владиміра Мономаха, такую именно наступательную борьбу повели русскіе князья въ началѣ XII вѣка. Это наступленіе восточноевропейскаго народа на своихъ турецкихъ сосѣдей совпало по времени съ такимъ же движеніемъ западноевропейскихъ народовъ противъ другой части тогоже Турецкаго племени, которая вышла изъ тѣхъ же Закаспійскихъ степей и, объединясь подъ знаменемъ Сельджукидовъ, распространила свое господство почти на всю Переднюю Азію. Славные русскіе походы въ глубь половецкихъ степей совпали съ началомъ Крестовыхъ походовъ для освобожденія Святой земли. Владиміръ Мономахъ и Готфридъ Бульонскій, это два вождя-героя одновременно подвизавшіеся на защиту христіанскаго мира противъ враждебнаго ему востока.

Въ 1103 г. Владиміръ пригласилъ Святополка весною вмѣстѣ выступить въ походъ на Половцевъ; но дружинники отсовѣтывали походъ на томъ основаніи, что не время было отрывать земледѣльцевъ отъ поля. Для совѣщанія объ этомъ дѣлѣ князья съѣхались недалеко отъ Кіева на лѣвомъ берегу Днѣпра у Долобскаго озера, и сѣли въ одномъ шатрѣ, каждый съ своей дружиной. Владиміръ первый прервалъ молчаніе:

„Братъ, ты старшій, начни же говорить, какъ намъ охранять Русскую землю?“

Святополкъ отвѣчалъ:

„Братъ лучше ты начни“.

„Какъ же мнѣ говорить!—возразилъ Владиміръ—Противъ меня и моя и твоя дружина; скажутъ, что я хочу погубить и поселянъ, и пашни. Но вотъ что для меня удивительно: какъ вы ихъ жалѣете, а того не подумаете, что станетъ весною смердъ пахать на своей лошади; а пріѣдетъ вдругъ половчинъ, убьетъ смерда стрѣлою, лошадь его, жену и дѣтей возметъ себѣ, да и гумно зажжетъ. Почему же объ этомъ то вы не подумаете“?

Дружина единодушно признала справедливость его словъ.

„Я готовъ идти съ тобою“, сказалъ Святополкъ.

„Великое, братъ, добро сдѣлаешь Русской землѣ“, замѣтилъ Владиміръ.

Князья встали, поцѣловались, и послали звать съ собою въ походъ Святославичей. Олегъ отговорился болѣзнію, но братъ его Давидъ пошелъ. Кромѣ этихъ старшихъ князей въ походъ отправилось нѣсколько ихъ младшихъ родственниковъ съ своими дружинами, въ томъ числѣ и одинъ изъ сыновей незадолго умершаго Всеслава Полоцкаго. Князья двинулись съ конною и пѣшею ратью; послѣдняя плыла на лодкахъ по Днѣпру, а вторая вела своихъ коней берегомъ. Миновавъ пороги, лодки остановились у острова Хортицы; пѣхота вышла на берегъ, всадники сѣли на коней, и, соединясь, пошли въ степь. Послѣ четырехдневнаго похода Русь достигла непріятельскихъ кочевьевъ. Приготовляясь къ битвамъ, князья и воины усердно молились, и творили разные обѣты: одинъ обѣщалъ раздать щедрую милостыню, другой сдѣлать пожертвованіе на монастырь.

Между тѣмъ половецкіе ханы, заслышавъ о русскомъ походѣ, также собрались на съѣздъ, и начали совѣщаться. Старшій изъ нихъ, Урусоба, совѣтовалъ просить мира. „Русь будетъ крѣпко съ нами биться, ибо много зла надѣлали мы Русской землѣ“, говорилъ онъ. Но болѣе молодые предводители не хотѣли его слушать, и хвалились, избивши Русь, идти въ ея землю и взять ея города. По-

ловцы выслали впередъ Алтунопу, который славился у нихъ своимъ мужествомъ. Онъ столкнулся съ сторожевымъ русскимъ отрядомъ, былъ окруженъ, побитъ и самъ палъ въ этой сѣчѣ. Ободренные первымъ успѣхомъ, русскіе полки смѣло ударили на главныя силы Половцевъ. Варвары подобно густому бору покрывали широкое поле; но не было въ нихъ бодрости; по словамъ нашей лѣтописи, и всадники, и кони стояли въ какой то дремотѣ. Половцы недолго выдерживали стремительное нападеніе Руси, и побѣжали. Битва происходила 4-го апрѣля. Въ ней пало до двадцати половецкихъ князей, въ томъ числѣ и Урусоба. Одинъ изъ сильнѣйшихъ хановъ, Бельдюзъ былъ взятъ въ плѣнъ, и началъ предлагать великому князю за себя выкупъ, обѣщая много золота, серебра, коней и всякаго скота. Святополкъ отослалъ его къ Владиміру. „Сколько разъ клялись вы не воевать Русской земли?“ сказалъ ему Мономахъ. „Зачѣмъ не удерживалъ своихъ сыновей и родичей, что бы они не нарушали клятвы и не проливали христіанской крови?“—и велѣлъ изрубить его на части. Русскіе разорили многія вежи половецкія и взяли большую добычу плѣнниками, конями, верблюдами и прочимъ скотомъ. Они захватили также нѣкоторыя вежи Печенѣговъ и Торковъ, соединившихся съ Половцами. Съ великою честью и славою воротились князья въ свои города.

Но сила кочевниковъ далеко не была сломлена этимъ блистательнымъ походомъ. На слѣдующіе годы варвары отомстили Руси новыми набѣгами. Еще были живы свирѣпый Бонякъ и старый Шаруканъ. Однажды они вмѣстѣ пришли на Русь, и остановились подъ городомъ Лубно на берегахъ Сулы. Святополкъ и Владиміръ соединились на этотъ разъ съ Олегомъ Черниговскимъ. Они ударили на Половцевъ такъ неожиданно, что тѣ неуспѣли „и стяга поставить“, и были разбиты на голову. На Успеньевъ день, въ храмовой праздникъ Печерскаго монастыря, Святополкъ воротился изъ похода и отправился прямо въ обитель благодарить за побѣду. Русскіе князья заключили миръ съ половецкими ханами; причемъ на дочери одного изъ этихъ хановъ, Аепы, Влади-

міръ женилъ своего младшаго сына Юрія, знаменитаго впослѣдствіи Долгорукаго. Олегъ Святославичъ женилъ своего сына Святослава на дочери другаго хана, который также назывался Аепа. Но эти мирные договоры и брачные союзы, по обыкновенію, не прекратили враждебныхъ дѣйствій и набѣговъ половецкихъ. Тогда Мономахъ убѣдилъ русскихъ князей совершить новый большой походъ общими силами, что бы разгромить половецкія вежи и въ самыхъ степяхъ Задонскихъ.

Во главѣ соединеннаго ополченія снова стали Святополкъ, Владиміръ Мономахъ и Давидъ Святославичъ. На этотъ разъ князья выступили еще въ болѣе раннее время чѣмъ прежде, именно въ концѣ февраля, что бы совершить походъ до наступленія лѣтняго зноя, столь тягостнаго въ южныхъ степяхъ. До рѣки Хороля войско шло еще зимнимъ путемъ, но тутъ надобно было бросить сани. Оно постепенно миновало Псёлъ, Ворсклу, Донецъ и прочія рѣки; а на шестой недѣлѣ во вторникъ достигло береговъ Дона. На этихъ берегахъ находились осѣдлыя становища главныхъ половецкихъ хановъ. Русь облеклась въ брони, которыя во время похода обыкновенно складывались на воза. Полки устроились и въ боевомъ порядкѣ двинулись къ городу хана Шарукана; по распоряженію Владиміра священники шли впереди войска съ пѣніемъ тропарей и кондаковъ. Шаруканцы вышли на встрѣчу Руси съ поклономъ, съ рыбою и виномъ; чѣмъ и спасли свои жилища отъ разоренія. Слѣдующій за тѣмъ городокъ хана Сугра былъ сожженъ. Въ четвергъ русская рать отъ Дона пошла далѣе. На другой день, 24 марта, она встрѣтилась съ половецкою ордою. Русскіе остались побѣдителями, и праздновали свою побѣду вмѣстѣ съ днемъ Благовѣщенія. Главная битва произошла въ страстной понедѣльникъ, на берегахъ Сала. Враги были очень многочисленны, и опять подобно густому бору окружили русскую рать. Упорная сѣча длилась до тѣхъ поръ, пока Владиміръ Мономахъ стремительнымъ натискомъ во главѣ своего полка не рѣшилъ побѣду. По словамъ лѣтописной легенды Половцы оправдывали свое пораженіе чудесною помощью, которую оказывали хри-

стіанамъ какіе то свѣтлые воины, носившіеся надъ русскими полками. Снова съ огромнымъ количествомъ плѣнниковъ и всякаго скота воротились Русскіе изъ похода. Лѣтописецъ прибавляетъ, что слава этихъ побѣдъ далеко разнеслась между другими народами, какъ то: Греками, Уграми, Ляхами, Чехами, и дошла до самаго Рима (48).

Въ апрѣлѣ 1113 года скончался великій князь Святополкъ-Михаилъ на пути около Вышгорода. Его положили въ лодку, привезли въ Кіевъ и похоронили въ Златоверхомъ Михайловскомъ монастырѣ, который былъ имъ самимъ основанъ. Ближайшее право на великокняжескій столъ имѣли Святославичи, Давидъ или Олегъ; впрочемъ старшинство ихъ было спорное; такъ-какъ ихъ отецъ Святославъ насильно отнялъ Кіевскій столъ у своего старшаго брата Изяслава и умеръ еще при его жизни. Вопросъ о старшинствѣ рѣшенъ голосомъ народнымъ, который единодушно указывалъ на Владиміра Мономаха, въ дѣйствительности уже давно стоявшаго во главѣ русскихъ князей; а Святославичи были нелюбимы, особенно за свою дружбу съ Половцами и многія разоренія, причиненныя ими Русской землѣ. Граждане кіевскіе собрались на вѣче, и послали въ Переяславль къ Владиміру просить его на столъ отцовскій и дѣдовскій. Владиміръ медлилъ: можетъ быть, старшинство Святославичей приводило его въ раздумье. Между тѣмъ въ Кіевѣ, при отсутствіи княжеской власти, начались безпорядки. Чернь бросилась на дворы нелюбимыхъ сановниковъ, именно тысяцкаго Путяты и нѣкоторыхъ соцкихъ, и разграбила ихъ; потомъ пограбила дворы Жидовъ, которые купили себѣ разныя льготы у Святополка II, и по обыкновенію своему многихъ повергли въ нищету въ качествѣ жадныхъ ростовщиковъ. Тогда лучшіе граждане послали сказать Владиміру: „князь, иди скорѣе въ Кіевъ, а, если не придешь, то знай, что поднимется большое зло; уже не соцкихъ и не Жидовъ только будутъ грабить, а пойдутъ на вдовую княгиню, на бояръ и монастыри, и ты будешь отвѣчать передъ Богомъ, если разграбятъ монастыри“. Владиміръ послѣ того не медлилъ болѣе и поспѣшилъ въ Кіевъ. Его встрѣтили митрополитъ и епископы со всѣмъ народомъ, и онъ торжественно сѣлъ

на столѣ своего отца и дѣда. Мятежъ утихъ; настало твердое, умное правленіе Мономаха. Онъ достигъ уже шестидесятилѣтняго возраста, когда занялъ великокняжескій столъ.

Владиміръ Мономахъ написалъ для своихъ дѣтей знаменитое Поученіе, которое вмѣстѣ съ упомянутымъ письмомъ къ Олегу служитъ нагляднымъ памятникомъ его ума, благочестія, начитанности и грамотности. Оно служитъ также яркимъ изображеніемъ его неутомимой дѣятельности. Судя по этому изображенію, большую часть жизни своей онъ провелъ внѣ дома, значительную часть ночей спалъ на сырой землѣ; дома и въ дорогѣ все дѣлалъ самъ и за всѣмъ присматривалъ; до свѣта поднимался съ постели, ходилъ къ обѣднѣ, потомъ думалъ съ дружиною, судилъ людей, ѣздилъ на охоту и т. д. „Всѣхъ походовъ моихъ было 83, а другихъ маловажныхъ не упомню; съ Половцами заключалъ миръ 19 разъ; до сотни князей ихъ отпустилъ на свободу, а болѣе двухъ сотъ изрубилъ и потопилъ. На охотѣ въ лѣсахъ я вязалъ дикихъ коней заразъ по 10 и 20; дважды туръ металъ меня на своихъ рогахъ вмѣстѣ съ конемъ; одна лось топтала меня, а другая бодала, вепрь сорвалъ мечъ съ бедра, медвѣдь схватилъ зубами подкладъ у колѣна, лютый звѣрь (барсъ?) вскочилъ ко мнѣ на бедра и повалилъ коня вмѣстѣ со мною; но Богъ сохранилъ меня невредимымъ“. Убѣждая дѣтей жить въ мирѣ и согласіи, онъ даетъ имъ между прочимъ слѣдующія наставленія: „Больше всего имѣйте страхъ Божій, не поддавайтесь лѣни; на войнѣ не полагайтесь на воеводъ, а за всѣмъ смотрите сами; женъ своихъ любите, но не давайте имъ надъ собою власти; стараго человѣка почитайте какъ отца, а молодаго какъ брата; строго наблюдайте правосудіе и крестное цѣлованіе; гостей и пословъ чтите, если не дарами, то питіемъ и брашномъ, ибо они распускаютъ въ чужихъ земляхъ и добрую и худую славу. Что знаете, того не забывайте, а чего не знаете, тому учитесь; отецъ мой и дома сидя научился пяти языкамъ; въ этомъ бываетъ честь отъ другихъ земель“ (49).

Вообще лѣтопись изображаетъ намъ Владиміра Мономаха идеаломъ русскаго князя: онъ миритъ враждующихъ,

свято соблюдаетъ крестное цѣлованіе; подаетъ примѣръ набожности, правосудія, гостепріимства и превосходитъ всѣхъ воинскими доблестями. Послѣ Ярослава это былъ первый изъ его преемниковъ, который на самомъ дѣлѣ осуществилъ понятія о великокняжеской власти; младшіе родичи повиновались ему какъ отцу; а тѣхъ, которые пытались завести распри, онъ наказывалъ отнятіемъ удѣловъ. Внѣшніе враги присмирѣли.

Однако и при этомъ великомъ князѣ было двѣ междоусобныя войны, одна въ Полоцкой землѣ, другая на Волыни. Какая была причина войны между Мономахомъ и старшимъ изъ полоцкихъ князей, Глѣбомъ Всеславичемъ, въ точности неизвѣстно. Лѣтопись объясняетъ ее враждою, которую потомки Рогнѣды питали къ другимъ потомкамъ Ярослава. Очевидно полоцкіе князья, не получая доли въ остальныхъ русскихъ земляхъ, старались отдѣлиться, не хотѣли признавать надъ собою старшинство кіевскаго князя, слушаться его какъ отца, ѣздить къ нему на поклонъ и по его требованію являться на помощь съ своими дружинами. А Глѣбъ Всеславичъ Минскій кромѣ того, подобно отцу своему, нападалъ еще на нѣкоторыя сосѣднія волости, конечно съ цѣлью увеличить свой наслѣдственный удѣлъ. Владиміръ два раза ходилъ на Глѣба; во второй разъ онъ взялъ Минскаго князя въ плѣнъ, и привелъ въ Кіевъ, гдѣ тотъ и умеръ вскорѣ. Во Владимірѣ Волынскомъ сидѣлъ сынъ Святополка-Михаила Ярославъ, женатый на внучкѣ Мономаха, на дочери его старшаго сына Мстислава. Неизвѣстно также, изъ за чего собственно Ярославъ разсорился съ Мономахомъ, и отослалъ отъ себя свою супругу, а его внучку. Угрожаемый великимъ княземъ, Ярославъ убѣжалъ къ своему союзнику и родственнику, королю польскому Болеславу Кривоустому, женатому на его сестрѣ Сбыславѣ. Польскіе короли почти всегда охотно поддерживали междоусобія въ Русской землѣ, и помогали младшимъ князьямъ противъ старшихъ, чтобы не дать усилиться послѣднимъ. Кромѣ Поляковъ, венгерскій король Стефанъ II на просьбу Ярослава о помощи нетолько не отказалъ ему, но и лично привелъ свои полки. Такимъ образомъ Ярославъ съ многочисленнымъ ополчені-

емъ изъ Угровъ, Поляковъ и Русскихъ явился подъ стѣнами Владиміра Волынскаго, въ которомъ сидѣлъ одинъ изъ сыновей Мономаха, мужественный Андрей Владиміровичъ. Великій князь началъ собирать войско, что бы идти на помощь сыну; но помощь оказалась излишнею. Однажды Ярославъ подъѣхалъ близко къ городскимъ стѣнамъ и угрожалъ гражданамъ жестокой местью, если они не отворятъ ему ворота и не выдутъ къ нему съ поклономъ. Но въ то время, какъ онъ разъѣзжалъ около города, изъ послѣдняго незамѣтно вышли два наемные ляха, и спрятались въ засадѣ; а когда Ярославъ возвращался въ лагерь, они внезапно бросились на него и нанесли ему смертельный ударъ копьемъ (1123 г.). Тогда и всѣ союзники его принуждены были разойтись по домамъ ([50]). Въ числѣ послѣднихъ находились на этотъ разъ извѣстные братья Ростиславичи, Володáрь и Василько. Причина, почему óни пристали къ врагамъ Мономаха была слѣдующая.

Воинственные Ростиславичи много зла сдѣлали своимъ сосѣдямъ Ляхамъ, съ которыми постоянно имѣли споры о границахъ. Володарь, князь Перемышля, нерѣдко съ наемными Половцами разорялъ сосѣднія польскія области. Тщетно король Болеславъ Кривоустый пытался смирить Володаря; послѣдній особенно былъ страшенъ тѣмъ, что дѣйствовалъ противъ Польши въ союзѣ съ другими ея врагами, съ языческими Пруссами и Поморянами. Усердіе и ловкость одного изъ вельможъ польскихъ помогли Болеславу освободиться отъ этого опаснаго непріятеля. Нѣкто Петръ Властъ, родомъ датчанинъ, вызвался захватить Володаря хитростью. Этотъ новый Зопиръ съ тридцатью вѣрными слугами отправился въ Перемышль, выдалъ себя за человѣка, обиженнаго польскимъ королемъ, вступилъ въ службу Володаря и вкрался въ его довѣренность. Однажды на охотѣ въ лѣсу, когда дружина Володаря разсѣялась въ погонѣ за звѣремъ, Петръ съ своими слугами напалъ на князя, схватилъ его и умчалъ въ Польшу. Сынъ Володаря Владимірко и братъ Василько вступили въ переговоры съ королемъ, и только за огромный выкупъ удалось имъ освободить князя. Они собрали все что могли, и отправили въ Польшу на возахъ и на вер-

блюдахъ множество золота и серебра, драгоцѣнныхъ сосудовъ и греческихъ тканей; такъ что, по выраженію одного латинскаго лѣтописца, отъ этого выкупа „обѣдняла вся Русь“ (конечно Червонная). Кромѣ выкупа Володарь принужденъ былъ дать обязательство не только отступиться отъ союза съ врагами Польши, но и помогать противъ нихъ Полякамъ ([51]).

Прежними своими походами и подвигами Владиміръ Мономахъ на столько обезопасилъ предѣлы Руси, что во время своего княженія онъ уже не ходилъ лично на сосѣдей, а посылалъ своихъ мужественныхъ сыновей. Такъ старшій сынъ его Мстиславъ, княжившій въ Новгородѣ Великомъ, совершилъ съ Новогородцами и Псковичами большой походъ за озеро Пейпусъ въ землю Ливонской Чуди и взялъ ея городъ Оденпе или Медвѣжью Голову (1116 г.). Другой его сынъ Юрій (Долгорукій), посаженный отцомъ въ Ростовской землѣ, ходилъ на судахъ Волгою въ землю Камскихъ Болгаръ, и возвратился съ большимъ плѣномъ и добычею (1120 г.). Третій сынъ Мономаха Ярополкъ и одинъ изъ сыновей черниговскаго князя Давыда по слѣдамъ своихъ отцовъ ходили съ ихъ войсками за Донъ, гдѣ погромили Половцевъ и Ясовъ или Аланъ (1116 г.). Ярополкъ въ этомъ походѣ плѣнилъ одну красивую аланскую княжну, на которой и женился. Вѣроятно не безъ связи съ этимъ погромомъ часть Хазаръ, а также нѣкоторыя орды Печенѣговъ и Торковъ, порабощенныя Половцами, возстали противъ своихъ притѣснителей; однако послѣ кровопролитной борьбы были побѣждены, бѣжали въ русскіе предѣлы, и поселены великимъ княземъ на свободныхъ земляхъ. Впрочемъ часть Печенѣговъ и Торковъ вмѣстѣ съ Берендеями вскорѣ была изгнана изъ Руси, конечно за свои мятежи и разбои.

Ко времени Владиміра Мономаха относится еще одно столкновеніе Руси съ Греками.

По примѣру отцовъ и дѣдовъ, великіе князья кіевскіе продолжали заключать родственные союзы съ разными государями европейскими, именно польскими, угорскими, нѣмецкими, скандинавскими и гречеекими. Мономахъ, какъ извѣстно, былъ сынъ греческой царевны; самъ онъ всту-

палъ въ бракъ три раза, и первой супругой его была Гида, дочь англійскаго короля Гарольда, павшаго въ битвѣ при Гастингсѣ; а старшій сынъ его Мстиславъ былъ женатъ на Христинѣ, дочери шведскаго короля ([52]). Одна изъ дочерей Мономаха, Евфимія, сдѣлалась супругою угорскаго короля Коломана (впрочемъ старый и ревнивый мужъ потомъ отослалъ ее къ отцу); а другая его дочь, Марія, находилась замужемъ за греческимъ царевичемъ Леономъ. Этотъ царевичъ былъ сыномъ злополучнаго византійскаго императора Романа Діогена, который попалъ въ плѣнъ къ Туркамъ и лишился престола. Леонъ въ 1116 году появился на Дунаѣ съ войскомъ, набраннымъ вѣроятно изъ Руси и Половцевъ, и завладѣлъ нѣкоторыми болгарскими городами. Знаменитый византійскій императоръ Алексѣй Комненъ поспѣшилъ отдѣлаться отъ соперника съ обычнымъ своимъ искусствомъ. Онъ подослалъ двухъ сарацинъ, которые пришли въ Дористолъ къ Леону съ предложеніемъ своихъ услугъ, и, улучивъ минуту, убили его. Тогда Владиміръ Мономахъ, желая отомстить за смерть зятя или вѣрнѣе вступаясь за права его маленькаго сына, а своего внука Василія, отправилъ на Дунай войско подъ начальствомъ Ивана Войтишича, который и размѣстилъ въ дунайскихъ городахъ русскихъ посадниковъ. Но Дористолъ вскорѣ былъ захваченъ Греками. Владиміръ послалъ для взятія этого города одного изъ своихъ сыновей, Вячеслава, съ воеводою Ѳомою, сыномъ извѣстнаго боярина Ратибора; но и они не могли взять Дористола. А потомъ и остальные дунайскіе города снова перешли въ руки Грековъ, вѣроятно по мирному договору съ Владиміромъ. Во всякомъ случаѣ подъ конецъ Мономахова княженія мы видимъ его опять въ дружескихъ отношеніяхъ съ Византіей; въ 1122 г., уже по смерти Алексѣя Комнена при его сынѣ Іоаннѣ Комненѣ, онъ выдаетъ свою внучку, дочь Мстислава, замужъ за какого то греческаго царевича. А несчастный его внукъ Василій Леоновичъ воспитывался при Кіевскомъ дворѣ, и впослѣдствіи погибъ въ одной битвѣ Мономаховичей съ Ольговичами ([53]).

Какъ и всѣ великіе государственные люди, Владиміръ

Мономахъ славенъ не одними военными доблестями; онъ былъ замѣчателенъ и на поприщѣ мирной, гражданской дѣятельности. На его заботы о правосудіи указываетъ Русская Правда, которую онъ дополнилъ новыми статьями. Владиміръ любилъ также строиться, и ему принадлежало нѣсколько замѣчательныхъ сооруженій. Между прочимъ лѣтопись упоминаетъ о мостѣ, устроенномъ черезъ Днѣпръ (вѣроятно мостъ судовой, разводный). Въ его княженіе были расширены укрѣпленія Новгорода Великаго, а городъ Ладога обведенъ каменною стѣною. Ему приписываютъ основаніе города Владиміра въ Ростовско-Суздальской землѣ, въ которую онъ предпринималъ довольно частыя поѣздки. По примѣру дѣда и прадѣда, онъ много заботился о созиданіи храмовъ; при немъ довершенъ въ Вышгородѣ каменный храмъ Бориса и Глѣба, куда и были перенесены останки этихъ мучениковъ. Памяти послѣднихъ онъ оказывалъ особое уваженіе, и въ честь ихъ создалъ „прекрасную" церковь на самомъ мѣстѣ убіенія Бориса.

Великое княженіе Мономаха впрочемъ ознаменовалось и нѣкоторыми обычными бѣдствіями, посѣщавшими древнюю Русь, каковы засуха и землятрясеніе (на югѣ), наводненіе (въ Новгородѣ) и пожары. Особенно страшный пожаръ разразился въ Кіевѣ въ 1124 году. Онъ продолжался два дня, 23 и 24 іюня, обратилъ въ пепелъ Подолъ и часть Верхняго города; однихъ церквей, по словамъ лѣтописи, сгорѣло будто бы до 600. Погорѣло и Жидовское предмѣстье. Были вѣроятно и другія бѣдствія, не занесенныя въ лѣтопись, напримѣръ саранча, которая тучами налетала на южную Русь изъ странъ прилежащихъ къ Дунаю и Черному морю; она пожирала все, что встрѣчала на своемъ пути: хлѣбъ, траву, древесныя листья и пр. Судя по нашей лѣтописи, особенно опустошительные набѣги саранчи происходили въ княженіе предшественника Владимірова Святополка Михаила.

При всемъ своемъ стремленіи къ единству русскихъ земель подъ верховною властью кіевскаго князя, Владиміру Мономаху не могла и въ голову придти мысль объ уничтоженіи удѣльнаго порядка, который вполнѣ сроднил-

ся съ духомъ и понятіями того времени. Подобно своему дѣду и прадѣду, онъ хлопоталъ только о томъ, что бы соединить какъ можно болѣе областей въ рукахъ своихъ и своего потомства. Черниговскіе Святославичи, галицкіе Ростиславичи и отчасти полоцкіе Всеславичи отстояли свои наслѣдственные удѣлы; но за то Владиміру, въ качествѣ великаго князя Кіевскаго, оружіемъ и ловкой политикой удалось еще разъ собрать подъ владѣніемъ одного дома почти всѣ остальныя русскія области.

Владиміръ Мономахъ скончался на 74-мъ году отъ рожденія, 19 мая 1125 года, во время своей поѣздки въ родной Переяславль. Тамъ онъ наблюдалъ за окончаніемъ упомянутой выше „прекрасной" церкви Бориса и Глѣба, которую соорудилъ на берегу Альты, недалеко отъ самого города. Сыновья, внуки и бояре перенесли его въ Кіевъ и погребли въ Софійскомъ соборѣ, рядомъ съ отцомъ его Всеволодомъ. Лѣтописецъ прибавляетъ, что весь народъ и всѣ люди плакали по немъ, какъ „дѣти по отцѣ или по матери". По его выраженію, это былъ „братолюбецъ, нищелюбецъ и добрый страдалецъ за Руссую землю", о которомъ слава прошла по всѣмъ странамъ; особенно онъ былъ страшенъ „поганымъ", т. е. Половцамъ.

VI.

ПЕЧЕРСКІЕ ПОДВИЖНИКИ.

Начало почитанію Бориса и Глѣба. Троекратное перенесеніе мощей. Происхожденіе Печерскаго монастыря. Антоній. Варлаамъ. Ѳеодосій. Студійскій уставъ. Покровительство великихъ князей. Построеніе Успенскаго храма. Процвѣтаніе обители. Ея подвижники. Ея вліяніе.

Прежде нежели перейдемъ къ дальнѣйшему обозрѣнію главныхъ событій, остановимся на нѣкоторыхъ сторонахъ древней русской жизни, и преимущественно на той сторонѣ, которая со временъ Владиміра Святославича получила столь великое значеніе: посмотримъ на важнѣйшія явленія юнаго русскаго христіанства при Ярославѣ, его сыновьяхъ и внукахъ.

Вмѣстѣ съ обрядами и уставами Русская церковь приняла отъ Греческой ея праздники и почитаніе ея святыхъ. Русскіе еще удерживали свои языческія имена; но сверхъ того при крещеніи получали наименованіе въ честь какого либо святаго; отсюда мы видимъ у нашихъ князей почти всегда двойное имя: одно мірское, русское, другое христіанское, греческое. Дни своихъ святыхъ князья отличали особымъ празднествомъ, и въ честь ихъ нерѣдко создавали храмы, начиная съ Владиміра-Великаго, который построилъ нѣсколько церквей во имя св. Василія. Иногда они устроивали для этого цѣлые монастыри; такъ въ Кіевѣ были основаны монастыри: Георгіевскій Ярославомъ-Георгіемъ, Димитріевъ Изяславомъ-Димитріемъ, Михайловскій Златоверхій Святополкомъ—Михаиломъ и т. д. Но кромѣ греческихъ святыхъ Русская церковь рано начала прославлять память и своихъ собственныхъ подвижниковъ, устроять въ честь ихъ

празднества и даже воздвигать имъ храмы. Между ними первое мѣсто по времени и почитанію принадлежитъ двумъ братьямъ мученикамъ Борису и Глѣбу. Они еще прежде великаго отца своего торжественно причтены къ лику святыхъ изволеніемъ русскихъ князей и греко-русскихъ іерарховъ.

Вотъ что повѣствуютъ о томъ сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, служившія однимъ изъ любимыхъ предметовъ чтенія въ древней Руси и потому дошедшія до насъ въ многочисленныхъ спискахъ. Сказанія эти любопытны и въ томъ отношеніи, что сообщаютъ нѣкоторыя живыя черты изъ данной эпохи.

Тѣло Бориса, убіеннаго на Альтѣ, по приказу Святополка Окаяннаго было отвезено въ Вышгородъ и погребено возлѣ церкви св. Василія. Между тѣмъ останки Глѣба, заключенные между двумя колодами, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пребывали въ лѣсу на берегу Днѣпра, недалеко отъ мѣста его убіенія. Ярославъ, утвердясь окончательно въ Кіевѣ, велѣлъ перевезти ихъ въ Вышгородъ и похоронить рядомъ съ Борисомъ. Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Въ населеніи Вышегородскомъ начала ходить молва о разныхъ знаменіяхъ, которыя совершались на мѣстѣ погребенія двухъ братьевъ. Расказывали между прочимъ, что однажды иноземцы Варяги пришли въ Вышгородъ; одинъ изъ нихъ нечаянно ступилъ на это святое мѣсто; вдругъ изъ земли вышло пламя и опалило ему ноги. Пономарь св. Василія разъ послѣ утрени забылъ погасить свѣчу, горящую гдѣ то вверху храма; произошелъ пожаръ; церковную утварь успѣли вынести, но деревянный храмъ сгорѣлъ до тла. Это событіе приняли какъ знаменіе того, что на мѣстѣ стараго храма должно воздвигнуть новый, въ честь Бориса и Глѣба. Вышегородскія власти донесли Ярославу о знаменіяхъ и народной молвѣ; „нелѣпо такимъ свѣтильникамъ быти сокровенными подъ землею"—говорили они. Ярославъ внялъ этому голосу. Великій князь, бояре, митрополитъ Іоаннъ и духовенство, въ сопровожденіи народной толпы, со крестами отправились въ Вышгородъ. Съ молитвами и пѣніемъ псалмовъ вырыли гробы братьевъ изъ земли, и на

время поставили ихъ въ часовнѣ, устроенной на мѣстѣ сгорѣвшей церкви. Вскорѣ повелѣніемъ великаго князя здѣсь былъ воздвигнутъ деревянный храмъ о пяти верхахъ или главахъ и украшенъ иконною живописью; на видномъ мѣстѣ поставили икону съ изображеніемъ князей-мучениковъ. Когда все было приготовлено, Ярославъ и духовенство опять отправились съ крестнымъ ходомъ въ Вышгородъ. Митрополитъ Іоаннъ освятилъ храмъ во имя свв. Бориса и Глѣба; ихъ раки перенесены сюда и поставлены на правой сторонѣ. Торжество происходило 24 іюля, въ день убіенія Бориса, и на этотъ день установлено было ежегодное празднество въ память свв. мучениковъ. Ярославъ въ теченіе цѣлыхъ осьми дней угощалъ въ Вышгородѣ бояръ, духовенство и жителей. Митрополитъ поставилъ священниковъ и дьяконовъ для новой церкви, назначилъ имъ старѣйшину (протоіерея), и уставилъ ежедневное служеніе заутрени, вечерни и св. литургіи; а великій князь отдѣлилъ десятую часть Вышегородской дани на содержаніе храма и священнослужителей. Молва о чудесахъ, совершавшихся у гробовъ мучениковъ, постепенно распространилась по Русской землѣ, и сюда начали приходить богомольцы изъ другихъ областей. Русскіе князья съ особымъ усердіемъ чтили память Бориса и Глѣба, видя въ нихъ заступниковъ и покровителей всего своего рода.

Прошло лѣтъ двадцать послѣ упомянутаго празднества. Церковь Бориса и Глѣба стала приходить въ ветхость, и преемникъ Ярослава, Изяславъ, велѣлъ близъ старой соорудить новую церковь, также деревянную, но объ одной главѣ. Въ маѣ 1072 года происходило торжественное перенесеніе въ нее св. мощей. Намѣстникомъ княжимъ въ Вышгородѣ былъ тогда знатный кіевскій бояринъ Чудинъ. Къ этому торжеству пріѣхали сюда братья Изяслава, Святославъ Черниговскій и Всеволодъ Переяславскій, съ своими дѣтьми и боярами. А вокругъ митрополита Георгія собрались епископы изъ ближнихъ эпархій, каковы Неофитъ Черниговскій, Петръ Переяславскій, Никита Бѣлогородскій, и Михаилъ Юрьевскій, а также игумены кіевскихъ монастырей съ своими чернецами; въ чи-

слѣ игуменовъ находился и знаменитый Ѳеодосій Печерскій. Когда новая церковь была освящена, приступили къ перенесенію мощей изъ старой церкви. Сначала взяли Бориса. Князья сами подняли на свои рамена его деревянную раку, и понесли ее, предшествуемые митрополитомъ и духовенствомъ, которое шло со свѣчами и кадилами. Въ новой церкви раку Бориса открыли, приложились къ его мощамъ, и переложили ихъ въ каменную гробницу. Потомъ взяли Глѣба. Такъ какъ онъ уже лежалъ въ тяжеломъ каменномъ гробу, то его поставили на сани, и повлекли ихъ веревками. Въ дверяхъ гробница остановилась, и только послѣ многократно возглашеннаго всѣмъ народомъ „Господи помилуй" она тронулась. Когда ее поставили на мѣсто, князья приложились къ мощамъ Глѣба. При этомъ митрополитъ взялъ его руку, и благословилъ ею всѣхъ троихъ князей-братьевъ. Святославъ попросилъ приложить руку святаго къ своему вереду, который былъ у него на шеѣ, потомъ къ глазамъ и къ темени. Когда начали пѣть литургію, этотъ князь обратился къ своему боярину Берну съ словами: „что то колетъ меня въ голову", и снялъ свой клобукъ. Бернъ нашелъ у него на головѣ ноготь отъ руки св. Глѣба, взялъ его и подалъ князю, который сохранилъ у себя эту святыню. Сказаніе прибавляетъ еще, что митрополитъ Георгій, родомъ грекъ, не вѣрилъ чудесамъ русскихъ мучениковъ; но когда онъ открылъ раки святыхъ и нашелъ ихъ тѣлеса нетлѣнными и благоухающими, то его объялъ страхъ, и онъ всенародно молился объ отпущеніи своего грѣха. Послѣ литургіи князья устроили веселый пиръ, и роздали богатую милостыню нищимъ и убогимъ.

Когда Святославъ захватилъ великое княженіе Кіевское, онъ началъ строить въ Вышгородѣ каменную церковь во имя Бориса и Глѣба. Она была возведена уже на 50 локтей въ вышину при кончинѣ Святослава; братъ и преемникъ его Всеволодъ довершилъ ея построеніе; но вслѣдъ затѣмъ въ одну ночь верхъ ея обрушился. Подобные случаи съ каменными храмами были въ тѣ времена нерѣдки на Руси; очевидно Русскіе еще не успѣли хорошо усвоить себѣ отъ Грековъ искусство дѣлать своды и при-

готовлять доброкачественную известь. Послѣ того дѣло о построеніи каменнаго храма пришло было въ нѣкоторое забвеніе, особенно въ бурное время слѣдующаго великаго князя Святополка—Михаила. Между тѣмъ и вторая деревянная церковь Бориса и Глѣба стала приходить въ ветхость. Тогда Олегъ Святославичъ Черниговскій задумалъ совершить дѣло, начатое его отцомъ; онъ нанялъ мастеровъ, снабдилъ ихъ всѣмъ потребнымъ и велѣлъ вновь возводить обрушившуюся церковь. Когда она была окончена, Олегъ неоднократно просилъ Святополка поставить въ нее гробницы святыхъ; но тотъ не соглашался: „не дерзну переносить ихъ съ мѣста на мѣсто";—говорилъ великій князь. Только послѣ его смерти, когда на Кіевскомъ столѣ сѣлъ Владиміръ Мономахъ, совершилось третье торжественное перенесеніе св. мощей, въ 1115 году 2 мая. На это новое торжество собрались въ Вышгородъ великій князь Владиміръ съ сыновьями, и Святославичи, Давидъ и Олегъ, также съ сыновьями и боярами. Митрополитомъ кіевскимъ былъ тогда Никифоръ; изъ другихъ городовъ прибыли епископы Ѳеоктистъ Черниговскій, Лазарь Переяславскій, Мина Полоцкій и Даніилъ Юрьевскій; между игумнами кіевскими первое мѣсто занимали Прохоръ Печерскій и Сильвестръ Выдубецкій (нашъ первый лѣтописецъ).

Сначала освятили новую церковь, и затѣмъ былъ веселый пиръ, устроенный Олегомъ Святославичемъ. А на слѣдующій день приступили къ перенесенію гробницъ. Прежде возложили на сани Борисову, и повлекли ихъ за веревки. Вышгородъ наполненъ былъ великимъ множествомъ народа, стекшагося сюда даже изъ отдаленныхъ областей; не только площади, но и всѣ стѣны городскія были покрыты людьми. На пути торжественнаго шествія устроенъ былъ съ обѣихъ сторонъ заборъ или решетка; но отъ напора толпы она поломалась. Произошла такая давка, что духовенство, князья и бояре не могли почти двигаться съ гробницей. Тогда Владиміръ велѣлъ разрѣзать куски греческихъ паволокъ и бросать ихъ народу вмѣстѣ съ платьемъ, бѣличьими мѣхами и серебряными деньгами. Часть толпы отхлынула, такъ что можно было про-

везти раку Бориса. Такимъ же способомъ провезли и раку Глѣба; при чемъ его тяжелый саркофагъ опять остановился было на дорогѣ, и отъ усилій народа полопались веревки, привязанныя къ санямъ. По поводу этого перенесенія мощей вышелъ споръ у Владиміра Мономаха съ Давидомъ и Олегомъ Святославичами. Первый хотѣлъ помѣстить гробницы посреди храма и соорудить надъ ними серебряный шатеръ; онъ конечно имѣлъ въ виду примѣръ своего великаго прадѣда, котораго рака вмѣстѣ съ гробницею его супруги Анны стояла посреди Десятиннаго храма. Но Святославичи настаивали на томъ, что бы гробницы помѣщены были на правой сторонѣ въ комарѣ или углубленіи, которое назначилъ для того отецъ ихъ Святославъ при самомъ основаніи храма. Что бы рѣшить споръ, митрополитъ и епископы предложили жребій, употреблявшійся въ Византіи. На престолѣ положено было два одинаковыхъ свитка: .одинъ съ именемъ Владиміра Мономаха, а другой съ именами Давида и Олега; послѣ богослуженія митрополитъ или кто другой изъ іерарховъ взялъ съ престола одинъ изъ свитковъ. Вынулся жребій Святославичей, и гробницы были поставлены въ комарѣ. Князья и бояре три дня праздновали это перенесеніе мощей, и раздавали щедрую милостыню нищимъ и убогимъ; послѣ чего разъѣхались по своимъ городамъ.

Владиміръ Мономахъ, который еще прежде того оковалъ раки святыхъ серебряными позлащенными досками, теперь украсилъ ихъ и всю комару серебромъ, золотомъ рѣзьбою изъ хрусталя и позлащенными паникадилами. Сказаніе прибавляетъ, что иностранцы, даже Греки, дивились богатству и изяществу этихъ украшеній. Не ограничиваясь Вышегородскимъ храмомъ, Владиміръ вскорѣ заложилъ и собственный каменный храмъ во имя Бориса и Глѣба на берегу Альты, на самомъ мѣстѣ убіенія Бориса. Этотъ храмъ онъ строилъ и украшалъ въ теченіе всего своего кіевскаго княженія; близъ него онъ и самъ скончался. Благодаря усердію князей, почитаніе братьевъ—мучениковъ скоро распространилось по всѣмъ областямъ. Ихъ прославляли какъ „заступниковъ земли Русской", и воздвигли имъ храмы почти во всѣхъ главныхъ

городахъ Руси. Между прочимъ, спустя двадцать лѣтъ по смерти Мономаха, его внукомъ заложена была каменная церковь Бориса и Глѣба подъ Смоленскомъ на Смядынѣ, т. е. близъ того мѣста, гдѣ былъ убитъ Глѣбъ. Въ томъ же XII вѣкѣ мы встрѣчаемъ храмъ во имя Бориса и Глѣба и въ Константинополѣ, впрочемъ не въ самой столицѣ, а за Золотымъ Рогомъ въ предмѣстьѣ, извѣстномъ подъ именемъ Галаты. Этотъ храмъ построенъ былъ конечно для русскихъ торговцевъ и воиновъ, проживавшихъ въ Византіи ([54]).

Вмѣстѣ съ христіанствомъ перешло къ намъ и одно изъ самыхъ важныхъ его явленій—монашество. При Ярославѣ мы встрѣчаемъ въ Кіевѣ уже нѣсколько монастырей. Вслѣдъ за русскими послами, торговцами и военными людьми, со временъ Владиміра начали отправляться въ Византію и тѣ русскіе люди, которые были движимы желаніемъ посѣтить святыя мѣста, поклониться мощамъ угодниковъ и особенно видѣть страну, гдѣ подвизался самъ Спаситель. Такимъ образомъ возникло русское паломничество. Уже въ первую эпоху нашего христіанства оно достигло значительныхъ размѣровъ, потому что соотвѣтствовало подвижному, любознательному характеру русскаго человѣка и его глубоко религіозному настроенію. Константинополь, Аѳонъ, Іерусалимъ—вотъ тѣ мѣста, куда направлялись многочисленные русскіе паломники. Возвращаясь на родину, они приносили расказы о славныхъ греческихъ монастыряхъ, о святости греко-восточныхъ подвижниковъ. Суровая аскетическая жизнь аѳонскихъ монаховъ въ особенности привлекала русскихъ людей, потому что наиболѣе соотвѣтствовала ихъ характеру и религіознымъ понятіямъ молодаго христіанскаго общества. Аѳонъ скоро сдѣлался предметомъ ревностнаго подражанія для тѣхъ, которые были одушевлены горячею вѣрою и жаждою подвиговъ, и которыхъ не удовлетворяли русскіе монастыри, основанные князьями, щедро надѣленные отъ нихъ имѣніями и разными льготами. Таковъ именно былъ основатель знаменитой Кіевопечерской лавры, Антоній.

Онъ происходилъ изъ города Любеча, отправился паломникомъ въ Грецію, на Аѳонѣ плѣнился жизнію черне-

цовъ и упросилъ одного игумена постричь его въ монахи. Возвратясь въ Россію въ послѣдніе годы Ярославова княженія, Антоній обошелъ кіевскіе монастыри; но ни одинъ не полюбился ему. Онъ искалъ строгаго, уединеннаго подвижничества, и поселился на берегу Днѣпра посреди холмовъ, обросшихъ лѣсомъ, около села Берестова въ небольшой пещерѣ. Эту пещеру, по словамъ лѣтониси, ископалъ митрополитъ Иларіонъ въ то время, когда онъ былъ священникомъ въ Берестовѣ, что бы уединяться сюда для молитвы. Слава святой, постнической жизни Антонія не замедлила распространиться между окрестными жителями; многіе приходили къ отшельнику, что бы получить отъ него благословеніе. Явились и такіе, которые, желая подражать ему, вырыли себѣ пещеры подлѣ него и по своей просьбѣ получили отъ него постриженіе. Такимъ образомъ около Антонія собралась небольшая монашеская братія. Иноки ископали особую пещеру, въ которой устроили церковь, и отправляли въ ней богослуженіе.

Но поселясь вблизи такого города, какъ стольный Кіевъ, пещерная братія, не долго могла сохранять свое уединеніе, свою нищету и полное отчужденіе отъ міра. Слава святаго подвижника не замедлила привлечь вниманіе не однихъ простыхъ и бѣдныхъ людей, но также богатыхъ и знатныхъ. Самъ преемникъ Ярослава, великій князь Изяславъ и его бояре оказывали почетъ Антонію, и приходили къ нему за благословеніемъ. Однако возникающая монастырская община подверглась вскорѣ большому неудовольствію со стороны великокняжескаго двора.

Старшій Изяславовъ бояринъ Іоаннъ имѣлъ сына, который любилъ приходить къ пещерникамъ, чтобы пользоваться ихъ наставительною бесѣдою. Житіе иноческое наконецъ такъ полюбилось ему, что онъ рѣшилъ оставить отцовскій домъ, жену, почести и поселиться съ Антоніемъ и братіей. Однажды молодой бояринъ пріѣхалъ на конѣ въ богатой одеждѣ, окруженный конными отроками; передъ нимъ вели другаго коня въ блестящей сбруѣ. Иноки вышли изъ пещеръ и поклонились ему какъ подобало вельможѣ. Онъ отвѣчалъ имъ земнымъ поклономъ; потомъ снялъ съ себя боярскую одежду и положилъ передъ Анто-

ніемъ; поставилъ передъ нимъ коней своихъ, и сказалъ, что всю эту мірскую прелесть отдаетъ на его волю, а самъ хочетъ быть монахомъ и жить въ пещерѣ. Тщетно святой старецъ говорилъ ему о гнѣвѣ, который постигнетъ его отъ отца; юноша остался непреклоненъ. Антоній велѣлъ постричь его и облечь въ монашескую одежду; при постриженіи онъ былъ нареченъ Варлаамомъ. Вслѣдъ за тѣмъ пришелъ и постригся любимый евнухъ и домоправитель великаго князя; его назвали Ефремомъ. Тогда великій князь, возбуждаемый еще и бояриномъ Іоанномъ, сильно разгнѣвался на печерскихъ иноковъ, и грозилъ разослать ихъ въ заточеніе, если они не возвратятъ постриженныхъ. Антоній готовился уже уйти съ иноками въ другую область; но супруга великаго князя, родомъ полька, смягчила его гнѣвъ; она указала на тѣ бѣды, которыя постигли ея родину послѣ удаленія изъ нея чернецовъ. Бояринъ Іоаннъ не былъ доволенъ такимъ оборотомъ дѣла. Онъ отправился самъ съ толпою отроковъ въ пещеры; схватилъ своего сына, велѣлъ насильно одѣть его въ боярское платье и со связанными руками привести въ свой домъ. Варлаамъ въ теченіе трехъ дней сидѣлъ молча, и не принималъ пищи. Іоаннъ наконецъ сжалился надъ нимъ и отпустилъ его въ пещеры. Отецъ, мать, жена и слуги провожали его изъ дому съ великимъ плачемъ; а печерскіе иноки встрѣтили его съ великою радостію, прославляя Бога, что услышалъ ихъ молитву.

Когда число братіи умножилось, Антоній поставилъ для нея игумномъ этого Варлаама; а самъ, любя уединеніе, затворился въ своей пещерѣ. При Варлаамѣ иноки, недовольствуясь тѣсною пещерною церковью, построили небольшой деревянный храмъ во имя Успенія Богородицы; но онъ скоро оказался также тѣсенъ. По просьбѣ иноковъ Антоній послалъ сказать Изяславу: „князь, Богъ умножаетъ братію, а мѣсто малое; дай намъ ту гору, которая находится надъ пещерами“. Изяславъ исполнилъ эту просьбу. Тогда иноки построили уже настоящій монастырь, т. е. воздвигли просторную деревянную церковь, подлѣ нея монашескія келліи, и все это окружили тыномъ или оградою. Монастырь по своему пещерному происхожденію со-

хранилъ въ народѣ названіе *Печерскаго*. Около того же времени Изяславъ—Димитрій основалъ въ Кіевѣ монастырь св. Димитрія и одарилъ его богатымъ имѣніемъ; а чтобы придать ему болѣе славы, перевелъ въ него игумномъ того же Варлаама изъ Печерской обители, уже знаменитой въ народѣ своею святостію. Печерская братія обратилась къ Антонію съ просьбою поставить ей другаго игумна, и Антоній поставилъ Ѳеодосія. Послѣдній и былъ настоящимъ устроителемъ Печерскаго монастыря.

Недалеко отъ Кіева находился городокъ Васильевъ. Въ этомъ городкѣ родился Ѳеодосій. Родители его, повидимому люди достаточные, вскорѣ переселились въ Курскъ. Здѣсь отрокъ рано началъ обнаруживать свое высокое призваніе. Онъ не любилъ одѣваться въ нарядное платье, чуждался дѣтскихъ игръ, которыми занимались его сверстники, но охотно учился грамотѣ или вмѣстѣ съ слугами принималъ участіе въ работахъ домашнихъ и сельскихъ. Ѳеодосій едва достигъ юношескаго возраста, когда отецъ его умеръ. Матери его, женщинѣ очень крутаго нрава съ мужескими привычками и еще не твердой въ христіанской вѣрѣ, не нравились благочестивыя наклонности сына, его удаленіе отъ мірскихъ забавъ и почестей; не рѣдко она подвергала его побоямъ, но не могла измѣнить его поведеніе. Ѳеодосій уже былъ снѣдаемъ жаждою аскетическихъ подвиговъ. Однажды онъ тайкомъ ушелъ изъ дому, и присталъ къ паломникамъ, которые отправлялись на поклоненіе св. мѣстамъ. Мать догнала его, схватила за волосы бросила на землю и топтала ногами; вернувъ домой, она нѣкоторое время держала его въ кандалахъ, чтобы онъ не ушелъ опять. Получивъ свободу, юноша началъ прилежать къ церковной службѣ, которую посѣщалъ каждый день, и занялся печеніемъ просфоръ для церкви. Такъ какъ мать то ласками, то суровостью старалась отклонить его отъ этого, унизительнаго по ея мнѣнію, занятія, то онъ ушелъ въ одинъ ближній городъ, поселился тамъ у священника и продолжалъ печь просфоры. Мать отыскала его и опять съ побоями воротила въ свой домъ. Недовольствуясь ежедневнымъ посѣще-

ніемъ церковной службы, Ѳеодосій тайно отъ матери съ помощью кузнеца приготовилъ себѣ желѣзныя вериги, которыя и началъ носить подъ одеждою. Воевода курскій обратилъ вниманіе на смиреннаго, благочестиваго юношу, и сталъ оказывать ему свое расположеніе. Однажды въ большой праздникъ воевода устроилъ пиръ и пригласилъ всѣхъ старѣйшихъ людей города; а Ѳеодосію указалъ прислуживать гостямъ. По просьбѣ матери онъ согласился надѣть чистую праздничную одежду; но при этомъ мать его замѣтила на сорочкѣ кровь, происходившую отъ желѣзныхъ веригъ, разъѣдавшихъ кожу; съ яростью принялась она его бить и сняла съ него вериги. Юноша все перенесъ съ кротостью, и отправился прислуживать пирующимъ.

Однажды вниманіе Ѳеодосія поразили слова Евангелія: „аще кто не оставитъ отца или матерь и въ вслѣдъ меня не идетъ, то нѣсть мене достоинъ", и потомъ: „пріидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и азъ покою вы". Онъ твердо рѣшился уйти и постричься въ монахи. Ѳеодосій воспользовался случаемъ, когда мать его на значительное время отлучилась въ село, и въ третій разъ ушелъ изъ дому. Онъ много слышалъ о кіевскихъ монастыряхъ, и желалъ ихъ видѣть. Не зная пути, юноша повстрѣчалъ обозъ съ товарами, и, слѣдуя за нимъ издали, черезъ три недѣли достигъ Кіева. Странникъ обошелъ разные кіевскіе монастыри, прося принять его въ число братіи; но тамъ, видя его простоту и худыя одежды, отказывали ему. Наконецъ онъ услыхалъ о св. Антоніѣ, спасавшемся въ пещерѣ; пришелъ къ нему однимъ изъ первыхъ, и просилъ о постриженіи. Антоній благословилъ его и велѣлъ совершить надъ нимъ постриженіе ученику своему Никону, имѣвшему санъ священника. Ѳеодосій ревностно предался молитвѣ и трудамъ печерскихъ подвижниковъ. Между тѣмъ мать въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ тщетно искала его по всей окрестной странѣ, и обѣщала большую награду тому, кто откроетъ его убѣжище. Наконецъ она получила извѣстіе, что ея сына видѣли ходящимъ по кіевскимъ монастырямъ и просящимъ о постриженіи. Она немедленно отправилась туда, долго разы-

скивала, наконецъ узнала о его убѣжищѣ, пришла къ Антонію, и умоляла показать ей сына. Ѳеодосій сначала отказывался отъ этого свиданія; но по просьбѣ Антонія вышелъ изъ пещеры. Мать была поражена его измѣнившимся, исхудалымъ лицомъ, и съ горькимъ плачемъ начала просить его, чтобы онъ воротился домой. Но всѣ ея мольбы на этотъ разъ остались тщетны. Тогда, чтобы жить недалеко отъ сына, она послѣдовала его совѣту, и сама постриглась въ ближней женской обители.

Таковъ былъ человѣкъ, котораго Антоній поставилъ игумномъ Печерскаго монастыря послѣ удаленія Варлаама. Закаленный въ трудахъ и лишеніямъ, владѣя твердою волею и необычайной энергіей, Ѳеодосій подавалъ братіи примѣръ непрерывной дѣятельности, поста и изнуренія плоти. Онъ самъ носилъ воду, рубилъ дрова, топилъ печи и ходилъ въ ветхой одеждѣ; но братію держалъ строго, и требовалъ безъусловнаго послушанія игумену. Число печерскихъ иноковъ между тѣмъ умножилось до сотни, и Ѳеодосій—нетолько великій подвижникъ, но и замѣчательный правитель—озаботился введеніемъ опредѣленнаго монастырскаго устава. За образцомъ его онъ обратился туда же, откуда пришелъ къ намъ и весь церковный строй, т. е. въ Византію.

Въ числѣ цареградскихъ монастырей въ тѣ времена особенно славилась обитель св. Ѳеодора Студита, расположенная неподалеку отъ Золотыхъ воротъ. Названіе Студійскаго она получила въ честь основателя своего патриція Студіуса; а ея слава началась со времени знаменитаго ея настоятеля и устроителя Ѳеодора Студита, который явился однимъ изъ главныхъ борцевъ за православіе въ эпоху иконоборческой ереси, въ концѣ VIII и началѣ IX вѣка. Онъ же далъ своему монастырю и болѣе строгія правила ([55]). Говорятъ, при немъ число студійскихъ монаховъ простиралось до 1000. Съ той эпохи Студійскій монастырь считался однимъ изъ важнѣйшихъ столповъ греческаго православія. Тотъ же монастырь сдѣлался главнымъ пріютомъ для русскихъ иноковъ и паломниковъ, особенно для тѣхъ, которые занимались списываніемъ церковныхъ книгъ.

Въ Студійскомъ монастырѣ нѣкоторое время проживалъ упомянутый выше печерскій инокъ Ефремъ скопецъ (бывшій домоправитель великаго князя Изяслава). Съ его помощью Θеодосій досталъ полный списокъ Студійскаго устава, который и ввелъ въ своемъ монастырѣ. Уставъ этотъ предписывалъ, вопервыхъ, общежитіе, т. е. отрицалъ частное имущество и отдѣльную трапезу монаховъ. Затѣмъ онъ опредѣлялъ разныя степени и должности, каковы кромѣ игумена: доместикъ, руководившій церковнымъ пѣніемъ и чтеніемъ, экономъ, вѣдавшій монастырское имущество, келарь, имѣвшій подъ своимъ надзоромъ братскую трапезу, просфорню и вообще съѣстные припасы, и т. д. Братія дѣлилась на схимниковъ, простыхъ чернецовъ и мірянъ, готовившихся къ иночеству, но еще непостриженныхъ (послушниковъ). Уставъ опредѣлялъ ежедневный порядокъ церковныхъ службъ, церковное пѣніе, чтеніе, стояніе, поклоны, сидѣніе за трапезой, монастырскую пищу и пр. Никакое дѣло не начиналось безъ благословенія игумена, напримѣръ, ни звонъ въ било, созывавшій на моленіе, ни печеніе хлѣбовъ, и т. п. Первоначально иноки кормились скудными приношеніями окрестныхъ жителей и трудами рукъ своихъ: между прочимъ они плели копытца (обувь) и клобуки, которые носили въ городъ на продажу. Но мало по малу князья и бояре, привлекаемые славою Печерской обители, начали приходить сюда за благословеніемъ и приносить дары; а нѣкоторые начали давать монастырю недвижимыя имущества, т. е. земли, разныя угодья и цѣлыя села. Великій князь Изяславъ особенно полюбилъ Θеодосія, нерѣдко призывалъ его къ себѣ или самъ запросто пріѣзжалъ къ нему въ обитель. По этому поводу Житіе Θеодосія расказываетъ слѣдующій случай. Однажды великій князь по обыкновенію своему, распустивъ бояръ по домамъ, прибылъ въ монастырь только въ сопровожденіи пяти или шести отроковъ, т. е. простыхъ дружинниковъ. У воротъ онъ слѣзъ съ коня, такъ какъ всегда пѣшій входилъ на дворъ монастырскій. Но въ этотъ разъ случилось время полуденное, въ которое братія по обѣдѣ почивала отъ своихъ нощныхъ молитвъ и утреннихъ службъ. На это время игу-

менъ запретилъ вратарю пускать въ монастырь кого бы то ни было до вечерень. Тщетно великій князь стучался въ ворота и просилъ отворить себѣ: вратарь ссылался на игуменское запрещеніе и совѣтовалъ гостю подождать до вечерняго часу. Только убѣдясь, что это дѣйствительно былъ великій князь, онъ побѣжалъ доложить о томъ игумену. Послѣдній конечно поспѣшилъ на встрѣчу высокому гостю, который между тѣмъ смиренно ждалъ, пока отворятъ ему ворота.

Когда Изяславъ былъ изгнанъ своими братьями и Святославъ сѣлъ на Кіевскомъ столѣ, Θеодосій не только не преклонился передъ его властію, но съ твердостію началъ обличать незаконный поступокъ съ старшимъ братомъ. Не ограничиваясь словеснымъ порицаніемъ, онъ писалъ Святославу обличительныя посланія. Святославъ съ своей стороны сильно гнѣвался на строгаго игумена, и грозилъ ему заточеніемъ. Просьбы бояръ и печерской братіи однако смягчили Θеодосія: онъ разрѣшилъ Святославу прибыть въ монастырь, встрѣтилъ его съ подобающею честью, и много бесѣдовалъ съ нимъ, стараясь кроткими словами преклонить его на примиреніе съ старшимъ братомъ. Съ тѣхъ поръ Святославъ не рѣдко пріѣзжалъ въ монастырь, что бы наслаждаться бесѣдою святаго мужа. Θеодосій также приходилъ иногда къ Святославу. Однажды—повѣствуетъ Житіе—игуменъ пришелъ во дворецъ въ то время, когда здѣсь веселились, и по обычаю забавляли великаго князя игрою на гусляхъ, органахъ и другихъ заморскихъ инструментахъ. Игуменъ сѣлъ подлѣ князя и поникъ головою. Потомъ онъ спросилъ: „будетъ ли также и на томъ свѣтѣ"? Князь былъ тронутъ этими словами и велѣлъ перестать. Съ тѣхъ поръ, заслышавъ приходъ святаго мужа, онъ приказывалъ замолчать своимъ пѣвцамъ и гуслярамъ. Между кіевскими боярами особеннымъ расположеніемъ Θеодосія пользовался Янъ Вышатичъ и его жена Марья, отличавшіеся добрымъ, благочестивымъ житіемъ. Игуменъ любилъ иногда посѣщать ихъ и бесѣдовать съ ними о дѣлахъ милосердія, о царствіи небесномъ, о смертномъ часѣ и пр.

Изъ печерскихъ иноковъ наиболѣе близкимъ къ Ѳеодосію былъ Никонъ великій, какъ называетъ его Житіе, тотъ самый ученикъ Антонія, который совершилъ постриженіе надъ Ѳеодосіемъ. Во время поставленія послѣдняго на игуменство Никонъ отсутствовалъ: онъ отправился на островъ Тмутраканскій, и основалъ тамъ особый монастырь по примѣру Печерскаго, и также въ честь Богородицы. Когдѣ здѣсь скончался князь Ростиславъ Владиміровичъ, то граждане Тмутраканя упросили Никона идти въ Черниговъ къ Святославу и склонить его, что бы онъ опять отпустилъ къ нимъ на княженіе своего старшаго сына Глѣба. Во время этого путешествія Никонъ посѣтилъ родной монастырь, свидѣлся съ своимъ другомъ Ѳеодосіемъ и далъ ему слово воротиться въ Печерскую обитель. Онъ дѣйствительно воротился, и жилъ въ великомъ согласіи и дружбѣ съ Ѳеодосіемъ. Очень часто видали ихъ вмѣстѣ трудящимися во время свободное отъ церковной службы: великій Никонъ сшивалъ и переплеталъ рукописи, а Ѳеодосій сидѣлъ подлѣ него, и пря̀лъ нити, потребныя для этого переплета.

Такъ какъ монастырь все болѣе расширялся и приходилъ въ цвѣтущее состояніе, то Ѳеодосій задумалъ воздвигнуть уже большой каменный храмъ въ честь Успенія Богородицы и взялъ для этого благословеніе у св. Антонія. Великій князь Святославъ подарилъ для церкви мѣсто неподалеку отъ стараго Печерскаго монастыря на Берестовомъ полѣ, и пожертвовалъ на ея сооруженіе до ста гривенъ золота. Онъ призвалъ мастеровъ изъ Греціи для постройки этого храма, и самъ первый началъ рыть землю подъ его основаніе. Изъ бояръ наиболѣе значительный вкладъ на украшеніе Печерскаго храма принесъ знатный варяжскій выходецъ Шимонъ, принявшій православіе и сдѣлавшійся однимъ изъ вельможъ князя Всеволода Ярославича. Онъ подарилъ золотую цѣпь въ пятьдесятъ гривенъ и драгоцѣнный вѣнецъ, доставшіеся ему въ наслѣдство отъ отца. Закладка храма совершилась въ 1073 году. Ѳеодосій съ братіей ежедневно и неутомимо трудился при постройкѣ, помогая мастерамъ. Но уже близился его собственный конецъ. Въ томъ же 1073 году

скончался св. Антоній; а въ слѣдующемъ, едва было выведено основаніе новой церкви, Θеодосій сильно разнемогся. Онъ собралъ братію и сказалъ: „Вотъ я отхожу отъ васъ; посовѣтуйтесь между собою и изберите себѣ игумномъ кого пожелаете, что бы я благословилъ его“. Братія, переговоривъ между собой, просила благословить на игуменство Стефана доместика, одного изъ учениковъ Θеодосія, и послѣдній исполнилъ ея желаніе. За два дня до его кончины приходилъ къ нему великій князь Святославъ съ сыномъ Глѣбомъ. Умирающій игуменъ благословилъ ихъ, и взялъ съ великаго князя слово имѣть попеченіе о его монастырѣ. Онъ скончался 3 мая 1074 года, и по своему желанію былъ погребенъ въ той пещерѣ, которую ископалъ своими руками и въ которую, будучи игуменомъ, имѣлъ обыкновеніе затворяться во время великаго поста. Преемникъ его Стефанъ ревностно продолжалъ построеніе храма. Но онъ уже не имѣлъ той желѣзной воли, которая держала братію въ строгомъ подчиненіи. Спустя года три, по причинѣ какихъ то неудовольствій, онъ принужденъ былъ оставить Печерскую обитель, и не подалеку отъ нея основалъ новый монастырь, который названъ Кловскимъ по мѣсту, гдѣ находился, или Влахернскимъ, по своему храму, сооруженному въ честь Влахернской Богородицы. Въ послѣдствіи Стефанъ былъ рукоположенъ во епископа Владиміра Волынскаго. Преемникъ его на печерскомъ игуменствѣ, великій Никонъ окончилъ храмъ Успенія; при немъ начались расписаніе и мозаичныя украшенія этого храма, исполненныя иконописцами и художниками цареградскими. Но освященіе его совершилось уже при слѣдующемъ игумнѣ Іоаннѣ въ 1089 году, въ княженіе Всеволода, когда тысяцкимъ въ Кіевѣ или главнымъ воеводою былъ другъ Θеодосія упомянутый выше бояринъ Янъ. Храмъ былъ освященъ митрополитомъ Іоанномъ, которому при этомъ сослужили епископы Лука Бѣлогородскій, Исаія Ростовскій, Іоаннъ Черниговскій и Антоній Юрьевскій. Вмѣстѣ съ новымъ храмомъ пострены и новыя келліи для братіи, которая перешла сюда изъ стараго монатыря. Тѣло Θеодосія, остававшееся семнадцать лѣтъ въ пещерѣ, было перенесено въ новый храмъ и положено въ правомъ притворѣ.

Святая обитель все болѣе и болѣе пріобрѣтала значенія въ глазахъ князей и народа. Лѣтопись, напримѣръ, говоритъ, что великій князь Святополкъ имѣлъ обыкновеніе, собираясь въ походъ или другое какое путешествіе, приходить въ Печерскій монастырь, что бы тамъ помолиться у гроба св. Ѳеодосія и взять благословеніе отъ игумена. Послѣ погрома, понесеннаго въ 1096 году отъ Половцевъ, обитель скоро оправилась, продолжая богатѣть и украшаться дорогими постройками. Богатства ея росли вслѣдствіе щедрыхъ вкладовъ отъ людей княжескаго и боярскаго рода. Шимонъ Варягъ, помогавшій своимъ имуществомъ при сооруженіи Печерскаго храма, былъ и погребенъ въ обители. Въ послѣдствіи сынъ этого Шимона Георгій, бывшій тысяцкимъ въ Ростовѣ, прислалъ, какъ говорятъ, пятьсотъ гривенъ серебра и пятьдесятъ золота, что бы золотомъ и серебромъ оковать раку св. Ѳеодосія. Знатные люди не рѣдко изъявляли желаніе быть погребенными въ этомъ святомъ мѣстѣ или погребались здѣсь по усердію своихъ родственниковъ. Такъ въ Печерскомъ храмѣ Успенія близъ Ѳеодосія были погребены тѣла любимой имъ четы, боярина Яна Вышатича, достигшаго девяностолѣтняго возраста, и его супруги Маріи. Тамъ же положенъ прахъ Глѣба Всеславича, князя Минскаго, взятаго въ плѣнъ Владиміромъ Мономахомъ. Этотъ Глѣбъ и супруга его, дочь несчастнаго Ярополка Изяславича (убитаго Нерадцемъ), дали вкладу въ Печерскій монастырь до семисотъ гривенъ серебра и до ста гривенъ золота. Глѣбъ умеръ въ 1119 году. Супруга его жила вдовою около сорока лѣтъ, умерла на восемьдесятъ пятомъ году отъ роду, и положена подлѣ своего мужа. Она завѣщала обители пять селъ съ челядью и все свое движимое имущество, „даже до повойника", какъ замѣчаетъ лѣтопись. Въ этомъ случаѣ она подражала не только мужу, но и отцу своему, который подарилъ Печерскому монастырю нѣсколько собственныхъ волостей. Въ Успенской церкви была погребена и сестра Мономаха Евпраксія, бывшая супруга императора Генриха IV.

Такимъ образомъ Кіевъ, это средоточіе Русской политической жизни, по естественному ходу исторіи сдѣлался

и средоточіемъ русскаго православія, главнымъ мѣстомъ русскихъ святынь. Въ самомъ Кіевѣ красовались храмы Десятинный и Софійскій съ гробницами Владиміра и Ярослава. Въ сѣверномъ его пригородѣ, т. е. въ Вышгородѣ, находились раки чисто русскихъ святыхъ Бориса и Глѣба, а въ южныхъ окрестностяхъ сіяла Печерская обитель съ могилами также чисто русскихъ святыхъ, Антонія, Ѳеодосія и многихъ другихъ подвижниковъ, погребенныхъ въ ея знаменитыхъ пещерахъ. Мало по малу съ отдаленныхъ концевъ Руси народъ привыкъ стекаться въ Кіевъ на поклоненіе его святынямъ.

Изъ тѣхъ печерскихъ иноковъ, которые сдѣлались предметомъ монастырскихъ сказаній, въ послѣдствіи вошедшихъ въ сборникъ Житій или такъ называемый Патерикъ Печерскій, особенно замѣчательны: Даміянъ цѣлитель, Матвѣй прозорливецъ, Исаакій затворникъ, старецъ Іеремія, который помнилъ крещеніе Русской земли при Владимірѣ, Агапитъ врачъ безмездный, Маркъ гробокопатель, Алимпій, первый русскій иконописецъ, Никола Святоша и др. Они были современниками Ѳеодосія или подвизались, вскорѣ послѣ него.

Много чудныхъ легендъ повѣствуется о печерскихъ подвижникахъ, объ ихъ необыкновенномъ постничествѣ, терпѣніи и особенно объ ихъ неутомимой борьбѣ съ злыми духами, которые постоянно изощряются въ разныхъ способахъ, что бы искушать подвижниковъ и мѣшать ихъ спасенію. (По большей части это олицетвореніе страстей или побужденій человѣческой плоти, легкомыслія, гордости и другихъ слабостей). Вотъ, напримѣръ, Матвѣй прозорливецъ стоитъ однажды въ церкви и видится ему, какъ бѣсъ, въ образѣ Ляха, несетъ въ полѣ своей луды или плаща цвѣтки, называемые лѣпками, и бросаетъ ихъ то на того, то на другаго изъ братіи, поющей заутреню. Къ кому цвѣтокъ прилипнетъ, того начинаетъ сильно клонить ко сну; немного постоявъ, онъ уходитъ въ свою келлію и засыпаетъ; но къ кому цвѣтокъ не прилипнетъ, тотъ бодро выстаиваетъ службу до конца. Въ другой разъ, во время игуменства великаго Никона, онъ за утренней службой хотѣлъ взглянуть на игу-

мена, и на мѣстѣ его увидѣлъ бѣса, стоящаго въ образѣ ослиномъ; Матвѣй понялъ, что престарѣлый Никонъ еще не всталъ отъ сна. Или вотъ Исаакій затворникъ, бывшій прежде купцомъ въ городѣ Торопцѣ и раздавшій все имѣніе нищимъ, сидитъ въ своей тѣсной пещерѣ; до самой полуночи онъ пѣлъ псалмы и молился, и теперь, погасивъ свѣтильникъ, присѣлъ, что бы немного отдохнуть. Вдругъ пещера его озарилась ослѣпительнымъ свѣтомъ; предстали два прекрасные юноши, и говорятъ: „Исаакій! мы ангелы, а се идетъ къ тебѣ Христосъ; поклонись ему въ землю". Затворникъ не спохватился осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ, и поспѣшилъ совершить поклонъ. Вдругъ бѣсы воскликнули: „теперь ты уже нашъ, Исаакій!" Вся келлія наполнилась бѣсами, которые принялись играть въ сопѣли, бубны и гусли, и заставили плясать затворника до истощенія силъ; такъ что, наругавшись надъ нимъ, оставили его еле живаго. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ лежалъ онъ, пораженный полнымъ разслабленіемъ и лишенный языка. Но въ послѣдствіи мало по малу Исаакій оправился, наложилъ на себя юродство, подвергъ себя всякаго рода лишеніямъ и трудамъ; пока наконецъ удостоился загладить свой грѣхъ и побѣдить бѣса. А вотъ и другой затворникъ Никита, который подвизался во время игуменства великаго Никона. Онъ затворился въ надеждѣ получить отъ Бога даръ чудотворенія, и былъ конечно наказанъ за свое лжесмиреніе. Лукавый явился къ нему въ образѣ ангела, какъ будто посланнаго самимъ Богомъ. Никита съ его помощью началъ расказывать о томъ, что дѣлалось въ отдаленныхъ областяхъ, и скоро прослылъ за пророка. Особенно онъ поражалъ приходящихъ къ нему своею начитанностію въ книгахъ Ветхаго завѣта. Но страннымъ показалось, что онъ никогда не хотѣлъ ни говорить, ни слышать объ евангеліи и апостолѣ. Отсюда игуменъ и другіе старцы скоро догадались, въ чемъ дѣло. Они пришли къ затворнику, и молитвами своими отогнали отъ него бѣса. Оказалось, что Никита не только не отличался ученостію, но никогда прежде не читалъ Св. писанія; такъ что старцы послѣ съ трудомъ научили его грамотѣ. Съ тѣхъ поръ,

оставивъ затворничество, онъ предался истинному смиренію и благочестію.

Первый изъ русскихъ князей, вступившихъ инокомъ въ Печерскую обитель, былъ Николай Святоша, сынъ черниговскаго князя Давида, внукъ Святослава Ярославича. Подобно дѣду, онъ носилъ языческое имя Святослава, откуда и получилъ прозваніе Святоши. Въ 1106 году онъ постригся, и затѣмъ проходилъ разныя послушанія, прежде нежели поселился въ келліи: три года работалъ на братію въ поварнѣ и три года былъ монастырскимъ привратникомъ.

Печерская обитель имѣла великое вліяніе на русское монашество. По образцу ея стали распространяться въ Россіи и другіе общежительные монастыри; подвижники ея сдѣлались предметомъ подражанія для иноковъ. О важномъ ея значеніи въ исторіи Русской церкви свидѣтельствуетъ и то обстоятельство, что уже съ самыхъ первыхъ временъ своего существованія она преимущественно передъ всѣми другими монастырями начала снабжать русскія области іерархами. Такъ инокъ Ефремъ, бывшій домоправитель великаго князя и приславшій Ѳеодосію изъ Царьграда списокъ Студійскаго устава, въ послѣдствіи поставленъ епископомъ южнаго Переяславля, и ознаменовалъ здѣсь свое архіерейство построеніемъ многихъ храмовъ, каменныхъ городскихъ стѣнъ и другихъ зданій. Между прочимъ онъ возвелъ въ Переяславлѣ какое то *банное строеніе*; чего по замѣчанію лѣтописи прежде не было на Руси. (По мнѣнію Карамзина, болѣе другихъ вѣроятному, это былъ баптистеріумъ или крещальня при соборномъ храмѣ). Далѣе, Стефанъ, преемникъ Ѳеодосія на игуменствѣ, возведенъ на архіерейскую каѳедру Владиміра Волынскаго; упомянутый выше затворникъ Никита является въ послѣдствіи епископомъ Великаго Новгорода; Исаія, печерскій инокъ при Ѳеодосіѣ, потомъ прославился какъ епископъ Ростовскій, и др. Нѣкоторые изъ печерскихъ иноковъ не только извѣстны какъ проповѣдники христіанства въ тѣхъ областяхъ Россіи, которыя еще коснѣли въ язычествѣ; но и запечатлѣли свои апостольскіе подвиги смертію мучениковъ. Таковы: св. Леонтій, предшествен-

никъ Исаіи на Ростовской каѳедрѣ, какъ говорятъ, погибшій тамъ отъ язычниковъ, и св. Кукша, который крестилъ много народу въ странѣ дикихъ Вятичей, но наконецъ принялъ отъ нихъ смерть вмѣстѣ съ своимъ ученикомъ Никономъ (56).

Основатели и подвижники Печерскаго монастыря свидѣтельствуютъ о той силѣ характера, о томъ устоѣ и многостороннихъ способностяхъ, которыми природа одарила Русскій народъ. Онъ одинаково является великимъ въ своихъ представителяхъ на поприщѣ государственнаго и церковнаго быта. То глубокое религіозное чувство, которое въ періодъ языческій доводило русскаго человѣка до кровавыхъ жертвоприношеній идоламъ, очищенное свѣтомъ новой религіи, обратило его къ подвигамъ самоистязанія и смиренія, но не тупаго, робкаго смиренія, а сознательнаго и дѣятельнаго. Христіанская Русь усвоиваетъ себѣ идеалы, принесенные Греческою церковью, и ревностно старается осуществить ихъ въ лицѣ своихъ подвижниковъ. Не уступая въ аскетизмѣ восточнымъ образцамъ, они не разрываютъ всѣхъ связей съ міромъ; а стараются вліять на улучшеніе его нравственности, на улучшеніе самыхъ гражданскихъ отношеній, разумѣется, сообразно съ своими понятіями, со степенью своего собственнаго развитія.

Какъ и во всей средневѣковой Европѣ, монастыри явились на Руси зачатками и хранителями книжной образованности. Разцвѣтъ русской письменности связанъ съ тою же Кіевопечерскою обителью, по преимуществу передъ другими монастырями. Здѣсь подвизалась и отсюда вышла значительная часть древнерусскихъ писателей.

VII.

НАЧАЛО КНИЖНОЙ СЛОВЕСНОСТИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

Поученія митрополитовъ. Иларіонъ. Сочиненія Θеодосія. Несторъ Печерскій. Происхожденіе лѣтописи. Сильвестръ Выдубецкій ея составитель. Басня о призваніи Варяговъ. Даніилъ Паломникъ. Происхожденіе Русской Правды. Судебная вира. Различіе по сословіямъ. Хозяйство и торговля. Женщина. Иноземцы. Церковный судъ. Положеніе Духовенства. Языческіе волхвы.

Книжное дѣло въ Россіи получило свое начало вмѣстѣ съ водвореніемъ греческаго христіанства и славяноболгарскихъ переводовъ Св. писанія. Византійская словесность надолго осталась образцомъ и главнымъ источникомъ для нашей словесности; а книжный болгарскій языкъ и болгарская грамота легли въ основу русской письменности. Древнѣйшими памятниками ея служатъ славянскіе переводы договоровъ Олега, Игоря и Святослава; хотя они относятся къ эпохѣ послѣднихъ языческихъ князей; но несомнѣнно, что въ эту эпоху уже существовала крещеная Русь, а слѣдовательно и церковнославянская грамота.

Въ числѣ первыхъ русскихъ писателей являются наши первые митрополиты и другіе іерархи, приходившіе къ намъ изъ Византіи. Славянскій языкъ, употреблявшійся ими, заставляетъ предполагать, что константинопольскій патріархатъ назначалъ на русскія каѳедры именно тѣ лица, которыя были славянскаго происхожденія, или тѣхъ Грековъ, которые были знакомы съ церковнославянскимъ языкомъ. (Возможно впрочемъ и то, что въ случаѣ малаго знакомства съ этимъ языкомъ они для своихъ по-

сланій къ паствѣ имѣли подъ рукой славянскихъ переводчиковъ). Таковы, напримѣръ, митрополиты Іоаннъ, современникъ Всеволода, названный въ лѣтописи мужемъ книжнымъ и ученымъ, и Никифоръ, современникъ Владиміра Мономаха. Сочиненія этихъ и другихъ іерарховъ представляютъ по преимуществу разнаго рода правила и поученія; онѣ имѣли своею задачею внутреннее благоустройство юной Русской церкви и опредѣленіе ея внѣшнихъ отношеній, разрѣшеніе безпрерывно возникавшихъ вопросовъ со стороны обрядовой и житейской, борьбу съ разными языческими обычаями, которые медленно уступали свое мѣсто христіанскимъ установленіямъ, и т. п.

Отъ митрополита Іоанна дошло до насъ *Церковное Правило*, обращенное къ черноризцу Іакову, который вѣроятно предлагалъ митрополиту разные вопросы на разрѣшеніе. Въ этомъ посланіи митрополитъ возстаетъ противъ торговли рабами, волхвованія, пьянства, нескромныхъ пѣсенъ, плясокъ и другихъ языческихъ обычаевъ, а также противъ вольнаго сожитія съ женщиной и существовавшаго въ простонародьѣ мнѣнія, что вѣнчальный обрядъ изобрѣтенъ только для князей и вообще людей знатныхъ. Особенно замѣтно стараніе греко-русскихъ іерарховъ оградить Русскую церковь отъ вліянія папства, отъ сближенія съ латинствомъ. Старанія эти тѣмъ понятнѣе, что русскіе князья находились въ дѣятельномъ общеніи и въ родственныхъ связяхъ съ другими государями европейскими, особенно съ сосѣдями своими, королями польскими, нѣмецкими, скандинавскими и угорскими; тогда какъ именно во второй половинѣ XI вѣка совершилось окончательное раздѣленіе церквей, и послѣдовали тѣ мѣры Григорія VII, которыя еще болѣе усилили различіе въ характерѣ греческаго и латинскаго клира. Митрополитъ Іоаннъ въ своемъ Правилѣ осуждаетъ обыкновеніе русскихъ князей отдавать своихъ дочерей замужъ въ чужія земли (гдѣ онѣ обыкновенно окатоличивались). А митрополитъ Никифоръ посвятилъ Владиміру Мономаху цѣлое посланіе объ отличіяхъ Римской церкви отъ Православной. Онъ насчитываетъ до двадцати отличій, между которыми главное мѣсто занимаютъ: служеніе на опрѣ-

снокахъ, безбрачіе и брадобритіе священниковъ, а также ученіе объ исхожденіи Духа Святаго отъ Отца и *Сына;* послѣднее онъ называетъ „великимъ зловѣрствомъ".

Тоже стремленіе къ поученію, наставленію и утвержденію въ правилахъ христіанской церкви заключается и въ дошедшихъ до насъ произведеніяхъ собственно русскихъ іерарховъ и подвижниковъ. Рядъ этихъ писателей открывается тѣмъ самымъ Иларіономъ, который былъ первымъ кіевскимъ митрополитомъ русскаго происхожденія и съ которымъ связано пещерное начало знаменитой Кіевской обители. До насъ дошло нѣсколько его сочиненій, а именно: „Ученіе о Ветхомъ и Новомъ законѣ", съ которымъ соединена „Похвала кагану нашему Владиміру", и „Исповѣданіе вѣры". Свѣтлый умъ, начитанность и даровитость, которыми отличаются эти произведенія, вполнѣ объясняютъ намъ, почему великій князь Ярославъ показалъ такое уваженіе къ ихъ автору, изъ простыхъ священниковъ возвысивъ его на степень русскаго митрополита. Первое изъ названныхъ сочиненій направлено въ особенности противъ іудейства; что подтверждаетъ присутствіе на Руси іудейскихъ колоній и пропаганды, шедшихъ вѣроятно съ юговостока изъ Хазаріи при посредствѣ нашихъ Тмутраканскихъ владѣній. (О еврейской колоніи въ Кіевѣ упоминаетъ Житіе Ѳеодосія; объ озлобленіи Кіевлянъ противъ жидовъ свидѣтельствуетъ лѣтопись по поводу смерти Святополка II). Перешедши отъ Ветхаго завѣта къ Новому, отъ іудейства къ христіанству, авторъ говоритъ о крещеніи Русскаго народа и превозноситъ виновника этого крещенія, кагана Владиміра. Тутъ слово его проникнуто одушевленіемъ и отличается истиннымъ краснорѣчіемъ. „Уже не капища сограждаемъ— говоритъ онъ,—но Христовы церкви зиждемъ. Уже не закалаемъ бѣсамъ другъ друга; но Христосъ за насъ закалаемъ бываетъ. Уже не кровь жертвъ вкушая, погибаемъ; но Христовой пречистой крови вкушая, спасаемся". „Всѣ страны, города и люди чтутъ и славятъ каждый своего учителя въ Православной вѣрѣ. Похвалимъ же и мы, по мѣрѣ малыхъ силъ нашихъ, великія и дивныя дѣла нашего учителя и наставника, великаго кагана нашей земли,

Владиміра, внука стараго Игоря, сына славнаго Святослава, которые своею храбростью и мужествомъ прославились во многихъ странахъ и нынѣ поминаются со славою". Особенно живая картина заключается въ слѣдующемъ описаніи Руси послѣ крещенія: „Тогда солнце Евангельское освѣтило нашу землю, капища разрушились, церкви поставляются, идолы сокрушаются и иконы святыхъ являются; монастыри стали на горахъ; апостольская труба и евангельскій громъ огласилъ всѣ грады; ѳиміамъ, возносимый Богу, освятилъ воздухъ; мужи и жены, малые и большіе, всѣ люди, наполнивъ церкви, восславили Бога". Похвалу Владиміру Иларіонъ оканчиваетъ похвалою своему покровителю Ярославу, который довершилъ великое дѣло, начатое отцомъ. Кромѣ блестящей картины, начертанной авторомъ, изъ его произведенія мы видимъ, какъ уже съ самаго водворенія христіанской религіи на Руси, духовенство поддерживаетъ священное значеніе княжеской власти, находя въ ней опору своему высокому положенію и призванію. Русская церковь усвоиваетъ себѣ отличительную черту церкви Греческой отъ Латинской: безпритязательность первой на господство свѣтское и смиреніе передъ властію гражданскою или государственною. Да иначе и быть не могло при слабости ѳеократическаго начала, обнаруженной еще въ языческій періодъ, и при исконномъ, довольно широкомъ развитіи княжеской власти у Русскаго народа.

Въ XI вѣкѣ не одинъ Иларіонъ прославлялъ великія дѣла Владиміра. Этотъ князь вообще сдѣлался любимымъ героемъ нашей народной и книжной словесности. Отъ эпохи первыхъ Ярославичей до насъ дошла еще „Похвала князю Владиміру", сочинитель которой называетъ себя Іаковомъ Мнихомъ. Полагаютъ, что это былъ тотъ самый пресвитеръ Іаковъ, инокъ печерскій, котораго Ѳеодосій при своей кончинѣ предлагалъ наречь себѣ преемникомъ; но братія отвѣчала, что онъ постриженъ не въ Печерскомъ монастырѣ, и пожелала имѣть игумномъ Стефана, ученика и постриженника Ѳеодосіева. Знаменитый игуменъ печерскій самъ любилъ заниматься книжнымъ дѣломъ, и писалъ поученія. До насъ не дошло ни одного изъ

обличительныхъ посланій къ великому князю Святославу, о которыхъ упоминаетъ Житіе Өеодосія. Но мы имѣемъ нѣсколько его поученій, обращенныхъ преимущественно къ монастырской братіи, каковы наставленія о любви къ Богу, о милостыни, терпѣніи, трудахъ и пр. Въ нѣкоторыхъ поученіяхъ своихъ онъ, какъ строгій аскетъ, сильно вооружается противъ пьянства, распущенныхъ нравовъ, суевѣрій и разныхъ игрищъ, оставшихся отъ язычества. „Несть ли поганый (языческій) обычай—восклицаетъ онъ: кто повстрѣчаетъ на дорогѣ чернеца или черницу, свинью или лысаго коня, то возвращается назадъ? Другіе вѣрятъ въ чохъ, въ волхвованіе, или занимаются ростомъ, воровствомъ, скоморошествомъ, гуслями, сопѣлями и вообще неподобными дѣлами“. „Или, когда мы стоимъ въ церкви, то можно ли смѣяться и шептаться? Все это заставляетъ васъ дѣлать окаянный діаволъ“. Өеодосій между прочимъ, въ отвѣтъ на собственный запросъ великаго князя Изяслава, написалъ къ нему посланіе о Варяжской или Латинской вѣрѣ; въ чемъ предварилъ упомянутыхъ выше митрополитовъ Іоанна и Никифора. Онъ также исчисляетъ отличія Латинской церкви; но вооружается противъ нихъ еще съ большею энергіей; также охуждаетъ брачные союзы русскихъ государей съ западными, и вообще совѣтуетъ православнымъ избѣгать общенія съ латинами ([57]).

Отъ поученій и наставленій, какъ вести себя доброму христіанину, истинному сыну Православной церкви, книжная словесность наша естественно должна была переходить къ живымъ примѣрамъ, къ изображенію тѣхъ мужей, которые пріобрѣли славу мучениковъ, подвижниковъ, вообще людей святыхъ, угодившихъ Богу. Отсюда въ древнерусской словесности очень рано развился богатый отдѣлъ, посвященный жизнеописанію и прославленію подобныхъ мужей. Рядомъ съ переводными житіями святыхъ общехристіанскихъ и преимущественно греческихъ, начали появляться сказанія и о русскихъ угодникахъ. Въ этомъ отношеніи первое мѣсто принадлежитъ все той же Печерской обители. Ея необычайное начало и процвѣтаніе постоянно склоняли мысли печерскихъ иноковъ къ ея славнымъ

основателямъ и устроителямъ, Антонію и Ѳеодосію, а также къ ихъ ближайшимъ послѣдователямъ. Расказы объ этихъ мужахъ сдѣлались однимъ изъ любимѣйшихъ предметовъ чтенія и списыванія въ древней Россіи. Во главѣ такихъ произведеній стоитъ „Житіе преподобнаго отца нашего Ѳеодосія, игумена Печерскаго". Подобно твореніямъ митрополита Иларіона оно отличается прекраснымъ языкомъ, толковымъ изложеніемъ и обнаруживаетъ несомнѣнный литературный талантъ его сочинителя. А сочинителемъ этого житія былъ печерсній инокъ Несторъ. О немъ мы знаемъ только то немногое, что онъ самъ мимоходомъ замѣчаетъ о себѣ въ этомъ Житіи Ѳеодосія. А именно, Несторъ вступилъ въ Печерскій монастырь при преемникѣ Ѳеодосіевомъ Стефанѣ, былъ имъ постриженъ и возведенъ въ дьяконскій санъ. Ѳеодосія онъ не зналъ лично; но большинство иноковъ еще находилось подъ живымъ впечатлѣніемъ этого необыкновеннаго человѣка, и монастырь былъ полонъ расказами о его дѣятельности. Вдохновенный этими расказами и тѣмъ глубокимъ уваженіемъ, которымъ была окружена память о св. игуменѣ, Несторъ рѣшился описать его житіе. Оно указываетъ на нѣкоторыхъ изъ братіи, которые помогали ему своими воспоминаніями. Главнымъ источникомъ для него служили бесѣды Ѳеодора, который исполнялъ должность келаря при Ѳеодосіѣ. Этому Ѳеодору, по словамъ Нестора, мать Ѳеодосія сама расказывала исторію своего сына до его бѣгства изъ Курска въ Кіевъ. Нѣкоторыя подробности о св. игуменѣ сообщилъ Нестору инокъ Иларіонъ, который былъ искусенъ въ книжномъ дѣлѣ, и часто занимался перепискою книгъ въ келліи самаго Ѳеодосія, т. е. подъ его непосредственнымъ надзоромъ. Поминаетъ онъ о расказахъ и другихъ иноковъ, которыхъ не называетъ по имени. Очевидно самъ Ѳеодосій, любившій книжное дѣло, своимъ примѣромъ и поощреніемъ много содѣйствовалъ тому литературному направленію, которое мы встрѣчаемъ въ Печерской обители преимущественно передъ другими русскими монастырями того времени. Любовь къ книжному дѣлу можетъ быть имѣла нѣкоторое вліяніе и на сочувствіе Ѳеодосія къ Студійскому монастырю предпочтительно передъ другими

греческими обителями, потому что въ немъ кромѣ общежитія процвѣтала и литературная дѣятельность. Когда Несторъ приступилъ къ Житію Ѳеодосія, онъ уже достаточно былъ подготовленъ къ своей задачѣ, достаточно опытенъ въ сочинительствѣ. Въ предисловіи къ этому труду онъ замѣчаетъ, что Господь уже сподобилъ его написать „О житіи, убіеніи и чудесахъ святыхъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба". Эти князья-мученики, какъ сказано выше, сдѣлались также однимъ изъ любимѣйшихъ предметовъ древнерусскихъ сказаній; не одинъ Несторъ описывалъ житіе братьевъ-мучениковъ и главнаго устроителя Печерской обители; но ему принадлежитъ починъ въ томъ и другомъ случаѣ. Въ сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ онъ также называетъ себя „грѣшнымъ" Несторомъ и упоминаетъ о себѣ какъ о сочинителѣ, который тщательно распрашивалъ людей знающихъ и собиралъ расказы о свв. братьяхъ ([58]).

По всѣмъ признакамъ эти два произведенія, исполненныя высокихъ достоинствъ, доставили Нестору уваженіе современниковъ и прочную память въ потомствѣ. Можетъ быть, онъ написалъ и еще что либо, до насъ недошедшее. Во всякомъ случаѣ его авторскою славою преимущественно можно объяснять то обстоятельство, что въ послѣдствіи съ его именемъ стали связывать такой важный памятникъ древнерусской словесности, какъ начальная Русская лѣтопись; хотя она ему не принадлежала.

Наши лѣтописи возникли при непосредственномъ участіи самихъ русскихъ князей. Извѣстно, что уже сынъ перваго христіанскаго князя въ Кіевѣ, Ярославъ, отличался любовью къ просвѣщенію книжному, собиралъ около себя переводчиковъ и писцевъ; заставлялъ переводить съ греческаго или переписывать уже готовые славяно-болгарскіе переводы. Тутъ надобно разумѣть переводы Св. писанія, творенія отцовъ церкви, а также византійскіе хронографы. Объ усердіи Ярослава къ успѣхамъ словесности Русской свидѣтельствуетъ и покровительство, оказанное имъ такому даровитому писателю какъ Иларіонъ, его волею возвышенный въ санъ митрополита. У насъ повторилось тоже явленіе какъ въ Дунайской Болгаріи:

Борисъ крестился со всею Болгарскою землею; а при сынѣ его книголюбцѣ Симеонѣ началось уже процвѣтаніе болгарской книжной словесности. Сыновья Ярослава продолжали дѣло отца. По крайней мѣрѣ извѣстно, что Святославъ Ярославичъ имѣлъ у себя уже значительное книгохранилище, отъ котораго дошелъ извѣстный подъ его именемъ Сборникъ. Дьякъ Іоаннъ, переписавшій этотъ сборникъ съ болгарской рукописи для Святослава Ярославича, замѣтилъ объ этомъ князѣ въ своемъ послѣсловіи, что онъ „божественными книгами *исполнилъ* свои полати". Князьямъ подражали и нѣкоторые ихъ бояре. Отъ той же эпохи сохранился у насъ списокъ евангелія, извѣстный подъ именемъ „Остроміровa". Онъ былъ написанъ по заказу Остроміра, бывшаго родственникомъ великому князю Изяславу Ярославичу и его посадникомъ въ Новѣгородѣ, какъ о томъ замѣтилъ въ послѣсловіи самъ списатель какой то дьяконъ Григорій.

Особенно прилежавшимъ книжному просвѣщенію является внукъ Ярослава Владиміръ Мономахъ, который и самъ былъ авторомъ. До насъ дошли два его произведенія: краснорѣчивое письмо къ Олегу Святославичу по поводу своего сына Изяслава, павшаго въ бою, и знаменитое Поученіе, обращенное къ дѣтямъ. Если бы оба эти произведенія и были написаны съ помощью кого либо изъ близкихъ ему духовныхъ лицъ, во всякомъ случаѣ значительная доля творчества несомнѣнно принадлежитъ здѣсь самому князю. Участіе Владиміра Мономаха въ дѣлѣ русской словесности яснѣе всего подтверждается тѣмъ, что именно во время его кіевскаго княженія и конечно не безъ его содѣйствія былъ составленъ нашъ первый лѣтописный сводъ. Нѣтъ сомнѣнія, что начатки лѣтописнаго дѣла на Руси относятся ко времени болѣе раннему, и по всей вѣроятности къ эпохѣ книголюбца Ярослава. Краткія замѣтки о важныхъ событіяхъ военныхъ, о рожденіи и смерти князей, о построеніи важнѣйшихъ храмовъ, о солнечныхъ затмѣніяхъ, о голодѣ, морѣ и т. п. могли быть заносимы въ такъ наз. Пасхальныя таблицы. Изъ этихъ таблицъ развились лѣтописи на западѣ; такъ было и у насъ. Пасхальныя таблицы перешли къ намъ конечно изъ Византіи съ

ихъ лѣтосчисленіемъ по индиктамъ, съ солчечнымъ кругомъ и т. п. Упомянутыя замѣтки, какъ и въ Западной Европѣ, вели у насъ грамотные монахи при главныхъ епископскихъ храмахъ или въ тишинѣ монастырскихъ келлій. Съ развитіемъ грамоты сама собою явилась на Руси потребность объяснить, откуда взялись русскіе князья старые и увѣковѣчить дѣла князей современныхъ: явилась потребность въ исторической словесности. Переводные византійскіе хронографы или обозрѣнія всемірной исторіи послужили ближайшими образцами для нашей лѣтописи. Такая лѣтопись естественно должна была явиться въ средоточіи Русской земли, вблизи главнаго русскаго князя, т. е. въ стольномъ Кіевѣ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ столицы далѣе за Печерскою обителью, на крутомъ берегу Днѣпра находился Михайловскій монастырь Выдубецкій, которому особенно покровительствовалъ великій князь Всеволодъ Ярославичъ, отецъ Мономаха. Между прочимъ онъ построилъ здѣсь каменный храмъ св. Михаила. Послѣ Всеволода этотъ монастырь пользовался особымъ уваженіемъ и покровительствомъ со стороны его потомства. Когда Владиміръ Мономахъ утвердился на Кіевскомъ столѣ, игумномъ Выдубецкаго монастыря былъ Сильвестръ. Ему то и принадлежитъ начало нашихъ лѣтописныхъ сводовъ или такъ наз. *Повѣсть временныхъ лѣтъ*, которая взяла на себя задачу расказать: „откуда пошелъ Русскій народъ, кто въ Кіевѣ сперва княжилъ и какъ установилась Руская земля". Авторъ Повѣсти очевидно владѣлъ навыкомъ въ книжномъ дѣлѣ и замѣчательнымъ дарованіемъ. Въ основу своего труда онъ положилъ византійскаго хронографа Георгія Амартола, жившаго въ IX вѣкѣ, и его продолжателей, имѣя подъ рукою славноболгарскій переводъ этого хронографа. Отсюда Сильвестръ между прочимъ заимствовалъ описаніе разныхъ народовъ и языковъ, населившихъ землю послѣ потопа и столпотворенія Вавилонскаго. Отсюда же онъ взялъ извѣстіе о первомъ нападеніи Руси на Царьградъ въ 865 г. и о нападеніи Игоря въ 941. Повѣсть нерѣдко украшается текстами и большими выписками изъ Св. писанія, изъ сборниковъ ветхо-

завѣтныхъ сказаній (т. е. изъ Палеи), изъ нѣкоторыхъ церковныхъ писателей греческихъ (напр. Меѳодія Патарскаго и Михаила Синкела) и писателей русскихъ (напр. Ѳеодосія Печерскаго), а также изъ сочиненій славяноболгарскихъ (напр. изъ Житія Кирилла и Меѳодія); что свидѣтельствуетъ о довольно обширной начитанности автора и его подготовкѣ къ своему дѣлу. Расказы о первыхъ временахъ наполнены легендами и баснями, какъ это бываетъ въ начальной исторіи всякаго народа; но чѣмъ ближе къ своему времени, тѣмъ Повѣсть становится полнѣе, достовѣрнѣе, обстоятельнѣе. Достовѣрность ея конечно усиливается со времени окончательнаго водворенія христіанства въ Кіевской землѣ, особенно со времени Ярослава, когда грамота стала развиваться на Руси и когда начались упомянутыя выше замѣтки при Пасхальныхъ таблицахъ. Слѣды этихъ таблицъ видны въ томъ, что лѣтописецъ, расказывая событія по годамъ, обозначаетъ и такіе годы, происшествія которыхъ ему остались неизвѣстны или въ которые ничего замѣчательнаго не случилось. Для XI вѣка ему служили еще воспоминанія старыхъ людей. Сильвестръ самъ указываетъ на одного изъ такихъ стариковъ, именно на кіевскаго боярина Яна Вышатича, того самаго, который былъ другомъ Ѳеодосія Печерскаго и скончался въ 1106 г. девяноста лѣтъ отъ роду. Приводя извѣстіе о его кончинѣ, сочинитель Повѣсти замѣчаетъ: „многое слышанное отъ него я внесъ въ эту лѣтопись“. Исторія второй половины XI вѣка и начала XII-го совершалась на глазахъ самаго автора. Его добросовѣстное отношеніе къ своему дѣлу видно изъ того, что расказы объ этомъ времени онъ старался собирать изъ первыхъ рукъ, т. е. распрашивалъ по возможности очевидцевъ и участниковъ. Таковы, напримѣръ, свидѣтельства какого то печерскаго инока о св. игумнѣ Ѳеодосіѣ, объ открытіи и перенесеніи его мощей изъ пещеры въ храмъ Успенія, повѣствованіе какого то Василія объ ослѣпленіи и содержаніи подъ стражею Василька Ростиславича, и т. п.

Владиміръ Мономахъ по всей вѣроятности не только поощрялъ составленіе этой лѣтописи; но можетъ быть и

самъ помогалъ автору сообщеніемъ свѣденій и источниковъ. Этимъ обстоятельствомъ можно объяснить, напримѣръ, занесеніе въ лѣтопись его письма къ Олегу Святославичу и Поученія своимъ дѣтямъ, а также извѣстные договоры съ Греками Олега, Игоря и Святослава, договоры, славянскіе переводы которыхъ хранились конечно при Кіевскомъ дворѣ. Возможно также, что не безъ его вѣдома и одобренія занесена на первыя страницы лѣтописи и извѣстная басня о томъ, что Русь призвала изъ заморя трехъ варяжскихъ князей для водворенія порядка въ своей обширной землѣ. Когда и какъ впервые была пущена въ ходъ эта басня, конечно навсегда останется неизвѣстнымъ; но появленіе ея во второй половинѣ XI-го или въ первой XII вѣка достаточно объясняется обстоятельствами того времени. Въ исторіи нерѣдко встрѣчается наклонность государей выводить свой родъ отъ знатныхъ иноземныхъ выходцевъ, отъ княжескаго племени другой земли, даже отъ племени незначительнаго, но почему либо сдѣлавшагося знаменитымъ. Этому тщеславному желанію вѣроятно не были чужды и русскіе князья того времени и можетъ-быть самъ Мономахъ. Мысль о варяжскомъ происхожденіи русскаго княжескаго дома весьма естественно могла возникнуть въ тѣ времена, когда въ Европѣ еще гремѣла слава норманскихъ подвиговъ и завоеваній; когда цѣлое Англійское королевство сдѣлалось добычею норманскихъ витязей, а въ южной Италіи основано ими новое королевство, откуда они громили Византійскую имперію; когда на Руси еще живы были воспоминанія о тѣсныхъ связяхъ Владиміра и Ярослава съ Варягами, о храбрыхъ варяжскихъ дружинахъ, сражавшихся во главѣ ихъ ополченій. Наконецъ такая мысль естественнѣе всего могла возникнуть при сыновьяхъ и внукахъ честолюбивой и умной норманнской принцессы Ингигерды, супруги Ярослава. Можетъ быть, эта мысль первоначально явилась не безъ участія обрусѣвшихъ сыновей или потомковъ тѣхъ норманнскихъ выходцевъ, которые дѣйствительно нашли свое счастье въ Россіи. Примѣръ такихъ знатныхъ выходцевъ представляетъ Шимонъ, племянникъ того варяжскаго князя Якуна, который былъ

союзникомъ Ярослава въ войнѣ съ Мстиславомъ Тмутраканскимъ. Изгнанный изъ отечества своимъ дядею, Шимонъ со многими единоземцами прибылъ въ Россію, вступилъ въ русскую службу и принялъ православіе; въ послѣдствіи онъ сдѣлался первымъ вельможею Всеволода Ярославича и богатыми приношеніями помогалъ при построеніи печерскаго храма Богородицы. А сынъ его Георгій при Мономахѣ былъ намѣстникомъ въ Ростовѣ. Въ эпоху лѣтописца еще продолжались дружественныя и родственныя связи Русскаго княжескаго дома съ норманскими государями. Самъ Владиміръ Мономахъ имѣлъ въ первомъ бракѣ Гиду, дочь англійскаго короля Гарольда; старшій сынъ ихъ Мстиславъ былъ женатъ на Христинѣ, дочери шведскаго короля Инга Стенкильсона; двѣ внучки Владиміра выданы за скандинавскихъ принцевъ.

Когда Сильвестръ принялся за свой лѣтописный трудъ, уже два съ половиною вѣка прошло отъ перваго нападенія Руси на Константинополь, упомянутаго въ хроникѣ Амартола. Съ этого нападенія лѣтописецъ собственно и начинаетъ свою „Повѣсть временныхъ лѣтъ". Но, согласно съ наивными понятіями и литературными пріемами той эпохи, онъ предпослалъ этому историческому событію нѣсколько басенъ, какъ бы объясняющихъ предыдущія судьбы Руси. Между прочимъ онъ расказываетъ кіевское преданіе о трехъ братьяхъ Кіѣ, Щекѣ и Хоревѣ, княжившихъ когда то въ землѣ Полянъ и основавшихъ Кіевъ; а рядомъ съ нимъ поставилъ сказаніе — котораго первое зерно по всей вѣроятности пришло изъ Новгорода—сказаніе о трехъ братьяхъ Варягахъ, призванныхъ изъ за моря въ Новогородскую землю. Этотъ домыселъ очевидно еще не былъ тогда общеизвѣстнымъ преданіемъ: на него не встрѣчаемъ намека ни въ одномъ изъ другихъ произведеній Русской словесности того времени. Но въ послѣдствіи ему особенно посчастливилось. Сказаніе расширялось и видоизмѣнялось; такъ что у позднѣйшихъ составителей лѣтописныхъ сводовъ уже не Русь и Славяне Новогородскіе призываютъ къ себѣ варяжскихъ князей, какъ это было у перваго лѣтописца; а Славяне, Кривичи и Чудь призываютъ Варяговъ—Русь, т. е. уже весь великій Рус-

скій народъ причисленъ къ Варягамъ и является въ Россію подъ видомъ какой то пришлой изъ за моря княжеской свиты. Въ такомъ искаженіи первоначальной легенды виновны конечно невѣжество и небрежность позднѣйшихъ списателей Сильвестра. Сильвестръ окончилъ свою Повѣсть въ 1116 году. Владиміръ Мономахъ очевидно былъ доволенъ его трудомъ: спустя два года, онъ велѣлъ поставить его епископомъ своего наслѣдственнаго города Переяславля, гдѣ Сильвестръ и скончался въ 1123 году (59).

Почти въ одно время съ Повѣстью временныхъ лѣтъ игумена Сильвестра написано произведеніе другаго русскаго игумена, Даніила, именно: *Хожденіе въ Іерусалимъ.* Мы видѣли, что паломничество или обычай ходить на поклоненіе святымъ мѣстамъ возникъ на Руси вслѣдъ за водвореніемъ христіанской религіи. Уже въ XI вѣкѣ, когда Палестина находилась подъ властью Турокъ Сельджуковъ, русскіе паломники проникали туда и терпѣли тамъ притѣсненія наравнѣ съ прочими христіанскими пилигримами. Число ихъ увеличилось съ начала XII вѣка, когда крестоносцы завоевали Святую землю и основали тамъ королевство. Занятые борьбою съ другими Турками, т. е. съ Половцами, наши князья не участвовали въ крестоносныхъ походахъ; тѣмъ не менѣе русскіе люди сочувствовали великому движенію западныхъ народовъ противъ невѣрныхъ. Сочувствіе это отразилось и въ запискахъ Даніила о своемъ хожденіи. Онъ именуетъ себя просто русскимъ игуменомъ, не называя своего монастыря; судя по нѣкоторымъ его выраженіямъ полагаютъ, что онъ былъ изъ Черниговской области. Даніилъ не одинъ посѣтилъ Святую землю; онъ упоминаетъ о цѣлой *дружинѣ* русскихъ паломниковъ и нѣкоторыхъ называетъ по именамъ. Все его сочиненіе дышетъ глубокою вѣрою и благоговѣніемъ къ священнымъ предметамъ, которые онъ удостоился видѣть. Онъ съ похвалою говоритъ о королѣ іерусалимскомъ Балдуинѣ, который оказалъ вниманіе русскому игумену и позволилъ ему поставить на Гробѣ Господнемъ кандило за русскихъ князей и за всю Русскую землю. Въ числѣ князей, которыхъ имена нашъ игуменъ

записалъ для молитвы объ ихъ здравіи въ Лаврѣ св. Савы, гдѣ онъ имѣлъ пріютъ, первое мѣсто занимаютъ: Святополкъ—Михаилъ, Владиміръ (Мономахъ)—Василій, Олегъ—Михаилъ и Давидъ Святославичи (60).

Къ эпохѣ Ярослава, его сыновей и внуковъ относится весьма важный памятникъ гражданскаго состоянія Руси въ тѣ времена. Это такъ называемая *Русская Правда* или первое записанное собраніе нашихъ древнѣйшихъ законовъ. У Русскихъ, какъ и вездѣ, основою законодательства послужили установившіеся обычаи и отношенія. Первые сборники законовъ отвѣчали обыкновенно на потребности суда и расправы, какъ самыхъ необходимыхъ условій сколько нибудь устроеннаго человѣческаго общества. Главнѣйшая общественная потребность состоитъ въ томъ, что бы оградить безопасность личную и имущественную; а потому всякое древнее законодательство носитъ характеръ по преимуществу уголовный, т. е. прежде всего опредѣляетъ наказанія и пени за убійство, побои, раны, воровство и другія преступленія противъ личности или собственности.

Начало Русской Правды восходитъ ко временамъ болѣе древнимъ, чѣмъ княженіе Ярослава. Уже при первомъ исторически извѣстномъ кіевскомъ князѣ, при Олегѣ, встрѣчаются указанія на статьи *Русскаго закона*, именно въ договорѣ съ Греками. Такія же указанія повторяются и въ договорѣ Игоря. Ярославъ, извѣстный своею любовью къ земскому устроенію и книжному дѣлу, повидимому велѣлъ собрать вмѣстѣ правила и обычаи, относящіяся къ судопроизводству, и составить письменный сводъ для руководства судьямъ на будущее время. Первая статья этого свода опредѣляетъ пеню за самое важное преступленіе, за убійство. Эта статья представляетъ явный переходъ отъ состоянія варварскаго, почти первобытнаго, къ состоянію болѣе гражданственному. У Руссовъ, какъ и у другихъ народовъ, находившихся на низкихъ ступеняхъ общественнаго развитія, личная безопасность ограждалась преимущественно обычаемъ родовой мести, т. е. обязанностью за смерть родственника мстить смертью убійцы.

Съ принятіемъ христіанства и успѣхами гражданственности эта статья естественно должна была подвергнуться смягченію или измѣненію, что и совершилось не вдругъ, а весьма постепенно; ибо обычай кровавой мести такъ внѣдрялся въ народные нравы, что искоренить его было нелегко. Владиміръ Великій, по извѣстію лѣтописи, уже колеблется между смертною казнію и вирою. Послѣ своего крещенія, подъ вліяніемъ новой религіи, онъ по видимому отмѣнилъ смертную казнь и право кровавой мести, а положилъ за убійство денежную пеню или виру; потомъ, когда умножились разбои, по совѣту самихъ епископовъ, началъ казнить смертью разбойниковъ; а подъ конецъ опять отмѣнилъ казнь и приказалъ взыскивать виру.

Ярославъ въ первой статьѣ Русской Правды дозволилъ за убійство кровавую месть, но только близкимъ родственникамъ, именно сыновьямъ, братьямъ и племянникамъ. Если же местниковъ не было (за неимѣніемъ близкихъ родственниковъ или за ихъ отказомъ отъ кровавой мести), то убійца долженъ платить извѣстную виру. Но и это исключеніе для близкихъ степеней родства существовало только до сыновей Ярослава. Послѣ него Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ собрались для общаго совѣта о строеніи земскомъ вмѣстѣ съ своими главными боярами; тутъ были тысяцкіе, кіевскій Коснячко, черниговскій Перенѣгъ и переяславскій Никифоръ, кромѣ того бояре Чудинъ и Микула. Они пересмотрѣли Русскую Правду, дополнили ее новыми статьями, и между прочимъ совсѣмъ отмѣнили право кровавой мести, замѣнивъ ее вирою во всѣхъ случаяхъ для свободнаго человѣка. Владиміръ Мономахъ вскорѣ по своемъ утвержденіи въ Кіевѣ приступилъ къ новому пересмотру Русской Правды, вызванному конечно новыми обстоятельствами и развивавшимися потребностями. Въ своемъ загородномъ дворѣ на Берестовѣ онъ по обычаю для совѣта о такомъ важномъ дѣлѣ, призвалъ своихъ тысяцкихъ, Ратибора кіевскаго, Прокопія бѣлогородскаго, Станислава переяславскаго, бояръ Нажира и Мірослава. Кромѣ того на этомъ совѣтѣ присутствовалъ Иванко Чудиновичъ, бояринъ Олега Святославича. Важнѣйшее дополненіе Владиміра, кажется, относилось къ уставу о

рѣзахъ или ростѣ; не забудемъ, что по смерти Святополка Михаила Кіевляне подняли мятежъ и разграбили именно Евреевъ, конечно возбудившихъ къ себѣ ненависть своимъ обычнымъ лихоимствомъ. Дополненія и перемѣны въ Русской Правдѣ продолжались и послѣ Мономаха; но основныя ея части оставались тѣже.

Посмотримъ теперь, въ какомъ видѣ являются передъ нами общественныя понятія и отношенія нашихъ предковъ на основаніи Русской Правды.

Во главѣ всей Русской земли стоитъ великій князь Кіевскій. Онъ заботится о земскомъ строѣ, установляетъ судъ и расправу. Онъ окруженъ боярами или старшею дружиною, съ которою совѣтуется о всѣхъ важныхъ дѣлахъ, подтверждаетъ старые уставы или производитъ въ нихъ перемѣны. Въ дѣлахъ земскихъ онъ особенно совѣтуется съ *тысяцкими*; ихъ названіе указываетъ на существовавшее когда то военно-народное дѣленіе по тысячамъ и сотнямъ; но въ данную эпоху, по всѣмъ признакамъ, это были главные земскіе сановники, назначаемые изъ заслуженныхъ бояръ и помогавшіе князю въ управленіи; *тысяча* обозначала уже не столько числительное дѣленіе, сколько земское или волостное. Иногда великій князь для рѣшенія важнѣйшихъ земскихъ дѣлъ собираетъ старшихъ между удѣльными князьями, какъ, напримѣръ, Изяславъ I и Святополкъ II. Но Ярославъ и Владиміръ Мономахъ, умѣвшіе на дѣлѣ быть главою княжескаго дома, издаютъ уставы для всей Русской земли, не спрашивая непремѣннаго согласія князей удѣльныхъ.

Мѣстомъ для суда служитъ дворъ князя, а въ областныхъ городахъ дворъ его намѣстника; судъ производитъ князь лично или чрезъ своихъ тіуновъ. Въ опредѣленіи разныхъ степеней наказанія ясно видно раздѣленіе народа на три состоянія или на три сословія: дружину княжескую, смердовъ и холоповъ. Главную массу населенія составляли *смерды*; это было общее названіе для свободныхъ жителей городовъ и селъ. Другое общее названіе для нихъ было *люди*, въ ед. числѣ *людинъ*. За убійство людина платилась вира или пеня, опредѣленная въ 40 гривенъ. Высшее состояніе составляло военное сосло-

віе или княжая дружина. Но и послѣдняя имѣла разныя степени. Простые дружинники носили названія *дѣтскихъ*, *отроковъ*, *гридей и мечниковъ*; за убійство такого простаго дружинника назначалась обыкновенная вира, какъ за купца или другаго смерда, т. е. 40 гривенъ. Старшіе дружинники были люди приближенные къ князю, его бояре или, какъ они названы въ Русской Правдѣ, *княжіе мужи*. За убійство такого мужа назначена двойная вира, т. е. 80 гривенъ. Судя по этой двойной вирѣ, къ „княжимъ мужамъ“ Правда относитъ и главныхъ княжихъ слугъ или челядинцевъ, исправлявшихъ должности судей, домоправителей, сельскихъ старостъ, старшихъ конюховъ и т. п. Дорогобужцы какъ то при Изяславѣ Ярославичѣ убили тіуна конюшаго, состоявшаго при табунѣ великаго князя; послѣдній наложилъ на нихъ двойную виру; этотъ примѣръ обращенъ въ правило при подобныхъ случаяхъ и на будущее время.

Рядомъ съ свободнымъ населеніемъ въ городахъ и селахъ жили несвободные люди, носившіе названія *холоповъ*, *челяди* и *рабовъ*. Первоначальнымъ источникомъ рабства въ древней Россіи, какъ вездѣ, служила война, т. е. плѣнныхъ обращали въ рабовъ, и продавали наравнѣ со всякой другой добычей. Русская Правда опредѣляетъ еще три случая, когда свободный человѣкъ становился полнымъ или *обѣльнымъ* холопомъ: кто купленъ при свидѣтеляхъ, кто женится на рабѣ безъ ряда или договора съ ея господиномъ и кто пойдетъ безъ ряда въ тіуны или ключники. Холопъ не имѣлъ никакихъ гражданскихъ правъ и считался полною собственностію своего господина: за убійство холопа или рабы виры не полагалось; но если кто убьетъ чужаго холопа неповинно, то долженъ былъ заплатить господину стоимость убитаго и князю 12 гривенъ такъ наз. *продажи* (т. е. пени или штрафа). Кромѣ полныхъ холоповъ существовало еще сословіе полусвободное, *наймиты* или *закупни*; это были работники, нанимавшіеся на извѣстный срокъ. Если работникъ, взявъ деньги впередъ, убѣгалъ отъ господина, тогда онъ обращался въ полнаго или обѣльнаго холопа.

Если убійца скроется, то виру должна была выплачивать

вервь, т. е. община, и такая вира называлась *дикою*. Затѣмъ опредѣляются пени за раны и побои. Напримѣръ, за отсѣченіе руки или другое важное увѣчье полвиры, т. е. 20 гривенъ, въ княжую казну; а изувѣченному 10 гривенъ; за ударъ палкою или мечемъ необнаженнымъ 12 гривенъ и т. д. О воровствѣ обиженный прежде всего долженъ объявить на торгу; если же не объявилъ, то нашедши свою вещь, не можетъ взять ее самъ, а долженъ вести на *сводъ* человѣка, у котораго нашелъ ее, т. е. отыскивать вора, постепенно переходя къ каждому, отъ кого была пріобрѣтена вещь. Если не найдутъ вора и вервь или община не окажетъ при этомъ всей нужной помощи, то она должна платить за украденную вещь. Воръ, пойманный на мѣстѣ преступленія ночью, могъ быть убитымъ безнаказанно „замѣсто пса"; но если хозяинъ продержалъ его до утра или связалъ, то долженъ уже вести его на княжій дворъ, т. е. представить на судъ. Для доказательства преступленія истецъ обязанъ былъ представлять *видоковъ* и *послуховъ*, т. е. свидѣтелей; кромѣ свидѣтелей требовалась *рота* или присяга. Если же не было представлено ни свидѣтелей, ни ясныхъ доказательствъ преступленія, то употреблялось испытаніе раскаленнымъ желѣзомъ и водою.

За маловажныя преступленія виновный платилъ *продажу* или пеню въ княжую казну; а болѣе важныя, каковы разбой, коневая татьба и зажигательство, вели за собою *потокъ* или изгнаніе и *разграбленіе* имущества. Часть виръ и продажъ назначалась княжимъ слугамъ, помогавшимъ производить судъ и расправу и носившимъ названіе *вирниковъ*, *метельниковъ*, *ябетниковъ* и пр. Въ областяхъ при производствѣ суда и слѣдствія эти княжіе слуги и ихъ кони содержались на счетъ жителей. Рѣзы или проценты разрѣшаются мѣсячные и третные, первые только при займахъ на короткое время; за слишкомъ большіе рѣзы ростовщикъ могъ быть лишенъ своего капитала. Дозволенные рѣзы простирались до 10 кунъ на гривну въ годъ, т. е. до 20 процентовъ.

На ряду съ земледѣліемъ скотоводство, охота и бортный или пчелиный промыселъ также имѣли важное мѣсто въ русскомъ хозяйствѣ того времени. За воровство или

порчу всякой скотины установлена особая пеня, именно за кобылу, вола, корову, свинью, барана, овцу, козу и пр. Особенная забота видна о коняхъ. Коневый тать выдавался князю на потокъ; между тѣмъ какъ клѣтной тать платилъ князю 3 гривны пени. Если кто на чужаго коня только сядетъ безъ спросу хозяина, то наказывался тремя гривнами пени. За перекопаніе межи, бортной и ролейной (пашенной), назначено 12 гривенъ продажи; столько же за срубку межеваго дуба и за стеску бортнаго знака. Пчеловодство очевидно было еще первобытное, лѣсное, и собственность обозначалась особыми знаками, зарубленными на бортяхъ, т. е. на дуплахъ, которыя служили ульями. За порчу *перевѣса* виновный платилъ хозяину гривну, да князю пени 3 гривны. Перевѣсомъ называлась сѣть, устроенная на просѣкѣ въ лѣсу или въ другомъ какомъ мѣстѣ съ особыми приспособленіями для ловли дикихъ птицъ. Жито не обмолоченное складывалось на гумнѣ, а обмолоченное пряталось въ ямы; за кражу того и другаго взыскивалось по 3 гривны и 30 кунъ продажи, т. е. пени князю; а обиженному или возвращалось украденное или платился *урокъ*, т. е. его стоимость. За сожженіе чужаго гумна или двора виновный не только платилъ пострадавшему за всю его потерю, но и самъ выдавался князю на потокъ, а домъ его на грабежъ княжимъ слугамъ.

Русская Правда свидѣтельствуетъ также о развитіи торговли, довольно значительномъ по тому времени. Она ограждаетъ, напримѣръ, купца отъ окончательнаго разоренія въ случаѣ несчастія. Если онъ потерялъ ввѣренный ему товаръ вслѣдствіе крушенія судна, вслѣдствіе войны или пожара, то не отвѣчаетъ; но если потеряетъ или испортитъ по своей винѣ, то довѣрители поступаютъ съ нимъ какъ хотятъ. Очевидно торговля на Руси велась тогда въ значительной степени на вѣру, т. е. въ кредитъ. Въ случаѣ предъявленія на купцѣ разныхъ долговъ, сначала подлежали удовлетворенію довѣрявшіе ему гости или торговцы иноземные, а потомъ уже изъ остатковъ имущества свои, туземные. Но если на комъ есть княжій долгъ, то послѣдній удовлетворялся прежде всѣхъ.

Тѣлесныя наказанія, судя по Русской Правдѣ, въ тѣ времена не допускались для свободнаго человѣка; онѣ существовали только для холоповъ. Отъ послѣднихъ свободные люди отличались еще и тѣмъ, что они носили при себѣ оружіе, по крайней мѣрѣ имѣли или могли имѣть мечъ при бедрѣ.

Права женщины по этому древнему законодательству опредѣляются недостаточно ясно; но положеніе ея вообще не было безправное. Такъ за убійство свободной женщины платится полвиры, т. е. 20 гривенъ. Наслѣдство (*задница*) смерда, неоставившаго сыновей, переходитъ къ князю, и только незамужнимъ дочерямъ выдается нѣкоторая часть. Но въ боярскомъ и вообще въ дружинномъ сословіи, если нѣтъ сыновей, то дочери наслѣдуютъ родительское имущество; при сыновьяхъ же они не наслѣдуютъ; а братья обязаны только выдать сестеръ замужъ, т. е. нести сопряженные съ тѣмъ расходы. Дѣти, рожденные отъ рабы, не наслѣдуютъ; но получаютъ свободу вмѣстѣ съ матерью. Вдовѣ идетъ только то, что мужъ ей назначилъ; впрочемъ она управляетъ домомъ и имѣніемъ малолѣтныхъ дѣтей, если не выдетъ вторично замужъ; а дѣти обязаны ей повиноваться.

Различая населеніе древней Руси по сословіямъ или по роду занятій, Русская Правда отчасти дѣлитъ его по областямъ. Такъ она различаетъ Русина и Словенина. Подъ первымъ очевидно разумѣется житель Южной Руси, особенно Приднѣпровья; а подъ вторымъ житель сѣверныхъ областей, особенно земли Новогородской. Кромѣ того Правда упоминаетъ о двухъ инородческихъ разрядахъ, именно о Варягахъ и Колбягахъ. Напримѣръ, если убѣжавшій холопъ скрылся у Варяга или Колбяга и послѣдній продержитъ его три дня не объявивъ, то платитъ три гривны хозяину холопа за обиду. По обвиненію въ дракѣ отъ Варяга или Колбяга требовалась только рота, т. е. присяга; тогда какъ туземцу надобно было представить еще двухъ свидѣтелей. Въ случаѣ *поклепной виры* (обвиненія въ убійствѣ), для туземца требовалось полное число свидѣтелей, т. е. семь, а для Варяга и Колбяга только два. Вообще въ законодательствѣ видно несомнѣнное покрови-

тельство или смягченіе условій для иноземцевъ. Статьи эти подтверждаютъ постоянное присутствіе на Руси Варяговъ въ XI и XII вв., впрочемъ со второй половины XI вѣка уже болѣе въ качествѣ торговцевъ, нежели наемныхъ воиновъ. Кто были Колбяги, въ точности еще не рѣшено. Наиболѣе вѣроятно то мнѣніе, которое разумѣетъ подъ ними юговосточныхъ инородцевъ древней Руси, извѣстныхъ отчасти подъ именемъ Черныхъ Клобуковъ.

Правда не упоминаетъ о томъ обычаѣ, который у средневѣковыхъ народовъ извѣстенъ былъ подъ именемъ „Суда Божія", т. е. о судебномъ поединкѣ. Но обычай этотъ несомнѣнно существовалъ на Руси издревле и былъ совершенно въ духѣ воинственнаго Русскаго племени. Когда двѣ тяжущіяся стороны были недовольны судебнымъ приговоромъ и не могли придти ни къ какому соглашенію, то съ дозволенія князя они рѣшали свою тяжбу мечемъ. Противники вступали въ бой въ присутствіи своихъ родственниковъ, и побѣжденный отдавался на волю побѣдителя ([61]).

Русская Правда, унаслѣдованная отъ временъ еще языческихъ, не упоминаетъ о томъ сословіи, которое въ христіанскія времена получило на Руси важное значеніе, т. е. о сословіи церковномъ, о духовенствѣ. Когда восторжествовала у насъ Греческая церковь, то и духовенство конечно устроилось по образцу греческаго. По примѣру Византіи оно облечено было разными правами и преимуществами. Оно получило также и свой судъ, руководствомъ для котораго служили славянскіе переводы греческаго *Номоканона* или *Кормчей книги*: здѣсь соединены были касавшіеся церкви уставы императорскіе съ постановленіями церковныхъ соборовъ. Владиміръ Великій издалъ уставъ, которымъ постановилъ особый церковный судъ, запретивъ вмѣшательство въ него боярамъ и вообще градскимъ судьямъ. Этотъ уставъ былъ подтвержденъ и распространенъ Ярославомъ и его преемниками. Суду митрополита и епископовъ подчинены не только всѣ лица духовныя, т. е. священники, церковнослужители и чернецы, но и люди, состоящіе подъ покровительствомъ церкви (просвирни, слѣпцы, рабы, отпущенные на волю по духовному

завѣщанію, калики, *прощеники*, т. е. получившіе чудесное исцѣленіе, и пр.). Кромѣ того духовному суду подлежали: міряне, преступившіе противъ церкви, напримѣръ виновные въ еретичествѣ, колдовствѣ, а также семейныя тяжбы и проступки противъ нравственности, каковы нарушеніе брака, оскорбленіе родителей, оскорбленіе женской чести, ссоры между близкими родственниками и пр. Нѣкоторые случаи воровства и разбоя судились сообща властями духовными и мірскими, т. е. судомъ смѣстнымъ. Наказанія и пени за преступленія, судимыя церковью, опредѣлены денежныя, также какъ въ Русской Правдѣ. Въ этомъ случаѣ народные нравы заставляли князей русскихъ отступать отъ греческаго судопроизводства, въ которомъ существовали и тѣлесныя наказанія. Виры съ церковныхъ судовъ шли въ пользу епископовъ, и слѣдовательно служили для нихъ источникомъ доходовъ. Кромѣ того на содержаніе храмовъ, монастырей и вообщ духовенства князья опредѣляли недвижимое имуществ они начали раздавать имъ не только разныя угодья (рыбныя, бортныя, луга, мельницы и т. п.), но и населенныя земли, т. е. деревни и села. А нѣкоторые князья, по примѣру Владиміра, отдѣляли церкви десятину, т. е. десятую часть изъ разныхъ своихъ доходовъ, напримѣръ, изъ даней, лововъ, стадъ, жита и пр. (62).

Духовенство не замедлило пріобрѣсти высокое положеніе въ нашемъ государственномъ и общественномъ строѣ Въ важныхъ случаяхъ князья призывали на совѣтъ н однихъ бояръ и городскихъ старцевъ, но также еписко повъ и игумновъ. Во время княжескихъ междоусобій ду ховныя лица, исполняя свое нравственное назначеніе, нерѣдко являлись посредниками въ переговорахъ враждующихъ сторонъ и ихъ примирителями. Церковная власть водворялась на Руси подъ покровительствомъ власти княжеской, и потому не могла входить въ соперничество съ этою послѣднею. Уже самое язычество Славянорусскаго племени, неуспѣвшее выработать сильнаго жреческаго сословія, показало, что въ этомъ племени было мало задатковъ для развитія ѳеократіи. Къ тому же и преданія Византійской церкви, съ ея подчиненіемъ свѣтской вла-

сти, не представляли повода для какихъ либо неумѣренныхъ притязаній со стороны церковной іерархіи. Поэтому Русское православіе уже съ самаго начала своего существованія обнаружило коренное различіе съ западнымъ католицизмомъ: оно осталось чуждо властолюбивымъ стремленіямъ папства. Находя для себя опору въ княжеской власти, церковная іерархія въ свою очередь давала этой власти религіозное освященіе въ глазахъ народа и тѣмъ содѣйствовала еще большему ея укрѣпленію. Напримѣръ, намъ неизвѣстно, какими обрядами сопровождалось посаженіе на столъ новаго князя во времена языческія; но въ эпоху христіанскую это посаженіе стало совершаться уже въ главномъ или соборномъ храмѣ стольнаго города, сопровождаемое благословеніемъ іерарховъ и молитвами всего клира. Самое христіанство, уже процвѣтавшее въ главныхъ средоточіяхъ русской жизни, еще далеко не утвердилось по всей Русской землѣ, и при утвержденіи его духовная власть находила естественную поддержку со стороны власти свѣтской. Въ этомъ отношеніи обнаружилось другое важное отличіе Русскаго православія отъ западнаго католицизма. Совокупныя усилія духовной и свѣтской власти для водворенія христіанской религіи на Руси далеко не походили на дѣйствія Латинской церкви, которая нерѣдко обращала языческіе народы мечемъ или всякаго рода насиліемъ, и воздвигала на нихъ крестовые походы. Русская церковь съ этой стороны болѣе напоминала свой первообразъ, церковь Греческую, которая единственно силою проповѣди и образовательнаго вліянія успѣла насадить свою религію у многихъ восточныхъ народовъ.

Вдали отъ главныхъ городовъ христіанство довольно медленно распространялось между племенами, вошедшими въ составъ Русской земли. Особенно упорную борьбу съ язычествомъ проповѣдники новой религіи должны были выдерживать на сѣверѣ, гдѣ въ населеніи преобладалъ финскій элементъ и гдѣ языческіе волхвы пользовались еще значительнымъ вліяніемъ на народъ. Здѣсь жители, даже принявшіе крещеніе, иногда возвращались къ своимъ языческимъ богамъ и производили мятежи, будучи

возмущаемы волхвами. При сыновьяхъ Ярослава, какъ мы видѣли, въ самомъ Новгородѣ произошло такое возмущеніе. На помощь церковной іерархіи явилась власть свѣтская: князь Глѣбъ съ дружиною защитилъ духовенство и усмирилъ мятежъ. Подобное событіе около тогоже времени совершилось и въ Ростовской области. Тамъ случился неурожай. Явились два волхва изъ Ярославля, и объявили, что они знаютъ, кто скрываетъ хлѣбъ. Почитая колдуновъ и знахарей, суевѣрный народъ особенно склоненъ приписывать чародѣйственную силу женщинамъ-вѣдьмамъ. На нихъ то и начали указывать волхвы. Они ходили по Волгѣ и Шекснѣ и называли самыхъ домовитыхъ женщинъ. Жители приводили къ нимъ своихъ матерей, сестеръ и женъ: волхвы надрѣзывали у нихъ за плечами, и показывали видъ, будто вынимаютъ оттуда хлѣбъ, медъ и рыбу. Послѣ того они убивали этихъ женщинъ, а имѣнье ихъ брали себѣ. Такимъ образомъ волхвы дошли до города Бѣлаозера, и расположились подъ лѣсомъ; около нихъ собралась толпа человѣкъ въ 300. Въ этомъ городѣ случился тогда воевода Святославовъ Янъ Вышатичъ, пріѣхавшій для сбора дани. Узнавъ, что коварные волхвы пришли изъ волости его князя и слѣдовательно его смерды, Янъ послалъ требовать отъ толпы ихъ выдачи; но получилъ отказъ. Имѣя около себя не болѣе двѣнадцати отроковъ или дружинниковъ, онъ попытался схватить ихъ силою; но волхвы скрылись въ лѣсу. Тогда воевода объявилъ Бѣлозерцамъ, что не уйдетъ отъ нихъ цѣлое лѣто, если не выдадутъ ему волхвовъ. Бѣлозерцы дѣйствительно поймали ихъ, и привели къ Яну. Затѣмъ лѣтопись передаетъ любопытную бесѣду его съ волхвами о вѣрѣ. По ихъ ученію, Богъ однажды мылся въ банѣ, и, отерши потъ ветошкою, бросилъ ее съ неба на землю; изъ этой ветошки дьяволъ сотворилъ человѣка, а Богъ вложилъ въ него душу; вотъ по чему по смерти человѣка душа его идетъ на небо къ Богу, а тѣло идетъ въ землю, къ Антихристу, который сидитъ въ безднѣ; въ этого то Антихриста или подземнаго бога они и вѣруютъ. Воевода Янъ Вышатичъ безъ сомнѣнія былъ тотъ самый, который является другомъ Θеодосія Печер-

скаго и живымъ источникомъ для лѣтописи Сильвестра Выдубецкаго; слышанное имъ языческое ученіе онъ передавалъ лѣтописцу, очевидно, примѣняясь къ христіанскимъ понятіямъ. Волхвы подверглись заслуженной участи. Янъ велѣлъ ихъ бить, выдергать у нихъ бороды и связанныхъ бросить въ лодку. На устьѣ Шексны онъ выдалъ ихъ для мести родственникамъ убитыхъ женщинъ, и тѣ повѣсили волхвовъ на дубу ([68]).

Народная масса на Руси, какъ и въ другихъ европейскихъ земляхъ, принимала христіанство болѣе внѣшнимъ образомъ, чѣмъ внутреннимъ, т. е. болѣе обряды новой религіи, нежели ея духовную сторону, и продолжала упорно хранить многія языческія преданія и обычаи. Духовенство должно было начать постоянную борьбу съ народными суевѣріями; лучшіе представители Русской церкви, какъ извѣстно, писали поученія, направленныя противъ вѣры въ волшебство и разныхъ языческихъ обычаевъ. Эти обычаи и преданія, вкоренявшіяся въ теченіе долгаго ряда вѣковъ, конечно весьма медленно уступали свое мѣсто новымъ, христіанскимъ понятіямъ. Тѣмъ не менѣе христіанство неотразимо дѣйствовало на вновь обращенный народъ. Уже самая сущность новой религіи—любовь къ ближнему столь доступная общему пониманію—и вмѣстѣ съ тѣмъ прекращеніе кровавыхъ человѣческихъ жертвъ ненасытному Перуну не могли не произвести благодѣтельнаго переворота въ народныхъ представленіяхъ о Верховномъ существѣ и не повліять на смягченіе грубыхъ, жестокихъ нравовъ.

Вмѣстѣ съ православіемъ открылся гораздо болѣе широкій путь вліянію греческой образованности на Русскій народъ. Церковь явилась сильнѣйшимъ проводникомъ этого вліянія, чѣмъ существовавшія прежде торговыя и политическія сношенія. Она принесла съ собою грамотность и развитіе книжной словесности, и слѣдовательно образовала цѣлый классъ населенія, которому сдѣлалось доступно питаніе высшими, духовными интересами. Съ другой стороны принесенное ею изящное храмовое зодчество и стройное богослуженіе наглядно и непосредственно вліяли на цѣлый народъ улучшеніемъ его вкуса и воз-

бужденіемъ художественныхъ стремленій. Наконецъ, Православная церковь, своими непреложными догматами объединяя и очищая народныя вѣрованія, видоизмѣнявшіеся по характеру племенъ и окружающей природы, подчиняла раздробленныя части Руси непосредственному вліянію одной и той же образованности, и могущественно способствовала сліянію этихъ племенъ въ одно цѣлое, въ одну великую Русскую народность.

VIII.

РАЗВИТІЕ ОБЛАСТНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ.

Мстиславъ I. Дѣла черниговскія и полоцкія. Значеніе слѣдующаго періода. Ярополкъ II. Распри въ семьѣ Мономаховичей. Борьба съ Ольговичами. Всеволодъ-Гавріилъ и Новогородцы. Всеволодъ II Ольговичъ. Его политика разъединенія. Владимірко и Галицкое княжество. Отношенія польскія. Игорь Ольговичъ въ Кіевѣ. Его пораженіе и плѣнъ.

Со смертію Владиміра почти окончилось поколѣніе внуковъ Ярослава I. Въ живыхъ оставался еще младшій изъ Святославичей, Ярославъ. Но это былъ князь непредпріимчивый, миролюбивый, который довольствовался своимъ старшинствомъ между потомками Святослава, т. е. старшимъ въ ихъ родѣ столомъ Черниговскимъ, и не думалъ объявлять какія либо притязанія на Кіевское княженіе. Поэтому старшій сынъ Мономаха Мстиславъ, при жизни отца долго княжившій въ Новгородѣ, безпрепятственно занялъ столъ Кіевскій. Это былъ достойный преемникъ своего знаменитаго предшественника, воспитанный въ его трудовой школѣ и вполнѣ способный поддержать значеніе великаго князя Кіевскаго на той высотѣ, на которой оно было поставлено. Подобно отцу, онъ умѣлъ держать въ страхѣ сосѣднихъ варваровъ и въ повиновеніи младшихъ князей, а строптивыхъ родичей строго наказывалъ.

Впрочемъ почти въ началѣ своего княженія Мстиславъ допустилъ нарушеніе обычнаго права по отношенію къ старшинству, именно въ семьѣ черниговскихъ Святославичей. Сынъ Олега Всеволодъ внезапно напалъ на дядю своего Ярослава, и отнялъ у него Черниговъ. Ярославъ

обратился къ великому князю, и напомнилъ о данной клятвѣ сохранить за нимъ Черниговскій столъ. Великій князь изъявилъ намѣреніе помочь дядѣ и наказать племянника, хотя послѣдній былъ женатъ на дочери самого Мстислава. Онъ началъ готовиться къ походу на Черниговъ. Всеволодъ Ольговичъ, обманутый надеждою на помощь своихъ союзниковъ Половцевъ, прибѣгъ къ переговорамъ; началъ упрашивать Мстислава и подкупилъ его совѣтниковъ; такъ что знатнѣйшіе бояре кіевскіе стали поддерживать его домогательства. Конечно и просьбы дочери также колебали рѣшимость великаго князя. Въ раздумьѣ онъ обратился къ собору священниковъ. Около того времени митрополитъ Никита скончался, а новый митрополитъ еще не былъ назначенъ. Между духовными лицами наибольшимъ значеніемъ въ Кіевѣ пользовался тогда Григорій, игуменъ Андреевской обители. Онъ былъ любимцемъ Мономаха, и находился въ большомъ почетѣ у Мстислава; этотъ Григорій принялъ сторону Всеволода. Нетрудно было предвидѣть рѣшеніе собора, въ которомъ большинство голосовъ заранѣе принадлежало Всеволоду. Къ томуже и вообще древнерусское духовенство считало одною изъ главныхъ своихъ обязанностей отвращать князей отъ междоусобной брани и пролитія крови. Соборъ принялъ на себя грѣхъ клятвопреступленія. Мстиславъ послушалъ его совѣта, и оставилъ Всеволода въ покоѣ. Ярославъ удалился на берега Оки въ свои Муромо-Рязанскія волости, гдѣ вскорѣ и скончался. Этотъ случай послужилъ примѣромъ и для другихъ князей къ нарушенію старыхъ родовыхъ обычаевъ, и поощрилъ племянниковъ не уважать иногда старшинство дядей. Лѣтописецъ замѣчаетъ, что Мстиславъ потомъ до конца своихъ дней сожалѣлъ объ учиненной имъ несправедливости.

Семья Мономаха въ это время владѣла большею частію Руси. Мстиславъ занималъ великое княженіе Кіевское. Братья его сидѣли: Ярополкъ въ южномъ Переяславлѣ, Вячеславъ въ Туровѣ, Андрей во Владимірѣ Волынскомъ, Юрій въ землѣ Ростовско-Суздальской; а сыновья: Всеволодъ въ Новѣгородѣ Великомъ, Изяславъ въ Курскѣ, Ро-

стиславъ въ Смоленскѣ. Слѣдуя отцовской политикѣ, Мстиславъ задумалъ пріобрѣсти для своего рода еще одну область, именно Кривскую или Полоцкую, часть которой уже была завоевана Мономахомъ (Минскъ). Несмотря на потерю Минскаго удѣла, полоцкіе Всеславичи никакъ не хотѣли, подобно другимъ русскимъ князьямъ, подчиниться великому князю Кіевскому. Мстиславъ отправилъ на нихъ своихъ братьевъ и сыновей. Всеволодъ Черниговскій также долженъ былъ участвовать въ этомъ походѣ. Южныя и сѣверныя дружины съ разныхъ сторонъ вошли въ Полоцкую землю и погромили нѣкоторые ея города (1129). Всеславичи смирились, но ненадолго. Въ слѣдующемъ году, когда Мстиславъ собиралъ рать противъ Половцевъ, Всеславичи, вопреки недавней присягѣ, отказались идти вмѣстѣ съ Русью на „шелудиваго" Боняка. Управившись съ Половцами, великій князь рѣшилъ покончить съ враждебнымъ родомъ Всеслава. Неизвѣстно, какимъ образомъ ему удалось захватить въ свои руки большинство полоцкихъ князей съ ихъ женами и дѣтьми. Затѣмъ онъ посадилъ ихъ въ ладьи, и отправилъ въ Царьградъ къ своему родственнику императору Іоанну Комнену. Тамъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, полоцкіе князья вступили въ греческую службу, и отличились своимъ мужествомъ въ походахъ противъ Сарацинъ. А волость ихъ была отдана Изяславу, одному изъ сыновей великаго князя ([64]).

Мстиславъ не уступалъ своему отцу и въ дѣятельной защитѣ русскихъ предѣловъ отъ враждебныхъ сосѣдей. По словамъ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ сводовъ его воеводы будто бы загнали Половцевъ не только за Донъ, но и за Волгу. Кромѣ того онъ посылалъ своихъ сыновей воевать Чудскіе народцы, безпокоившіе новогородскія земли. Волости Пинско-Туровскаго Полѣсья и вновь завоеванная Полоцкая земля приводили Кіевскаго князя въ непосредственное столкновеніе съ западными сосѣдями русскихъ Славянъ, съ безпокойными Литовцами. Въ годъ своей смерти великій князь вмѣстѣ съ сыновьями самъ предпринималъ удачный походъ на Литву.

Мстиславъ, долго бывшій новогородскимъ княземъ, по

всѣмъ признакамъ сохранялъ живыя связи съ Новгородомъ и послѣ того, какъ перешелъ на югъ. Такъ по смерти своей первой супруги Христины онъ, еще при жизни отца, женился на дочери знатнаго боярина новогородскаго Димитрія Завидича. Почти въ одно время съ нимъ и старшій сынъ Мстислава Всеволодъ — Гавріилъ, бывшій его преемникомъ въ Новгородѣ, также женился на новогородской боярышнѣ. Самая древнѣйшая изъ княжескихъ грамотъ, дошедшихъ до насъ въ подлинникѣ, равно свидѣтельствуетъ о расположеніи Мстислава къ своему первому удѣлу. Эта грамота дана была новогородскому Юрьеву монастырю на нѣкоторыя земли и судныя пошлины. Тутъ же находится приписка и сына его Всеволода о томъ, что онъ даритъ серебряное блюдо для употребленія за монастырскою трапезою (65). Во время великаго княженія Мстислава любимую его Новогородскую область постигли большія бѣдствія: чрезвычайные весенніе разливы и осенніе морозы причинили сильные неурожаи, послѣдствіемъ которыхъ былъ жестокій голодъ, такъ что въ 1128 г. въ Новгородѣ осьмина ржи стоила полгривны, цѣна огромная для того времени. По свидѣтельству Новогородской лѣтописи, голодавшіе ѣли мякину, липовый листъ, березовую кору, мохъ, конину. Много народу погибло отъ этого голоду, и родители часто отдавали своихъ дѣтей въ рабство иноземнымъ гостямъ, чтобы только спасти ихъ отъ смерти. На улицахъ, площадяхъ, по дорогамъ люди падали мертвыми; въ городѣ распространился невыносимый смрадъ отъ труповъ, которыхъ не успѣвали вôвремя вывозить.

Мстиславъ-Ѳеодоръ скончался послѣ кратковременнаго княженія, пятидесяти шести лѣтъ отъ рожденія, слѣдовательно еще въ полномъ развитіи силъ (1132 г.). Его похоронили въ монастырѣ св. Ѳеодора: онъ самъ создалъ этотъ монастырь въ честь святаго, имя котораго носилъ. То былъ послѣдній изъ великихъ князей Кіевскихъ, умѣвшихъ строго охранять свое верховное значеніе между родичами и тѣмъ поддерживать единство Русскихъ земель. Послѣ него уже не видимъ въ Кіевѣ подобныхъ князей. Впрочемъ положеніе ихъ становилось все труднѣе и труд-

нѣе въ томъ случаѣ, если бы они хотѣли подражать своимъ предшественникамъ по отношенію къ князьямъ удѣльнымъ. Нужны были бы нечеловѣческія усилія, что бы удержать въ единеніи какъ развѣтвившееся потомство Владиміра Великаго, такъ и русскія области, разбросанныя на огромномъ пространствѣ и стремившіяся къ отдѣльной политической жизни.

Хотя семья Мономаховичей и владѣла большею частію Руси, но и самая эта семья въ свою очередь раздѣлилась на разныя поколѣнія, которыя соперничали другъ съ другомъ. Поэтому періодъ, послѣдующій за смертію Мстислава I, представляетъ постоянное обособленіе русскихъ областей подъ управленіемъ нѣкоторыхъ вѣтвей княжаго дома, которыя все болѣе и болѣе принимаютъ характеръ мѣстныхъ самостоятельныхъ династій. Въ основаніе этого обособленія, какъ мы видѣли, легло дѣленіе, утвержденное Любецкимъ съѣздомъ. Кіевскій князь уже не можетъ какъ прежде раздавать удѣлы и перемѣщать младшихъ князей съ одного конца Руси на другой. Понятіе о старшинствѣ въ цѣломъ потомствѣ Игоревичей запутывается вслѣдствіе ихъ чрезвычайнаго размноженія и раздѣленія; все чаще и чаще возникаетъ изъ за него соперничество племянниковъ съ дядями. Кіевъ начинаетъ переходить изъ рукъ въ руки; при чемъ сохраняется еще нѣкоторая тѣнь родоваго права; но въ сущности дѣйствуетъ уже право наиболѣе сильнаго или наиболѣе отважнаго. Древняя метрополія русскихъ городовъ, хотя и продолжаетъ еще служить средоточіемъ русской образованности, но уже мало по малу утрачиваетъ значеніе того средоточія, которымъ она служила въ политической жизни Русскаго народа.

Мстиславу наслѣдовалъ на великомъ княженіи братъ его Ярополкъ. Послѣдній еще при жизни своего отца Мономаха отличился удачными походами въ глубь Половецкихъ степей. При Мстиславѣ онъ занималъ столъ Переяславскій, который былъ старшимъ послѣ Кіева въ родѣ Мономаховичей, но въ то же время и самымъ безпокойнымъ, потому что находился на пограничьѣ съ степными варварами. Ярополкъ прославилъ себя здѣсь новы-

ми подвигами противъ Половцевъ. Но одной его отваги оказалось недостаточно, что бы поддержать значеніе великаго князя, и, едва онъ занялъ Кіевскій столъ, какъ между младшими князьями открылись безконечные споры и войны за волости. Распри начались въ самой семьѣ Мономаховичей; а источникомъ для нихъ явился помянутый столъ Переяславскій, который былъ предметомъ многихъ желаній, потому что служилъ переходомъ уже къ великому княженію. Ярополкъ II самъ подалъ поводъ къ смутамъ. Нарушивъ права своихъ братьевъ, онъ, по уговору съ Мстиславомъ, передалъ этотъ столъ старшему своему племяннику Всеволоду — Гавріилу, княжившему дотолѣ въ Новгородѣ. Но едва Всеволодъ вступилъ въ Переяславль, какъ въ тотъ же день явился дядя его Юрій Ростовскій и изгналъ его отсюда. Юрій конечно не хотѣлъ допустить, чтобы племянникъ перебилъ у него старшинство. Но Ярополкъ въ свою очередь изгналъ Юрія изъ Переяславля, который передалъ другому племяннику, второму сыну Мстислава, Изяславу; потомъ однако перемѣнилъ рѣшеніе и отдалъ Переяславль брату своему Вячеславу; а его Туровскій удѣлъ перешелъ къ Изяславу Мстиславичу. Вячеславъ, вѣроятно недовольный безпокойнымъ сосѣдствомъ съ Половцами, вскорѣ самъ покинулъ Переяславль и воротился въ свой Туровъ, откуда изгналъ Изяслава, а Переяславль снова достался Юрію. Тогда Изяславъ Мстиславичъ соединился съ братомъ своимъ Всеволодомъ Новогородскимъ; считая себя обдѣленными, они подняли оружіе противъ дядей.

Всеволодъ Ольговичъ, сидѣвшій дотолѣ смирно въ Черниговѣ, видя распри въ самой семьѣ Мономаха, поспѣшилъ воспользоваться ими, что бы воротить нѣкоторыя утраченныя волости, напримѣръ, Курскъ и другіе города по рѣкѣ Сейму. Онъ вступилъ въ союзъ съ племянниками противъ дядей, и нанялъ Половцевъ. Въ южной Руси закипѣло междоусобіе. Нѣсколько разъ князья мирились, и снова начиналась брань. То Всеволодъ Ольговичъ съ Половцами опустошалъ лѣвый берегъ Днѣпра, осаждалъ Переяславль и подходилъ къ самому Кіеву; то Ярополкъ съ братьями и Черными Клобуками разорялъ

землю Черниговскую и подступалъ къ самому Чернигову. Между тѣмъ бывшій источникъ этихъ междоусобій, Переяславль, Ярополкъ взялъ у Юрія и передалъ младшему ихъ брату Андрею; а удѣлъ послѣдняго, Владиміръ Волынскій, отдалъ племяннику своему Изяславу Мстиславичу; чѣмъ удовлетворилъ его и отвлекъ отъ союза съ Ольговичами Черниговскими. Наконецъ въ 1139 году, незадолго до своей смерти, Ярополкъ заключилъ миръ съ Ольговичами у черниговскаго города Моравійска, на берегу Десны. Послѣдніе достигли своей цѣли: Курскъ и нѣкоторые другіе города отошли отъ Переяславскаго княженія къ Черниговскому.

Это междоусобіе захватило не одну южную Россію: оно отозвалось и на сѣверѣ, гдѣ произошло тогда первое исторически извѣстное столкновеніе Новогородцевъ съ Суздальцами.

Не одни младшіе князья отказывали въ повиновеніи Ярополку. Древній вѣчевой Новгородъ также воспользовался его затруднительнымъ положеніемъ и слабыми сторонами его характера, а равно соперничествомъ разныхъ вѣтвей княжаго рода. Онъ явно началъ стремиться къ освобожденію себя отъ кіевской зависимости и къ полному самоуправленію. Всеволодъ Мстиславичъ послѣ своей неудачной попытки занять Переяславскій столъ воротился въ Новгородъ, гдѣ онъ княжилъ столь долгое время. Но граждане встрѣтили его очень не ласково. Они роптали на то, что онъ вздумалъ ихъ знаменитый городъ предпочесть южному Переяславлю, и сначала не хотѣли принять его; потомъ однако смягчились, и снова признали его своимъ княземъ. Но прежнія дружескія отношенія и прежнее уваженіе къ княжеской власти уже были нарушены. Новгородъ собиралъ съ своихъ обширныхъ сѣверовосточныхъ владѣній для великаго князя Кіевскаго особую дань, подъ именемъ „Печерской". Граждане вдругъ отказались платить эту дань Ярополку, и не хотѣли слушать увѣщаній Всеволода. Только братъ его Изяславъ, присланный дядею, уговорилъ ихъ заплатить. Посадники новогородскіе прежде назначались великимъ княземъ Кіевскимъ изъ знатныхъ бояръ, мѣстныхъ или при-

сланныхъ изъ южной Руси. Теперь Новогородцы стали присвоивать себѣ право выбирать и смѣнять посадниковъ по своей волѣ. Явились партіи, неизбѣжныя при всякомъ выборѣ властей; отсюда начали умножаться внутреннія смуты.

Когда произошла междоусобная брань Мстиславичей съ ихъ дядями, Новогородцы приняли сторону первыхъ. Они склонились на убѣжденія своего князя Всеволода и его брата Изяслава идти войною на Юрія Суздальскаго тѣмъ охотнѣе, что у нихъ издавна существовали споры съ Суздальцами за нѣкоторыя пограничныя области и дани, собираемыя съ сѣверныхъ инородцевъ. Однако были и такіе граждане, которые противились этой войнѣ. Отсюда возникли бурныя вѣча. Сторонники войны одолѣли и рѣшили походъ; при чемъ, по обычаю, нѣкоторыхъ своихъ противниковъ сбросили съ моста въ Волховъ. На походѣ опять произошли несогласія; ратные люди смѣнили посадника Петрилу, выбрали на его мѣсто Иванка Павловича, и воротились назадъ. Но тутъ поднялись новыя распри. Партія Мстиславичей опять взяла верхъ, и войско снова выступило въ походъ съ княземъ Всеволодомъ. Между тѣмъ удобное для военныхъ дѣйствій время было упущено. Наступила глубокая зима. Тщетно митрополитъ Михаилъ, на ту пору случившійся въ Новгородѣ, отсовѣтывалъ походъ. Новогородцы заключили его подъ стражу, и выступили. На пути ихъ преслѣдовали жестокія мятели и морозы. Тѣмъ неменѣе они достигли непріятельской земли, пришли къ мѣсту, называвшемуся Ждановой горой, и здѣсь встрѣтили суздальскую рать. Битва на Ждановой горѣ была неудачна для Новогородцевъ; они потеряли много людей, въ томъ числѣ храбраго посадника Иванка, и воротились домой (1134). Тогда только граждане отпустили митрополита въ Кіевъ.

Когда Мстиславичи примирились съ дядями, то естественно они сдѣлались теперь непріятелями своихъ недавнихъ союзниковъ, черниговскихъ Ольговичей. Къ той же перемѣнѣ союза Всеволодъ Мстиславичъ началъ склонять и Новогородцевъ. Но случилось такъ, что въ это время военное счастіе повернуло на сторону черниговскихъ князей;

Ярополкъ потерпѣлъ отъ нихъ пораженіе на берегахъ Супоя. (Здѣсь погибъ упомянутый выше внукъ Мономаха Василько Леоновичъ). Это пораженіе отозвалось и въ Новгородѣ. Партія враждебная Всеволоду Мстиславичу усилилась и взяла верхъ надъ его приверженцами. Изъ Пскова и Ладоги, двухъ важнѣйшихъ новогородскихъ пригородовъ, были призваны граждане для общаго совѣта на вѣчѣ, и тутъ рѣшено изгнать князя Всеволода. Ему объявили слѣдующія вины. Во первыхъ, зачѣмъ не блюдетъ смердовъ или простыхъ людей, и, вмѣсто того, что бы оборонять ихъ на судѣ и заботиться о хорошемъ управленіи, занимается болѣе охотою, собаками и ястребами? Во вторыхъ, зачѣмъ хотѣлъ уйти на княженіе въ Переяславль и пренебрегъ Новгородомъ? Въ третьихъ, склонилъ Новогородцевъ идти войною на Суздальцевъ, а самъ первый ушелъ съ поля битвы на Ждановой горѣ. Наконецъ, въ четвертыхъ, сначала уговаривалъ Новогородцевъ приступить къ союзу съ Черниговскимъ княземъ, а теперь склоняетъ къ его противникамъ. Всеволода Мстиславича со всѣмъ его семействомъ заключили подъ стражу на дворѣ епископскомъ, гдѣ стерегли его ежедневно 30 вооруженныхъ людей. А на княженіе къ себѣ Новогородцы пригласили Святослава Ольговича, брата Всеволоду Черниговскому, побѣдителю при Супоѣ. Когда онъ прибылъ, тогда отпустили и Всеволода Гавріила, послѣ двухмѣсячнаго заключенія. Но съ удаленіемъ его спокойствіе не водворилось въ Новгородѣ.

У Всеволода оставалась здѣсь значительная партія приверженцевъ, которая непріязненно относилась къ новому князю. Святославъ Ольговичъ кромѣ того возбудилъ противъ себя и владыку новогородскаго Нифонта. Будучи вдовъ, князь хотѣлъ жениться на какой то новогородской боярынѣ; но владыко запретилъ вѣнчать его, говоря, что не слѣдуетъ вступать въ бракъ съ этой женщиной. Святославъ однако настоялъ на своемъ, и былъ повѣнчанъ собственнымъ своимъ священникомъ. Приверженцы Всеволода даже покушались на жизнь Святослава, и однажды едва не убили его стрѣлою. Послѣ этого неудачнаго покушенія нѣкоторые знатные люди уѣхали ко Всеволоду

въ кіевскій Вышгородъ, который былъ данъ ему въ удѣлъ дядею Ярополкомъ. Перебѣжчики приглашали Всеволода снова воротиться на сѣверъ, увѣряя, что Новогородцы и Псковичи только ждутъ его прибытія, что бы опять посадить на своемъ столѣ. Князь поѣхалъ во Псковъ, гдѣ граждане дѣйствительно приняли его съ почетомъ. Но когда Новогородцы узнали о томъ, поднялся жестокій мятежъ. Противники Всеволода опять взяли верхъ на вѣчѣ, и многіе пріятели его поспѣшили спастись бѣгствомъ во Псковъ. Чернь разграбила ихъ домы; а съ оставшихся въ Новгородѣ взяла денежную пеню. Набрали до 1500 гривенъ, и употребили ихъ на приготовленія къ войнѣ со Всеволодомъ. Святославъ дѣйствительно выступилъ въ походъ съ Новогородцами, ведя съ собою еще вспомогательную дружину, призванную съ юга, и даже наемныхъ Половцевъ. Псковичи обнаружили твердую рѣшимость защищать Всеволода. Они подѣлали засѣки въ лѣсахъ, и завалили всѣ дороги, ведущія изъ Новгорода ко Пскову. Новогородское ополченіе дошло до мѣста, называемаго Дубровною, за нѣсколько переходовъ отъ Пскова, и, увидавъ трудности дальнѣйшаго движенія, воротилось. Такимъ образомъ Псковичи впервые получили себѣ особаго князя; что составляло предметъ ихъ желаній. Но Всеволодъ, въ крещеніи Гавріилъ, княжилъ у нихъ недолго. Онъ скончался въ 1138 году, и былъ погребенъ въ Троицкой соборной церкви, имъ самимъ построенной, гдѣ и донынѣ находится его гробница и хранится его мечъ. Преемникомъ ему во Псковѣ остался его братъ Святополкъ. Но и соперникъ Всеволода Святославъ Ольговичъ не долго княжилъ въ Новгородѣ. Торговля новогородская много терпѣла по причинѣ враждебныхъ отношеній къ Мономаховичамъ, которые владѣли сосѣдними областями, Ростовскою, Смоленскою и Псковскою; вслѣдствіе прекратившихся подвозовъ сдѣлалась сильная дороговизна хлѣба. Поэтому Новогородцы уже въ слѣдующемъ 1139 году изгнали Святослава Ольговича, и выпросили себѣ у Юрія Суздальскаго его сына Ростислава, впрочемъ не на долго. По смерти Ярополка, когда на Кіевскомъ столѣ сѣлъ Всеволодъ Ольговичъ Черниговскій, Новогородцы снова

призвали его брата Святослава Ольговича; но вскорѣ снова выжили Святослава и опять посадили у себя Ростислава Юрьевича. Такая частая перемѣна князей у нихъ уже вошла въ обычай ([66]).

Не одни Новогородцы воспользовались смутами, наступившими послѣ Мстислава, и соперничествомъ разныхъ вѣтвей княжескаго дома, что бы ослабить свое подчиненіе южной Руси. Тѣми же обстоятельствами воспользовались и Полочане, что бы воротить своихъ старыхъ князей и свою независимость отъ Кіева. Изгнавъ полоцкихъ Всеславичей, Мстиславъ отдалъ эту область второму сыну Изяславу. Но при Ярополкѣ II Изяславъ, добиваясь удѣла въ южной Руси, покинулъ непріязненный Полоцкій край. Полочане призвали къ себѣ одного изъ внуковъ Всеслава, Василька, который вѣроятно избѣжалъ участи другихъ своихъ родичей. А немедленно по смерти Ярополка въ Полоцкую землю воротились еще двое изъ князей, изгнанныхъ его старшимъ братомъ въ Грецію.

Въ 1139 году скончался великій князь Ярополкъ Владиміровичъ. Слѣдующій за нимъ братъ Вячеславъ Туровскій, имѣвшій теперь старшинство въ семьѣ Мономаховичей, поспѣшилъ занять Кіевъ. Но онъ былъ извѣстенъ недостаткомъ твердости и мужества въ своемъ характерѣ, и не пользовался уваженіемъ у своихъ братьевъ и племянниковъ. Поэтому соперникомъ ему выступилъ представитель другой отрасли Ярославова потомства, черниговскій князь Всеволодъ Ольговичъ, не менѣе своего отца отличавшійся честолюбіемъ и предпріимчивостію, тотъ самый Всеволодъ, который когда то не призналъ старшинства своего дяди Ярослава и отнялъ у него Черниговъ. Онъ неожиданно явился подъ стѣнами Кіева, и зажегъ конецъ Копыревъ. Вячеславъ не рѣшился на борьбу, уступилъ ему Кіевъ и ушелъ въ свой Туровскій удѣлъ. Черниговскій князь собственно не имѣлъ права на Кіевскій столъ, потому что отецъ его никогда не былъ великимъ княземъ; но Ольговичи приписывали это обстоятельство несправедливости Кіевлянъ и Мономаха, и ни зачто не хотѣли помириться съ устраненіемъ своего рода отъ великаго княженія. Что бы укрѣ-

питься въ Кіевѣ, Всеволоду нужно было только поддерживать несогласіе племянниковъ съ дядями въ семьѣ Мономаха. Племянниковъ удалось привлечь на свою сторону тѣмъ легче, что они приходились ему шурья по его женѣ, дочери Мстислава I. Особенно важенъ былъ для Всеволода союзъ съ самымъ даровитымъ и храбрымъ изъ нихъ, съ Изяславомъ Мстиславичемъ, сидѣвшимъ тогда во Владимірѣ Волынскомъ: Всеволодъ обѣщалъ оставить ему послѣ своей смерти великокняжескій столъ помимо его дядей.

Дружба Всеволода съ Мономаховичами однако вызвала вскорѣ неудовольствіе его собственныхъ братьевъ, и тѣмъ болѣе, что наслѣдственный Черниговскій удѣлъ онъ передалъ не родному брату Игорю Ольговичу, а двоюродному Владиміру Давидовичу. Чтобы удовлетворить настояніямъ родныхъ братьевъ, Всеволодъ попыталъ добыть для нихъ отъ Мономаховичей области Переяславскую и Волынскую; но неудачно. Въ южномъ Переяславлѣ сидѣлъ младшій изъ сыновей Мономаховыхъ Андрей. Когда великій князь послалъ сказать ему, что бы онъ перешелъ въ Курскъ, Андрей отвѣчалъ: „Дѣдъ и отецъ мой княжили въ Переяславлѣ, а не въ Курскѣ; живой не пойду изъ своей волости; а если убьешь меня, вспомни, Святополкъ тоже убилъ Бориса и Глѣба; но долго ли послѣ того самъ княжилъ“? Приступы Ольговичей къ Переяславлю были отбиты. Въ то же время Изяславъ Мстиславичъ отбился отъ своихъ соперниковъ на Волыни. Всеволодъ помирился съ Мономаховичами; такъ что по смерти Андрея не отдалъ Переяславля кому либо изъ братьевъ, а перевелъ сюда Вячеслава Туровскаго. Тогда родные и двоюродные братья, обманутые въ своей надеждѣ на богатыя волости, соединились и подняли брань на Всеволода. Но за послѣдняго вступились сами Мономаховичи. Эта междоусобная война, опустошавшая южную Русь, была окончена только при посредствѣ князя-инока. Еще живъ былъ Николай Святоша, двоюродный братъ Ольговичей и родной Давидовичей. Всеволодъ вызвалъ Святошу изъ монастырской келліи, и послалъ уговаривать братьевъ къ миру; тотъ успѣшно выполнилъ это

порученіе. Такимъ образомъ Всеволодъ съумѣлъ до самой смерти (1146 г.) удержаться въ Кіевѣ, благодаря своей политикѣ разъединенія. Онъ то помогалъ Ольговичамъ противъ Мономаховичей, то послѣднимъ противъ первыхъ; Ольговичей ссорилъ съ Давидовичами, а Мономаховичей—племянниковъ съ Мономаховичами—дядями.

Такая узкая политика самосохраненія незамедлила принести свои плоды въ отношеніяхъ Кіева къ русскимъ областямъ. Постоянно занятый собственною безопасностію, великій князь все менѣе и менѣе могъ оказывать вліянія на другія области, особенно на тѣ, которыя были отдалены отъ него и по самому географическому положенію. Межъ тѣмъ какъ Черниговъ, Смоленскъ, Волынь еще принимали непосредственное участіе въ судьбахъ Кіева, на сѣверовостокѣ начинали жить своею особою политическою жизнію земли Суздальская и Рязанская; а на сѣверѣ Новгородъ пріобрѣталъ право призывать князей изъ той или другой вѣтви княжескаго рода, по своему усмотрѣнію, и все болѣе ослаблялъ свои связи съ Кіевомъ. На сѣверозападѣ Полоцкая земля, съ возвращеніемъ собственныхъ князей, окончательно выдѣлялась изъ общаго состава Руси. На югозападѣ такою же особою политическою жизнію начинала жить Русь Червонная или Галицкая.

Въ послѣдней области явилась въ то время замѣчательная личность, которая положила основаніе сильному княжеству Галицкому. То былъ Владимірко, сынъ Володаря Ростиславича. Володарь и братъ его извѣстный слѣпецъ Василько, оба умерли въ 1124 году. Сыновья не наслѣдовали отъ своихъ отцовъ ихъ дружбы и согласія. Честолюбивый, предпріимчивый Владимірко воспользовался потомъ смертью роднаго брата и двухъ двоюродныхъ, чтобы захватить въ свои руки обѣ наслѣдственныя волости своего рода, т. е. Перемышльскую и Теребовльскую. Только небольшой удѣлъ Звенигородскій оставался еще за его роднымъ племянникомъ, Иваномъ Ростиславичемъ. Владимірко утвердилъ свою столицу въ городѣ Галичѣ на берегахъ Днѣстра, и съ тѣхъ поръ Червонная Русь стала называться Галицкимъ княжествомъ, Галиціей. Много ума и ловкости нужно было, что бы укрѣ-

пить и расширить это княжество, отвсюду окруженное сильными и враждебными сосѣдями, каковы Угры и Поляки на западѣ и русскіе соперники на востокѣ. Галицкій князь безспорно владѣлъ тѣми, хотя и не всегда похвальными, чертами, съ которыми являются въ исторіи нѣкоторые основатели или двигатели государственной силы. Онъ умѣлъ найтись при всѣхъ затрудненіяхъ и извлечь пользу изъ всякаго столкновенія своихъ сосѣдей; но за то не стѣснялся въ выборѣ средствъ; клятвы и договоры были для него только дѣломъ политики, и онъ забывалъ о нихъ, какъ скоро миновала надобность. Съ Уграми, смотря по обстоятельствамъ, онъ былъ то союзникомъ, то врагомъ. Соперничество между Мономаховичами и Ольговичами, возникшее изъ за Кіевскаго стола, представило ему удобный случай не только вполнѣ освободиться отъ нѣкотораго подчиненія Кіеву, но и расширить свое княжество на счетъ сосѣднихъ волынскихъ городовъ. Послѣднее обстоятельство заставило великаго князя кіевскаго Всеволода Ольговича въ 1144 году предпринять походъ въ Галицію съ сильною ратью, въ которой участвовали Ольговичи, часть Мономаховичей и еще наемные Половцы. Владимірко съ своей стороны получилъ помощь отъ Угровъ.

Обѣ рати сошлись подъ Звенигородомъ; ихъ раздѣляла небольшая рѣчка Бѣлка. Всеволодъ велѣлъ навести гати, переправился черезъ рѣчку, и зашелъ въ тылъ непріятельскому войску; такъ что отрѣзалъ его отъ сообщенія съ Галичемъ и Перемышлемъ. Галичане пришли въ уныніе, опасаясь за свои семейства. Тогда Владимірко прибѣгъ къ своей дипломатической ловкости. Онъ вступилъ въ переговоры не съ самимъ великимъ княземъ, а съ его братомъ Игоремъ, и взялъ послѣдняго за самую чувствительную струну, пославъ сказать ему: „если помиришь меня съ своимъ братомъ, то послѣ его смерти я помогу тебѣ сѣсть въ Кіевѣ". Игорь дѣйствительно принялся усердно хлопотать въ пользу галицкаго князя, и уговорилъ Всеволода заключить миръ. Противники съѣхались вмѣстѣ, и по обычаю утвердили миръ крестнымъ цѣлованіемъ. „Многоглаголивый" (по выраженію лѣтописи) Владимірко отдѣлался отъ опасности уплатою 1400 гри-

венъ серебра, которыя Всеволодъ добросовѣстно раздѣлилъ между своими братьями и союзниками.

Граждане Галича были недовольны строгостію и самовластіемъ своего князя, и попытались отложиться отъ него. Они воспользовались временемъ, когда Владимірко уѣхалъ на охоту; послали въ Звенигородъ за его племянникомъ Иваномъ Ростиславичемъ, и посадили его у себя на столѣ. Владимірко, не теряя времени, собралъ войско, и осадилъ Галичъ. Во время одной вылазки Иванъ Ростиславичъ былъ отрѣзанъ отъ города; онъ пробился сквозь непріятелей и бѣжалъ къ Дунаю, откуда степью пробрался въ Кіевъ къ Всеволоду Ольговичу. Галичане еще нѣкоторое время оборонялись, но наконецъ принуждены были отворить ворота. Владимірко казнилъ злою смертію многихъ участниковъ мятежа; а Звенигородскій удѣлъ племянника взялъ себѣ, и такимъ образомъ утвердилъ полное единовластіе въ землѣ Галицкой. Но великій князь Кіевскій не желалъ подобнаго усиленія Галиціи. Онъ вступился за изгнаннаго племянника, и снова собралъ многочисленную рать, призвавъ на помощь князей Черниговскаго, Переяславскаго, Смоленскаго, Туровскаго, Владимірскаго и дикихъ Половцевъ. Походъ, предпринятый зимою, на этотъ разъ былъ неудаченъ. Дожди согнали снѣгъ и произвели распутицу. Рать добралась кое какъ до Звенигорода, осадила его и сожгла внѣшній острогъ. Многіе граждане, вѣроятно желавшіе снова имѣть своимъ княземъ Ивана Ростиславича, сошлись на вѣче и разсуждали о томъ, что надобно сдать городъ. Но воевода Владимірковъ, какой то Иванъ Халдѣевичъ, оказался человѣкомъ рѣшительнымъ и энергичнымъ. Онъ схватилъ троихъ главныхъ зачинщиковъ смуты, велѣлъ каждаго разрубить пополамъ и выбросить ихъ трупы за городскую стѣну. Этотъ поступокъ устрашилъ остальныхъ заговорщиковъ, и съ того дня жители отчаянно оборонялись; они отбили всѣ приступы, и потушили всѣ пожары, произведенные осаждавшими. Всеволодъ долженъ былъ снять осаду и уйти назадъ. Неудачѣ этого предпріятія способствовало также болѣзненное состояніе великаго князя, окончившееся вскорѣ его смертію.

Въ обоихъ походахъ Всеволода Ольговича на Галицкую Русь принимали участіе Поляки, въ качествѣ союзниковъ великаго князя Кіевскаго. Въ Польшѣ около того времени произошли великія перемѣны, которыя на долго задержали развитіе Польскаго могущества; что въ свою очередь способствовало безопасности русскихъ предѣловъ съ этой стороны. Въ 1139 году скончался король Болеславъ III Кривоустый, послѣдній представитель эпохи Болеславовъ, эпохи возрастанія и величія Польскаго государства. Кривоустый съ успѣхомъ продолжалъ дѣло своихъ предшественниковъ: онъ удачно воевалъ съ Чехами и Нѣмцами, и отбился отъ притязаній Германской имперіи на ленную зависимость Польши. Замѣчательна въ особенности борьба его съ языческими племенами Поморскихъ Славянъ, противъ которыхъ онъ предпринималъ многократные походы, дѣйствуя въ союзѣ съ Датчанами. Ему удалось овладѣть землями Лютичей и Ратаровъ и утвердить здѣсь христіанскую церковь. Эта борьба съ язычниками имѣла характеръ крестовыхъ походовъ, подобныхъ тѣмъ, которые совершались тогда на востокъ королями и рыцарями Западной Европы. Завоеваніемъ Поморья Болеславъ Кривоустый вознаградилъ потерю нѣкоторыхъ земель, напримѣръ, Червонной Руси и Моравіи, завоеванныхъ Болеславомъ Храбрымъ и утраченныхъ его преемниками. Кривоустый былъ женатъ на Сбыславѣ, дочери Святополка II Михаила. Это родство дало Полякамъ поводъ вмѣшиваться въ дѣла Руси по смерти Святополка въ пользу его потомства; но при такихъ князьяхъ, какъ Владиміръ Мономахъ и сынъ его Мстиславъ, подобное вмѣшательство не имѣло обыкновенно никакого успѣха.

У польскихъ князей, какъ на Руси и въ Чехіи, еще сильны были родовые обычаи, вытекавшіе изъ понятія, что каждый членъ княжеской семьи имѣетъ право на удѣльное владѣніе. Рядомъ съ этими обычаями и тамъ видимъ постоянное стремленіе старшаго князя къ полному подчиненію себѣ младшихъ или просто къ единовластію. Такъ Болеславъ Кривоустый долго боролся съ своимъ мятежнымъ братомъ Збигнѣвомъ, наконецъ вѣролом-

но схватилъ его, велѣлъ ослѣпить и заключить въ темницу. Но самъ онъ передъ смертію раздѣлилъ королевство между четырьмя сыновьями, ничего не назначивъ только пятому, самому младшему изъ нихъ Казиміру (впослѣдствіи прозванному *Справедливымъ*). Старшій Болеславичъ Владиславъ II, получившій главный городъ Краковъ и Силезію, по характеру своему не былъ способенъ внушить братьямъ уваженіе къ своему старшинству. Но его супруга Агнеса, дочь австрійскаго маркграфа и племянница императора Конрада III Гогенштауфена, не хотѣла терпѣть самостоятельность младшихъ князей, и, побуждаемый ея упреками, Владиславъ вздумалъ смирить ихъ оружіемъ. Тогда проявилось то значеніе, которое успѣли уже пріобрѣсти себѣ польскіе вельможи и духовные сановники. Изъ личныхъ и сословныхъ видовъ они приняли сторону младшихъ братьевъ; Владиславъ былъ лишенъ своего королевскаго удѣла и изгнанъ изъ Польши. Въ этихъ междоусобіяхъ принялъ участіе и великій князь кіевскій Всеволодъ, какъ своякъ Владислава II, потому что дочь его Звенислава была за старшимъ сыномъ краковскаго короля, Болеславомъ Высокимъ. Два раза русскіе полки ходили въ Польшу на помощь Владиславу, и добились только того, что братья (Болеславъ Кудрявый и Мечиславъ Старый) уступили ему четыре города. Въ свою очередь и польскій король помогалъ Всеволоду Ольговичу въ его борьбѣ съ Владимірkомъ Галицкимъ. Въ послѣдствіи, уже по смерти Всеволода, Владиславъ II снова и окончательно былъ изгнанъ изъ Польши своими братьями. Этотъ Владиславъ между прочимъ велѣлъ выколоть глаза и отрѣзать языкъ тому самому боярину Петру Власту, который когда то помогъ его отцу вѣроломнымъ образомъ захватить въ плѣнъ Володаря Ростиславича. Несчастный польскій бояринъ нашелъ убѣжище на Руси.

Водворившаяся въ Польшѣ удѣльная система ослабила ея политическое значеніе. Она между прочимъ слишкомъ на полтора столѣтія задержала распространеніе польскихъ предѣловъ на востокъ; такъ что сосѣднія русскія княже-

ства, особенно Волынь и Галиція, въ теченіе этого времени могли развиваться безъ помѣхи со стороны Польши.

За годъ до своей смерти Всеволодъ Ольговичъ собралъ въ Кіевѣ наиболѣе значительныхъ князей Южной Руси, и объявилъ имъ, что онъ, по примѣру Владиміра Мономаха и Мстислава I, хочетъ еще при жизни утвердить ихъ присягою съ своимъ преемникомъ, и что старшинство, т. е. Кіевскій столъ, онъ оставляетъ брату своему Игорю. Черниговскіе Давидовичи и Ольговичи присягнули немедленно; Изяславъ Мстиславичъ Волынскій, которому Кіевъ тоже былъ обѣщанъ Всеволодомъ, сначала колебался; но потомъ и онъ принужденъ былъ поцѣловать крестъ. Игорь съ своей стороны присягнулъ „имѣть братью въ любовь“. Когда великій князь воротился изъ втораго Галицкаго похода уже тяжко больнымъ, онъ послалъ къ Изяславу Мстиславичу и къ Давидовичамъ спросить: стоятъ ли они въ крестномъ цѣлованіи брату Игорю; тѣ отвѣчали: „стоимъ“. Въ то же время кіевскіе граждане, по требованію Всеволода присягнули Игорю какъ своему великому князю. Онъ также взялъ присягу и съ жителей Вышгорода. Умирающій Всеволодъ велѣлъ отвезти себя въ этотъ городъ; онъ надѣялся получить облегченіе въ мѣстѣ, уже прославленномъ чудотвореніями, или желалъ лечь у гроба свв. братьевъ-мучениковъ. Дѣйствительно здѣсь онъ скончался, и погребенъ въ храмѣ Бориса и Глѣба.

Игорь Ольговичъ созвалъ Кіевлянъ въ Верхнемъ городѣ на дворъ Ярослава, и вновь заставилъ ихъ поцѣловать себѣ крестъ. Но двукратная присяга оказалась ненадежнымъ средствомъ тамъ, гдѣ ее не подкрѣпляло народное расположеніе. Вслѣдъ затѣмъ граждане сѣли на коней, и собрались въ Нижнемъ городѣ, т. е. на Подолѣ, возлѣ такъ наз. Туровой божницы, и послали звать Игоря къ себѣ на вѣче. Тотъ выѣхалъ съ своей дружиной; но остановился въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ народа, и послалъ брата Святослава спросить Кіевлянъ, чего они хотятъ. Граждане начали приносить жалобы на тіуновъ покойнаго Всеволода Ольговича, на Ратшу и Тудора: „первый — говорили они — разорилъ своими неправдами

Кіевъ, а второй Вышгородъ". Вѣроятно, въ этомъ вѣчѣ участвовали и граждане сосѣдняго Вышгорода. По требованію народнаго собранія Святославъ сошелъ съ коня, и за своего старшаго брата поцѣловалъ крестъ на томъ, что великій князь будетъ наблюдать правду и не дастъ народъ въ обиду тіунамъ. Кіевляне спѣшились, и вновь присягнули не мыслить никакого зла противъ Игоря и Святослава. Послѣдній воротился въ сопровожденіи лучшихъ людей; великій князь также сошелъ съ коня, и также поцѣловалъ крестъ на исполненіе обѣщаннаго. Но лучшимъ людямъ очевидно не удалось примирить народъ съ новымъ княземъ. Едва братья воротились въ теремъ и сѣли обѣдать, какъ получили извѣстіе, что кіевская чернь прямо съ вѣча бросилась грабить дворъ Ратши, а также дворы княжихъ мечниковъ. Игорь послалъ брата съ дружиною, и тотъ едва укротилъ грабителей. Ясно, что перемѣны въ наслѣдованіи Кіевскаго стола и борьба изъ за него княжихъ родовъ принесли свой плодъ. Уваженіе къ достоинству великаго князя стало падать; граждане кіевскіе, подобно Новогородцамъ, сдѣлались своевольнѣе и привыкаютъ мѣнять своихъ князей, смотря по расположенію или по другимъ обстоятельствамъ. Ольговичей они вообще не любили. Эта нелюбовь усилилась во время Всеволода, который допускалъ неправды и притѣсненія отъ тіуновъ. Однако онъ удержался въ Кіевѣ до конца своей жизни, благодаря личной энергіи и несогласіямъ Мономаховичей. Игорь еще менѣе полюбился Кіевлянамъ, а въ дарованіяхъ онъ очевидно уступалъ своему старшему брату.

Граждане, преданные семьѣ Мономаховой, завели сношенія съ Изяславомъ Мстиславичемъ, который находился по сосѣдству, въ южномъ Переяславлѣ, и звали его на Кіевскій столъ. Въ этихъ тайныхъ переговорахъ участвовали и нѣкоторые старые бояре кіевскіе, между прочимъ Иванъ Войтишичъ и самъ тысяцкій Улѣбъ. Изяславъ, въ крещеніи Пантелеймонъ, принявъ благословеніе отъ переяславскаго епископа Евфимія въ церкви св. Михаила, выступилъ съ дружиной изъ Переяславля, и у Заруба перешелъ Днѣпръ. Здѣсь соединились съ нимъ оби-

татели Поросья или такъ наз. Черные Клобуки. То были нѣкоторые остатки Печенѣговъ и Торковъ, поселенные старыми князьями по р. Роси съ обязанностію оберегать кіевскіе предѣлы отъ степныхъ варваровъ. Черными Клобуками они прозваны конечно по своимъ высокимъ бараньимъ шапкамъ; иначе называли ихъ Берендѣи или Берендичи.

Получивъ извѣстіе о приближеніи непріятеля, Игорь приготовился къ оборонѣ; съ нимъ соединились братъ его Святославъ Ольговичъ и племянникъ Святославъ Всеволодичъ. Они стали съ своими дружинами таборомъ (лагеремъ) внѣ города; Кіевская рать расположилась особо, на урочищѣ, называвшемся Ольгова могила. Едва показались полки Изяслава, какъ Кіевляне перешли на его сторону; тоже сдѣлали Улѣбъ и Иванъ Войтишичъ съ своими отроками. Ольговичи однако не потеряли бодрости и смѣло вступили въ битву. Но ихъ дружины попали въ неудобное мѣсто, пересѣченное оврагами и болотами; Черные Клобуки заѣхали имъ въ тылъ, а Изяславъ ударилъ въ бокъ. Ольговичи побѣжали. Но только одному Святославу удалось перебраться за Днѣпръ и уйти въ свой Новгородъ-Сѣверскій удѣлъ; племянникъ его Всеволодичъ укрылся въ кіевскомъ монастырѣ св. Ирины; а великій князь Игорь во время бѣгства завязъ въ болотѣ. Будучи болѣнъ ногами, онъ не могъ бѣжать далѣе; его взяли въ плѣнъ и отослали въ Переяславль, гдѣ засадили въ монастырскій порубъ. Между тѣмъ Кіевляне вмѣстѣ съ побѣдителями принялись грабить имѣніе и скотъ разбогатѣвшихъ дружинниковъ Всеволода и Игоря, какъ въ самомъ Кіевѣ, такъ и въ селахъ; грабили не только дома, но розыскивали ихъ имущество и по монастырямъ, куда зажиточные люди отдавали на храненіе свои сокровища. Этимъ грабежомъ Кіевляне мстили дружинникамъ за понесенныя отъ нихъ притѣсненія и вымогательства. Подобное возмездіе было въ нравахъ того времени; но нельзя въ этомъ случаѣ не видѣть также и проявленія необузданнаго народнаго своеволія, при явномъ ослабленіи великокняжескаго достоинства. Соперничество князей изъ за Кіевскаго стола неизбѣжно заста-

вляло ихъ дѣлать разныя поблажки страстямъ и порывамъ толпы, что бы упрочить за собою народное расположеніе.

Такъ началось недолговременное, но обильное событіями княженіе Изяслава Мстиславича въ Кіевѣ.

IX.

ДЯДЯ И ПЛЕМЯННИКЪ.

Изяславъ II. Его союзъ съ Давидовичами и опустошеніе Сѣверской области. Московское свиданіе Святослава Ольговича съ Юріемъ Долгорукимъ. Измѣна Давидовичей и убіеніе Игоря. Изяславъ II въ Новгородѣ. Юрій въ Кіевѣ. Угорская помощь и торжество Изяслава. Его дядя Вячеславъ. Побѣда на Рутѣ. Вѣроломство и смерть Владимірка. Его преемникъ. Митрополитъ Климентъ Смолятичъ. Юрій на Кіевскомъ столѣ. Изяславъ Давидовичъ. Ростиславъ великій князь. Его путешествіе въ Новгородъ и кончина.

Княженіе Изяслава II Пантелеймона продолжалось около осьми лѣтъ (1146 — 1154). Все это время наполнено почти непрерывною борьбою съ Ольговичами и роднымъ дядей Юріемъ Суздальскимъ. Послѣдній объявилъ притязанія на Кіевскій столъ по праву своего родоваго старшинства надъ племянникомъ. Но Изяславъ не признавалъ этого права: старшіе племянники уже начали соперничать съ младшими дядями. Почти всѣ русскія области и всѣ вѣтви княжескаго дома принимали участіе въ этой борьбѣ, одни на сторонѣ племянника, другіе на сторонѣ дяди и Ольговичей. Не однѣ русскія области, сосѣдніе народы, именно Половцы, Угры и Поляки, также принимали въ ней дѣятельное участіе. Съ обѣихъ сторонъ совершено много подвиговъ, обнаружено много таланта, энергіи и ловкости. Два раза Изяславъ II былъ изгоняемъ своимъ дядею изъ Кіева и принужденъ уступить ему великое княженіе, и два раза возвращался въ Кіевъ; такъ что умеръ великимъ княземъ. Нѣкоторые удѣльные князья не рѣдко мѣняли свои союзы, и мы встрѣ-

чаемъ ихъ то въ лагерѣ дяди, то въ лагерѣ племянника. При этомъ каждый изъ областныхъ князей конечно преслѣдовалъ свои личные виды или руководствовался обязанностями кровнаго родства. Но въ общемъ движеніи исторіи рядомъ съ развивавшимся стремленіемъ областей къ самостоятельной политической жизни мы видимъ, какъ вырабатывалось нѣчто подобное политическому равновѣсію между областными княжествами, тому равновѣсію, которое было необходимымъ условіемъ ихъ самостоятельности.

Невозможно въ сжатомъ очеркѣ прослѣдить всѣ любопытныя подробности знаменитой борьбы племянника съ дядею. Остановимъ вниманіе только на главнѣйшихъ событіяхъ и на личностяхъ, наиболѣе выдающихся ([67]).

Важное значеніе въ этой борьбѣ имѣли двое Давидовичей, Изяславъ и Владиміръ, владѣвшіе черниговскими городами. Иногда они являются союзниками Изяслава II противъ своего двоюроднаго брата Святослава Ольговича; а иногда дѣйствуютъ противъ великаго князя за одно съ Ольговичами. Святославъ пригласилъ ихъ общими силами добиваться освобожденія Игоря. Но тѣ безъ сомнѣнія опасались, что Игорь, получивъ свободу, потребуетъ отъ нихъ Черниговскаго стола; тогда какъ они желали отнять у Святослава и самый Новгородъ Сѣверскій. Поэтому Давидовичи въ началѣ соединились съ великимъ княземъ Изяславомъ II. Но и Святославъ Ольговичъ нашелъ себѣ союзниковъ. Во первыхъ, онъ обратился за помощью къ своимъ половецкимъ сватамъ. Извѣстно, что первою его супругою была дочь хана Аепы; хотя этотъ ханъ уже умеръ; однако два его брата, Тюнракъ и Камоса, по первому требованію Сѣверскаго князя явились къ нему съ тремя стами всадниковъ. Съ нимъ соединилось и нѣсколько младшихъ князей, обдѣленныхъ своими старшими родичами. Между прочимъ упомянутый выше племянникъ Владимірка Галицкаго Иванъ, прозванный Берладникомъ, вступилъ въ его службу съ отрядомъ южнорусской вольницы; прозваніе свое онъ получилъ отъ одного заднѣстровскаго города Берлада, который служилъ притономъ болгарскимъ и русскимъ бѣгле-

цамъ и повольникамъ. Но главнаго союзника Святославъ Ольговичъ нашелъ въ самой семьѣ Мономаховичей, въ лицѣ сильнаго суздальскаго князя Юрія Владиміровича Долгорукаго. Святославъ послалъ звать его на великое княженіе, захваченное племянникомъ помимо дяди; онъ ставилъ условіемъ только освобожденіе Игоря Ольговича, а съ своей стороны обѣщалъ Юрію помогать въ достиженіи Кіевскаго стола. Юрій дѣйствительно заключилъ союзъ съ Сѣверскимъ княземъ, и выступилъ къ нему на помощь. Но Изяславъ Мстиславичъ на этотъ разъ съумѣлъ отвлечь его отъ южной Руси. Онъ послалъ гонца въ Рязань къ своему пріятелю Ростиславу Ярославичу съ просьбой напасть на Суздальскую землю. Рязанскій князь исполнилъ его просьбу, и Юрій отъ Козельска повернулъ назадъ, отпустивъ къ Святославу только небольшой отрядъ съ сыномъ своимъ Иваномъ.

Межъ тѣмъ Давидовичи уже воевали Сѣверскую область, и осадили Новгородъ; но всѣ ихъ приступы были отбиты. Съ досады они принялись грабить и жечь тѣ села, гдѣ находились скотъ, запасы хлѣба, меду и другаго имущества Ольговичей. На рѣкѣ Рахнѣ, не далеко отъ Новгорода, они захватили княжіе табуны въ 1000 коней и 3000 кобылъ; а хлѣбъ и дома пожгли. Въ какомъ то сельцѣ Игорь устроилъ себѣ „добрый дворъ", гдѣ было наготовлено много вина и меду въ погребахъ, а въ кладовыхъ всякой утвари, желѣзной и мѣдной. Давидовичи велѣли покласть на воза сколько можно было увезти; а остальное сожгли вмѣстѣ съ дворомъ; при чемъ сгорѣли ближняя церковь св. Георгія и гумно, на которомъ стояло 900 стоговъ. Они осадили Путивль; но не могли его взять, пока не пришелъ на помощь самъ Изяславъ. Тогда граждане Путивля выслали съ поклономъ къ великому князю, и сдались ему, но съ клятвеннымъ уговоромъ, что онъ не отдастъ жителей въ полонъ ратнымъ людямъ. Изяславъ исполнилъ клятву, и взялъ только дворъ Святославовъ со всѣмъ его добромъ. Въ княжихъ погребахъ здѣсь нашли 500 берковцевъ меду и 80 карчагъ вина; забрали 700 человѣкъ княжей челяди, и все это побѣдители раздѣлили между собою. Не пощадили и самый храмъ

Вознесенія, откуда взяли серебряные сосуды, кадильницы, шитые золотомъ покровы, евангеліе въ кованомъ переплетѣ и другія богослужебныя книги, а также сняли и колокола. Эти извѣстія лѣтописи о добычѣ, захваченной у Ольговичей, бросаютъ любопытный свѣтъ на ихъ хозяйственный бытъ, на ихъ домовитость, равно и на зажиточность самыхъ областей.

Узнавъ, что Путивль взятъ и великій князь идетъ на Новгородъ Сѣверскій, Святославъ Ольговичъ началъ совѣтоваться съ своими союзниками, т. е. съ Иваномъ Юрьевичемъ Суздальскимъ, Иваномъ Берладникомъ и половецкими ханами. На совѣтѣ рѣшено не ждать Изяслава въ Новгородѣ, а спасаться далѣе на сѣверъ въ лѣсную сторону Брянскую и Карачевскую, и тамъ ожидать помощи отъ Юрія. Изяславу Давидовичу сильно не хотѣлось упустить изъ рукъ двоюроднаго брата; онъ отпросился у великаго князя, взялъ у него часть кіевской дружины съ воеводою Шварномъ, и налегкѣ, безъ обоза, съ 3000 конницы поскакалъ къ Карачеву. Услыхавъ приближающуюся погоню, Святославъ и его союзники вдругъ обернулись, ударили на Изяслава Давидовича и разбили его; такъ что онъ со стыдомъ прибѣжалъ къ великому князю. Послѣдній, раздосадованный этою неудачею, самъ поспѣшилъ къ Карачеву. Но Святославъ Ольговичъ ушелъ отсюда далѣе въ землю Вятичей. Великій князь не рѣшился преслѣдовать его по глухимъ, лѣснымъ дебрямъ, и воротился въ Кіевъ, предоставивъ Сѣверскую область въ распоряженіе Давидовичей. Но едва онъ оставилъ восточную сторону Днѣпра, какъ здѣсь обстоятельства начали измѣняться въ пользу гонимаго имъ Сѣверскаго князя. Однимъ изъ виновниковъ этой перемѣны былъ Святославъ Всеволодичъ, родной племянникъ Ольговичей. Взятый въ плѣнъ при сверженіи Игоря, этотъ молодой князь былъ обласканъ и надѣленъ волостями отъ Изяслава II, которому онъ тоже приходился племянникомъ, но только по матери. Будучи оставленъ вмѣстѣ съ Давидовичами для продолженія войны, онъ отдался родственному влеченію, и тайно извѣщалъ дядю о движеніяхъ его непріятелей. Въ тоже время отъ Юрія приспѣла къ Свя-

тославу на помощь бѣлозерская дружина въ 1000 человѣкъ, хорошо вооруженныхъ. Дѣла его поправились.

Юрій, покончивъ съ Рязанскимъ княземъ, въ слѣдующемъ 1147 году повоевалъ новогородскія волости по р. Мстѣ; такъ какъ Новогородцы держали сторону Изяслава. А Святославъ Ольговичъ, по желанію Суздальскаго князя, разорилъ часть Смоленской земли, именно берега Протвы, гдѣ жила Голядь и откуда сѣверская дружина вывела большой полонъ. Затѣмъ по приглашенію Юрія Святославъ отправился на свиданье съ нимъ въ *Москву*. Впереди себя онъ послалъ сына Олега, который привезъ Суздальскому князю въ подарокъ красиваго пардуса или барса (вѣроятно не живаго, а только шкуру этого звѣря). Свиданіе князей сопровождалось веселыми пирами; причемъ гость и его дружинники были щедро одѣлены подарками отъ тароватаго хозяина. Свиданіе Юрія Долгорукаго съ Святославомъ Ольговичемъ въ мартѣ 1147 года замѣчательно въ особенности тѣмъ, что по этому поводу лѣтопись впервые упоминаетъ имя Москвы, столь знаменитой впослѣдствіи, а тогда еще незначительнаго города, расположеннаго посреди глухихъ лѣсовъ на берегу рѣки Москвы, на пограничьѣ Суздальскихъ владѣній съ Черниговскими и Рязанскими. Укрѣпивъ союзъ съ Долгорукимъ, Святославъ изъ Москвы воротился въ землю Вятичей. Лѣтопись прибавляетъ любопытную черту: на этомъ походѣ у него умеръ престарѣлый бояринъ Петръ Ильичъ, который служилъ еще отцу его Олегу; отъ старости онъ уже не могъ сѣсть на коня, потому что имѣлъ девяносто лѣтъ отъ роду.

На помощь Святославу Ольговичу приспѣли съ одной стороны новыя толпы Половцевъ, съ другой суздальскій отрядъ, предводимый сыномъ Юрія Глѣбомъ. Пришла и вольная южнорусская дружина извѣстная подъ именемъ Бродниковъ, которые при этомъ впервые упоминаются въ лѣтописи. Безъ сомнѣнія то были предшественники знаменитыхъ впослѣдствіи дружинъ казацкихъ. Святославъ началъ отбирать у Давидовичей землю Вятскую, и выгналъ ихъ посадниковъ изъ Брянска, Мценска и другихъ городовъ. Тогда Давидовичи вступили

въ переговоры съ двоюроднымъ братомъ при посредствѣ его племянника Святослава Всеволодича. Вслѣдствіе этихъ переговоровъ они отступились отъ великаго князя и заключили противъ него союзъ съ Ольговичами. Но союзъ свой держали пока втайнѣ. Предположено было заманить Изяслава на восточную сторону Днѣпра и схватить его, а потомъ освободить Игоря Ольговича. Послѣдній теперь не былъ опасенъ Давидовичамъ своими правами на Черниговъ, какъ князь уже отрекшійся отъ міра. Надобно замѣтить, что не задолго до того времени Игорь, заключенный въ монастырскій порубъ въ Переяславлѣ, опасно занемогъ и просилъ великаго князя о постриженіи. Изяславъ сжалился надъ нимъ, и велѣлъ исполнить его просьбу. Разобрали верхъ Игоревой тюрьмы и вынесли его оттуда едва живаго; но, спустя нѣсколько дней, ему сдѣлалось легче. Игоря отвезли въ Кіевъ, и помѣстили въ Ѳедоровомъ монастырѣ, гдѣ онъ постригся и принялъ схиму.

Согласно съ своимъ замысломъ, Давидовичи послали къ великоку князю снова звать его къ себѣ на помощь. Изяславъ собралъ бояръ, дружину, кіевскихъ мужей, и объявилъ имъ о своемъ намѣреніи вмѣстѣ съ братомъ Ростиславомъ Смоленскимъ и съ Черниговскими князьями идти на Святослава Ольговича и на дядю своего Юрія въ самую Суздальскую землю. Кіевляне отговаривали великаго князя, и совѣтовали ему не довѣряться Черниговскимъ князьямъ. Но Изяславъ настаивалъ, ссылаясь на ихъ крестное цѣлованіе. Тогда Кіевляне дали знаменательный отвѣтъ: „князь, ты на насъ не гнѣвайся; на племя Володиміра не можемъ поднять руки, а на Ольговичей пойдемъ хотя и съ дѣтьми". Изяславъ однако остался при своемъ намѣреніи, и выступилъ съ дружиною и кіевскими охотниками; а остальныхъ не принуждалъ. Переправясь за Днѣпръ, онъ послалъ боярина Улѣба въ Черниговъ извѣстить о своемъ походѣ. Но здѣсь бояринъ узналъ, что Черниговскіе князья уже измѣнили великому князю и хотятъ его схватить. Улѣбъ поспѣшно воротился къ нему съ этимъ извѣстіемъ. Желая уличить измѣнниковъ, Изяславъ опять шлетъ къ Давидовичамъ

посла, съ просьбою, чтобъ они передъ началомъ общаго похода снова поцѣловали крестъ въ своемъ вѣрномъ и неизмѣнномъ союзѣ съ великимъ княземъ. Давидовичи отказались, говоря, что они уже цѣловали крестъ. Тогда кіевскій посолъ, заранѣе наученный какъ ему дѣйствовать, изложилъ передъ ними все, что было донесено великому князю объ ихъ измѣнѣ, и спросилъ: правда ли это? Давидовичи были смущены, и молча переглядывались другъ съ другомъ; потомъ сказали послу: „выди вонъ и посиди; мы тебя позовемъ опять". Долго думали они; наконецъ позвали посла, и велѣли сказать великому князю, что дѣйствительно поцѣловали крестъ Святославу Ольговичу, потому что имъ жаль своего брата, лишеннаго свободы. Они поручили просить Изяслава объ освобожденіи Игоря, уже чернеца и схимника, и обѣщали за то остаться вѣрными великому князю.

Въ отвѣтъ на признаніе Давидовичей, Изяславъ возвратилъ имъ крестныя или договорныя грамоты, съ упрекомъ въ ихъ неблагодарности: тогда какъ онъ собственными трудами добылъ для нихъ Новгородъ Сѣверскій, Путивль и другія волости Ольговичей. Въ тоже время отправилъ гонцовъ къ брату своему Ростиславу въ Смоленскъ, чтобы извѣстить его объ измѣнѣ Черниговскихъ князей и звать къ себѣ на помощь. Послалъ и въ Кіевъ съ тѣмъ же извѣстіемъ. На время своего отсутствія онъ поручилъ блюсти стольный городъ младшему своему брату Владиміру, митрополиту Клименту и тысяцкому Лазарю. По желанію великаго князя, власти созвали Кіевлянъ на вѣче у собора св. Софіи, и здѣсь великокняжескій посолъ во всеуслышаніе повѣдалъ объ измѣнѣ Черниговскихъ князей и объ опасности, которой подвергался Изяславъ Мстиславичъ; а въ заключеніе напомнилъ народу его слова, что на Ольговичей онъ пойдетъ хотя и съ дѣтьми. „Доспѣвайте — прибавилъ посолъ: — у кого есть конь, на конѣ, у кого нѣтъ, въ ладьѣ; измѣнники хотѣли не только убить великаго князя, но и васъ всѣхъ искоренить". Это торжественное обращеніе къ народу, такому впечатлительному какъ Кіевляне, обращеніе, долженствовавшее возбудить его усердіе, оказалось полити-

ческою ошибкою, излишнею заботою Изяслава о своемъ самосохраненіи.

Выслушавъ посла, народъ заволновался, и началъ кричать, что онъ радуется избавленію великаго князя отъ погибели, приготовленной измѣнниками, и что готовъ идти на нихъ и съ дѣтьми. Но вдругъ какой то человѣкъ возвысилъ голосъ, и сказалъ приблизительно слѣдующее:

„Мы рады идти за нашего князя; но подумаемъ прежде, какъ бы въ наше отсутствіе не вышло того же, что случилось при Изяславѣ Ярославичѣ, когда недобрые люди высѣкли Всеслава изъ поруба и посадили его на княжій столъ. А Игорь, врагъ нашего князя, даже не въ порубѣ сидитъ, но у св. Ѳеодора. Прежде убьемъ его, а потомъ и пойдемъ на Черниговскихъ".

Рѣчь эта была искрою, брошенною въ порохъ. Народъ завопилъ, что дѣйствительно такъ надобно сдѣлать. Тщетно Владиміръ Мстиславичъ пытался уговаривать его именемъ своего старшаго брата, и напоминалъ, что Игорь находится подъ крѣпкою стражей.

„Нѣтъ — вопили Кіевляне, — мы знаемъ, что ни намъ, ни вамъ добромъ не кончить съ этимъ племенемъ!"

Тщетно митрополитъ, тысяцкій великаго князя Лазарь и тысяцкій Владиміра Рагуйло старались удержать толпу. Она съ криками повалила съ Софійской площади къ Ѳедоровскому монастырю, находившемуся не подалеку, въ Старомъ городѣ. Владиміръ Мстиславичъ хотѣлъ упредить ее на конѣ; но по мосту не могъ проѣхать за тѣснотою, и поскакалъ въ объѣздъ по другимъ улицамъ. Это замедленіе погубило Игоря. Когда Владиміръ достигъ монастыря, то въ воротахъ онъ уже встрѣтилъ толпу, влекущую князя-схимника; не только иноческая мантія, но и свита были сорваны съ него. Молодой князь соскочилъ съ коня и прикрылъ несчастнаго собственнымъ корзномъ. Когда они проходили мимо двора вдовствующей княгини, мачихи Изяслава II и матери Владиміра, послѣдній съ помощью боярина Михаила выхватилъ Игоря изъ рукъ убійцъ, бросился на дворъ княгини и заперъ ворота. Михаилъ при этомъ подвергся побоямъ; съ

него сорвали золотой крестъ вмѣстѣ съ цѣпью. Разсвирѣпѣвшая толпа уже не помнила себя; она выломала ворота, и начала бить Игоря; при чемъ едва не убила и Владиміра, пытавшагося его защитить. Къ ногамъ злополучнаго князя привязали веревку и притащили его чрезъ Бабинъ Торжокъ на княжій дворъ, гдѣ и докончили; затѣмъ положили трупъ на телѣгу, отвезли на Подолъ и бросили его на торговой площади. Это черное дѣло происходило въ пятницу 19 сентября 1147 года. На упреки властей въ убійствѣ, народъ отвѣчалъ: „не мы убили его, а Ольговичъ, Давидовичи и Всеволодичъ, которые хотѣли измѣною погубить нашего князя". По приказу митрополита Ѳедоровскій игуменъ Ананія взялъ тѣло князя, и предалъ его погребенію въ Симеоновскомъ монастырѣ, которому благодѣтельствовали отецъ и дѣдъ Игоря.

Тяжела была Изяславу вѣсть о совершенномъ злодѣяніи. Онъ со слезами жаловался дружинѣ своей, что не уйти ему теперь отъ людской клеветы, которая припишетъ убійство его собственному наущенію. Дружина старалась по возможности утѣшить князя. Но онъ уже не сталъ ждать къ себѣ кіевскую рать, а воротился печальный въ столицу. Впрочемъ, потакая Кіевлянамъ, онъ не рѣшился наказать зачинщиковъ своевольной расправы, и оставилъ дѣло безъ послѣдствій. Война съ черниговскими и сѣверскими князьями продолжалась и послѣ того. Великій князь вмѣстѣ съ братомъ Ростиславомъ и дядею Вячеславомъ повоевалъ волости Ольговичей и Давидовичей и взялъ нѣсколько городовъ. Видя разореніе своихъ волостей и тщетно ожидая къ себѣ на помощь Юрія Суздальскаго, противники наконецъ смирились, и просили прекратить войну. Изяславъ послалъ въ Черниговъ своихъ бояръ съ бѣлогородскимъ епископомъ Ѳеодоромъ и печерскимъ игуменомъ Ѳеодосіемъ, которые и привели ко кресту Давидовичей и Ольговичей въ черниговскомъ соборномъ храмѣ Спасителя. Они присягнули на томъ, что отложатъ всякую вражду за Игоря и будутъ сообща съ великимъ княземъ блюсти Русскую землю.

Управясь съ сосѣдними князьями, Изяславъ предпри-

нялъ давно задуманный далекій походъ на ихъ союзника, своего дядю Юрія Суздальскаго. Походы на сѣверъ совершались обыкновенно зимнимъ временемъ, когда рѣки и болота покрывались толстымъ слоемъ льда и не представляли никакихъ препятствій для движенія. Зимою 1148 года Изяславъ съ дружиною пріѣхалъ сначала въ Смоленскъ къ брату Ростиславу. Братья нѣсколько времени провели въ пирахъ и веселіи, мѣнясь дарами и взаимно одѣляя дружинниковъ. Лѣтопись по этому поводу приводитъ слѣдующую черту, подтверждающую, что Смоленскій край или верхнее Поднѣпровье по своей торговлѣ и промышленности тянулъ болѣе къ сѣверной Руси, чѣмъ къ южной. Изяславъ, говоритъ она, дарилъ Ростислава произведеніями Русскихъ и Царскихъ земель (южной Руси и Греціи), а Ростиславъ дарилъ Изяслава тѣмъ, что шло отъ Верхнихъ земель (изъ Новгорода) и отъ Варягъ. Великій князь поручилъ брату вести полки кіевскіе и смоленскіе прямо на Волгу, назначивъ мѣстомъ соединенія съ нимъ устье Медвѣдицы, куда обѣщали придти и князья Черниговскіе. А самъ Изяславъ съ небольшою дружиною отправился въ Новгородъ Великій, что бы поднять его противъ Юрія. Новогородскимъ княземъ въ то время былъ младшій сынъ его (Ярославъ). Изяславъ Мстиславичъ очевидно пользовался расположеніемъ Новогородцевъ. Уже за три дня пути до города начали встрѣчать его граждане съ поклонами и поздравленіями. При въѣздѣ въ самый Новгородъ его встрѣтилъ сынъ съ боярами. Былъ воскресный день. Изяславъ отстоялъ обѣдню въ св. Софіи; а потомъ подвойскіе и биричи по всѣмъ улицамъ сзывали народъ на обѣдъ къ великому князю. Угощеніе было обильное; народъ разошелся довольный и веселый. На слѣдующее утро Изяславъ приказалъ звонить въ вѣчевой колоколъ, и граждане собрались на дворъ Ярослава. Тутъ великій князь обратился къ собранію съ рѣчью. Онъ говорилъ, что по жалобѣ самихъ Новогородцевъ пришелъ мстить за обиды, понесенныя отъ его дяди Юрія; но что пусть граждане разсудятъ, идти ли на него войною или кончить дѣло миромъ. Народъ отвѣчалъ въ одинъ голосъ:

„Ты нашъ князь, ты нашъ Владиміръ, ты нашъ Мстиславъ! Рады идти съ тобою за свои обиды!“

Нѣкоторые такъ расходились въ своемъ воинственномъ одушевленіи, что принялись кричать:

„Всѣ пойдемъ! Только одни поставленные (священнослужители) останутся; а кому хотя и гуменцо уже острижено, но еще не поставленъ, и тотъ пусть идетъ“.

Новогородская земля выставила многочисленную рать. Въ ней участвовали не только Псковичи и жители другихъ пригородовъ, но также инородцы, напримѣръ Корела. Однако походъ, затѣянный въ обширныхъ размѣрахъ, не привелъ ни къ чему рѣшительному. На устьѣ Медвѣдицы Изяславъ дѣйствительно соединился съ братомъ Ростиславомъ. Но Давидовичи и Ольговичи не пришли: они съ своею ратью остановились въ землѣ Вятичей, и тамъ ждали, чѣмъ кончится дѣло. Юрій съ своей стороны не только не отвѣчалъ на посольство племянника, отправленное къ нему еще изъ Смоленска, но и самаго посла задержалъ у себя. Братья Мстиславичи двинулись внизъ по Волгѣ, разоряя суздальскія волости по обѣ стороны рѣки. Дошли до Мологи, и отсюда пустили впередъ легкія дружины, которыя повоевали до Ярославля. Но далѣе идти было поздно: настала Вербная недѣля, и сдѣлалось такъ тепло, что ледъ на Волгѣ и Мологѣ покрылся водою, которая доходила конямъ до чрева. Опасаясь разлитія рѣкъ, ополченіе поспѣшило вернуться по домамъ. Для скудно населенной Суздальской земли однако это нашествіе стоило дорого: князья вывели изъ нея до 7000 плѣнниковъ.

Въ слѣдующемъ 1149 году Юрій наконецъ рѣшился самъ выступить противъ своего племянника. Но его подвинули на это рѣшеніе не столько разореніе собственныхъ земель, сколько обида, нанесенная сыну Ростиславу. Послѣдній пріѣхалъ на югъ къ Изяславу, жалуясь на отца, который обдѣлилъ его волостями. Великій князь принялъ его ласково, и поручилъ ему нѣсколько городовъ; но послѣ своего похода на сѣверъ онъ далъ вѣру разнымъ навѣтамъ, обвинявшимъ Ростислава въ коварныхъ замыслахъ, и отослалъ его обратно къ отцу. Юрій силь-

но разсердился на такую обиду, говоря: „Ужели ни мнѣ, ни дѣтямъ моимъ нѣтъ части въ Русской землѣ?“ Когда онъ явился въ Черниговскихъ предѣлахъ, къ нему пристали Ольговичи, т. е. оба Святослава, дядя съ племянникомъ, которые забыли недавнюю присягу великому князю. Но Давидовичи на этотъ разъ не захотѣли измѣнить крестному цѣлованію; они отказались соединиться съ Юріемъ и остались въ союзѣ съ Изяславомъ. За то къ Юрію пришли на помощь многочисленныя толпы Половцевъ: онъ, подобно Святославу Ольговичу, былъ женатъ на половчанкѣ, и имѣлъ дружественныя связи съ степными ханами. Мономаховичи, дядя и племянникъ, встрѣтились подъ Переяславлемъ, и эта первая встрѣча была неудачна для племянника: кіевская и переяславская рать не охотно сражались противъ Мономахова сына. Разбитый дядею въ сраженіи 23 августа, Изяславъ самъ третей прискакалъ въ Кіевъ. Вмѣстѣ съ братомъ Ростиславомъ онъ спрашивалъ Кіевлянъ: могутъ ли они еще биться за него?

Кіевское вѣче дало такой отвѣтъ:

„Господа, князья наши! Не погубите насъ до конца; отцы наши, братья и сыновья, одни избиты въ сраженіи, другіе взяты; а теперь непріятели придутъ и насъ заберутъ въ полонъ. Поѣзжайте лучше въ свои волости. Вы знаете, что намъ съ Юріемъ не ужиться; послѣ, когда увидимъ стяги ваши, то встанемъ за васъ“.

Князья принуждены были послѣдовать этому совѣту: Ростиславъ воротился въ Смоленскъ, а Изяславъ удалился въ свой собственный удѣлъ, Владиміръ Волынскій. Юрій вступилъ въ Кіевъ, и съ торжествомъ сѣлъ на великокняжескомъ столѣ. Съ нимъ была часть его многочисленныхъ сыновей, которыхъ онъ и не замедлилъ разсадить по кіевскимъ городамъ: старшаго Ростислава въ Переяславлѣ, слѣдующаго за нимъ Андрея въ Вышгородѣ, Бориса въ Бѣлгородѣ, Глѣба въ Каневѣ.

Изяславъ однако не думалъ уступить Юрію, и обратился съ просьбою о помощи къ своему родственнику королю угорскому Гейзѣ II, женатому на его сестрѣ Евфросиніи (сестрѣ по отцу, но не по матери), кромѣ того къ

своякамъ королю чешскому Владиславу II и польскому Болеславу Кудрявому. Гейза, хотя и самъ занятъ былъ войною съ Греками, прислалъ десятитысячную вспомогательную рать; а короли Польскій и Чешскій пришли сами. Изяславъ щедро угощалъ и дарилъ союзниковъ. Любопытно при этомъ извѣстіе лѣтописи, что въ лагерѣ подъ Луцкомъ Болеславъ Кудрявый опоясалъ мечемъ многихъ сыновей русскихъ бояръ; слѣдовательно, подражая западнымъ обычаямъ, совершилъ нѣчто въ родѣ посвященія въ рыцари. Между тѣмъ и Юрій нашелъ себѣ сильнаго союзника, въ лицѣ Владимірка Галицкаго, который имѣлъ виды на сосѣдніе волынскіе города, и не желалъ допускать соединеніе въ однѣхъ рукахъ княжествъ Кіевскаго и Волынскаго. Услыхавъ о движеніи Владимірка, иноземные союзники Изяслава воротились домой, и онъ долженъ былъ съ однѣми собственными силами продолжать борьбу.

Суздальское войско осадило волынскій городъ Луцкъ, защищаемый Владиміромъ, младшимъ братомъ Изяслава. Здѣсь впервые отличился своею отвагою и ратными подвигами Андрей, второй сынъ Суздальскаго князя, знаменитый впослѣдствіи Боголюбскій. Когда дружины Юрія подъ начальствомъ его сыновей подступали къ городу, изъ воротъ вышелъ отрядъ пѣхоты, въ числѣ которой находились и наемные Нѣмцы. Этотъ отрядъ началъ перестрѣливаться съ Суздальцами. Андрей, не дожидаясь братьевъ, съ одной своей дружиной ударилъ на пѣхоту, и заставилъ ее повернуть назадъ. Увлекшись преслѣдованіемъ, онъ отдѣлился отъ своихъ, и только съ двумя отроками очутился посреди непріятелей. Его копье сломалось, конь былъ прободенъ въ двухъ мѣстахъ; а съ городской стѣны дождемъ посыпались камни; одинъ изъ отроковъ погибъ. Какой то нѣмецъ уже занесъ рогатину на князя; но тотъ успѣлъ мечемъ отразить ударъ. Тяжело раненый конь едва успѣлъ вынести всадника изъ битвы, какъ тотчасъ палъ. Отецъ, дядя Вячеславъ, братья и вся дружина радовались, увидя Андрея, счастливо избѣгшимъ опасности, и славили его мужество. Вѣрнаго коня своего Андрей велѣлъ торжественно похо-

ронить на берегу Стыри. Луцкъ, отрѣзанный непріятелями отъ рѣки, съ трудомъ выдерживалъ осаду. Тогда Изяславъ попросилъ мира, который и получилъ при посредничествѣ того же Андрея Юрьевича. Но, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, Кіевляне, узнавъ ближе характеръ Суздальскаго князя, уже тайкомъ звали Изяслава къ себѣ на столъ. Послѣдній, не смотря на недавнюю присягу внезапно явился подъ Кіевомъ, и Юрій, захваченный врасплохъ, бѣжалъ за Днѣпръ въ свой Остерскій Городокъ, стоявшій при впаденіи Остера въ Десну.

На этотъ разъ не долго Изяславъ сидѣлъ на великомъ столѣ. Въ томъ же 1150 году онъ долженъ былъ опять уйти изъ Кіева, когда съ одной стороны обступали его Юрій съ Ольговичами и Давидовичами, а съ другой подходилъ Владимірко. Лѣтопись говоритъ, что Суздальскій и Черниговскіе князья съѣхались съ Галицкимъ подъ стѣнами Кіева на рѣчкѣ Сѣтомли на болоньи, и поздоровались, не слѣзая съ коней. Владимірко воспользовался случаемъ поклониться кіевскимъ святынямъ. Прежде всего онъ отправился въ Вышгородъ помолиться у гробовъ князей мучениковъ; оттуда поѣхалъ къ св. Софіи Кіевской и къ Богородицѣ Десятинной; а затѣмъ остановился въ Печерскомъ монастырѣ, гдѣ принялъ честь и угощеніе отъ своего союзника и свата. Они только что породнились между собою не задолго передъ тѣмъ: Юрій выдалъ дочь свою Ольгу за Владимірова сына Ярослава. На обратномъ походѣ Галицкій князь завоевалъ нѣсколько волынскихъ городовъ; часть этихъ городовъ Юрій отдалъ сыну Андрею, и послѣдній утвердилъ свое пребываніе въ Пересопницѣ.

Юрій въ свою очередь недолго усидѣлъ на великокняжескомъ столѣ. Изяславъ снова получилъ отъ угорскаго короля десятитысячное вспомогательное войско, и поспѣшилъ къ Кіеву. Владимірко Галицкій, соединясь съ Андреемъ Юрьевичемъ, думалъ заслонить путь Изяславу. Послѣдній обманулъ его воинскою хитростію: когда оба войска расположились на ночь не подалеку другъ отъ друга, Изяславъ велѣлъ зажечь большіе костры; а самъ въ туже ночь снялся съ мѣста и далеко ушелъ впе-

редъ. Перешедши рѣку Тетеревъ, онъ остановился для отдыха около мѣстечка Здвиженья, и здѣсь учинилъ совѣтъ съ своими боярами и союзниками. Затрудненіе состояло въ томъ, что прямой путь къ Кіеву заслонялъ крѣпкій Бѣлгородъ, въ которомъ сидѣлъ сынъ Юрія Борисъ. Изяславъ рѣшилъ напередъ отправить брата своего Владиміра съ „младшею дружиною“, что бы нечаяннымъ нападеніемъ захватить и городъ, и Бориса прежде, нежели онъ успѣетъ дать вѣсть отцу. Если же это не удастся, Бѣлгородъ задержитъ походъ и Юрій будетъ извѣщенъ вбвремя, то предположено было повернуть въ Поросье, тамъ соединиться съ Черными Клобуками и потомъ уже идти на Кіевъ. Владиміръ съ конницею подступилъ къ Бѣлгороду въ ту пору, когда Борисъ безпечно пилъ у себя на сѣняхъ съ своею дружиною и бѣлогородскимъ духовенствомъ. Но „мытникъ“ или таможенный приставъ успѣлъ переметать мостъ, ведущій въ городъ черезъ рѣку Ирпень. Борисъ, услыхавъ трубный звукъ и клики непріятелей, тотчасъ убѣжалъ къ отцу. Бѣлогородцы наскоро исправили мостъ и съ честью приняли Владиміра Мстиславича. Подоспѣлъ съ главными силами Изяславъ, и, не теряя времени, поспѣшилъ къ Кіеву, оставивъ въ Бѣлгородѣ брата, что бы задержать Галицкаго князя на случай его прихода.

Юрій безпечно проживалъ на своемъ загородномъ „Красномъ дворѣ“, когда сынъ прискакалъ къ нему съ извѣстіемъ о приближеніи Изяслава. Онъ имѣлъ время только сѣсть въ насадъ и спастись за Днѣпръ въ свой Городокъ. Кіевляне, окончательно невозлюбившіе Юрія встрѣтили Изяслава съ радостію. По обычаю первымъ дѣломъ великаго князя было отправиться въ Софійскій соборъ. Отсюда онъ поѣхалъ на дворъ Ярославовъ, гдѣ устроилъ большое пиршество для гражданъ и для своихъ союзниковъ Угровъ. Народъ веселился нѣсколько дней. Между прочимъ на Ярославовомъ дворѣ Угры показывали Кіевлянамъ свое искусство въ верховой ѣздѣ и приводили ихъ въ удивленіе своею ловкостью (джигитовкой). Между тѣмъ Владимірко Галицкій, услыхавъ, что Юрій бѣжалъ, а Изяславъ уже въ Кіевѣ, съ досадою сказалъ

спутнику своему Андрею Юрьевичу: „Каково ведетъ дѣла сватъ мой; на него идетъ рать изъ Владиміра; а онъ ничего о томъ не вѣдаетъ; одинъ сынъ сидитъ въ Пересопницѣ, а другой въ Бѣлгородѣ, и не умѣютъ устеречь непріятеля! Нѣтъ если вы такъ княжите съ своимъ отцомъ, то управляйтесь сами съ Изяславомъ; не могу же я теперь идти на него одинъ". Затѣмъ Владимірко повернулъ назадъ въ свой Галичъ. Но, что бы не остаться безъ всякаго вознагражденія, онъ дорогою вымогалъ со встрѣчныхъ городовъ окупъ серебромъ, грозя въ случаѣ отказа брать ихъ „на щитъ", т. е. на разграбленіе воинамъ. Чтобы удовлетворить его жадности, многіе горожане и ихъ жены снимали серебряныя гривны съ шеи и серьги изъ ушей, переплавляли ихъ въ слитки и отдавали князю.

Изяславъ II сознавалъ однако, что одни военные успѣхи не обезпечивали за нимъ Кіева, потому что родовое право все таки оставалось на сторонѣ дяди. Что бы отнять у него это право, онъ призвалъ въ Кіевъ другаго дядю, Вячеслава, сидѣвшаго на ту пору по близости, въ Вышгородѣ. Послѣдній былъ старше Юрія Долгорукаго, и не разъ пытался занять великокняжескій столъ; но по своему миролюбію и добродушію обыкновенно уступалъ его болѣе честолюбивымъ и энергичнымъ соперникамъ. Теперь Изяславъ призналъ Вячеслава великимъ княземъ Кіевскимъ; а Вячеславъ усыновилъ его, и оставилъ за нимъ дѣйствительную власть. Дядя поселился на „великомъ дворѣ" Ярославовомъ, въ Верхнемъ городѣ; а племянникъ сталъ жить въ другомъ дворцѣ княжескомъ подъ холмомъ Угорскимъ. Старшій послѣ Кіева удѣлъ Переяславскій былъ отданъ старшему сыну Изяслава Мстиславу. Князья щедро одарили союзныхъ Угровъ дорогими сосудами, одеждами, греческими паволоками, конями, и отпустили ихъ домой.

Но борьба еще не кончилась. Юрій соединился съ Ольговичами, призвалъ на помощь степныхъ варваровъ, и сталъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра противъ Кіева. Сначала завязалось ратоборство на рѣкѣ; съ той и другой стороны выѣзжали воины на лодкахъ, и бились. Дѣло происходило лѣтомъ 1151 года. Изяславъ искусно устроилъ

свои ладьи: гребцы были закрыты сверху досчатой палубой, на которой стояли стрѣлки въ броняхъ и метали стрѣлы; а рулевыхъ вездѣ подвое, одинъ на носу, другой на кормѣ; такъ что ладья могла ходить впередъ и назадъ, не поворачивая. Не имѣя возможности ни переправиться черезъ рѣку подъ самымъ Кіевомъ, ни спуститься по ней мимо города, Юрій велѣлъ перевести ладьи въ ближнее озеро Долобское, отсюда перетащить ихъ въ рѣчку Золотчу и по этой рѣчкѣ спустить въ Днѣпръ. Онъ имѣлъ намѣреніе переправиться на Витичевскомъ броду; но Изяславъ слѣдовалъ за нимъ по другому берегу и заграждалъ переправу. Тогда Юрій послалъ одного изъ сыновей съ частью дружины и съ Половцами еще далѣе, къ Зарубскому броду, около устья р. Трубежа. Этотъ бродъ оберегалъ Изяславовъ воевода Шварнъ съ небольшимъ отрядомъ. Половцы, поднявъ копья и щиты, на коняхъ бросились въ рѣку; а Русскіе поплыли въ ладьяхъ. Кіевская стража не стала защищать переправу, и обратилась въ бѣгство, „потому—объясняетъ лѣтопись,—что никого изъ князей не было; а боярина не всѣ слушали". Вслѣдъ за сыномъ переправился и Юрій со всѣмъ ополченіемъ. Изяславъ Мстиславичъ съ дядею Вячеславомъ, братомъ Ростиславомъ Смоленскимъ и Изяславомъ Давидовичемъ Черниговскимъ отступилъ къ Кіеву, и расположилъ свои силы около города. Сами великіе князья стали таборомъ у Золотыхъ воротъ, Изяславъ Давидовичъ между Золотыми и Жидовскими, Ростиславъ передъ Жидовскими, удѣльный князь городенскій Борисъ у Лядскихъ воротъ; далѣе размѣстилось кіевское земское ополченіе. Пришли и Черные Клобуки, т. е. Торки, Коуи, Берендѣи и Печенѣги съ своими семьями и стадами. Эти полукочевые союзники, неуступавшіе Половцамъ въ хищности, начали грабить и жечь окрестные села и монастыри; такъ что Изяславъ съ трудомъ укротилъ ихъ и размѣстилъ по частямъ между русскими дружинами; а главную ихъ толпу поставилъ въ дебряхъ около Олеговой могилы.

Вячеславъ послалъ уговаривать Суздальскаго князя, что бы онъ не проливалъ христіанской крови. „Я уже

былъ брадатъ, когда ты родился—велѣлъ онъ сказать брату;—хочешь ли опять лишить меня старшинства?" Юрій остался непреклоненъ. Но потерпѣвъ неудачу въ нѣсколькихъ сшибкахъ, онъ отступилъ, и пошелъ на соединеніе съ своимъ союзникомъ, сильнымъ Галицкимъ княземъ, который снова спѣшилъ на помощь къ свату. Изяславъ его преслѣдовалъ. Къ нему также шла подмога отъ его вѣрнаго союзника Гейзы II. Сынъ его Мстиславъ Изяславичъ прислалъ сказать отцу, что ведетъ многочисленные полки Угровъ, которые уже прошли Карпатскія горы. Изяславъ однако не сталъ ихъ дожидаться, потому что Владимірко могъ предупредить. Обѣ рати переправились за Стугну, прошли валы, ограждавшіе Кіевскую землю отъ кочевниковъ, и очутились въ „чистомъ полѣ". Здѣсь кіевскіе князья догнали Юрія на берегахъ рѣки Рута, одного изъ лѣвыхъ притоковъ Роси.

Рано утромъ, едва занялась заря, ударили въ бубны и затрубили въ трубы: оба войска начали готовиться къ битвѣ. Видя невозможность переправиться за Рутъ со всѣмъ обозомъ при наступленіи непріятеля, Юрій принужденъ былъ обернуться къ нему лицомъ. Сынъ его Андрей, оставшійся старшимъ по смерти брата Ростислава, устроилъ отцовскіе полки, и повелъ ихъ въ битву. Изяславъ съ своей стороны построилъ кіевскую рать, и во главѣ собственной дружины ударилъ на противниковъ. Но вскорѣ онъ сломалъ свое копье, получилъ рану въ руку и въ стегно, и замертво упалъ съ коня. Побѣда однако осталась на его сторонѣ. Половцы, смѣлые наѣздники въ мелкой войнѣ, не отличались стойкостью въ правильной битвѣ, и первые бросились бѣжать. Во время бѣгства много Юрьевой дружины перетонуло въ тинистомъ Рутѣ. Въ числѣ павшихъ находился и союзникъ Юрія Владиміръ Давидовичъ, князь Черниговскій, котораго братъ Изяславъ Давидовичъ въ тотъ день сражался въ рядахъ кіевскихъ. Между тѣмъ великій князь, пришедши въ себя, поднялся съ земли; нѣкоторые пѣшіе Кіевляне приняли его за непріятеля и хотѣли убить. „Я князь" — сказалъ онъ. „Тѣмъ лучше" — отвѣчалъ одинъ изъ воиновъ, и ударилъ мечемъ по княжескому шлему, на которомъ бли-

стало золотое изображеніе св. Пантелеймона. „Я вашъ князь"—сказалъ Изяславъ, и снялъ шлемъ. Обрадованные Кіевляне подняли его на руки, и провозгласили *киріе элейсонъ*, т. е. „Господи помилуй"!

Юрій спасся бѣгствомъ въ Переяславль; а союзники его Ольговичи бѣжали въ свои удѣлы. Любопытно при этомъ слѣдующее обстоятельство. Такъ какъ черниговскій князь Владиміръ Давидовичъ палъ на берегахъ Рута, то являлся вопросъ: кому достанется старшій столъ въ семьѣ Святославичей, родному брату Изяславу Давидовичу или двоюродному Святославу Ольговичу? Права ихъ на этотъ столъ были почти равныя, и онъ долженъ былъ достаться тому, кто первый его захватитъ. Изяславъ Давидовичъ началъ было, по обычаю, плакаться надъ тѣломъ погибшаго брата. Но великій князь замѣтилъ, что брата уже не воскресишь, а лучше спѣшить скорѣе въ Черниговъ, и далъ ему въ провожатые конную дружину съ однимъ изъ своихъ племянниковъ. Изяславъ Давидовичъ вмѣстѣ съ тѣломъ брата немедленно поскакалъ въ Вышгородъ, куда и прибылъ вечеромъ того же дня. Въ туже ночь они перевезлись черезъ Днѣпръ, и на другой день были уже въ Черниговѣ. Здѣсь Изяславъ Давидовичъ предалъ погребенію тѣло покойнаго Черниговскаго князя, и сѣлъ на его столѣ. Между тѣмъ Святославъ Ольговичъ переправился за Днѣпръ выше Заруба и добрался до Городца Остерскаго. Будучи весьма тученъ, онъ сильно утомился и остался тамъ отдохнуть; а напередъ послалъ племянника своего Святослава Всеволодича, что бы занять Черниговъ. Но племянникъ на перевозѣ черезъ Десну узналъ, что Черниговъ уже захваченъ Изяславомъ Давидовичемъ, и воротился назадъ. Тогда Святославъ Ольговичъ поспѣшилъ въ свой Новгородъ Сѣверскій.

Когда Владимірко Галицкій услыхалъ о пораженіи своего союзника, то повернулъ назадъ. Тутъ онъ встрѣтился съ Уграми, которыхъ велъ къ отцу Мстиславъ Изяславичъ. Владимірко подстерегъ ихъ около Дорогобужа на одной стоянкѣ, гдѣ Мстиславъ задалъ своимъ союзникамъ пиръ. Угры перепились и крѣпко заснули; а на разсвѣтѣ напалъ на нихъ Галицкій князь, и истребилъ

почти все войско; только Мстиславъ успѣлъ ускакать съ собственною дружиною. Тогда Изяславъ II и его союзники поспѣшили управиться съ Юріемъ. Послѣдній упорно защищался сначала въ Переяславлѣ, потомъ въ Остерскомъ Городцѣ; но долженъ былъ уступить; заключилъ миръ и удалился въ свою сѣверовосточную область. Послѣ чего великій князь сжегъ и разрушилъ до основанія его Городецъ вмѣстѣ съ храмомъ св. Михаила, что бы лишить Юрія всякаго пристанища въ южной Руси.

Оставалось наказать Владимірка за избіеніе Угровъ. Изяславъ и Гейза уговорились напасть на него общими силами. Союзники встрѣтились на берегахъ Сана и дружески обнялись. Они вмѣстѣ пошли на Галицкаго князя, который стоялъ у Перемышля. Послѣдній былъ разбитъ. На своемъ борзомъ конѣ онъ пронесся сквозь полки Угровъ и Черныхъ Клобуковъ, и успѣлъ ускакать въ городъ. Перемышль, остававшійся безъ защитниковъ, легко могъ быть завоеванъ; но его спасло то обстоятельство, что непріятели занялись грабежемъ княжескаго загороднаго двора, въ которомъ было накоплено всякое добро. Межъ тѣмъ многіе галицкіе ратники имѣли время собраться въ городъ. Осажденный здѣсь, Владимірко съумѣлъ найтись и въ этомъ трудномъ положеніи. Онъ притворился тяжелораненымъ, умирающимъ, и послалъ къ королю съ мольбою о мирѣ. Онъ напомнилъ свои услуги, когда то оказанныя имъ отцу Гейзы, королю Бѣлѣ Слѣпому въ его войнахъ съ Поляками; говорилъ, что, готовясь къ смерти, поручаетъ Гейзѣ собственнаго сына, и просилъ не выдавать его недругу Изяславу. А послѣдній убѣждалъ короля не внимать трогательнымъ рѣчамъ коварнаго князя. Но Владимірко успѣлъ уже богатыми дарами подкупить угорскаго архіепископа и главныхъ королевскихъ совѣтниковъ, которые явились усердными за него ходатаями. Послѣ многихъ переговоровъ Гейза наконецъ согласился на миръ, и заставилъ Владимірка поцѣловать крестъ на томъ, что онъ возвратитъ Кіевскому князю захваченные у него волынскіе города и будетъ ему вѣрнымъ союзникомъ.

Но лишь только миновала опасность, Владимірко пере-

мѣнилъ тонъ, и отказался исполнить недавнее клятвенное условіе. Изяславъ прислалъ въ Галичъ своего боярина Петра Бориславича съ крестными или договорными грамотами, на основаніи которыхъ посолъ потребовалъ возвращенія волынскихъ городовъ. Владимірко отвѣчалъ, что онъ живъ не будетъ, а отомститъ Изяславу, который привелъ на него Угорскаго короля. Бояринъ напомнилъ о крестномъ цѣлованіи. Князь посмѣялся надъ легковѣріемъ своихъ враговъ, и отослалъ боярина ни съ чѣмъ. Петръ положилъ договорныя грамоты, и отправился въ путь; не получивъ ни подводы, ни корму, онъ долженъ былъ ѣхать на своихъ коняхъ. Когда бояринъ съѣзжалъ съ княжаго двора, Владимірко шелъ къ вечернѣ въ свою Спасскую церковь. Взойдя на переходы, которыми она была соединена съ дворцомъ, онъ увидалъ Петра, и со смѣхомъ сказалъ окружавшимъ: „вотъ поѣхалъ Русскій мужъ, побравши всѣ волости!" Затѣмъ князь взошелъ на полати или хоры, откуда слушалъ церковную службу. Возвращаясь назадъ послѣ вечерни, по увѣренію лѣтописи, на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ издѣвался надъ посломъ, онъ вдругъ почувствовалъ себя дурно, какъ будто кто то ударилъ его въ плечо; приближенные едва успѣли подхватить его, чтобы онъ не упалъ. Князя принесли въ горницу; положили въ укропъ, прикладывали разныя снадобья; но ему становилось все хуже, и въ ночь онъ скончался. Его приготовили къ погребенію, и по обычаю подлѣ гроба поставили княжее копье.

Кіевскій посолъ находился на первомъ ночлегѣ по дорогѣ въ Кіевъ. Едва запѣли пѣтухи, какъ прискакалъ княжій отрокъ изъ Галича съ приказомъ не ѣхать далѣе и ждать другаго гонца. Петръ началъ тужить, предвидя новыя притѣсненія отъ Владимірка. Еще до обѣда прискакалъ другой гонецъ съ повелѣніемъ отъ князя ѣхать назадъ въ городъ. Когда онъ подъѣхалъ къ дворцу, изъ сѣней вышли къ нему княжіе слуги всѣ въ черныхъ плащахъ. Петръ удивился этому; а, когда онъ взошелъ на сѣни, то увидѣлъ молодаго Владимірковa сына Ярослава сидящимъ на отцовскомъ мѣстѣ въ черной мантіи и клобукѣ; всѣ его бояре также были въ черныхъ одеждахъ. Петра посадили

на стулъ, и Ярославъ со слезами на глазахъ началъ говорить ему о внезапной смерти своего отца. А за тѣмъ велѣлъ отвезти свой поклонъ великому князю Кіевскому и сказать ему слѣдующее: „Богъ взялъ у меня отца, и будь мнѣ вмѣсто него. Ты самъ вѣдался съ моимъ отцомъ; но Богъ уже совершилъ свой судъ надъ нимъ; а меня поставилъ на его мѣсто. И полкъ его, и дружина теперь у меня; только одно копье стоитъ у его гроба; но и то въ моей рукѣ. Нынѣ, отче, кланяюсь тебѣ; имѣй меня также какъ сына твоего Мстислава. Пусть Мстиславъ ѣздитъ у твоего стремени съ одной стороны, а я съ другой". И затѣмъ отпустилъ Петра.

Однако и Ярославъ, подобно отцу, не думалъ сдержать своего обѣщанія и не воротилъ волынскихъ городовъ. Поэтому Изяславъ II въ слѣдующемъ 1153 году предпринялъ новый походъ на Галицкую землю съ подручными князьями и Черными Клобуками. У Теребовля встрѣтилъ его Ярославъ съ своими полками. Галицкіе бояре не пустили молодаго князя въ битву; а затворили его въ городѣ, на томъ основаніи, что онъ у нихъ остался одинъ, и потерять его было бы для нихъ бѣдствіемъ. Сраженіе произошло упорное и нерѣшительное. На одномъ крылѣ братья Изяслава обратили тылъ передъ Галичанами; а на другомъ самъ великій князь гналъ передъ собою непріятеля. Къ вечеру онъ сталъ на мѣстѣ битвы съ небольшою дружиною и велѣлъ поднять галицкіе стяги. Обманутые этою хитростію, Галичане начали собираться подъ стяги; но тутъ были захвачены въ плѣнъ. Плѣнниковъ набралось болѣе чѣмъ собственной дружины; великій князь велѣлъ перебить ихъ, за исключеніемъ только лучшихъ людей. Очевидно вражда съ Галичанами дошла у него до ожесточенія. Безъ всякаго другаго успѣха онъ ушелъ назадъ въ Кіевъ. „Великій плачъ былъ по всей землѣ Галицкой"—замѣчаетъ лѣтопись. Плакали конечно семейства, осиротѣвшія послѣ избіенія вѣроломно захваченныхъ плѣнниковъ. Такое вѣроломство и варварство противъ русскихъ людей со стороны одного изъ наиболѣе любимыхъ народомъ князей кіевскихъ вызвало у лѣтописца только это краткое замѣчаніе.

Споръ съ Галицкимъ княземъ о волынскихъ городахъ остался нерѣшеннымъ вслѣдствіе наступившей вскорѣ кончины Изяслава II. Будучи вдовъ, онъ сосваталъ себѣ другую жену у одного изъ христіанскихъ владѣтелей Абхазіи, и осенью 1153 года послалъ сына своего Мстислава съ дружиною и Берендѣями внизъ по Днѣпру, чтобы проводить невѣсту сквозь половецкія степи. Мстиславъ дошелъ до города Олешья, т. е. до низовьевъ Днѣпра; но черкесская княжна не явилась. На слѣдующій годъ Мстиславъ опять отправился ей на встрѣчу; княжна прибыла моремъ въ Днѣпръ и поднялась до пороговъ; а отсюда русская дружина проводила ее до Кіева. Великій князь сыгралъ свадьбу; но, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, въ ноябрѣ того же 1154 года онъ скончался, еще недостигши шестидесятилѣтняго возраста. Его похоронили въ монастырѣ св. Ѳеодора, т. е. подлѣ отца. Лѣтописецъ говоритъ, что „плакала по немъ вся Русская земля и всѣ Черные Клобуки". Изяславъ II дѣйствительно заслужилъ любовь Кіевлянъ своею храбростію, привѣтливостію и щедростію. Онъ умѣлъ при случаѣ и сказать красное слово народу, и угостить его на славу. Этотъ щедрый князь, не жалѣвшій имѣнія для друзей, пользовался особою привязанностію Черныхъ Клобуковъ или обитателей южной кіевской украйны, которые являются вѣрными союзниками Изяслава почти во всѣхъ войнахъ съ его соперниками..

Княженіе свое въ Кіевѣ Изяславъ ознаменовалъ и въ другомъ случаѣ: онъ сдѣлалъ попытку поставить Русскую церковь въ болѣе независимыя отношенія къ Византіи. Первая попытка такого рода была при Ярославѣ. Но послѣ Иларіона наши митрополиты снова выбирались изъ греческаго духовенства и поставлялись патріархомъ константинопольскимъ. Въ 1146 году митрополитъ кіевскій Михаилъ II самовольно удалился въ Царьградъ, и тамъ въ слѣдующемъ году скончался. Тогда Изяславъ II, по примѣру своего предка, созвалъ въ Кіевъ епископовъ, и поручилъ имъ поставить митрополита, указавъ для этого на инока и схимника Климента Смолятича, который, подобно Иларіону, отличался книжною ученостію.

Но соборъ духовный на этотъ разъ не былъ такъ единодушенъ какъ во времена Ярослава: съ одной стороны власть Кіевскаго князя, при раздробленіи Россіи, уже не имѣла прежней силы и величія, и областные епископы уже менѣе зависѣли отъ него; а съ другой поставленіе митрополита цареградскимъ патріархомъ успѣло пріобрѣсти силу твердаго преданія и сдѣлалось почти нашимъ церковнымъ правиломъ. Голоса на соборѣ раздѣлились: меньшинство утверждало, что не достоитъ епископамъ ставить митрополита, такъ какъ это дѣло патріарха. Представителями Греческой партіи были: смоленскій епископъ Мануилъ, родомъ грекъ, и новогородскій епископъ Нифонтъ. Главою же противной, т. е. Русской партіи, явился Онуфрій, епископъ Черниговскій, который защищалъ соборное право ставить митрополита. Что бы придать этому поставленію еще болѣе силы, онъ предложилъ благословить новаго митрополита главою св. Климента, папы Римскаго, которая была привезена Владиміромъ Великимъ изъ Корсуня и хранилась въ Десятинной церкви Богородицы. Онуфрій ссылался на примѣръ самихъ Грековъ, которые будто бы ставятъ своихъ іерарховъ рукою св. Іоанна Предтечи. Предложеніе Онуфрія было принято, и Климентъ поставленъ. Но Мануилъ и Нифонтъ не соглашались признать его митрополитомъ, пока онъ не получитъ благословенія отъ патріарха цареградскаго; за что эти два епископа подверглись гоненію отъ великаго князя. Однако они нашли себѣ многихъ единомышленниковъ въ русскомъ духовенствѣ, которые съ неудовольствіемъ видѣли нарушеніе обычая; а патріархъ Николай Музалонъ прислалъ Нифонту похвальную грамоту, и въ ней уподоблялъ его святымъ подвижникамъ. Сторону греческой партіи держалъ и соперникъ Изяслава II Юрій Долгорукій. Когда онъ утвердился на Кіевскомъ столѣ послѣ смерти Изяслава, то Климентъ былъ изгнанъ во Владиміръ Волынскій; а митрополитомъ кіевскимъ на его мѣсто поставленъ въ Царьградѣ грекъ Константинъ.

До какой степени простиралось озлобленіе греческой партіи противъ Климента и Изяслава, видно изъ

того, что первымъ дѣломъ вновь избраннаго митрополита было: запретить священнодѣйствіе церковнослужителямъ, поставленнымъ Климентомъ, и предать анаѳемѣ память покойнаго князя. Потомъ во время продолжавшихся смутъ, когда Кіевъ занятъ былъ войскомъ Мстислава Изяславича, Константинъ, опасаясь отъ него мести за отца, удалился въ Черниговъ, гдѣ и скончался въ томъ же году (1159). По словамъ лѣтописи, передъ смертію онъ призвалъ къ себѣ черниговскаго епископа Антонія и вынудилъ у него слѣдующее клятвенное обѣщаніе: не погребать его, Константиново, тѣло, а, привязавъ веревку къ ногамъ, вытащить изъ города и бросить на съѣденіе псамъ. Епископъ исполнилъ это странное завѣщаніе, къ соблазну и удивленію всего народа. Но князь черниговскій (Святославъ Ольговичъ), посовѣтовавшись съ своими боярами и тѣмъ же епископомъ, на другой день велѣлъ взять тѣло митрополита и похоронить его въ Спасскомъ соборѣ ([68]).

Послѣ кончины Изяслава II, старый Вячеславъ Мономаховичъ призвалъ въ Кіевъ другаго своего племянника, Ростислава Мстиславича Смоленскаго, и точно также поручилъ ему всѣ кіевскіе „ряды рядить“, т. е. судъ, расправу и ратное дѣло. Но въ томъ же 1154 году Вячеславъ умеръ. Ростиславъ вслѣдствіе неудачной войны съ Изяславомъ Давидовичемъ Черниговскимъ потерялъ Кіевъ. Однако и соперникъ его недолго владѣлъ стольнымъ городомъ, на который собственно не имѣлъ права, потому что отецъ его никогда не былъ кіевскимъ княземъ. Изъ Суздальской области уже шелъ Юрій Долгорукій, который послалъ сказать Изяславу Давидовичу: „Кіевъ мнѣ отчина, а не тебѣ“. Изяславъ не посмѣлъ сопротивляться ему, и удалился въ Черниговъ. Юрій, столь долго стремившійся въ Кіевъ, занялъ его въ третій разъ, и наконецъ здѣсь утвердился (1155 г.). Наиболѣе значительные удѣлы Кіевскаго княженія онъ роздалъ своимъ сыновьямъ: Андрею Вышгородъ, Борису Туровъ, Глѣбу Переяславль, а Васильку Поросье, т. е. область Торковъ и Берендѣевъ. Окруживъ себя сыновьями, Долгорукій думалъ спокойно сидѣть на великокняжескомъ столѣ. Но

спокойное княженіе въ Кіевѣ сдѣлалось уже почти невозможнымъ. Между многочисленными потомками Владиміра Великаго взаимныя отношенія и права на старшинство сильно перепутались. Довольствовались одною тѣнью права, чтобы добиваться старшаго стола, если только надѣялись имѣть силу на своей сторонѣ. Отсюда видимъ постоянныя распри изъ за Кіева, постоянныя попытки овладѣть этимъ городомъ, еще заключавшимъ въ себѣ столько притягательной силы.

Положеніе Юрія было не прочно. Съ одной стороны старшинство его не признавали сами Мономаховичи, особенно старшій сынъ его счастливаго соперника Изяслава II, Мстиславъ, князь Волынскій; а съ другой безпокойные князья Черниговскіе также искали случая снова захватить Кіевъ въ свои руки. Одинаковое стремленіе сблизило недавнихъ противниковъ: Изяславъ Давидовичъ заключилъ союзъ съ Ростиславомъ Смоленскимъ и его племянникомъ Мстиславомъ Волынскимъ. Но въ то время, когда они собирались идти на Юрія, смерть избавила послѣдняго отъ новой борьбы. Однажды онъ пировалъ у какого то боярина Петрила; въ туже ночь заболѣлъ; а черезъ пять дней скончался (1157 г.). Его похоронили въ церкви св. Спаса на Берестовѣ, гдѣ былъ загородный княжій домъ. Важное историческое значеніе этого князя основано не на кіевскомъ его княженіи, а на его дѣятельности въ землѣ Суздальской. Что же касается до Кіевлянъ, то очевидно онъ не пользовался ихъ расположеніемъ. Народъ особенно злобился на его суздальскихъ дружинниковъ за ихъ вымогательства и жадность. Когда умеръ великій князь, чернь бросилась грабить его загородные дворы и между прочимъ тотъ, который находился за Днѣпромъ и назывался *Раемъ*; пограбила также дворы суздальскихъ бояръ и дружинниковъ по ближнимъ городамъ и селамъ, а нѣкоторыхъ умертвила. Ясно, какъ вредно вліяли на народные нравы постоянное соперничество, постоянная смѣна великихъ князей, и какъ съ упадкомъ верховной власти возрастали необузданность кіевской черни и привычка къ самоуправству.

Изяславъ Давидовичъ Черниговскій снова захватилъ

Кіевъ, но опять не надолго. Недавніе союзники, Мономаховичи не замедлили вновь сдѣлаться его врагами. Къ нимъ присоединился и сильный галицкій князь Ярославъ. Причиною его вражды къ Изяславу Давидовичу послужилъ двоюродный братъ Ярослава, извѣстный Иванъ Берладникъ, лишенный Владимірkомъ своего наслѣдственнаго удѣла. Иванъ долго скитался по разнымъ землямъ, проживая у разныхъ князей. Нѣкоторое время онъ находился въ службѣ у Юрія Долгорукаго. Когда Юрій занялъ Кіевъ, то Галицкій князь, женатый на его дочери, упросилъ тестя выдать ему Берладника; такъ какъ послѣдній не оставлялъ своихъ притязаній на часть Галицкой земли. Уже несчастнаго князя привезли скованнымъ изъ Суздаля въ Кіевъ; но здѣсь митрополитъ и духовенство приступили съ увѣщаніями къ Долгорукому, и укоряли его за то, что онъ, преступивъ свое крестное цѣлованіе Ивану, хочетъ выдать его на убійство. Великій князь отправилъ его назадъ въ Суздаль. Но Изяславъ Давидовичъ Черниговскій послалъ своихъ людей, которые перехватили Суздальцевъ на дорогѣ, и отняли у нихъ Берладника. Послѣдній нашелъ себѣ пріютъ въ Черниговѣ. Когда же Изяславъ сѣлъ опять въ Кіевѣ, Ярославъ Галицкій и къ нему обратился съ просьбою выдать Берладника. Тотъ не только не согласился, но и потребовалъ отъ Галицкаго князя удѣлъ для его двоюроднаго брата. Отсюда возникла война Изяслава Давидовича съ Ярославомъ Галицкимъ и союзникомъ послѣдняго Мстиславомъ Волынскимъ. Вслѣдствіе измѣны Берендѣевъ, первый проигралъ ее, и потерялъ Кіевское княженіе (1159). Мстиславъ занялъ Кіевъ, куда вновь призвалъ изъ Смоленска своего дядю Ростислава.

Неугомонный Изяславъ Давидовичъ однако не думалъ оставлять своихъ притязаній на Кіевъ, и дѣлалъ еще нѣсколько попытокъ отнять его у Ростислава. Однажды съ помощью наемныхъ Половцевъ ему удалось было въ третій разъ захватить великокняжескій столъ. Но онъ не могъ взять крѣпкаго Бѣлгорода, гдѣ заперся его соперникъ, и палъ при отступленіи, сраженный саблею какого то Войбора Негечевича въ 1162 году. Въ томъ же году

погибъ и злополучный Иванъ Берладникъ. По смерти своего покровителя Изяслава онъ удалился въ Грецію, и умеръ въ городѣ Ѳессалоникѣ, вслѣдствіе отравы, если вѣрить народной молвѣ: а этой смерти такъ добивался его двоюродный братъ Ярославъ Галицкій. За нѣсколько времени до того бывшіе товарищи Ивана южнорусскіе Берладники, занимавшіеся грабежемъ на морѣ и на сушѣ, взяли и разграбили городъ Олешье. Это было складочное мѣсто для греческихъ товаровъ, привозимыхъ въ Россію, и подобный разбой наносилъ чувствительный ударъ нашей торговлѣ съ Греками. Великій князь Ростиславъ немедленно послалъ судовую дружину съ бояриномъ Юріемъ Несторовичемъ. Послѣдній гдѣ то настигъ Берладниковъ, побилъ ихъ и отнялъ пограбленный товаръ. Вообще Ростиславъ обнаруживалъ похвальную заботливость о безопасности такого важнаго торговаго пути какъ Днѣпровскій, по которому ходили въ Кіевъ *гречники* и *залозники*; подъ именемъ первыхъ разумѣлись купцы, привозившіе товары изъ Византіи, а подъ вторыми тѣ, которые торговали съ Тавридою и Приазовскими краями. Когда умножались на Руси смуты и междоусобія, то Половцы обыкновенно пользовались этимъ временемъ, что бы нападать на торговые караваны, именно у Днѣпровскихъ пороговъ, гдѣ купцы должны были выгружаться и обходить пороги берегомъ. По лѣтописи извѣстны два случая заботливости Ростислава о защитѣ этихъ каравановъ отъ Половцевъ. Въ 1167 году онъ посылалъ своего боярина Владислава Ляха съ дружиною; подъ ея защитою гречники благополучно прошли опасныя мѣста и прибыли въ Кіевъ. А весною слѣдующаго 1168 года великій князь посылалъ для той же цѣли уже большое ополченіе соединенныхъ князей. Это ополченіе однако не пошло въ степи, что бы разгромить варваровъ въ ихъ собственныхъ вежахъ; оно только угрожало имъ, и все время простояло у Канева, пока гречники и залозники благополучно поднялись вверхъ по Днѣпру.

Послѣ гибели Изяслава Давидовича, Ростиславъ до самой кончины своей, т. е. въ теченіе шести лѣтъ, довольно спокойно сидѣлъ на Кіевскомъ столѣ; что въ тѣ вре-

мена было уже рѣдкостью. Самъ по себѣ Ростиславъ отличался миролюбіемъ и кромѣ того большою набожностію. Главною его поддержкою былъ племянникъ Мстиславъ Волынскій; много помогъ ему также союзъ съ Черниговскимъ княземъ. Когда Изяславъ Давидовичъ по смерти Долгорукаго завладѣлъ Кіевомъ, онъ уступилъ Черниговскій столъ двоюродному брату Святославу Ольговичу, и послѣ своего изгнанія изъ Кіева уже не получилъ обратно прежняго стола. Что бы обезпечить за собою Черниговъ, Святославъ сдѣлался вѣрнымъ союзникомъ Ростислава. Въ маѣ 1160 года они съѣхались на берегу Десны, въ одномъ изъ черниговскихъ городовъ, Моравійскѣ. Этотъ съѣздъ напомнилъ свиданіе того же Святослава Ольговича съ Юріемъ Долгорукимъ въ Москвѣ. Князья обмѣнялись взаимными подарками. Ростиславъ дарилъ союзника соболями, горностаями, мѣхами черныхъ куницъ, песцовъ, а также какими то рыбьими зубами. Святославъ на другой день отдарилъ своего гостя пардусомъ и двумя борзыми конями съ коваными сѣдлами. Съ того времени Ростиславъ питалъ особое расположеніе къ Святославу Ольговичу, и когда послѣдній скончался въ 1164 г., набожный Кіевскій князь изъявилъ желаніе, по примѣру Николы Святоши, постричься въ Печерскомъ монастырѣ. Но игуменъ Поликарпъ и духовникъ Семенъ отговорили его, напоминая ему главную обязанность князя судъ творить и правду наблюдать. Ростиславъ имѣлъ обыкновеніе въ великій постъ причащаться каждую недѣлю и каждую суботу и воскресенье угощать у себя во дворцѣ двѣнадцать печерскихъ иноковъ съ игуменомъ Поликарпомъ. А въ Лазареву суботу онъ приглашалъ къ себѣ всѣхъ „Печерянъ", призывалъ также иноковъ и изъ другихъ монастырей.

Но и этотъ кроткій князь не чуждъ былъ иногда суровыхъ поступковъ, свойственныхъ его времени. Примѣръ тому находимъ въ его отношеніяхъ къ Новгороду. Послѣ своего любимца Изяслава II, Новогородцы снова обнаружили обычное непостоянство: смотря по обстоятельствамъ, они призывали къ себѣ то одного изъ сыновей Ростислава, то кого либо изъ сыновей Юрія Дол-

горукаго. Когда Ростиславъ утвердился на Кіевскомъ столѣ, въ Новгородѣ княжилъ сынъ его Святославъ; но сильный сосѣдъ Новогородцевъ Андрей Суздальскій началъ притѣснять ихъ, чтобъ они приняли князя отъ его руки, и слѣдовательно дани свои посылали въ Суздаль, а не въ Кіевъ. Въ Новгородѣ наступили волненія и частыя вѣча. Наконецъ сторона Суздальскаго князя одолѣла противную сторону. Толпа вооруженныхъ гражданъ пришла на Городище или на княжій загородный дворъ, схватила Святослава Ростиславича и заперла его въ избѣ; супругу его заключила въ монастырь св. Варвары, дружину перевязала, а имѣнье ихъ разграбила Затѣмъ Ростиславича отправили въ Ладогу подъ крѣпкую стражу; а къ себѣ приняли княземъ одного изъ племянниковъ Андрея Боголюбскаго (1161 г.). Когда до великаго князя достигла вѣсть объ оскорбленіи, учиненномъ его сыну, Ростиславъ сильно разгнѣвался, велѣлъ схватить новогородскихъ купцевъ, торговавшихъ въ Кіевѣ, и заключить ихъ въ Пересѣченскій погребъ, гдѣ въ одну ночь задохлось изъ нихъ 14 человѣкъ. Это несчастье впрочемъ опечалило великаго князя; онъ приказалъ остальныхъ узниковъ вывести изъ погреба и посадить подъ стражу въ разныхъ городахъ. Между тѣмъ Святославу Ростиславичу удалось бѣжать изъ Ладоги въ Смоленскъ. Спустя около года, Андрей Боголюбскій опять уступилъ новогородскія дани великому князю Кіевскому, и послѣдній, съ согласія Андрея, снова посадилъ тамъ своего сына Святослава. На этотъ разъ княженіе послѣдняго ознаменовалось нашествіемъ Шведовъ на Новогородскую землю. Давно уже не было столкновеній между Сѣверною Русью и Скандинавіей. Главная причина тому заключалась во внутреннихъ смутахъ и переворотахъ, которые совершались въ Швеціи въ XI вѣкѣ и первой половинѣ XII-го; они были вызваны борьбою язычества съ христіанствомъ и прекращеніемъ древней династіи Инглинговъ. Но когда тамъ на нѣкоторое время водворилось спокойствіе, Шведы возобновили свои попытки овладѣть прибрежьемъ Финскаго залива. Они также возобновили и свое прежнее стремленіе захватить ключь къ торговому пути въ сѣверную Русь, т. е. Ла-

догу. Въ 1164 году подъ этимъ городомъ появился шведскій флотъ въ количествѣ 55 кораблей или *шнекъ*, какъ называетъ ихъ Новогородская лѣтопись. Ладожане съ посадникомъ своимъ Нѣжатою мужественно встрѣтили враговъ; они сожгли подгородные дворы, заперлись въ крѣпости, и до тѣхъ поръ отбивали непріятельскіе приступы, пока на помощь не пришла новогородская судовая рать съ княземъ Святославомъ и посадникомъ Захаріей. Тогда Шведы потерпѣли полное пораженіе, и ушли, потерявъ 43 корабля.

Новогородцы какъ то не ладили съ Святославомъ Ростиславичемъ, и это обстоятельство заставило его отца лѣтомъ 1168 года предпринять путешествіе на сѣверъ. Онъ отправился вверхъ по Днѣпру и по Сожи на Смоленскъ, его прежній удѣлъ, гдѣ теперь княжилъ сынъ его Романъ. Смольняне очевидно питали большую преданность къ своему старому князю. Уже за 300 верстъ отъ города его встрѣтили лучшіе мужи; затѣмъ начали встрѣчать внуки, сынъ Романъ, и наконецъ едва не весь городъ вышелъ привѣтствовать его. Граждане принесли ему множество даровъ. Отсюда Ростиславъ прибылъ въ Торопецъ; но далѣе не поѣхалъ, потому что сильно занемогъ. Онъ послалъ въ Новгородъ приказаніе Святославу взять лучшихъ людей и пріѣхать на свиданье съ нимъ въ Великіе Луки. Здѣсь онъ заставилъ Новогородцевъ поцѣловать крестъ на томъ, что они до самой смерти его сына не будутъ искать себѣ другаго князя; взялъ отъ нихъ дары, и воротился въ Смоленскъ. Сестра его Рогнѣда, видя совершенное изнеможеніе брата, просила его остаться въ Смоленскѣ, что бы быть погребеннымъ въ построенной имъ церкви. Но Ростиславъ желалъ лечь въ кіевскомъ Ѳедоровскомъ монастырѣ, т. е. тамъ же, гдѣ были погребены его отецъ и братъ Изяславъ; а на случай, если Богъ „отдастъ ему болѣзнь", онъ далъ обѣтъ немедленно постричься въ Печерскомъ монастырѣ. Но онъ недалеко уѣхалъ отъ Смоленска; въ Зарубѣ, селѣ той же его сестры Рогнѣды, великій князь скончался, напутствуемый отходною молитвою своего духовника, священника Семена.

Теплое сочувствіе, съ которымъ лѣтописецъ передалъ подробности Ростиславовой кончины, не мало свидѣтельствуютъ о той народной преданности, которою пользовался этотъ князь, кроткій, миролюбивый, но твердый въ своихъ правилахъ и вѣрный преданіямъ отцовъ. Благодаря такимъ качествамъ и своей щедрости въ отношеніи младшихъ родичей, Ростиславу подъ конецъ своего княженія дѣйствительно удалось жить въ ладу со всѣми, и хотя на короткое время водворить тишину въ Русской землѣ, успокоивъ безконечныя распри о волостяхъ и великомъ княженіи. Тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ поднялись эти распри вновь послѣ смерти Ростислава. То былъ послѣдній представитель княжескаго рода, еще сохранявшій до нѣкоторой степени значеніе великаго князя Кіевскаго, значеніе главнаго звена между многочисленными потомками Владиміра Великаго, между отдѣльными частями Руси. По крайней мѣрѣ это былъ послѣдній кіевскій князь, котораго старшинство признавали почти всѣ удѣльные. Послѣ его смерти прежнее значеніе Кіевскаго стола быстро и окончательно рушится.

X.

УПАДОКЪ КІЕВСКАГО КНЯЖЕНІЯ.

Мстиславъ II. Андрей Боголюбскій и первое взятье Кіева. Неудачная осада Новгорода. Андрей и Ростиславичи. Святославъ Всеволодичъ въ Кіевѣ. Оживленіе борьбы съ варварами. Кончакъ. Походъ, плѣнъ и освобожденіе Игоря Сѣверскаго. Черные Клобуки. Всеволодъ Суздальскій и Рюрикъ Ростиславичъ Кіевскій. Ссора Рюрика съ Романомъ Волынскимъ и второе взятье Кіева. Судьбы Кіевскаго княженія.

Ростиславъ оставилъ послѣ себя многочиленную семью. Его сыновья, въ особенности Давидъ, Рюрикъ и Мстиславъ, отличались честолюбіемъ и отвагою; они играли очень видную роль въ послѣдующихъ событіяхъ и оказывали рѣшающее вліяніе въ вопросѣ о старшинствѣ. По смерти Ростислава три князя могли предъявить свои права на Кіевскій столъ: Мстиславъ Изяславичъ Волынскій, оставшійся теперь главою старшей линіи Мономаховичей; двоюродный дядя его Андрей Юрьевичъ Суздальскій, глава младшей линіи того же дома, и Святославъ Всеволодичъ, который послѣ смерти своего дяди Святослава Ольговича наслѣдовалъ Черниговъ и сдѣлался главнымъ представителемъ Ольговичей. Кіевляне, сохранявшіе преданность старшей линіи Мономаховичей, призвали на свой столъ Мстислава Волынскаго; его старшинство поддержали и двоюродные братья, смоленскіе Ростиславичи. Князья укрѣпились крестнымъ цѣлованіемъ; въ томъ числѣ и родной дядя Мстислава Владиміръ Мстиславичъ призналъ старшинство племянника, тотъ самый Владиміръ, который когда-то тщетно пытался защитить отъ убійцъ несчастнаго Игоря Ольговича. Но онъ отличался непостоянствомъ и малодушіемъ. Спустя немно-

го времени, великому князю донесли, что дядя имѣетъ противъ него какіе то замыслы. Узнавъ, что его замыслы открыты, Владиміръ самъ пріѣхалъ съ оправданіемъ къ племяннику, находившемуся въ то время въ Печерскомъ монастырѣ. Между ними начались переговоры. Мстиславъ сидѣлъ въ игуменской кельѣ, а дядѣ велѣлъ быть въ экономской.

„Братъ! Чего ради пріѣхалъ. Я за тобой не посылалъ"— велѣлъ сказать Мстиславъ, приравнивая младшаго дядю къ братьямъ.

„Братъ! Я слышалъ, что наговариваютъ на меня злые люди" — отвѣчалъ Владиміръ черезъ какого то дьячка Иормыжа.

„Мнѣ сказалъ братъ Давидъ"—отвѣчалъ великій князь.

Рѣшили послать къ Давиду Ростиславичу въ Вышгородъ. Давидъ узналъ о замыслахъ Владиміра отъ своего боярина Василя Настасича. Этого боярина онъ прислалъ въ Печерскій монастырь къ великому князю вмѣстѣ съ тысяцкимъ своимъ Радиломъ. Василь выставилъ послухомъ или свидѣтелемъ какого-то Давида Борынича. Начали уличать Владиміра; тотъ отъ всего отпирался. Наскучивъ этими переговорами, великій князь сказалъ ему:

„Братъ! ты крестъ мнѣ цѣловалъ; послѣ того и губы еще у тебя не обсохли. И дѣды и отцы наши утверждались на немъ; кто же преступитъ его, пусть того судитъ Богъ. А теперь цѣлуй крестъ опять на томъ, что не мыслишь на меня никакого лиха".

Владиміръ далъ новую присягу; получилъ въ удѣлъ городъ Котельничъ; но вѣроятно не былъ имъ доволенъ; спустя нѣсколько дней, онъ уже опять измѣнилъ присягѣ и завелъ новую смуту. Въ Кіевѣ жила мать его, вторая супруга Мстислава I, урожденная новогородская боярыня, теща угорскаго короля Гейзы II. Великій князь сказалъ ей: „не могу жить съ тобой въ одномъ мѣстѣ, потому что сынъ твой, преступая клятву, ищетъ моей головы". Вдовая княгиня удалилась въ Черниговъ.

Мстиславъ II началъ свое великое княженіе славнымъ дѣломъ. По примѣру предшественниковъ, онъ собралъ младшихъ родичей, и уговорилъ ихъ соединенными си-

лами идти на Половцевъ, указывая на тѣ бѣдствія, которыя они продолжали причинять Русской землѣ: варвары ежегодно уводятъ множество христіанъ въ свои вежи, гдѣ обращаютъ ихъ въ рабство или требуютъ за нихъ большой выкупъ; кромѣ того, нападеніями на торговые караваны они перенимаютъ столь важные для Руси пути, Греческій, Соляной и Залозный, которые всѣ сходились на Днѣпрѣ. Великимъ постомъ 1169 года князья совершили удачный походъ въ степи, разгромили половецкія вежи по рѣкамъ Углу и Снопороду до самаго Оскола, и поразили полчища варваровъ гдѣ то около этой рѣки у Чернаго лѣса. Русская рать освободила многихъ плѣнныхъ христіанъ, и сама захватила у Половцевъ большой полонъ скотомъ и челядью. Вслѣдъ за этимъ славнымъ походомъ князья собрались вновь и отправились къ Каневу, гдѣ дожидались, пока гречники и залозники благополучно прибыли съ своимъ караваномъ ([69]). Но здѣсь же у Канева и кончилось единодушіе братьевъ.

Между старшими дружинниками нашлись злые люди, которые начали ссорить Ростиславичей съ Мстиславомъ. Извѣстный кіевскій бояринъ, ѣздившій посломъ къ Владимірку Галицкому, Петръ Бориславичъ и его братъ Несторъ злобились на великаго князя, который отослалъ ихъ отъ себя за то, что холопы ихъ покрали коней изъ его стада и перепятнали своимъ тавромъ. Изъ Кіева Бориславичи переѣхали въ ближній Вышгородъ на службу къ Давиду Ростиславичу. Во время стоянки подъ Каневымъ они стали вооружать Давида и его брата Рюрика противъ великаго князя, который будто бы намѣренъ позвать ихъ на обѣдъ къ себѣ для того, чтобы схватить и заключить подъ стражу. Мстиславъ дѣйствительно прислалъ звать ихъ къ обѣду. Рюрикъ и Давидъ потребовали, чтобъ онъ прежде поцѣловалъ крестъ на томъ, что не замышляетъ противъ нихъ никакого лиха. Мстиславъ огорчился, и объявилъ объ этомъ требованіи своей старшей дружинѣ.

„Князь,—отвѣчала дружина—вѣдь не лапоть велятъ тебѣ цѣловать братья, а крестъ. Ужъ не злые ли люди смущаютъ ихъ, завидуя твоей братской любви? Злой чело-

вѣкъ пуще бѣса, и бѣсъ того не выдумаетъ, что замыслитъ злой человѣкъ. Ты правъ передъ Богомъ и передъ людьми: безъ насъ тебѣ нельзя было задумать ничего подобнаго; а мы всѣ вѣдаемъ твою истинную любовь къ братьямъ. Пошли имъ сказать: я цѣлую крестъ на томъ, что не замышлялъ противъ васъ никакого лиха; вы же выдайте мнѣ тѣхъ, которые наговариваютъ на меня".

Мстиславъ II послѣдовалъ совѣту своихъ бояръ. Давидъ отвѣчалъ, что, если и впредь кто будетъ наговаривать, тѣхъ онъ выдастъ. Обѣ стороны снова укрѣпились взаимнымъ крестоцѣлованіемъ. Но сердце Ростиславичей уже не было съ великимъ княземъ. Поводъ къ разрыву подали непостоянные Новогородцы. Вопреки клятвѣ, данной покойному Ростиславу, они удалили его сына Святослава, и послали къ Мстиславу Изяславичу просить себѣ въ князья его сына Романа. Неосторожный Мстиславъ исполнилъ ихъ просьбу. Такой поступокъ окончательно вооружилъ противъ него братьевъ Ростиславичей. Чѣмъ и поспѣшилъ воспользоваться Андрей Боголюбскій, который ждалъ только удобнаго случая изгнать своего двоюроднаго племянника изъ Кіева, подобно тому, какъ отецъ Андрея стремился отнять Кіевъ у отца Мстиславова.

Многіе изъ недавнихъ союзниковъ великаго князя отступились отъ него и признали старшинство Боголюбскаго. Андрей не пошелъ самъ на югъ, а поручилъ свою рать сыну Мстиславу и воеводѣ Борису Жидиславичу. Съ нею соединились дружины муромская и рязанская, а также князья смоленскіе и сѣверскіе. Недоставало только Святослава Всеволодича Черниговскаго, который самъ имѣлъ притязаніе на старшинство, и не желалъ помогать сопернику. Суздальцы сошлись съ своими союзниками подъ Вышгородомъ, въ удѣлѣ Давида Ростиславича, и отсюда соединенныя войска обступили Кіевъ. Мстиславъ Изяславичъ мужественно оборонялся. Кіевляне на этотъ разъ не измѣнили своему князю, не вступили въ сдѣлку съ его болѣе сильнымъ противникомъ, и храбро встрѣтили непріятелей. Но между боярами нашлись измѣнники, которые снеслись съ Суздальцами, и указали имъ слабыя мѣста обороны. Черные Клобуки также по обыкновенію

своему завели предательство. Три дня осаждавшіе дѣлали приступы къ городу, и наконецъ ворвались въ него. Мстиславъ II съ остаткомъ дружины ускакалъ въ свой Владиміръ Волынскій. Стольный Кіевъ не только былъ взятъ приступомъ—чего по замѣчанію лѣтописца никогда прежде не бывало,—но и отданъ на разграбленіе. Два дня непріятели свирѣпствовали въ городѣ; грабили и жгли дома, убивали гражданъ и брали ихъ женъ; обнажали самые монастыри и церкви; выносили изъ нихъ иконы, книги, ризы; снимали колокола, а нѣкоторые храмы зажигали. Особенно свирѣпствовали полукочевые варвары, т. е. Черные Клобуки, которые зажгли и монастырь Печерскій. Некому было остановить разнузданную рать: самъ Андрей отсутствовалъ; а сына его конечно не всѣ слушали. Но, можетъ быть, предводители Суздальцевъ и не противились разгрому нелюбимаго ими Кіева и не берегли его; такъ какъ ихъ князь не прочилъ его для своего мѣстопребыванія (1169 г.).

Извѣстно, что Андрей Боголюбскій при жизни своего отца Юрія отличился ратными подвигами въ южной Руси. Но онъ не стремился въ нее такъ какъ стремился его отецъ. Эта Русь не полюбилась ему своими смутами, безконечными распрями князей, постоянными тревогами со стороны степныхъ варваровъ и безпокойнымъ, вольнолюбивымъ характеромъ своего населенія. Его болѣе привлекалъ сѣверовостокъ своею тишиною и покорностію; тамъ еще не успѣли окрѣпнуть непріятные для князя порядки и преданія. Еще въ то время, когда Юрій окончательно завладѣлъ Кіевскимъ столомъ, т. е. въ 1155 г., Андрей противъ отцовскаго желанія покинулъ данный ему Вышгородъ и уѣхалъ на сѣверъ въ Суздальскую землю, въ которой онъ съ тѣхъ поръ жилъ постоянно. И теперь, когда Кіевскій столъ очутился во власти Суздальскаго князя, Мстиславъ Андреевичъ, конечно по предварительному наказу своего отца, посадилъ на немъ дядю своего Глѣба, сидѣвшаго дотолѣ въ южномъ Переяславлѣ. Эта мѣра была наиболѣе тяжкимъ униженіемъ для стольнаго города, послѣ его разграбленія: старшій князь не захотѣлъ самъ занять Кіевъ; онъ предпочелъ остаться

во Владимірѣ на Клязьмѣ; а первый отдалъ своему брату, подобно тому, какъ давалъ удѣлы другимъ младшимъ родственникамъ. До такой степени упало значеніе Кіевскаго стола въ глазахъ сѣвернаго князя!

Съ того момента, когда Владиміръ былъ предпочтенъ Кіеву, ясно обозначился поворотъ въ исторической жизни Русскаго народа: ея средоточіе съ юга переходило на сѣверовостокъ.

Современники повидимому не сознавали такого поворота и не оцѣнили вполнѣ этого пренебреженія къ древней столицѣ со стороны Суздальскаго князя. Такъ кіевскій лѣтописецъ упомянулъ объ отдачѣ ея Глѣбу Юрьевичу безъ всякаго замѣчанія. Онъ болѣе придавалъ значенія другому обстоятельству. Взятіе и разграбленіе Кіева, по его словамъ, совершились за грѣхи Кіевлянъ, а „наипаче за митрополичью неправду". Митрополитъ (Константинъ II?) въ то время наложилъ какое то запрещеніе на Поликарпа, игумена Печерскаго, за то что послѣдній считалъ дозволеннымъ вкушать масло и молоко по середамъ и пятницамъ въ Господскіе праздники. Сторону митрополита въ этомъ случаѣ держалъ и епископъ черниговскій Антоній, который воспрещалъ Черниговскому князю вкушать мясо въ Господскіе праздники; Святославъ Всеволодичъ разгнѣвался за то на Антонія, и лишилъ его епископіи. Все это показываетъ, до какой степени въ юной Русской церкви считались важнымъ дѣломъ вопросы и разногласія о постныхъ дняхъ, и какъ строго держались преданій византійской церковности духовныя лица изъ Грековъ.

Подчинивъ своей зависимости старый Кіевъ, Суздальскій князь рѣшилъ наложить свою руку и на вольнолюбивый Новгородъ, который вопреки его желанію изгналъ отъ себя Святослава Ростиславича и далъ княженіе сыну Андреева врага, Роману Мстиславичу. Кромѣ того, у Суздальцевъ были нерѣдкія столкновенія съ Новогородцами въ Заволочьѣ или на Сѣверной Двинѣ, гдѣ и тѣ и другіе хотѣли собирать дани. Почти въ одно время съ Кіевскимъ погромомъ новогородская дружина, отправленная съ воеводою Даниславомъ Лазутиничемъ за Волокъ для сбора

даней, подверглась нападенію Андреевыхъ воеводъ; хотя Суздальцы были многочисленнѣе, однако они потерпѣли пораженіе. Это обстоятельство ускорило предпріятіе Андрея противъ Новогородцевъ. Зимой того же 1169 года онъ послалъ на нихъ многочисленную рать подъ начальствомъ тѣхъ же предводителей, которые ходили на Кіевъ, т. е. сына своего Мстислава и воеводы Бориса Жидиславича. Съ этою ратью опять соединились дружины муромская, рязанская, смоленская и даже полоцкая. Она жестоко опустошила на своемъ пути новогородскія волости, и осадила самый Новгородъ. Граждане, предводимые своимъ молодымъ княземъ Романомъ и посадникомъ Якуномъ, мужественно оборонялись и отбили всѣ приступы Суздальцевъ. Между тѣмъ въ войскѣ осаждавшихъ начался сильный моръ; люди и кони гибли отъ недостатка припасовъ; такъ какъ окрестная страна, и безъ того довольно скудная, была ими совершенно разорена. Наконецъ въ одной удачной вылазкѣ Новогородцы нанесли непріятелямъ пораженіе, и взяли такое множество плѣнниковъ, что продавали суздальца за двѣ ногаты. Ратники Андрея принуждены были со стыдомъ уйти домой. Лѣтописецъ съ ужасомъ говоритъ, что нѣкоторые изъ нихъ ѣли кониное мясо въ великій постъ: до того былъ великъ голодъ. Избавленіе Новгорода отъ сильнаго непріятеля не замедлило украситься преданіемъ о чудныхъ знаменіяхъ; въ особенности расказывали объ иконахъ Богородицы, источавшихъ слезы, которыя предвѣщали нашествіе врага и свидѣтельствовали о заступленіи Пресвятой Дѣвы за Новгородъ. Въ память своего избавленія Новогородцы уставили праздникъ Знаменія Богородицы 27 Ноября (70).

Недолго однако Новгородъ торжествовалъ свою побѣду. Борьба съ Суздальскимъ княземъ была неравная; въ рукахъ его находилось могущественное средство: онъ прекратилъ подвозъ хлѣба изъ Поволжскихъ областей, и въ Новгородѣ настала страшная дороговизна. Недалѣе какъ въ слѣдующемъ 1170 году граждане смирились, отослали отъ себя Романа Мстиславича, заключили миръ съ Андреемъ, и приняли отъ него князя. Такъ какъ уже не было въ живыхъ Святослава Ростиславича, за изгнаніе

котораго гнѣвался Суздальскій князь, то онъ послалъ къ нимъ одного изъ братьевъ Святослава, Рюрика. Впрочемъ послѣдній не поладилъ съ Новогородцами, и скоро удалился отъ нихъ; тогда Андрей далъ имъ въ князья своего молодаго сына Юрія.

Между тѣмъ на югѣ перемѣны быстро слѣдовали одна за другою. Мстиславъ Изяславичъ не покидалъ своихъ притязаній на Кіевскій столъ, и пытался отнять его у Глѣба Юрьевича. Изъ отдѣльныхъ случаевъ ихъ войны замѣчателенъ слѣдующій. Въ это время скончался князь Дорогобужскій внукъ Мономаха Владиміръ, сынъ храбраго Андрея Переяславскаго, давшаго гордый отвѣтъ Всеволоду II. Другой внукъ Мономаха упомянутый выше Владиміръ Мстиславичъ немедленно пришелъ къ Дорогобужу, чтобы захватить этотъ удѣлъ. Но дружина умершаго князя не пустила его въ городъ. Владиміръ поцѣловалъ крестъ на томъ, что онъ не тронетъ имущества ни дружины, ни вдовы своего двоюроднаго брата. Но едва Дорогобужцы впустили его въ городъ, какъ *вертлявый* Владиміръ не только захватилъ себѣ все имѣнье и стада покойнаго князя, но и вдову его выгналъ изъ города. Княгиня взяла еще непогребенное тѣло своего супруга и отправилась въ Кіевъ, что бы похоронить его въ Андреевскомъ или Янчинѣ монастырѣ: вѣроятно таково было желаніе покойнаго князя. Княгиня остановилась съ тѣломъ въ Вышгородѣ у Давида Ростиславича. Глѣбъ Юрьевичъ послалъ къ ней изъ Кіева печерскаго игумена Поликарпа и андреевскаго игумена Симеона, что бы сопровождать гробъ съ пѣніемъ погребальныхъ псалмовъ и обычными церковными обрядами. Но къ Кіеву въ это именно время приблизилась рать Мстислава II и его союзниковъ; а покойный Андреевичъ былъ на сторонѣ его враговъ. Давидъ, опасаясь непріятеля, не пустилъ отъ себя княгиню, и вызвалъ охотниковъ изъ дружины покойнаго провожать гробъ. Но никто изъ нея не пошелъ, боясь мести отъ Кіевлянъ: конечно эта дружина принимала дѣятельное участіе въ разграбленіи Кіева вмѣстѣ съ Суздальцами. Игуменъ Поликарпъ просилъ Давида, что бы онъ отпустилъ нѣсколько человѣкъ изъ собственной дружины; а иначе не-

кому было вести княжаго коня за гробомъ и нести передъ нимъ стягъ покойнаго, какъ этого требовалъ обычай. Но Давидъ отпустилъ только священниковъ изъ церкви Бориса и Глѣба, и тѣ вмѣстѣ съ игумнами и чернецами похоронили князя въ монастырѣ св. Андрея. Это происходило въ февралѣ 1170 года. Мстиславъ II вскорѣ скончался; а за нимъ послѣдовалъ и соперникъ его Глѣбъ Юрьевичъ (1172 г.).

Андрей перевелъ въ Кіевъ изъ Смоленска старшаго Ростиславича, Романа; другіе два брата послѣдняго также княжили въ Кіевской землѣ: Давидъ въ Вышгородѣ, а Мстиславъ въ Бѣлгородѣ. Но согласіе Андрея съ Ростиславичами продлилось недолго. Какіе то злые люди донесли Суздальскому князю, что братъ его Глѣбъ былъ отравленъ; указывали на нѣкоторыхъ кіевскихъ бояръ, именно на Григорія Хотовича и двухъ другихъ, какъ на виновниковъ его смерти. Андрей потребовалъ выдачи этихъ бояръ. Но братья Ростиславичи не исполнили его требованія. За это ослушаніе Андрей велѣлъ имъ, всѣмъ троимъ, уйти изъ Кіевской земли въ свою наслѣдственную Смоленскую область, сказавъ: „дѣлитесь тамъ какъ хотите“. А Кіевъ онъ приказалъ отдать брату своему Михалку, который въ то время сидѣлъ въ Торческѣ, т. е. въ землѣ Черныхъ Клобуковъ; при немъ находился и младшій братъ Всеволодъ, знаменитый въ послѣдствіи Большое Гнѣздо. Романъ, наиболѣе миролюбивый изъ Ростиславичей, послушалъ этого приказанія и уѣхалъ въ Смоленскъ. Давидъ же и Мстиславъ Храбрый не только не покинули своихъ удѣловъ, но внезапнымъ ночнымъ нападеніемъ захватили самый Кіевъ, и посадили тамъ другаго своего брата, Рюрика.

Тогда Суздальскій князь посылаетъ своего мечника Михна къ Ростиславичамъ съ слѣдующимъ наказомъ: „такъ какъ вы не хотите быть въ моей волѣ, то ты, Рюрикъ, иди въ Смоленскъ къ брату своему Роману; ты, Давидъ, ступай въ Берладъ, и я не велю тебѣ быть въ Русской землѣ; а ты Мстиславъ главный зачинщикъ, и также ступай вонъ изъ Русской земли“. Въ отвѣтъ на это повелѣніе Мстиславъ, который дѣйствительно отли-

чался наиболѣе отважнымъ духомъ, схватилъ посла, остригъ ему голову и бороду, и отправилъ его назадъ въ Суздаль съ такимъ словомъ: „Мы имѣли тебя прежде какъ отца; но если ты присылаешь къ намъ съ подобными рѣчами, не какъ къ князьямъ, а какъ къ подручникамъ и простымъ людямъ, то Богъ насъ разсудитъ“.

Андрей, по словамъ лѣтописца, измѣнился въ лицѣ, когда увидѣлъ своего посла и выслушалъ его донесеніе. Онъ собралъ сильную рать, простиравшуюся до 50,000 человѣкъ, и отправилъ ее на югъ подъ начальствомъ того же воеводы Бориса Жидиславича и сына своего Юрія (старшій сынъ Мстиславъ уже умеръ). Юрій привелъ Новогородцевъ; кромѣ того призваны дружины подручныхъ князей Муромскаго и Рязанскаго; даже Романъ Смоленскій принужденъ былъ прислать помощь противъ собственныхъ братьевъ; пришли князья туровскіе, пинскіе, городенскіе и даже полоцкіе; такъ далеко простиралось вліяніе Андрея. Черниговскій князь Святославъ Всеволодичъ, самъ надѣявшійся получить Кіевскій столъ отъ Андрея и потому поджигавшій его раздоръ съ племянниками, на этотъ разъ принялъ дѣятельное участіе въ походѣ. Союзники безпрепятственно заняли Кіевъ, покинутый Ростиславичами. Но послѣдніе заперлись въ двухъ другихъ городахъ, т. е. въ Вышгородѣ и Бѣлгородѣ. Собравшаяся подъ Кіевомъ союзная рать повела отсюда осаду Вышгорода, въ которомъ за отсутствіемъ Давида начальствовалъ Мстиславъ. Этотъ храбрый князь дѣлалъ частыя и удачныя вылазки и вообще оборонялся съ такимъ успѣхомъ, что огромная рать соединенныхъ князей простояла девять недѣль и не могла взять этого небольшаго, впрочемъ хорошо укрѣпленнаго, города. Между тѣмъ въ станѣ осаждавшихъ начались несогласія; многіе союзники, пришедшіе поневолѣ, конечно оказывали мало усердія къ войнѣ. Наконецъ часть ополченія, именно волынская рать, удалилась съ своимъ княземъ Ярославомъ Изяславичемъ Луцкимъ (братомъ Мстислава II). Послѣдній также имѣлъ притязаніе на Кіевъ; вслѣдствіе чего разсорился съ Святославомъ Черниговскимъ, и вступилъ въ соглашеніе съ Ростиславичами, которые признали за

нимъ старшинство и обѣщали ему Кіевскій столъ. Въ тоже время пришла вѣсть, что Давидъ Ростиславичъ ведетъ на помощь брату полки Галицкаго князя и Черныхъ Клобуковъ. Тогда осаждавшая рать быстро разстроилась, и поспѣшила переправиться за Днѣпръ; Мстиславъ ударилъ на отступавшихъ, и захватилъ много плѣнныхъ и добычи (1174 г.).

Слѣдовательно, вторичный Кіевскій походъ суздальской рати окончился также печально какъ и походъ Новогородскій. Но и здѣсь на югѣ, какъ и на сѣверѣ, не долго длилось торжество Андреевыхъ враговъ. Кіевскій столъ сдѣлался предметомъ спора между Ярославомъ Луцкимъ, успѣвшимъ занять его, и Святославомъ Черниговскимъ. Смоленскіе Ростиславичи начали раскаяваться въ своей ссорѣ съ Андреемъ, и въ томъ же 1174 году отправили къ нему посольство съ просьбой, чтобы онъ снова посадилъ въ Кіевѣ ихъ брата Романа. Боголюбскій, зорко слѣдившій за всѣмъ, что происходило на югѣ, охотно мирился съ Ростиславичами, и велѣлъ сказать имъ: „подождите немного, я послалъ въ Русь къ своимъ братьямъ (Михалку и Всеволоду); когда мнѣ придетъ отъ нихъ вѣсть, тогда дамъ вамъ отвѣтъ". Такимъ образомъ готова была возобновиться зависимость древняго Кіева отъ молодаго Владиміра на Клязьмѣ. Неожиданное событіе разстроило тѣ отношенія, которыя установлялись между югомъ и сѣверовостокомъ Россіи. Прежде нежели получился обѣщанный отвѣтъ, на югъ пришло извѣстіе о смерти Андрея: онъ палъ отъ руки собственныхъ бояръ въ своемъ Боголюбовѣ, 29 Іюня 1175 года.

По смерти Андрея въ Суздальской землѣ начались распри между его наслѣдниками, и Южная Русь на нѣкоторое время была предоставлена самой себѣ. Тамъ происходила борьба за Кіевъ между смоленскими Ростиславичами и черниговскими Ольговичами. Сначала первымъ удалось вновь посадить въ Кіевѣ своего старшаго брата Романа и удержать за собой важнѣйшіе кіевскіе города; Давидъ по прежнему владѣлъ Вышгородомъ; Рюрикъ занялъ Бѣлгородъ; а младшій братъ Мстиславъ Храбрый былъ призванъ въ Новгородъ Великій, гдѣ онъ вскорѣ

умеръ. Соперникомъ Роману явился упомянутый выше Святославъ Всеволодичъ Черниговскій, внукъ извѣстнаго Олега. Дѣдъ его не былъ великимъ княземъ, но отецъ умеръ на Кіевскомъ столѣ, и Святославъ считалъ Кіевъ своею отчиною. Это былъ настоящій представитель безпокойнаго и честолюбиваго рода Ольговичей. На убѣжденія соперниковъ, что Ольговичи должны сидѣть на своей т. е. на восточной сторонѣ Днѣпра, онъ отвѣчалъ: „я не Угринъ и не Ляхъ; но мы одного дѣда внуки". Онъ нѣсколько разъ захватывалъ Кіевъ съ помощію своихъ родичей черниговосѣверскихъ князей и наемныхъ Половцевъ. Послѣ одного изъ такихъ захватовъ миролюбивый Романъ самъ уступилъ ему Кіевъ по крестному договору, и воротился въ свой Смоленскъ. Но Святославу мало было одного стольнаго города; ему хотѣлось владѣть всей Кіевской землей, т. е. изгнать изъ нея Рюрика и Давида Ростиславичей.

Однажды онъ занимался ловами или охотою на черниговской сторонѣ Днѣпра. Въ тоже время Давидъ съ своей дружиной охотился на кіевской сторонѣ. Святославу показался этотъ случай удобнымъ, чтобы захватить въ свои руки одного изъ соперниковъ. Недавній клятвенный договоръ не стѣснялъ такихъ князей какъ Всеволодичъ. Подумавъ только съ женой и съ любимцемъ, какимъ то Кочкаремъ, не сказавъ ни слова боярамъ, онъ вдругъ съ людьми своими переѣхалъ черезъ Днѣпръ, и внезапно ударилъ на Давидовъ таборъ. Ему удалось дѣйствительно завладѣть таборомъ и перехватать дружину Вышегородскаго князя; но самъ Давидъ съ своей женою успѣлъ броситься въ лодку и уплыть подъ градомъ стрѣлъ, которыя пускали въ него съ берега. Онъ бѣжалъ къ брату Рюрику въ Бѣлгородъ. Слѣдствіемъ такого вѣроломства, разумѣется, была новая война съ Ростиславичами. Послѣдніе опять завладѣли Кіевомъ, и посадили въ немъ уже не Романа, а Рюрика (1180 г.). Но вскорѣ Святославу удалось въ четвертый разъ захватить Кіевъ и на этотъ разъ остаться въ немъ до своей смерти (до 1194 г.). Однако значительную часть Кіевской земли онъ принужденъ былъ уступить своему сопернику Рюрику; примиреніе скрѣплено было бракомъ ихъ дѣтей; въ тече-

ніе всей остальной жизни Святослава два бывшіе соперника пребывали въ мирѣ и союзѣ другъ съ другомъ. Давидъ Ростиславичъ между тѣмъ наслѣдовалъ Смоленскъ по смерти брата Романа.

Согласіе, водворившееся между Ольговичами и Ростиславичами, не замедлило отразиться и на внѣшнихъ дѣлахъ Южной Руси, т. е. на отношеніяхъ ея къ степнымъ варварамъ: борьба съ ними оживилась новою энергіей. Укрѣпясь на Кіевскомъ столѣ, Святославъ Всеволодичъ уже не имѣлъ нужды ласкать своихъ бывшихъ союзниковъ, и мы видимъ цѣлый рядъ удачныхъ походовъ, которые южнорусскіе князья предпринимаютъ общими силами, имѣя во главѣ Святослава и Рюрика. Они громятъ половецкія орды, освобождаютъ изъ рабства многочисленныхъ русскихъ плѣнниковъ, и берутъ въ плѣнъ самихъ половецкихъ хановъ, въ томъ числѣ Кобяка Карлыевича съ двумя сыновьями, Башкорда, Осалука и др. Съ своей стороны Половцы мстятъ русскимъ князьямъ усиленными набѣгами на ихъ земли; для чего собираются большими полчищами.

Славнѣйшимъ изъ половецкихъ хановъ того времени былъ Кончакъ. Русская лѣтопись сохранила любопытное преданіе о его происхожденіи. Когда Владиміръ Мономахъ громилъ Половцевъ въ степяхъ Задонскихъ, то одинъ изъ ихъ хановъ, Отрокъ, бѣжалъ къ Обезамъ за Желѣзныя врата, т. е. на Кавказъ; а другой ханъ, по видимому братъ его, Сырчанъ остался на Дону. Когда же Владиміръ скончался, Сырчанъ послалъ съ этимъ извѣстіемъ въ Обезы гудца Орева; велѣлъ пѣть половецкія пѣсни брату и уговаривать его къ возвращенію на родину, а, если не послушаетъ, то дать ему понюхать какое то зелье или траву, называемую емшанъ. Гудецъ такъ и сдѣлалъ. Понюхавъ зелья, изгнанникъ заплакалъ, и сказалъ: „да, лучше въ своей землѣ лечь костьми, нежели въ чужой славну быть“. Онъ пришелъ на родину, и отъ него то родился Кончакъ, „иже снесе Сулу, пѣшъ ходя, котелъ нося на плечеву“. Этотъ самый Кончакъ, „окаянный, безбожный и треклятый“, какъ называетъ его лѣтопись, пришелъ на Русь съ половецкою ордою

въ 1184 году. Онъ грозилъ пожечь и поплѣнить города русскіе, ибо имѣлъ при себѣ какого то „бесерменина", который стрѣлялъ живымъ огнемъ; кромѣ того, по словамъ лѣтописи у него были метательные снаряды и самострѣльные луки, такіе огромные и тугіе, что 50 человѣкъ едва могли натянуть подобный лукъ ([71]). Кончакъ остановился на украйнѣ и завелъ переговоры о мирѣ съ Ярославомъ Всеволодичемъ; это былъ младшій братъ Святослава, который передалъ ему свой Черниговскій столъ. Великій князь послалъ сказать брату, чтобъ онъ не вѣрилъ коварнымъ Половцамъ и вмѣстѣ съ нимъ шелъ бы на нихъ войною. Однако Ярославъ уклонился отъ похода подъ предлогомъ своихъ мирныхъ переговоровъ съ Кончакомъ. Святославъ соединился съ Рюрикомъ и поспѣшилъ противъ варваровъ. Старшіе князья съ главными силами шли назади, а впередъ себя („на воропъ", какъ тогда выражались) отрядили нѣсколько младшихъ князей. Послѣдніе встрѣтили на дорогѣ гостей или купцовъ, проѣхавшихъ степи, и узнали отъ нихъ, что Половцы стоятъ на рѣкѣ Хоролѣ подлѣ вала, („шоломя"), который ограждалъ Русскую землю со стороны степей. Младшіе князья внезапно вышли изъ за этого вала, ударили на Половцевъ, и захватили много плѣнныхъ; въ числѣ ихъ привели къ Святославу и того бесерменина, который стрѣлялъ живымъ огнемъ. Когда же подошли старшіе князья, то Кончакъ бѣжалъ въ степи. Это случилось 1-го марта 1185 года, т. е. въ самый новый годъ; такъ какъ Русскіе начало его считали съ марта. Въ погоню за Половцами великій князь отрядилъ 6000 Черныхъ Клобуковъ или Берендѣевъ съ ихъ вождемъ Кунтувдыемъ; но по случаю наступившей распутицы погоня не могла настичь Половцевъ.

Въ этомъ походѣ, кромѣ Ярослава Черниговскаго, не принимали участія и князья Сѣверскіе; послѣдніе не успѣли соединиться съ великимъ княземъ по причинѣ быстроты, съ которою былъ совершенъ его походъ. Въ челѣ сѣверскихъ князей стоялъ тогда его двоюродный братъ Игорь Святославичъ, который уже не разъ отличился въ битвахъ съ Половцами и не далѣе какъ въ 1183 г. пред-

принималъ удачный поискъ въ степи вмѣстѣ съ роднымъ братомъ своимъ Всеволодомъ, сыномъ Владиміромъ и племянникомъ Святославомъ. Тоже самое задумалъ онъ повторить и теперь, послѣ пораженія Кончака на Хоролѣ, куда къ великому его сожалѣнію ему не удалось поспѣть вовремя. Не спросясь главы своего рода Святослава Кіевскаго, онъ рѣшилъ немедленно идти въ степи съ одними сѣверскими дружинами, и въ концѣ апрѣля выступилъ изъ своего стольнаго города. Въ Путивлѣ соединился съ нимъ княжившій въ томъ городѣ сынъ его Владиміръ; сюда пришелъ и племянникъ Святославъ Ольговичъ изъ Рыльска. Двоюродный братъ Ярославъ Черниговскій прислалъ ему на помощь боярина своего Ольстина Олексича съ отрядомъ *Коуевъ*; то были полукочевые народцы, поселенные на южныхъ предѣлахъ Черниговской земли, соплеменники Черныхъ Клобуковъ. Современный поэтъ изображаетъ приготовленія Игоря къ походу слѣдующими словами: „Комони ржутъ за Сулою; звенитъ слава въ Кіевѣ, трубы трубятъ въ Новѣградѣ; стоятъ стязи въ Путивлѣ; Игорь ждетъ мила брата Всеволода“. Но послѣдній отправился другой дорогой, изъ Курска. Игорь двинулся къ Донцу, перешелъ его, достигъ береговъ Оскола, и здѣсь дождался своего брата, удалаго Всеволода Трубчевскаго. Этотъ походъ четырехъ князей, изъ которыхъ самому старшему было не болѣе 35 лѣтъ, произвелъ сильное впечатлѣніе на современниковъ; такъ что, кромѣ довольно подробнаго расказа лѣтописи, онъ сдѣлался предметомъ замѣчательнаго поэтическаго произведенія древней Руси, извѣстнаго подъ именемъ Слова о Полку Игоревѣ.

При самомъ началѣ похода являются недобрыя знаменія, которыя предрекаютъ ему печальный исходъ. Однажды, когда войско приближалось къ Донцу, передъ вечеромъ солнце подернулось какою то мглою, такъ что походило болѣе на мѣсяцъ, и это обстоятельство смутило дружину. Но Игорь старается ее ободрить. Вотъ уже Русь за *шеломянемъ*, т. е. перешла Половецкій валъ и углубилась въ степь. Ратники, высланные впередъ „ловить языка“, т. е. на развѣдки, воротились и донесли,

что варвары собираются въ большомъ числѣ и готовятся къ сраженію. „Спѣшите напасть на нихъ — говорили князьямъ развѣдчики—или воротитесь домой, потому что время намъ неблагопріятное". Но Игорь отвѣчалъ, что воротиться домой безъ битвы будетъ соромъ пуще смерти. Межъ тѣмъ, по словамъ поэта, плотоядные чуютъ близкую поживу: стаи галокъ летятъ къ Дону великому, волки воютъ по оврагамъ, орлы своимъ клектомъ сзываютъ звѣрей на кости, лисицы брешутъ на червленые русскіе щиты.

Половцы собрались отъ мала до велика на берегахъ какой то рѣчки Сюурлея; а вежи свои, т. е. кибитки съ женами, дѣтьми и стадами, отослали далѣе назадъ. Игорь построилъ русское войско въ обычный боевой порядокъ. Оно состояло изъ шести полковъ. Посреди шелъ полкъ Игоря, по правую сторону брата его Всеволода, по лѣвую племянника Святослава; это была главная рать; передъ нею шли Владиміръ Игоревичъ съ своею дружиной и Черниговскій полкъ, т. е. бояринъ Ольстинъ съ Коуями. Шестой отрядъ былъ сборный: его составляли стрѣлки, высланные напередъ отъ всѣхъ пяти полковъ. Русь наступала бодро, покрытая желѣзными кольчугами, пестрѣя красными щитами, подъ сѣнью своихъ стяговъ, развѣваемыхъ вѣтромъ. Передніе отряды устремились на непріятеля; а Игорь и Всеволодъ тихо слѣдовали за ними, „не распуская своего полку". Половцы не выдержали натиска однѣхъ переднихъ дружинъ и побѣжали.. Русь погналась за варварами, достигла до ихъ вежъ, и захватила большой полонъ: дѣвицъ, золото и шелковыя ткани; а половецкихъ кожуховъ, япончицъ и другихъ одеждъ было захвачено столько, что, по словамъ поэта, хоть мосты мости по болотамъ и грязнымъ мѣстамъ. Когда побѣдители расположились станомъ среди половецкихъ вежъ, Игорь началъ говорить князьямъ и боярамъ: не довольно ли этой побѣды и не повернуть ли назадъ прежде, нежели соберутся остальныя орды? Но Святославъ Ольговичъ объявилъ, что онъ съ своей дружиной далеко гнался за Половцами и что его притомленные кони не поспѣютъ за другими полками. Всеволодъ поддержалъ племянника, и рѣшено не спѣшить возвращеніемъ. Молодые князья ве-

селились своею побѣдою, и легкомысленно похвалялись: „Братья наша, которая ходила съ великимъ княземъ Святославомъ, билась съ Половцами смотря на Переяславль; они сами пришли; а къ нимъ князья не смѣли пойти. Мы же побили поганыхъ въ ихъ собственной землѣ; теперь пойдемъ за Донъ, чтобъ истребить ихъ въ конецъ; пойдемъ въ Лукоморье, куда не ходили и дѣды наши". Поощренные успѣхомъ, Сѣверскіе князья, кажется, возымѣли надежду вновь отвоевать свой наслѣдственный Тмутраканскій удѣлъ.

„Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо, далече, залетѣло"—говоритъ поэтъ. А межъ тѣмъ половецкія орды отовсюду спѣшатъ къ мѣсту дѣйствія; пришли два сильнѣйшіе хана, Гзакъ и Кончакъ. На разсвѣтѣ Русь съ изумленіемъ увидала безчисленныя полчища варваровъ, которыя окружили ее подобно густому бору. Князья рѣшили пробиваться въ отечество; но чтобы не покинуть пѣшихъ ратниковъ („черныхъ людей") на жертву врагамъ, доблестные Ольговичи велѣли своей дружинѣ сойти съ коней, и медленно начали отступать, отчаянно сражаясь съ напиравшими со всѣхъ сторонъ варварами. Особенно богатырствовалъ Всеволодъ, котораго поэтъ называетъ то Буй-туромъ, то Яръ-туромъ. Гдѣ онъ повернется, посвѣчивая своимъ золотымъ шеломомъ, тамъ лежатъ поганыя головы половецкія; ихъ шлемы аварскія разбиты стальными мечами и калеными саблями русскими. Дѣло происходило на берегахъ Каялы въ жаркіе майскіе дни; русскія дружины были отрѣзаны отъ воды; люди и кони изнемогали отъ жажды. На третій день битвы, въ воскресенье, Коуи не выдержали и обратились въ бѣгство. Игорь, уже раненый въ руку, поскакалъ за ними, стараясь ихъ остановить, и снялъ шлемъ, чтобы показать имъ свое лице; но тщетно; ему не удалось воротить Коуевъ. Тутъ на обратномъ пути къ своему полку, онъ былъ перехваченъ Половцами и взятъ въ плѣнъ. Всеволодъ, пробившійся наконецъ къ водѣ, изломалъ все свое оружіе о враговъ и также былъ схваченъ ими. Тогда окончилась битва; князья съ остаткомъ дружины разобраны Половцами и разведены по ихъ вежамъ. Игорь достался хану Чил-

буку изъ роду Тарголова, Всеволодъ Роману, сыну Гзака, Святославъ попалъ въ родъ Бурчевичей, а Владиміръ Улашевичей. Пораженіе и плѣнъ смирили гордость Игоря; онъ принялъ ихъ какъ наказаніе Божіе за свои прошлые грѣхи, за многое пролитіе христіанской крови въ междоусобіяхъ съ русскими князьями. Съ сокрушеннымъ сердцемъ вспомнилъ онъ объ одномъ полоцкомъ городѣ, который былъ взятъ на щитъ и подвергся всѣмъ возможнымъ неистовствамъ отъ ратныхъ людей.

Слово о Полку Игоревѣ трогательно изображаетъ печаль и уныніе, которыя разлились по Русской землѣ при извѣстіи о судьбѣ Святославичей. Въ особенности поэтично рисуетъ оно плачь супруги Игоревой въ Путивлѣ на забралѣ или на городской стѣнѣ; съ жалобой на свое горе она обращается къ вѣтру, солнцу и Днѣпру. Супругою его была Евфросинья Ярославна, дочь Галицкаго князя. Несчастный конецъ похода даетъ поэту случай указать на главную причину торжества варваровъ—на рознь и усобицы русскихъ князей; онъ вспоминаетъ о лучшихъ временахъ, о Владимірѣ Мономахѣ, который былъ грозою Половцевъ; говоритъ и о послѣднихъ удачныхъ походахъ Святослава Кіевскаго.

Ничего не вѣдая о предпріятіи сѣверскихъ князей, Святославъ Всеволодичъ изъ Кіева отправился въ свою наслѣдственную область, въ землю Вятичей, чтобы собирать тамъ ратниковъ и припасы; ибо онъ имѣлъ намѣреніе вмѣстѣ съ Ростиславичами на все лѣто идти къ Дону и воевать Половцевъ. На обратномъ пути около Новгорода Сѣверскаго великій князь съ неудовольствіемъ узналъ, что двоюродные братья, не испросивъ его согласія, какъ бы тайкомъ, предприняли походъ въ степи. Изъ Новгорода Сѣверскаго онъ на лодкахъ по Деснѣ приплылъ въ Черниговъ, и тутъ достигла до него вѣсть о пораженіи и плѣнѣ его родственниковъ. Земля Сѣверская, въ особенности Посемье, находилась въ большомъ смятеніи; она лишилась своихъ князей и войска; въ рѣдкомъ семействѣ не оплакивали потери кого либо изъ самыхъ близкихъ. Святославъ немедленно принялъ мѣры. Онъ отправилъ своихъ сыновей въ пограничные сѣверскіе города для за-

щиты края отъ варваровъ; въ тоже время послалъ къ Давиду Смоленскому и другимъ князьямъ, напоминая ихъ обѣщаніе идти лѣтомъ на Половцевъ и приглашая поспѣшить походомъ. „Иди, братъ, постереги землю Русскую"— велѣлъ онъ сказать Давиду. Послѣдній дѣйствительно пришелъ съ своими Смольнянами, и вмѣстѣ съ другими князьями сталъ у Треполя; а родной братъ кіевскаго князя Ярославъ собралъ свою рать въ Черниговѣ. Приготовленія эти были весьма своевременны; ибо Половцы, возгордясь своею побѣдою и плѣномъ четырехъ русскихъ князей, сами въ большомъ числѣ двинулись на Русскую землю. Къ счастію между ханами произошла распря. Кончакъ говорилъ: „пойдемъ на Кіевскую сторону; тамъ была избита наша братья и погибъ нашъ славный Бонякъ". А Гзакъ звалъ Половцевъ на Семь, говоря: „тамъ остались только жены и дѣти, для насъ готовый полонъ; возьмемъ города безъ опасенія". Варвары раздѣлились на двѣ части. Одни за Гзаковъ пошли къ Путивлю, повоевали окрестную волость, пожгли села, сожгли острогъ или внѣшнее укрѣпленіе Путивля, но самого города не взяли, и ушли обратно въ степи. А другіе съ Кончакомъ направились къ Переяславлю, и осадили его. Но здѣсь княжилъ мужественный Владиміръ Глѣбовичъ, внукъ Юрія Долгорукаго; онъ сдѣлалъ отчаянную вылазку, былъ тяжело раненъ и едва спасенъ своей дружиной отъ плѣна. Тщетно гонцы Владиміра звали скорѣе на помощь князей, стоявшихъ у Треполя. Святославъ также торопилъ Ростиславичей. Смоленская рать завела распрю съ своимъ княземъ, и начала творить шумныя вѣча; она объявила, что пошла только до Кіева и что теперь изнемогла въ походѣ. Давидъ принужденъ былъ воротиться назадъ. На эту распрю намекаетъ пѣвецъ Слова о Полку Игоревѣ, говоря: „стяги Владиміра (Мономаха) достались Рюрику и Давиду; но знамена ихъ вѣютъ въ разныя стороны". Наконецъ Рюрикъ и другіе, соединясь съ великимъ княземъ, переправились на лѣвый берегъ Днѣпра и пошли къ Переяславлю. Тогда Половцы оставили осаду этого города; они бросились на Сулу, разорили лежавшія по ней волости, и осадили Римовъ (Ромны). Степные варвары, неукроти-

мые въ грабежѣ и разореніи открытыхъ поселеній, не были искусны въ осадѣ городовъ; но на этотъ разъ несчастный случай помогъ имъ овладѣть Римовымъ. Когда осажденные столпились на забралѣ, подъ ихъ тяжестію обломились изъ него двѣ городни, и упали съ людьми прямо на сторону осаждавшихъ. Тогда варвары вломились въ городъ, и захватили въ плѣнъ всѣхъ, кто уцѣлѣлъ отъ меча; спаслись только тѣ, которые убѣжали въ ближнія болотистыя мѣста и дебри. Послѣ того и Кончакъ ушелъ въ свои степи. Вѣроятно на это его нашествіе и намекаютъ приведенныя выше слова лѣтописца: „иже снесе Сулу".

Игорь Святославичъ проживалъ въ плѣну, въ ожиданіи выкупа или обмѣна. Половцы обращались съ нимъ хорошо, уважая его знатность и мужество, и особенно благодаря поручительству Кончака, который считалъ его сватомъ, потому что прочилъ свою дочь за его сына. Къ Игорю приставили 20 сторожей; но послѣдніе не стѣсняли князя и даже слушались его приказаній; при немъ находились еще пять или шесть собственныхъ слугъ и сынъ его тысяцкаго. Ему позволяли даже выѣзжать по своему желанію и забавляться соколиною охотою. Призванъ былъ изъ Руси и священникъ для совершенія св. службы: Игорь думалъ, что ему еще долго придется быть въ плѣну. Орда, въ которой онъ находился, кочевала этимъ лѣтомъ на берегахъ Тора, одного изъ лѣвыхъ притоковъ Донца. Между Половцами нашелся нѣкто Овлуръ, который привязался къ князю, и предложилъ бѣжать съ нимъ въ Русь. Князь сначала не рѣшался. Но сынъ тысяцкаго и конюшій князя уговаривали его воспользоваться предложеніемъ; они сообщили Игорю, что Половцы, возвращаясь изъ своихъ несовсѣмъ удачныхъ походовъ на Русь, грозятъ избить плѣнныхъ князей и всю ихъ дружину. Тогда Игорь рѣшился, и послалъ конюшаго сказать Овлуру, чтобы тотъ ждалъ его съ поводнымъ конемъ на другой сторонѣ Тора. Время для побѣга выбрано вечернее. Половецкая стража, напившись своего кумыса, начала играть и веселиться, думая, что князь спитъ. Но онъ не спалъ: усердно помолясь передъ иконой, Игорь приподнялъ заднюю полость шатра, и вышелъ

никѣмъ незамѣченный. Онъ перебрелъ рѣку, сѣлъ на коня, и въ сопровожденіи Овлура поскакалъ на родину. Когда кони были загнаны, пришлось пѣшими пробираться черезъ степь, сохраняя всѣ предосторожности, чтобы укрыться отъ погони. Спустя одиннадцать дней, бѣглецы добрались до пограничнаго русскаго города Донца, откуда Игорь съ торжествомъ поѣхалъ въ свой Новгородъ Сѣверскій. Онъ не замедлилъ посѣтить главу своего рода великаго князя Кіевскаго и поклониться кіевскимъ святынямъ въ благодарность за свое освобожденіе. „Солнце свѣтитъ на небеси — восклицаетъ пѣвецъ Слова, — Игорь князь въ Русской землѣ; дѣвицы поютъ на Дунаѣ, несутся голоса черезъ море до Кіева; Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святой Богородицѣ Пирогощей; въ странѣ радость, въ народѣ веселье“. Года черезъ два воротился изъ плѣна и сынъ Игоря Владиміръ, сопровождаемый дочерью Кончака, съ которою и обвѣнчался. Всеволодъ Трубчевскій и Святославъ Рыльскій также получили свободу (72).

Послѣ того борьба съ степными варварами сдѣлалась еще живѣе и упорнѣе. Мы видимъ почти ежегодные походы на Половцевъ. То старые князья Святославъ и Рюрикъ соединенными силами воюютъ кочевниковъ, то посылаютъ на нихъ молодыхъ князей или Черныхъ Клобуковъ съ своими воеводами. Русь разоряетъ половецкія вежи; но и варвары въ свою очередь, улучивъ удобное время, набѣгаютъ на русскія украйны, жгутъ села и уводятъ множество плѣнниковъ. Однако, при всемъ оживленіи, борьба съ ними уже не имѣетъ той силы и энергіи, какъ во времена Мономаха или его сына Мстислава. Вся исторія Святослава Всеволодича показываетъ, что это былъ князь умный и дѣятельный. Благодаря установившимся на время миру и согласію съ главою Ростиславичей, Рюрикомъ, ему удается иногда соединять дружины южнорусскихъ князей для общаго дѣла; но онъ уже не имѣлъ никакого вліянія на остальныя русскія земли. Онъ невсегда могъ внушать единодушіе и самимъ южнымъ князьямъ. Собственный братъ его Ярославъ Черниговскій какъ то неохотно и вяло помогалъ

ему въ предпріятіяхъ противъ Половцевъ. Такъ по его винѣ не удался большой зимній походъ 1187 года. За глубокими снѣгами русская рать пошла не прямымъ путемъ въ степь, а по Днѣпру; когда она достигла рѣки Снопорода (Самары), князья узнали, что половецкія вежи и стада находятся недалеко въ какой то мѣстности, называемой Голубымъ лѣсомъ. Но Ярославъ Черниговскій вдругъ отказался идти далѣе; напрасно Святославъ и Рюрикъ уговаривали его сдѣлать еще переходъ не болѣе какъ въ половину дня. Ярославъ стоялъ на своемъ, отзываясь тѣмъ, что большую часть его рати составляетъ пѣхота, которая очень утомилась; что и такъ они зашли далѣе, чѣмъ было предположено. Вслѣдствіе этой распри князья ни съ чѣмъ воротились домой.

Черные Клобуки, необходимые помощники въ степныхъ походахъ какъ конное войско, не всегда съ одинаковымъ усердіемъ дѣйствовали въ пользу Руси. Случалось, что иногда русскіе князья спѣшатъ отразить набѣгъ какой либо хищной орды; а Черные Клобуки тайкомъ извѣстятъ „своихъ сватовъ“ Половцевъ, и тѣ вóвремя уйдутъ въ степи съ награбленною добычею и полономъ. Иногда Черные Клобуки просто отказывались идти на ближайшіе къ нимъ половецкіе роды, съ которыми находились въ дружественныхъ и родственныхъ отношеніяхъ; или, взявъ въ плѣнъ половецкаго хана, тайкомъ отъ русскихъ князей, брали съ него выкупъ и отпускали во свояси. Особенно много зла Русской землѣ причинилъ одинъ изъ ихъ старшинъ, упомянутый выше Кунтувдый. Лѣтомъ 1190 года Святославъ и Рюрикъ, пользуясь временнымъ затишьемъ, предприняли вмѣстѣ дальніе ловы; на лодкахъ они отправились по Днѣпру, доѣхали до устья рѣки Тясьмина, и въ окрестностяхъ его убили и наловили множество звѣрей и разной дичи. Весело воротились они домой, и долго праздновали удачную охоту. Въ это время Святославъ велѣлъ схватить и заключить подъ стражу Кунтувдыя; Рюрикъ вступился за него и выпросилъ ему свободу; Кіевскій князь отпустилъ его, взявъ клятву въ вѣрности. Но мстительный торчинъ тотчасъ ушелъ къ Половцамъ, и за тѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ходилъ съ ними

на Русь, жегъ и грабилъ пограничныя мѣста. Между прочимъ онъ разорилъ городъ какого-то Чурная, вѣроятно одного изъ торкскихъ старшинъ, можетъ быть своего соперника и виновника своей опалы. Месть и набѣги его прекратились только благодаря Рюрику, который уговорилъ Кунтувдыя отстать отъ Половцевъ, и далъ ему во владѣніе городокъ Дверень на рѣкѣ Роси.

Впрочемъ Черные Клобуки не мало оказали услугъ въ нашей борьбѣ съ Половцами. Иногда эти полукочевые народцы, такіе-же жадные къ добычѣ какъ и степные варвары, сами просили князей идти съ ними въ половецкія вежи, чтобы захватить тамъ какъ можно болѣе коней, скота и челяди. Они преимущественно пользовались тѣмъ временемъ, когда Половцы, оставивъ свои вежи и стада, совершали набѣги въ Придунайскія страны. Особенно удачны были предпріятія Черныхъ Клобуковъ подъ начальствомъ Рюрикова сына Ростислава, которому отецъ далъ Торческъ, главный городъ Поросья или южной Кіевской украйны; а здѣсь обыкновенно сажали самыхъ удалыхъ князей, чтобы оберегать Русскую землю отъ варваровъ. Наиболѣе замѣчательный походъ былъ совершенъ имъ въ 1193 году. Зимой этого года онъ занимался ловами около города Чернобыля, когда къ нему явились лучшіе люди отъ Черныхъ Клобуковъ и просили идти съ ними въ степь; такъ какъ обстоятельства были очень благопріятны. Ростиславъ охотно согласился, и поѣхалъ немедленно въ Торческъ собирать свою дружину. Онъ даже не счелъ нужнымъ испрашивать позволеніе у своего отца Рюрика; послѣдній находился тогда въ Овручѣ и готовился къ походу на Литву. Ростиславъ пригласилъ идти вмѣстѣ своего двоюроднаго брата Мстислава Мстиславича (Удалаго), который держалъ городъ Треполь. Мстиславъ охотно согласился. Съ своими дружинами и Черными Клобуками они налетѣли врасплохъ на половецкія вежи, и отполонили множество скота, коней и челяди: Черные Клобуки очевидно выбрали самое удобное время для этого набѣга. Половцы собрались и пошли въ погоню; но не посмѣли вступить въ открытый бой. Къ Рождеству Ростиславъ воротился въ свой Торческъ; а отсюда отправился къ старшимъ родичамъ съ „сайгатами“, т. е. съ по-

дарками изъ своей добычи: сначала къ отцу Рюрику въ Овручъ, потомъ къ дядѣ Давиду въ Смоленскъ, а оттуда во Владиміръ на Клязьмѣ, къ тестю своему Всеволоду Юрьевичу.

Около того времени въ Суздальской землѣ уже прекратились смуты, вызванныя убіеніемъ Боголюбскаго; Владимірскій столъ занималъ младшій его братъ Всеволодъ III, и подъ его умнымъ, твердымъ управленіемъ Сѣверная Русь снова получила преобладаніе надъ Южною; такъ что южные князья и самъ Кіевскій принуждены были признать старшинство Всеволода. Такимъ образомъ на Руси существовали уже два великихъ княженія, одно въ Кіевѣ, другое во Владимірѣ Клязьменскомъ. Южные князья спѣшили породниться съ могущественнымъ государемъ Суздальскимъ. Между прочимъ Рюрикъ сосваталъ у него дочь Верхуславу за своего сына Ростислава въ 1187 году. Верхуслава имѣла только восемь лѣтъ отъ роду; но подобное обстоятельство не помѣшало брачному союзу, согласно съ обычаями того времени. Всеволодъ отправилъ дочь на югъ съ большою свитою изъ бояръ и ихъ женъ, снабдивъ богатымъ приданымъ, состоявшимъ изъ золотыхъ и серебряныхъ вещей. Отецъ съ матерью провожали ее три переѣзда, и простились съ великими слезами. Вѣнчаніе молодой четы происходило въ Бѣлгородѣ и совершено епископомъ бѣлогородскимъ Максимомъ въ „деревянной" церкви свв. Апостолъ. Свадьба была отпразднована на славу; на ней присутствовало до двадцати князей. Рюрикъ щедро одарилъ свою юную сноху и между прочимъ отдалъ ей городъ Брягинъ; а провожавшихъ ее бояръ отпустилъ въ Суздаль также съ большими подарками. Судя по лѣтописи, эта свадьба вообще произвела впечатлѣніе на современниковъ и была предметомъ многихъ разговоровъ. Когда Ростиславъ послѣ помянутаго похода на Половцевъ вмѣстѣ съ супругою посѣтилъ своего тестя, Всеволодъ, нѣжно любившій Верхуславу, цѣлую зиму продержалъ у себя зятя и дочь; послѣ чего проводилъ ихъ съ великою честію и богатыми дарами.

Между тѣмъ набѣгъ Ростислава въ степь измѣнилъ распоряженія его отца. Святославъ Кіевскій прислалъ

сказать Рюрику: „сынъ твой затронулъ Половцевъ и началъ съ ними рать; а ты хочешь идти въ другую сторону, оставивъ свою землю; нѣтъ, иди теперь въ Русь и стереги ее“. Не забудемъ, что Русью въ тѣ времена называлась преимущественно земля Кіевская. Рюрикъ послушалъ, и съ полками своими отправился на южную украйну, отложивъ свой походъ на Литву, которая уже замѣтно начинала тѣснить наши западные предѣлы. Не далѣе какъ лѣтомъ того же 1193 года, т. е. еще до Ростиславова похода, престарѣлый Святославъ пытался заключить прочный миръ съ половецкими ханами, чтобъ отдохнуть отъ непрерывныхъ тревогъ. Онъ и Рюрикъ съѣхались въ Каневѣ, и послали звать хановъ для переговоровъ о мирѣ. Западные или „лукоморскіе“ ханы, Итоглый и Акушъ, дѣйствительно пріѣхали; но восточные, Осолукъ и Изай, изъ рода Бурчевичей, расположились на другомъ берегу Днѣпра противъ Канева, и отказались переѣхать рѣку, приглашая самихъ князей переправиться на ихъ сторону. Князья отвѣчали, что ни при дѣдахъ, ни при отцахъ не было такого обычая, чтобы имъ самимъ ѣздить къ Половцамъ. Хотя Лукоморскіе охотно соглашались на миръ и Рюрикъ совѣтовалъ этимъ воспользоваться; но такъ какъ Бурчевичи упорствовали, то Святославъ сказалъ: „не могу мириться съ одной половиной“. И съѣздъ кончился ничѣмъ.

Это было послѣднее дѣяніе Святослава по отношенію къ степнымъ варварамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что кромѣ обороны Черниговскихъ и Кіевскихъ предѣловъ, у Святослава и всего рода Ольговичей было еще одно побужденіе, которое двигало ихъ на упорную борьбу со степью. За этою степью, на берегахъ Азовскаго и Чернаго морей, лежалъ ихъ родовой удѣлъ Тмутраканскій, когда то богатая и торговая область, благодаря сосѣдству съ греческими городами въ Тавридѣ и съ Кавказскимъ краемъ. Половецкія орды постепенно отторгли эту область отъ Руси Днѣпровской и загородили къ ней пути ея наслѣдственнымъ князьямъ. Къ этой то Тмутраканской Руси и пытались пробиться внуки Олега Святославича; на что намекаетъ и пѣвецъ Слова о Полку Игоревѣ. Но всѣ попытки окончились не въ пользу русскихъ князей; уже

приходилось думать только о защитѣ ближнихъ украйнъ. А вновь наступившія княжія междоусобія снова дали Половцамъ возможность не только разорять эти украйны безнаказанно, но и грабить самую столицу древней Руси.

Лѣтомъ 1194 года Святославъ Всеволодичъ въ послѣдній разъ предпринималъ путешествіе въ свой наслѣдственный удѣлъ, землю Вятичей. Тамъ въ Карачевѣ происходилъ его съѣздъ съ черниговскими и сѣверскими родственниками: сюда пріѣхали родной его братъ Ярославъ и двоюродные Игорь со Всеволодомъ; два послѣдніе были никто иные какъ извѣстные герои Слова о Полку Игоревѣ. У Ольговичей возникли какіе то споры съ рязанскими князьями за пограничныя волости. Они рѣшили соединенными силами идти на Рязанцевъ; но такъ какъ рязанскіе князья въ то время находились въ зависимости отъ Суздальскаго, то безъ его позволенія Ольговичи не смѣли начать войну. Святославъ отправилъ изъ Карачева гонцовъ испросить это позволеніе; но получилъ отказъ. Престарѣлый князь возвращался изъ своего путешествія совсѣмъ больной. Приближался праздникъ Бориса и Глѣба, и Святославъ на пути къ столицѣ заѣхалъ въ Вышгородъ, чтобы помолиться надъ мощами свв. братьевъ и облобызать ихъ раку. Здѣсь въ притворѣ Борисоглѣбской церкви былъ погребенъ отецъ его Всеволодъ Ольговичъ; но священникъ случился въ отсутствіи вмѣстѣ съ ключемъ отъ притвора, и Святославу не удалось поклониться отцовскому гробу. Онъ пріѣхалъ въ Кіевъ, будучи уже близокъ къ смерти, и остановился въ княжемъ теремѣ на Новомъ дворѣ, близъ монастыря св. Кирилла, который былъ основанъ его отцемъ и имѣлъ придѣлъ во имя Бориса и Глѣба. Въ этомъ теремѣ онъ справилъ праздникъ свв. мучениковъ (24 іюля); такъ какъ былъ уже не въ состояніи выдти въ церковь. На слѣдующій день онъ получилъ извѣстіе, что въ Кіевъ ѣдутъ сваты отъ греческаго царевича за невѣстой послѣдняго Евфиміей Глѣбовной, внучкой Святослава ([73]). Великій князь отправилъ ему на встрѣчу кіевскихъ бояръ, а самъ все болѣе ослабѣвалъ. „Когда будутъ свв. Макавеи"?—спросилъ онъ свою супругу: это былъ день кончины его от-

ца. „Въ понедѣльникъ“ — отвѣчала княгиня. „Я уже не дождусь“ — замѣтилъ онъ. Передъ смертью Святославъ приказалъ постричь себя въ иноки. Его погребли въ Кирилловомъ монастырѣ.

Между Святославомъ Всеволодичемъ и Рюрикомъ Ростиславичемъ существовалъ договоръ, въ силу котораго Кіевскій столъ по смерти перваго долженъ былъ перейти ко второму. Вѣрный этому договору, Святославъ передъ кончиною своею послалъ гонца въ Овручъ къ Рюрику, и тотъ поспѣшилъ прибыть въ Кіевъ. Его торжественно встрѣтили съ крестнымъ ходомъ митрополитъ, духовенство и Кіевскій народъ, и проводили въ св. Софію, гдѣ и былъ совершенъ обрядъ посаженія на великокняжескій столъ. Но все это совершилось не иначе какъ съ согласія великаго князя Владиміро-Суздальскаго: послѣдній прислалъ и своихъ мужей, чтобы утвердить Рюрика на Кіевскомъ столѣ. Ростиславичи признали старшинство Всеволода въ цѣломъ родѣ Мономаха, и Всеволодъ III могъ бы самъ занять Кіевъ; но онъ шелъ по стопамъ своего старшаго брата Андрея Боголюбскаго, и предпочиталъ оставаться на сѣверѣ, а Кіевъ держать отъ себя въ зависимости.

Перемѣщеніе старшаго князя на Кіевскій столъ обыкновенно вело за собою и перемѣщеніе его родственниковъ, которые передвигались на лучшіе столы по мѣрѣ своей близости къ Кіевскому князю. Изъ Ростиславичей кромѣ Рюрика оставался еще въ живыхъ братъ его Давидъ Смоленскій. Въ слѣдующемъ 1195 году Рюрикъ призвалъ его въ Кіевъ, чтобы съ обоюднаго согласія устроить дѣла своего рода, „подумать о Володимірѣ племени“. Самымъ существеннымъ дѣломъ для князей того времени былъ конечно вопросъ о волостяхъ. Давидъ съ смоленскими мужами приплылъ въ ладьяхъ Днѣпромъ, и въ среду на „русальной“ недѣлѣ (т. е. послѣ Троицына дня) остановился въ Вышгородѣ, который прежде былъ его удѣльнымъ столомъ. Начался рядъ взаимныхъ угощеній и подарковъ. Сначала Рюрикъ позвалъ Давида съ Смольнянами къ себѣ на обѣдъ, и одарилъ его. За тѣмъ сынъ Рюрика Ростиславъ принималъ Давида у себя въ Бѣлгородѣ, и также поднесъ

ему подарки. Въ свою очередь Давидъ позвалъ брата съ дѣтьми въ Вышгородъ, угостилъ ихъ, и отдарилъ съ своей стороны. Кончились пиры княжіе, началось угощеніе духовенства и народа. Давидъ собралъ къ себѣ чернецовъ, накормилъ ихъ и одѣлилъ подарками; при чемъ онъ роздалъ щедрую милостыню нищей братіи; потомъ дарилъ и угощалъ Черныхъ Клобуковъ, которые при этомъ, по обычаю своему, сильно подпили. Кіевскіе граждане устроили великую братчину для Смоленскаго князя и его мужей; при чемъ также подносили дары. Давидъ не остался въ долгу, и устроилъ веселый пиръ для Кіевлянъ. Кончились пиры и бражничанье; князья приступили къ „ряду", т. е. къ уговору о волостяхъ и другихъ дѣлахъ. Въ числѣ послѣднихъ конечно важное мѣсто занимали оборонительныя мѣры противъ Половцевъ, а также и противъ черниговскихъ Ольговичей, которые не покидали своихъ притязаній на кіевскіе удѣлы. Что касается до Смоленскаго князя, то онъ въ эту эпоху находился во враждебныхъ отношеніяхъ къ своимъ западнымъ сосѣдямъ, князьямъ Полоцкимъ, у которыхъ Смоленскіе старались отнять ближайшій къ себѣ Витебскій удѣлъ. Уладивъ всѣ дѣла съ братомъ, Давидъ воротился въ свой Смоленскъ.

Такое мирное и веселое водвореніе Рюрика въ Кіевѣ повидимому предвѣщало ему спокойное обладаніе великокняжимъ столомъ. Онъ находился въ родствѣ и дружбѣ съ тремя главными представителями Мономахова рода. Сильный Суздальскій князь былъ его своякомъ и самъ утвердилъ его на Кіевскомъ столѣ; Смоленскою землею владѣлъ родной братъ Давидъ; а во Владимірѣ Волынскомъ сидѣлъ двоюродный племянникъ Романъ Мстиславичъ, женатый на его дочери, слѣдовательно и зять его, тотъ самый Романъ, который въ юности своей отразилъ отъ Новгорода многочисленную рать Андрея Боголюбскаго. Чтобы удовлетворить честолюбію этого зятя и имѣть въ немъ надежную опору противъ степныхъ варваровъ и черниговскихъ Ольговичей, Рюрикъ отдалъ ему Поросье или землю Черныхъ Клобуковъ съ ея важнѣйшими городами, каковы: Торческъ,

Треполь, Корсунь, Богуславъ и Каневъ; а сына своего Ростислава изъ Поросья перевелъ въ Бѣлгородъ. Но счастливому началу Рюрикова княженія совсѣмъ не соотвѣтствовала его дальнѣйшая судьба. Княженіе это было одно изъ самыхъ тревожныхъ, одно изъ самыхъ злополучныхъ для Кіевской земли, особенно для древней русской столицы. Поводомъ къ ссорамъ послужила упомянутая отдача Поросья Роману Волынскому. Суздальскій князь былъ недоволенъ тѣснымъ союзомъ Рюрика съ Романомъ. Въ лицѣ Волынскаго князя въ то время возникла новая сила, которая грозила воспрепятствовать преобладанію Сѣверной Россіи надъ Южною. Располагая Волынскою землею, Романъ стремился овладѣть еще и Галицкою. Имѣя такого сильнаго союзника, Кіевскій князь могъ освободиться отъ суздальскаго вліянія; чего Всеволодъ конечно не желалъ. Онъ задумалъ перессорить между собою двухъ союзниковъ, и сдѣлалъ это очень ловко.

Еще въ томъ же 1195 г. Всеволодъ прислалъ къ Рюрику своихъ бояръ съ упрекомъ, что тотъ одѣлилъ младшихъ князей русскими городами, а ему, Всеволоду, старшему во всемъ Владиміровомъ племени, не далъ никакой части въ Русской землѣ. Онъ пожелалъ имѣть тѣ именно города, которые были отданы Роману Волынскому. Рюрикъ находился въ затрудненіи; такъ какъ Романъ взялъ съ него присягу никому не отдавать этихъ городовъ. Кіевскій князь началъ думать съ своими боярами о томъ, какъ ему поступить въ данномъ случаѣ; рѣшено послать ко Всеволоду съ предложеніемъ иной волости. Но Суздальскій князь требовалъ непремѣнно Поросья и грозилъ войною. Рюрикъ обратился къ митрополиту Никифору за совѣтомъ; митрополитъ отвѣчалъ, что его долгъ удерживать князей отъ кровопролитія; онъ разрѣшилъ Рюрика отъ присяги, и совѣтовалъ ему удовлетворить требованіе старѣйшаго князя, а Роману дать иную волость. Такъ и было поступлено. Духовенство постаралось убѣдить и Волынскаго князя; послѣдній изъявилъ готовность удовольствоваться другимъ надѣломъ или получить вознагражденіе кунами (деньгами). Но Всеволодъ совсѣмъ не желалъ такого исхода. Онъ послалъ въ города Поросья сво-

ихъ посадниковъ, а главный изъ нихъ Торческъ возвратилъ зятю своему Ростиславу, сыну Рюрика. Расчетъ его оказался вѣренъ. Романъ началъ обвинять своего тестя въ томъ, что все это дѣло о Поросьѣ затѣяно по предварительному уговору Всеволода съ самимъ Кіевскимъ княземъ, чтобы доставить Торческъ его сыну. Отсюда возникла распря, которая перешла въ междоусобіе.

Естественными союзниками Романа явились Ольговичи. Представители Мономахова племени, Рюрикъ и Всеволодъ, хотѣли обезпечить за своимъ родомъ Кіевскую землю, и потребовали отъ Черниговскихъ князей такого договора, по которому тѣ должны были навсегда отказаться отъ притязаній на Кіевъ и довольствоваться правою стороною Днѣпра на основаніи раздѣла, произведеннаго еще Ярославомъ I. Но Ольговичи энергически отказались исполнить подобное требованіе. „Мы не Угры и не Ляхи—повторяли они, — но одного дѣда внуки; при вашей жизни не ищемъ Кіева; а послѣ васъ кому Богъ дастъ". Рюрикъ началъ готовиться къ борьбѣ, призывая на помощь Всеволода Суздальскаго и брата своего Давида Смоленскаго. А Ольговичи нашли себѣ еще союзниковъ въ Полоцкихъ князьяхъ, которые враждовали съ Смоленскими изъ за Витебска. Междоусобныя войны закипѣли въ разныхъ концахъ Руси: въ землѣ Кіевской и Черниговo-Сѣверской, Смоленской и Полоцкой, на Волыни и въ Галичѣ. Защита русскихъ предѣловъ отъ Половцевъ отошла на задній планъ; напротивъ варвары снова получили возможность грабить Русь въ качествѣ союзныхъ полчищъ. Самъ Рюрикъ подавалъ тому примѣръ: онъ былъ женатъ на половецкой княжнѣ, и слѣдовательно имѣлъ свояковъ между ханами. Только Всеволодъ Суздальскій и Романъ Волынскій своими походами въ степи напомнили варварамъ времена прежнихъ погромовъ.

Будучи главнымъ виновникомъ междоусобій, Всеволодъ III не оказывалъ большой помощи Рюрику и вообще мало прилагалъ старанія прекратить кровопролитіе и разореніе, охватившія южную половину Россіи. По временамъ въ томъ или другомъ краю воюющія стороны заключали миръ, утверждали его присягою и крестными

грамотами, но только для того, чтобы, отдохнувъ немного, при первомъ удобномъ случаѣ вновь начать междоусобную брань. Въ теченіе этого времени взаимныя отношенія князей нерѣдко мѣнялись: союзники становились врагами и на оборотъ. Впрочемъ перемѣны въ союзахъ большею частію имѣли тотъ смыслъ, что направлялись къ развитію и поддержанію нѣкотораго политическаго равновѣсія: едва какой либо изъ князей усиливался настолько, что становился опасенъ для другихъ, какъ союзники спѣшили его оставить и переходили на сторону его противниковъ.

Романъ Волынскій, достигшій наконецъ цѣли своихъ долгихъ стремленій, т. е. обладанія Галичемъ, въ 1202 году изгналъ изъ Кіева Рюрика. Послѣдняго на этотъ разъ поддерживали сами Ольговичи, съ неудовольствіемъ смотрѣвшіе на соединеніе Галича и Волыни въ рукахъ одного князя; между тѣмъ какъ Всеволодъ III находился уже въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ Рюрикомъ. Кіевляне сами отворили Роману ворота Подола или своего Нижняго города. Но, подобно Суздальскому, Галицко-Волынскій князь заботился главнымъ образомъ о расширеніи и усиленіи собственной земли, въ которой онъ былъ наслѣдственнымъ и полнымъ хозяиномъ, и не показывалъ желанія самому занимать непрочный столъ Кіевскій. Съ согласія Всеволода III онъ посадилъ здѣсь своего двоюроднаго брата (Ингваря Луцкаго). Рюрикъ удалился въ Овручъ. Но въ слѣдующемъ году, соединясь съ Ольговичами, съ Кончакомъ и другими половецкими ханами, онъ взялъ Кіевъ приступомъ, и забывъ всякую совѣсть, отдалъ его на разграбленіе степнымъ союзникамъ, вмѣсто платы за ихъ услуги и въ отмщеніе Кіевлянамъ, которые измѣнили ему въ прошломъ году. Варвары съ неистовствомъ принялись грабить и жечь не одинъ Подолъ, но и Верхній городъ. Даже св. Софія, Десятинный храмъ и монастыри подверглись общей участи. Половцы забрали изъ церквей драгоцѣнные сосуды и кресты; обдирали оклады съ иконъ и богослужебныхъ книгъ; сняли и дорогія одежды старыхъ князей, которые имѣли обыкновеніе вѣшать ихъ въ храмахъ на память о себѣ. Кромѣ того вар-

вары захватили въ полонъ множество жителей, особенно юношей и дѣвицъ, не щадя самихъ чернецовъ и монахинь, и увели ихъ въ свои вежи. Уцѣлѣли только иноземные или варяжскіе гости, которые заперлись съ товаромъ въ своихъ каменныхъ церквахъ, и варвары удовольствовались тѣмъ, что гости выдали имъ половину товара. Это было второе послѣ 1169 г. взятіе и разграбленіе матери русскихъ городовъ. По замѣчанію лѣтописца, оно было еще горше перваго; что весьма понятно: тогда непріятели, грабившіе городъ, были русскіе и православные, которые не могли свирѣпствовать съ такимъ неистовствомъ какъ степные дикари. Послѣ этого втораго разоренія богатство и значеніе древняго Кіева упали еще болѣе.

Доскажемъ въ нѣсколькихъ словахъ судьбы Кіевскаго княженія до нашествія Татаръ.

Еще въ томъ же 1203 году Романъ Волынскій снова пришелъ на Рюрика, который, не довѣряя Кіевлянамъ, заперся въ своемъ Овручѣ. Князья помирились. Рюрикъ пожертвовалъ своимъ союзомъ съ Ольговичами; а Романъ оставилъ за нимъ Кіевъ, но не иначе какъ получивъ на то согласіе Всеволода, котораго они по прежнему признавали старѣйшимъ въ родѣ Мономаха. Не долго однако длилось это примиреніе. Вслѣдъ за тѣмъ князья ходили вмѣстѣ на Половцевъ, и на обратномъ пути, остановясь въ Треполѣ, заспорили о волостяхъ. Тутъ Романъ схватилъ Рюрика, и велѣлъ постричь его въ монахи, а также постригъ его супругу и дочь (свою бывшую жену). На Кіевскомъ столѣ онъ по желанію Всеволода III посадилъ его зятя, извѣстнаго Ростислава Рюриковича.

Въ 1205 году Романъ Галицкій погибъ въ войнѣ съ Поляками. Тогда Рюрикъ немедленно снялъ съ себя монашескую одежду, и снова занялъ великокняжескій столъ вмѣсто своего сына. Онъ хотѣлъ разстричь и супругу свою; но та поспѣшила принять схиму. И на этотъ разъ Рюрику не удалось спокойно владѣть Кіевомъ: соперникомъ ему явился сосѣдній князь Черниговскій. Въ родѣ Ольговичей строже чѣмъ гдѣ либо соблюдался порядокъ старшинства при занятіи главнаго стола. Когда умеръ Ярославъ Всеволодичъ (1198 г.) на Черниговскомъ сто-

лѣ сѣлъ его двоюродный братъ Игорь Святославичъ, князь Новгорода Сѣверскаго, герой Слова о Полку Игоревѣ. Но спустя четыре года онъ также скончался; старшинство въ родѣ Ольговичей принадлежало теперь Всеволоду Чермному, сыну Святослава Всеволодича, бывшаго Кіевскаго князя; и Чермный безпрепятственно занялъ Черниговскій столъ. По характеру своему этотъ князь былъ истиннымъ представителемъ своего рода. Не довольствуясь Черниговымъ, онъ, по смерти Романа Галицкаго, предъявилъ свои притязанія на Кіевъ, гдѣ сидѣли и отецъ его, и дѣдъ; съ помощію наемныхъ Половцевъ Чермный не разъ изгонялъ несчастнаго Рюрика изъ Кіева. Всеволодъ Суздальскій рѣшился наконецъ вооруженною рукою напомнить Ольговичамъ, что Кіевскимъ столомъ нельзя распоряжаться безъ его соизволенія, и въ 1207 году предпринялъ походъ на югъ. На помощь къ нему пришли его подручники князья Рязанскіе. Но до великаго князя дошелъ слухъ, будто бы послѣдніе замышляютъ измѣну и пересылаются съ Черниговскими; тогда онъ велѣлъ ихъ схватить, и вмѣсто Черниговской земли повернулъ въ Рязанскую, чтобы окончательно покорить ее своей власти. Однако уже самое намѣреніе Суздальскаго князя идти на Черниговъ устрашило Ольговичей; они изъявили покорность Всеволоду III, съ согласія котораго Чермный получилъ Кіевъ, а Рюрикъ сѣлъ на его мѣсто въ Черниговѣ (1210 г.). Такое необычное перемѣщеніе напомнило времена первыхъ Ярославичей; оно объясняется неудовольствіемъ Суздальскаго князя на Ростиславичей Смоленскихъ. Но этотъ порядокъ не могъ быть проченъ. Спустя два года, скончался Всеволодъ III; Суздальская земля раздробилась между его потомствомъ; тамъ наступили смуты, подобныя тѣмъ, которыя были послѣ смерти Андрея Боголюбскаго; почему снова утрачено было вліяніе Владиміра Клязьменскаго на судьбы Кіева, и югъ Россіи снова предоставленъ самому себѣ. Здѣсь не замедлила возобновиться борьба Ростиславичей съ Ольговичами изъ за Кіевскаго стола. Рюрикъ между тѣмъ умеръ; но на помощь Ростиславичамъ пришелъ изъ Новгорода его племянникъ Мстиславъ Мстиславичъ Удалой; онъ выгналъ Всеволода Чермнаго изъ Кіева, и посадилъ въ немъ сво-

его двоюроднаго брата Мстислава Романовича Смоленскаго (1214 г.). Этотъ Мстиславъ Романовичъ находился въ числѣ князей, погибшихъ въ несчастной битвѣ на Калкѣ ([74]).

Посреди описанныхъ междукняжескихъ отношеній все болѣе и болѣе вырабатывалась отдѣльность русскихъ областей, при помощи разнообразія въ характерѣ населенія и въ другихъ мѣстныхъ условіяхъ. Каждая изъ этихъ областей начинала жить своею собственною историческою жизнію, имѣя во главѣ особую вѣтвь княжаго дома. Каждая изъ этихъ вѣтвей болѣе или менѣе сохраняетъ тотъ же обычный порядокъ старшинства, изъ за котораго иногда возникаетъ такое же соперничество, какое происходило изъ за Кіева. А послѣдній между тѣмъ окончательно терялъ свое значеніе старѣйшаго стола. Будучи постоянно яблокомъ раздора между разными поколѣніями Игоревичей, онъ не утвердился ни за однимъ изъ нихъ. Мало того, онъ достается иногда уже не старшимъ князьямъ, а ихъ младшимъ родственникамъ. Сила и значеніе кіевскаго князя опредѣляются уже не самимъ Кіевскимъ столомъ, а тѣми родовыми, наслѣдственными волостями, которыми этотъ князь располагалъ. Однако Кіевъ все еще продолжалъ быть посредствующимъ звеномъ, которое связывало отдѣльныя и даже отдаленныя части Россіи. Онъ все еще служилъ главнѣйшимъ средоточіемъ древнерусской образованности; пока не надвинула съ востока новая темная сила, и въ конецъ не разрушила матери русскихъ городовъ.

Свои домашнія дѣла и неустанная борьба съ сосѣдями не мѣшали русскимъ людямъ того времени съ участіемъ слѣдить за важными событіями на юговостокѣ Европы и жить общими политическими интересами съ другими европейцами. Греческая имперія была для древней Руси главнымъ источникомъ просвѣщенія. Князья наши постоянно находились въ родственныхъ и дружескихъ связяхъ съ византійскими государями и принцами; Греція снабжала насъ іерархами; отъ насъ отправлялись въ нее торговцы и многочисленные паломники. Отсюда понятно то живое участіе, съ которымъ Русь относилась къ судьбамъ

Византіи, къ Святой землѣ и къ великому движенію западноевропейскихъ народовъ въ ту сторону, т. е. къ Крестовымъ походамъ. Подъ 1190 годомъ Кіевскій лѣтописецъ съ прискорбіемъ говоритъ о завоеваніи Іерусалима невѣрными Агарянами, т. е. султаномъ Саладиномъ, и о гибели крестоноснаго императора Фридриха Барбаруссы. А четырнадцать лѣтъ спустя, совершилось событіе, которое видимо поразило умы русскихъ людей: пришло извѣстіе, что самый Царьградъ завоеванъ и частію сожженъ Фрягами или Латинами; а его великолѣпные храмы подверглись разграбленію, начиная съ чудной Софіи и Влахернской Богородицы. Лѣтопись Новогородская оставила намъ довольно подробный расказъ объ этомъ погромѣ, который случился почти одновременно со вторымъ взятіемъ и разграбленіемъ нашей древней столицы. „Такъ погибло царство богохранимаго града Константинова — заключаетъ сѣвернорусскій лѣтописецъ; — распрями царей погублена земля Греческая, и нынѣ обладаютъ ею Фряги“ (75).

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

[1]) Petri Gyllïï de Topographia Constantinopoleos et de illius antiquitatibus. (*Бандури*—Imperium Orientale. T. I). Дюканжа—Constantinopolis christiana. *Лабарта*—Palais imperiale de Constantinople et ses abords. Paris. 1861. (см. также статью о немъ Дидрона въ Annales Archeologiques. T. XXI. 1861). Образцы софійскихъ мозаикъ и реставрація самаго храма въ великолѣпномъ изданіи *Зальценберга*: Altchristliche Baudenkmale von Constantinopel. Berlin. 1854. Также см. „Обозрѣніе Цареградскихъ памятниковъ и святынь по русскимъ паломникамъ“ архим. *Леонида* въ Чт. Об. И. и Д. 1870. кн. 4-я. Для топографіи Константинополя и Воспора я руководствовался отчасти и своимъ личнымъ знакомствомъ.

[2]) *Четыре бесѣды Фотія*, изданные архм. Порфир. Успенскимъ. Спб. 1864. Никиты Давида—Vita s. Ignatii Cp. Archiep. (Acta Conciliorum. Edit. Harduin. Parisiis. 1714. V. 943—1010. Перепечатано у аббата Миня въ его Patrologiae t. CV). Georgii Monachi, dicti Hamartoli Chronicon. Ed. Muralt. Petropoli. MDCCCLIX. 736. Leo Grammaticus. Ed. Bon. 240. Continuator Theophanis. 196. Symeon Logotheta. 674. Cedrenus. II. 179. Zonaras. ed. Paris. II. 162. Chronicon venetum. Pertz, VII. 18. и Muratori XII. 181. Stritteri Memoriae Populorum II. 957. Русская лѣтопись. Послѣдняя въ этомъ случаѣ впрочемъ не представляетъ самостоятельнаго извѣстія, а беретъ его буквально изъ хроники Амартола; отъ себя она прибавляетъ только имена предводителей Руси, Оскольда и Дира—лица очевидно вымышленныя или относящіяся къ другому времени. Въ Кіевѣ существовали два урочища: „Аскольдова могила“ и „Дирова могила“. Онѣ то вѣроятно и подали поводъ къ баснѣ объ этихъ двухъ лицахъ. Въ изложеніи событія мы держались преимущественно двухъ первыхъ бесѣдъ Фотія, относящихся къ нападенію Россовъ; это свидѣтельство очевидца. На его словахъ мы основываемъ неточность позднѣйшихъ расказовъ (продолжателя Амартола, Льва Граматика и Симеона Логоѳета) о прибытіи Михаила III въ столицу окруженную варварами, о погруженіи ризы Богородицы въ море и возставшей послѣ того бурѣ, которая разметала русскія суда. Къ тому же

и Венеціанская хроника Іоанна Діакона, писавшаго въ началѣ XI вѣка, прибавляетъ, что варвары (которыхъ онъ называетъ общимъ именемъ *сѣверныхъ народовъ*—Normannorum gentes) возвратились со славою (cum triumpho regressa est). Византійскіе историки не опредѣляютъ точной хронологіи этого событія; только Симеонъ Логоѳетъ говоритъ, что оно произошло въ 10-мъ году Михаилова царствованія, а Русская лѣтопись относитъ его къ 14-му году этого царствованія. Соображая всѣ обстоятельства, нашествіе Руси надобно отнести къ веснѣ 864 или вѣроятнѣе 865 года. См. о томъ у Байера (De Russorum prima expeditione Constantinopolitana, въ Комментаріяхъ Академіи Н. Т. VI.), Шлёцера (Несторъ. Т. II), Карамзина (къ т. I. Прим. 283) и архим. Успенскаго (62). Число русскихъ судовъ также въ точности неизвѣстно; по хроникѣ Амартола ихъ было 200 (откуда тоже число перешло и въ русс. лѣтопись), а по хроникѣ Венеціанской 360. И то, и другое число безъ сомнѣнія гадательное. Полагая среднимъ счетомъ по 50 человѣкъ на ладью, въ первомъ случаѣ мы получимъ до 10.000 человѣкъ, а во второмъ до 18.000. Послѣднее число представляетъ болѣе вѣроятія, если взять въ расчетъ осаду такого большаго города какъ Константинополь.

Что касается до расказа о погруженіи ризы Богородицы въ море и возставшей потомъ бурѣ, которая разметала суда Руссовъ, то въ этомъ случаѣ продолжатели Ѳеофана и Амартола по всей вѣроятности смѣшали нападеніе Руси 865 года съ преданіемъ объ осадѣ Константинополя Аварами въ 626 году, во время войны императора Ираклія съ персидскимъ царемъ Хозроемъ. Это преданіе также повѣствуетъ, что патріархъ взялъ ризу Богоматери изъ Влахернскаго храма и съ торжественнымъ крестнымъ ходомъ погрузилъ ее въ Золотой Рогъ; послѣ чего возстала страшная буря, которая уничтожила ладьи Славянъ, союзниковъ Аваръ, и такъ устрашила Аварскаго кагана, что онъ снялъ осаду. (См. у Миня въ его Patrologia graeca. t. CLXII—De Abarum et Persarum adversus Byzantium incursione sub Heraclio imperatore deque eorum Deiparae intercedente, turpi recessu. Также Chronicon Paschale и Cedrenus). По поводу этого избавленія отъ Аваръ конечно была сочинена церковная греческая пѣснь „Взбранной воеводѣ побѣдительная", а не по поводу избавленія отъ Руси въ 865 г., какъ нѣкоторые думаютъ. Тоже преданіе о погруженіи въ море ризы Богородицы и внезапной бурѣ, устрашившей непріятеля, повторяется по поводу нападенія на Константинополь во время иконоборства. (См. Полн. Собр. Рус. Лѣт. т. VI. на стр. 358 Сказаніе діакона Александра о Царьградѣ, и т. VII. Воскресн. лѣтоп. подъ 1204 г.).

[3]) Относительно крещенія Руси въ эту эпоху имѣемъ разныя свидѣтельства: а, Fotius.—Encyclia epistola ad archiepiscopales per Orientem obtinentes (см. Baronii Annales Eccl.

XIV., Comment. Acad. Scient. Petrop. VI. и Шлецера II. 40). b. Ordo dispositus per imp. Leonem Sapientem (Codini de Officiis). c, Constantinus Porphirogenitus — De vita Basilii (Ed. Bon. Theophanes continuatus). d, Cedrenus. e, Zonaras. f, Glycas. g, Anonymus Bandurii (Imper. Orient. Animadversiones in librum Const. Parphyr. II. 112—116). h, Русская лѣтопись по Никонову списку. Сводъ разныхъ свидѣтельствъ см. въ особенности у архим. Макарія въ „Исторіи христіанства въ Россіи до Владиміра". стр. 261 перв. изданія и далѣе и у Куника Die Berufung der Schwedischen Rodsen. II. 355 и далѣе. Наиболѣе достовѣрнымъ источникомъ въ данномъ случаѣ мы считаемъ современное посланіе Фотія. Затѣмъ имѣетъ значеніе свидѣтельство императора Льва Философа, который въ своемъ Порядкѣ митрополій, подчиненныхъ Константинопольскому патріарху на 61-мъ мѣстѣ ставитъ Русь (Ῥωσία), рядомъ съ Аланіей. Свидѣтельство Константина Багрянороднаго уже имѣетъ легендарную примѣсь. Онъ расказываетъ о чудѣ съ Евангеліемъ: присланный Греками, архіепископъ по требованію невѣрной Руси положилъ въ огонь Евангеліе, которое осталось невредимо, и тогда только Русь увѣровала. Кедренъ, Зонара и Глика вкратцѣ передаютъ извѣстіе, заимствованное у Константина. Тоже извѣстіе съ прибавленіемъ новыхъ легендъ является въ позднѣйшей передачѣ у Анонима Бандури. Вотъ его содержаніе: Русское посольство посѣщаетъ Римъ, и, возвратясь, предлагаетъ своему князю принять католическую религію. Но бояре совѣтуютъ ему послать еще въ Константинополь, что бы посмотрѣть греческое богослуженіе. Князь отправляетъ туда тѣхъ же четырехъ мужей. Они поражены красотою св. Софіи и патріаршимъ служеніемъ, и по возвращеніи въ отечество отдаютъ предпочтеніе Греческой вѣрѣ передъ Римскою. Князь обращается къ императору Василію Македонянину съ просьбою прислать епископа для крещенія народа и наставленія въ вѣрѣ. Императоръ посылаетъ епископа съ двумя товарищами, Кирилломъ и Аѳанасіемъ. Они начинаютъ учить народъ, и устрояютъ для него славянскую азбуку. Затѣмъ слѣдуетъ чудо съ Евангеліемъ, положеннымъ въ огонь. Эти легенды встрѣчаются и въ русскихъ лѣтописяхъ, но раздѣльно: посольство для испытанія вѣры отнесено къ Владиміру; а чудо съ Евангеліемъ, занесенное въ Никоновъ сводъ, связано съ крещеніемъ Руси, нападавшей на Царьградъ въ 865 году. Съ этимъ первымъ крещеніемъ Руси нѣкоторые ученые связываютъ чудесныя событія, заключающіяся въ жизнеописаніяхъ двухъ греческихъ епископовъ, Георгія Амастрійскаго и Стефана Сурожскаго. Болѣе вѣроятнымъ въ этомъ случаѣ является связь съ первымъ, т. е. съ жизнеописаніемъ Георгія. (См. о томъ Куника Die Berufung).

Соображенія о началѣ русскаго христіанства въ Крыму и на Тамани, о происхожденіи Славянской Кирилло-Меѳодіевской письменности и вообще объ отношеніи Русской начальной исторіи къ Бол-

гарской см. въ моихъ изслѣдованіяхъ: „О славянскомъ происхожденіи Дунайскихъ Болгаръ“ и „Русь и Болгаре на Азовскомъ поморьѣ“ (*Разысканія о началѣ Руси*).

[4]) Constantini Porphirogeniti De administrando imperio. cap. IX. Константинъ приводитъ двѣ параллели въ названіи городовъ: Русскія и Славянскія. Къ первымъ онъ относитъ Ульборси, Айфаръ, Баруфоросъ, Леанти и Струвунъ, ко вторымъ Островунипрагъ, Неясыть, Вульнипрагъ, Веручи и Напрези. Кромѣ того два порога имѣютъ общее названіе, т. е. безъ параллели: Есупи и Геландри. Долгое время историки и филологи пытались объяснять русскія названія изъ Скандинавскихъ языковъ (Напр. см. о Днѣпровскихъ порогахъ въ „Изслѣдованіяхъ“ Лерберга). Но въ настоящее время, когда мы убѣдились, что около тѣхъ же мѣстъ обитали племена Болгарскія, намъ сдѣлалось понятнымъ происхожденіе двухъ параллелей: первая или древнѣйшая принадлежитъ собственно Руси, а вторая Болгарамъ-Угличамъ. (См. „Еще о Норманизмѣ“ и другія мои статьи по Варяжскому и Болгарскому вопросу въ *Разыск. о началѣ Руси*). Около Днѣпровскихъ пороговъ были находимы золотыя византійскія монеты, которыя восходятъ до VI вѣка включительно (О древностяхъ Южн. Россіи. Гр. Уварова); что ясно свидѣтельствуетъ о давнихъ сношеніяхъ Днѣпровской Руси съ Греками и указываетъ на ту древность, къ которой могутъ быть отнесены русскія названія пороговъ.

Относительно плаванія Руси изъ Кіева въ Тавриду и на Тамань см. статью проф. Бруна „Слѣды древняго рѣчнаго пути изъ Днѣпра въ Азовское море“. (Зап. Од. Об. т. V).

Что касается до русскихъ лодокъ-однодеревокъ (μονοξυλα у Конст. Б.), то, я полагаю, названіе это вводило доселѣ въ нѣкоторое недоразумѣніе. Нѣтъ никакого вѣроятія, что бы то были дѣйствительно лодки, выдолбленныя только изъ одного дерева: на русской ладьѣ помѣщалось по меньшей мѣрѣ 50 человѣкъ кромѣ груза (а по нѣкоторымъ, напр. арабскимъ, извѣстіямъ до 100 человѣкъ); она могла ходить не только по рѣкамъ, но и по морю. Несомнѣнно однако, что она имѣла свою особую конструкцію и гораздо меньшіе размѣры сравнительно съ греческими судами. Можетъ быть основу ея дѣйствительно составляло одно дерево, отъ чего и произошло ея греческое названіе. Это названіе можетъ быть относилось къ малымъ ладьямъ; ибо флотъ Руссовъ состоялъ изъ большихъ и малыхъ ладей. О послѣднемъ свидѣтельствуетъ византійскій писатель XI вѣка Пселлъ (Bibliotheca Grecca medïï aevi. Ed. Sathas. v. IV. p. 144).

[5]) Образцы Эллинскаго и Эллино-варварскаго стиля, находимые въ могильныхъ курганахъ Южной Руси, см. преимущественно въ атласѣ при „Отчетахъ Император. Археолог. Коммиссіи“, а также въ „Древностяхъ Геродотовой Скиѳіи“ — изданіе той же Коммиссіи.

[6]) Олеговы договоры см. въ П. С. Р. Л. Туземные русскіе князья и русскія дружины, появляющіеся при самомъ началѣ нашей исторіи, если не устраняютъ, то видоизмѣняютъ вопросъ о родовомъ бытѣ, которому было посвящено много вниманія въ нашей исторіографіи. Теорія родоваго быта первоначально развита проф. Соловьевымъ въ его трудахъ: „О родовыхъ отношеніяхъ между князьями древней Руси" (Москов. Сборникъ на 1846 г.) и „Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома". М. 1847. Любопытный критическій разборъ этихъ трудовъ см. въ Сочч. Кавелина. ч. 2-я.

Приводя договоры Олега, оставляю въ сторонѣ наши лѣтописныя сказанія объ этомъ князѣ, т. е. о необыкновенномъ захватѣ Кіева, чрезвычайно быстромъ покореніи разныхъ племенъ, чудесномъ походѣ на Византію и заранѣе предсказанной ему смерти отъ своего коня; такъ какъ сказанія эти не подтверждаются никакими достовѣрными источниками, и имѣютъ вполнѣ характеръ басенъ. Византійскіе историки, напримѣръ, ничего не знаютъ объ осадѣ Константинополя Олегомъ (о ея недостовѣрности см. у меня въ „Разыск. о началѣ Руси"). Нѣкоторые пытались объяснять ихъ молчаніе національной гордостью. Но это объясненіе самое невѣроятное: византійскіе историки не умалчиваютъ о многихъ другихъ неудачахъ и бѣдствіяхъ имперіи; притомъ же и по самому сказанію нашей лѣтописи Олегъ только осаждалъ Царьградъ, но не взялъ его.

Что касается до Русскихъ отрядовъ, находившихся въ тѣ времена на византійской службѣ, то рядъ извѣстій о нихъ встрѣчается у Константина Б., начиная съ 902 года. (De ceremoniis Aulae Byzant.).

[7]) Источники и пособія для исторіи Хазаръ: Френа—De Chasaris excerpta ex scriptoribus arabicis. Petropol. MDCCCXXII. Сума — О Хазарахъ (съ датскаго переводъ Сабинина въ Чтен. Об. Ист. и Др. 1846. № 3). Стриттера — Chasarica въ Memor. Pop. т. III. Дорна — Tabary's Nachrichten ueber die Chasaren въ Memoires de l'Acad. des sciences. VI-me serie. 1844. Григорьева — о Хазарахъ въ Журналѣ „Сынъ Отечества и Сѣверн. Архивъ" за 1835, т. XLVIII и въ Журн. М. Н. Пр. 1834. часть III. Лерберга — Изслѣдованіе о положеніи Саркела. Хвольсона—Извѣстія о Хазарахъ, Буртасахъ, Болгарахъ и пр. Ибнъ-Даста. Спб. 1869. Гаркави — Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Руссахъ. Спб. 1870. Его же—Сказанія еврейскихъ писателей о Хазарахъ и Хазарскомъ царствѣ (Труды Восточ. отдѣл. Археол. общ. ч. XVII. 1874 г). Мои соображенія о двойственной народности Хазаръ въ изслѣдованіи „Русь и Болгаре на Азовскомъ поморьѣ".

Для исторіи и древностей Камско-Волжскихъ Болгаръ: Френа — Aelteste Nachrichten ueber die Wolga Bulgaren въ Mem.

de l'Acad. VI-me serie. Кеппена—о Волжскихъ Болгарахъ въ Жур. М. Н. Пр. 1836. ч. XII. Эрдмана — Die Ruinen Bulgars въ Beiträge zur Kenntniss des Inneren von Russland. т. 1. Григорьева — Булгары Волжскіе въ Библіотекѣ для Чтенія 1836 г. Ноябрь. (Труды оріенталиста Григорьева о Хазарахъ и Булгарахъ перепечатаны въ Сборникѣ его изслѣдованій: „Россія и Азія". Спб. 1876). Березина — Булгаръ на Волгѣ въ Учен. Извѣстіяхъ Казан. Универс. 1853 г. Хвольсона—Извѣстія Ибнъ Даста. Гаркави—Сказанія мусульман. писат. Савельева—Мухаммеданская Нумизматика въ отношеніи къ Русской исторіи. Спб. 1846. Charmoy—Relation de Mas'oudy et d'autres auteurs въ Mem. de l'Academie. 1834. Невоструева.—„О городищахъ древняго Волжско-Болгарскаго и Казанскаго царствъ" и „Ананьинскій могильникъ". (Труды перваго Археологич. съѣзда. М. 1871). Относительно государственнаго и частнаго быта Хазаръ и Камскихъ Болгаръ хотя мы имѣемъ довольно много извѣстій, преимущественно арабскихъ; но онѣ такъ сбивчивы и разнорѣчивы, что болѣе точное изображеніе этихъ народовъ ожидаетъ еще изслѣдователей, и мы ограничиваемся пока только необходимыми указаніями. О славянствѣ Болгаръ, кромѣ Фадлана, говоритъ и Масуди. (Гаркави въ Жур. М. Н. Пр. 1872. № 4).

[8]) Отрывки изъ описанія Ибнъ-Фадлана сохранились въ т. наз. Большомъ Географическомъ Словарѣ, который былъ составленъ арабскимъ географомъ Якутомъ, жившимъ въ XIII вѣкѣ. См. Френа—Ibn Foszlan's und anderer Araber Berichte ueber die Russen. St. P. 1823. Съ расказомъ арабскаго писателя согласуется въ общихъ чертахъ извѣстіе нашей лѣтописи о языческомъ погребеніи у Русскихъ Славянъ. „Когда кто умиралъ, говоритъ онъ, то надъ нимъ творили тризну; потомъ воздвигали большой костеръ, сожигали на немъ мертвеца; собравши кости, клали ихъ въ небольшой сосудъ, и ставили его на столпѣ при дорогѣ". О томъ же обычаѣ сожженія труповъ у Славянъ упоминаютъ и другіе арабскіе писатели X вѣка, именно Масуди и Ибнъ Даста. Послѣдній говоритъ, что при этомъ жены покойнаго изрѣзываютъ себѣ ножами руки и лица въ знакъ печали, а одна изъ нихъ добровольно подвергаетъ себя удушенію и сожигается вмѣстѣ съ нимъ. Пепелъ собираютъ въ сосудъ и ставятъ на холмѣ (собственно въ курганѣ, который насыпали въ честь покойника). По истеченіи года родные собирались на этой могилѣ съ кувшинами меду, и устроивали пиршество въ память умершаго. (У Хвольсона 29). Но собственно о Руссахъ Ибнъ Даста расказываетъ, что когда у нихъ умретъ знатный человѣкъ, то ему выкапываютъ большую могилу въ видѣ покоя, и кладутъ туда вмѣстѣ съ покойникомъ его одежду, золотые обручи, съѣстные припасы, сосуды съ напитками и монеты; туда же помѣщаютъ живою и любимую его жену, и затѣмъ отверстіе могилы закладываютъ. (ibid. 40). Это извѣстіе указываетъ, что одновременно съ сожженіемъ существовалъ у Руссовъ и другой обычай

погребенія, т. е. закапываніе въ землю. Но конечно различіе въ обычаяхъ и въ ихъ подробностяхъ относилось къ разнымъ вѣтвямъ, къ разнымъ мѣстамъ жительства Русскаго племени. Ибнъ Даста по всѣмъ признакамъ разумѣетъ здѣсь ту Русь, которая жила на берегахъ Боспора Киммерійскаго, т. е. въ Тмутраканскомъ краѣ, въ странѣ собственно Черныхъ Болгаръ, и упомянутый обычай относится столько же къ этимъ послѣднимъ, сколько и къ Руссамъ Боспорскимъ. Въ этомъ мнѣніи еще болѣе утверждаетъ насъ Масуди. Онъ также говоритъ объ обычаѣ Русскихъ Славянъ сожигать покойниковъ вмѣстѣ съ его женою, оружіемъ, украшеніями и нѣкоторыми животными. А о Болгарахъ замѣчаетъ, что кромѣ сожженія у нихъ существуетъ обычай заключать покойниковъ въ какую то храмину вмѣстѣ съ его женою и нѣсколькими рабами. (Гаркави. 127). Ясно, что тутъ идетъ рѣчь о катакомбахъ; а подобные катакомбы найдены около Керчи, т. е. въ странѣ Черныхъ Болгаръ. Между прочимъ любопытна въ этомъ отношенія катакомба съ фресками, открытая въ 1872 г. Копіи съ фресокъ и объясненія къ нимъ г. Стасова см. въ Отчетѣ Импер. Археологич. Коммиссіи. Спб. 1875 г. (Нѣкоторыя замѣчанія о томъ же см. въ моихъ „Разысканіяхъ о началѣ Руси)“. Наиболѣе подробное и критическое разсмотрѣніе всѣхъ относящихся сюда извѣстій заключается въ изслѣдованіи А. А. Котляревскаго „О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ“. М. 1868. Произведенныя въ 1872 — 73 г. Самоквасовымъ въ Черниговскомъ краю раскопки нѣкоторыхъ кургановъ, заключавшихъ въ себѣ глиняные сосуды съ перегорѣвшими костями, а также пережженные остатки металлическихъ украшеній и оружія, замѣчательнымъ образомъ подтвердили достовѣрность арабскихъ извѣстій и свидѣтельства нашей лѣтописи о погребальныхъ обычаяхъ у древнихъ Руссовъ. Онъ также нашелъ въ Приднѣпровьѣ и языческія могилы съ цѣлыми остовами, свидѣтельствующія, что одновременно съ сожженіемъ труповъ существовалъ и простой обычай погребенія. Данныя, выведенныя изъ этихъ раскопокъ были сообщены имъ на Третьемъ археологич. съѣздѣ въ Кіевѣ, въ 1874 г. и потомъ въ Сборникѣ Древняя и Новая Россія за 1876 г. №№ 3 и 4.

9) Френа Ibn-Foszlan's и пр. стр. 244. Наиболѣе обстоятельное извѣстіе о походѣ 913 года находится у арабскаго писателя X вѣка Масуди въ его сочиненіи „Золотые луга“. Такъ какъ Хазары не имѣли флота, по замѣчанію арабскихъ писателей, то мы думаемъ, что непріятели могли загородить Руссамъ дорогу и принудить ихъ къ полевому бою или при проходѣ черезъ городъ Итиль, или при волокѣ изъ Волги въ Донъ. Вѣроятно битва происходила и тамъ, и здѣсь. Очевидно Русь была отбита отъ волока, и потому остатки ея принуждены уходить вверхъ по Волгѣ. Походъ 913 года показываетъ, что Руссамъ хорошо былъ извѣстенъ судовой путь къ южнымъ берегамъ Каспійскаго моря, и дѣйствительно, по вновь от-

крытымъ извѣстіямъ у восточныхъ писателей, Руссы еще прежде того совершили два набѣга въ Каспійское море: первый около 880 г. и второй въ 909 г. См. Каспій или О походахъ древнихъ Русскихъ въ Табаристанъ—академика Дорна. 1875. (Приложеніе къ XXVI тому Записокъ Акад. Наукъ).

Что касается до торговли и вообще сношеній Руссовъ съ мусульманскимъ востокомъ, то нагляднымъ памятникомъ этихъ сношеній служатъ многочисленные клады съ арабскими или такъ наз. *куфическими* монетами. Онѣ обнимаютъ время арабскихъ халифовъ отъ VIII до XI вѣка. Эти клады были находимы на пространствѣ почти цѣлой Россіи, а также въ Швеціи и Помераніи. Ясно, что Руссы уже съ VIII вѣка служили дѣятельными посредниками въ торговлѣ между восточными мусульманскими народами и Прибалтійскими краями. (Григорьева—„О куфическихъ монетахъ, находимыхъ въ Россіи и Прибалтійскихъ странахъ" въ Зап. Од. Об. И. и Др. томъ I. 1844 г.).

[10]) Это говоритъ Константинъ Багр. въ своемъ сочиненіи De administrando imperio, которое служитъ главнымъ источникомъ для исторіи и этнографіи Печенѣговъ. Потомъ слѣдуютъ Левъ Граматикъ, Кедринъ, Анна Комненъ и нѣкоторые др. См. Стритера Memor. Pop. т. III. часть 2-я. Сума—„о Пацинакахъ" въ Чтен. Об. И. и Д. 1846 г. кн. I-я. Васильевскаго—„Византія и Печенѣги" въ Журн. М. Н. Пр. 1872 г. №№ 11 и 12.

[11]) О морскомъ походѣ Игоря на Византію въ 941 г. повѣствуютъ историки византійскіе Симеонъ Логоѳетъ, Левъ Граматикъ, Георгій Монахъ, Кедренъ, Зонара (см. Mem. Pop. II. 967), также продолжатели Ѳеофана и Амартола (изъ послѣднихъ заимствованъ разсказъ Русской лѣтописи) и Левъ Діаконъ; кромѣ того епископъ Кремонскій Ліутпрандъ (Antapodosis. lib. V.). Нѣкоторые Византійцы преувеличиваютъ число русскихъ судовъ до 10.000; ближе къ истинѣ стоитъ Ліутпрандъ, который полагаетъ ихъ одну тысячу. О бѣгствѣ Игоря съ оставшимися десятью судами къ Боспору Киммерійскому упоминаетъ Левъ Діаконъ. Довольно вѣроятную догадку о связи Игорева похода съ событіями въ Дунайской Болгаріи предлагаетъ Венелинъ въ своей книгѣ. „Критическія изслѣдованія объ Исторіи Болгаръ". М. 1849. Къ той же войнѣ по нашему мнѣнію слѣдуетъ отнести событіе, о которомъ говорится въ отрывкѣ изъ письма какого то греческаго начальника въ Тавридѣ. (См. у Газа въ его изданіи Льва Діакона). Въ письмѣ идетъ рѣчь о нападеніи на Климаты (такъ назывались греческія владѣнія въ южномъ углу Тавриды) какого то князя варваровъ, „господствующаго къ сѣверу отъ Дуная". Къ высадкѣ Игоря на берегахъ Малой Азіи (съ такою же вѣроятностію какъ и къ походу 865 года) можно пріурочивать легенду о нападеніи Руси на городъ Амастриду и происшедшемъ при этомъ чудѣ на гробѣ св. епископа

Георгія Амастрійскаго. (О томъ и другомъ см. въ моемъ изслѣдованіи „Русь и Болгаре на Азовскомъ поморьѣ").

12) П. С. Р. Л. подъ 945 г. А также: „Договоры съ Греками X вѣка" — И. И. Срезневскаго въ Историческихъ Чтеніяхъ о языкѣ и Словесности. Спб. 1855. „О византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ Русскихъ съ Греками". — Соч. Н. Лавровскаго. Спб. 1853. Любопытно условіе Игорева договора о томъ, что Русь не имѣетъ права зимовать въ устьѣ Днѣпра, въ Бѣлобережьѣ и у св. Евферія; а когда придетъ осень пусть возвращается домой. Она также не должна обижать здѣсь Корсунянъ, приходившихъ для рыбной ловли. Конечно для той же цѣли приходила сюда и Русь. Подъ островомъ Евферія обыкновенно разумѣютъ Березань. Но г. Бурачекъ доказываетъ, что подъ нимъ надобно разумѣть островъ Тендру; а Бѣлобережье по его мнѣнію было ничто иное какъ берегъ Кинбурнскаго полуострова, покрытый бѣло-желтымъ пескомъ: (см. его „Письмо къ проф. Бруну" въ Извѣст. Геогр. Об. т. XI. вып. 3-й).

13) Лѣтопись русская относитъ смерть Игоря къ 945 году. Но вообще нельзя довѣрять начальной хронологіи ея тамъ, гдѣ послѣдняя независима отъ византійскихъ источниковъ. Лѣтопись назначаетъ смерть Игоря вслѣдъ за договоромъ съ Греками. Но и смерть Олега она точно также помѣщаетъ вслѣдъ за договоромъ съ Греками. Очевидно это распредѣленіе лѣтъ искусственное. По ея словамъ Святославъ остался послѣ отца еще ребенкомъ; но мы видимъ, что уже при жизни Игоря онъ княжилъ въ Новгородѣ, и если еще очень молодымъ человѣкомъ, то во всякомъ случаѣ не четырехлѣтнимъ дитятей. Невѣрность лѣтописной хронологіи видна изъ того, что бракъ Игоря съ Ольгою она помѣщаетъ подъ 904 годомъ, а рожденіе Святослава, по нѣкоторымъ спискамъ, отнесено къ 942; выходитъ, что онъ родился послѣ 38-лѣтняго брака; а самому Игорю, по той же хронологіи, было въ то время около 70 лѣтъ. Далѣе, если принять смерть Игоря въ 945 году, то между этою смертью и путешествіемъ Ольги въ Царьградъ насчитывается до 12 лѣтъ. У византійскихъ историковъ Кедрена и Зонары сказано, что она отправилась туда, „когда умеръ ея мужъ"; хотя это выраженіе довольно неопредѣленное; но все таки оно намекаетъ на меньшій срокъ. По всей вѣроятности за княженіемъ Игоря непосредственно слѣдовало княженіе его сына Святослава. А лѣтопись, отнеся смерть Игоря къ болѣе раннему году, чѣмъ это было въ дѣйствительности, наполнила промежутокъ между княженіями отца и сына баснословными расказами о дѣяніяхъ Ольги, увлекаясь конечно ея славою какъ первой христіанской княгини на Руси.

Что касается до извѣстія Константина Багрянороднаго о полюдьѣ (De administrando imperio. Cap. 9), то онъ присоединилъ къ этому слову и греческое толкованіе: Τὰ Πολύδια, ἃ λέγεται Γῦρα, т. е.

„Полюдье, которое называется (у Грековъ) гира". Это мѣсто долгое время подвергалось невѣрнымъ толкованіямъ; при чемъ иногда полагали, что полюдье называлось *гирою* у самихъ Руссовъ, и переводили полюдія словомъ *города*. Тогда какъ Константинъ привелъ греческое слово *гира*, означавшее *объѣздъ*, чтобы пояснить Русское *полюдіе*. Первый ученый, указавшій на дѣйствительное значеніе слово *гира*, былъ Неволинъ. (См. его сочч. т. VI). Окончательное разъясненіе даннаго мѣста представилъ Н. А. Лавровскій (Журн. М. Н. Пр. 1873. Мартъ).

[14]) Въ пользу того мнѣнія, что Ольга крестилась въ Константинополѣ приводятъ, во первыхъ, расказъ русскаго лѣтописца, во вторыхъ свидѣтельства византійскихъ историковъ Кедрена, Скилицы и Зонары, и франкскаго хрониста (безъименнаго продолжателя аббата Регинонскаго); послѣдніе, хотя мимоходомъ, однако прямо говорятъ, что Ольга крестилась въ Константинополѣ. Но свидѣтельства эти принадлежатъ лицамъ несовременнымъ событію, а жившимъ позднѣе. Русская лѣтопись вообще украшаетъ свой расказъ басномловіемъ; по ея словамъ воспреемникомъ Ольги былъ императоръ Цимисхій, царствовавшій гораздо послѣ ея крещенія, а крестилъ ее патріархъ Фотій, уже давно умершій. Между тѣмъ Константинъ Багрянородный, который принималъ русскую княгиню и самъ описалъ этотъ пріемъ, ни однимъ словомъ не намекнулъ на ея крещеніе въ Константинополѣ. Хотя на это возражаютъ, что въ своемъ Обрядникѣ онъ имѣлъ въ виду только описаніе церемоніальнаго пріема во дворцѣ, а слѣдовательно ему не было нужды говорить здѣсь о крещеніи Ольги; но такое возраженіе недостаточно сильно. А потому вопросъ, гдѣ крестилась Ольга, остается нерѣшеннымъ. Легче былъ рѣшенъ другой вопросъ: въ какомъ году совершилось ея путешествіе въ Константинополь? Русская лѣтопись относитъ его къ 955 году; но въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, начальная хронологія ея оказывается невѣрною; какъ то доказываетъ свидѣтельство Константина. Онъ говоритъ о двукратномъ пріемѣ Ольги во дворцѣ, 9 сентября въ среду и 18 октября въ воскресенье. По пасхальному кругу эти числа могли случиться въ среду и воскресенье только въ 946 и 957 гг. 946 годъ не можетъ быть принятъ по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, указаннымъ въ описаніи Константина, напр. потому что онъ упоминаетъ о своихъ внукахъ, сыновьяхъ Романа; а въ этомъ году Романъ самъ былъ еще дитя. Остается такимъ образомъ 957 годъ. Превосходный сводъ источниковъ и мнѣній по двумъ этимъ вопросамъ см. у Шлецера въ его „Несторѣ" т. III. См. также „Исторію христіанства до Владиміра" архимандрита Макарія.

При оцѣнкѣ пріема, оказаннаго Ольгѣ византійскимъ правительствомъ, не надобно забывать, что сама она въ то время не была властительницею Руси, а только матерью великаго князя Русскаго и княгинею собственно удѣльною, Вышегородскою.

[15]) Извѣстіе о посольствѣ Ольги къ Оттону и отправленіи Адальберта въ Россію находится собственно у продолжателя лѣтописи аббата Регинона; а другіе лѣтописцы западные очевидно повторяютъ съ его словъ, каковы: хроника Кведлинбургская, Ламбертъ Ашафенбургскій, анналы Хильденгеймскіе и Корвейскіе, анналиста Саксонскій. (Сводъ всѣхъ этихъ извѣстій см. у Шлёцера III. стр. 445—460). Что Ольга, едва принявшая крещеніе по обряду восточному, могла сноситься съ Нѣмецкимъ дворомъ и по вопросамъ о церкви, неудивительно. Подобный примѣръ мы имѣемъ у Дунайскихъ Болгаръ. Царь Борисъ, принявшій крещеніе отъ Грековъ, вслѣдъ затѣмъ обратился въ Римъ къ папѣ Николаю I съ вопросами о христіанской вѣрѣ и съ предложеніемъ назначить главу Болгарской церкви. Не надобно упускать изъ виду, что окончательное отдѣленіе Восточной церкви отъ Западной въ то время еще не совершилось. Но съ другой стороны обращеніе Ольги къ Нѣмецкому двору съ просьбою прислать епископа въ Кіевъ было бы довольно странно; такъ какъ самъ великій князь Кіевскій еще продолжалъ оставаться въ язычествѣ. Вообще упомянутое извѣстіе хроники Регинона о посольствѣ 959 года также темно и также подвержено разнорѣчивымъ толкованіямъ какъ и свидѣтельство Бертинскихъ лѣтописей о послахъ русскаго кагана при дворѣ императора Людовика Благочестиваго въ 839 году. Но то и другое несомнѣнно показываютъ, что уже въ тѣ времена начались посольскія сношенія между русскими князьями и нѣмецкими императорами.

[16]) О походѣ 943—944 гг. на Берду упоминаютъ слѣдующіе восточные писатели: армянскій Моисей Каганкатоваци, жившій въ концѣ X вѣка, персидскій Низами, въ XII вѣкѣ; арабскіе Якутъ, Ибнъ эль Атиръ и Баръ-Гебрей или Абульфараджъ въ XIII в., Абульфеда въ XIV в. и нѣкоторые другіе, болѣе поздніе. Наиболѣе обстоятельный расказъ даетъ Ибнъ эль Атиръ въ своей „Полной лѣтописи". См. упомянутый выше *Каспій* Дорна стр. 495 и слѣд. Здѣсь сведены всѣ извѣстія объ этомъ походѣ. Прежде Дорна тому же предмету посвящены были труды оріенталистовъ: Эрдмана — De Expeditione Russorum Berdaam versus, auctore imprimis Nisamio (Casani. 1826—1827, два тома) и Григорьева—О древнихъ походахъ Руссовъ на востокъ (Журн. М. Н. Пр. за 1835 г. ч. V.). До какой степени Руссы прославились на востокѣ своими походами въ Каспійское море и въ Закавказье, показываетъ особенно произведеніе Низами, персидскаго поэта XII вѣка. Онъ написалъ большую поэму „Искендеръ Наме", въ которой воспѣваетъ подвиги Александра Македонскаго; чтобы возвысить его еще болѣе, онъ заставляетъ Александра предпринять побѣдоносный походъ противъ неукротимыхъ Руссовъ для освобожденія города Берды. Французскій переводъ той части поэмы, которая касается Руссовъ, издалъ Шармуа подъ заглавіемъ: Expedition d'Alexandre le Grand contre les Russes. St. Petersb. 1827.

О разореніи Саркела и войнѣ съ Ясами и Касогами упоминаетъ Русская лѣтопись подъ 965 годомъ. А о нашествіи Руссовъ на Камскихъ Болгаръ и Хазаръ въ 968 г. говоритъ Ибнъ Хаукалъ, арабскій писатель X вѣка, слѣдовательно современникъ событія (См. Френа—Ibn Fozlan стр. 64 — 66). Напрасно Френъ и послѣдующіе писатели старались разореніе Саркела, походъ Святослава на Ясовъ и Касоговъ, а также погромъ Булгаріи и Хазаріи—все это слить въ одинъ походъ, т. е. слить извѣстія Русской лѣтописи и Ибнъ Хаукала. Здѣсь конечно надобно разумѣть цѣлый рядъ походовъ и предпріятій, и, можетъ быть, не всѣ они были совершены подъ непосредственнымъ начальствомъ Святослава. Почти одновременно съ хазарскими войнами начались его походы въ Дунайскую Болгарію.

Что касается до извѣстія Русской лѣтописи, изъ котораго можно заключить, что поводомъ къ войнѣ съ Хазарами послужила дань, которую платили имъ Вятичи, то извѣстіе это очевидно невѣрно. Исторіографія продолжала повторять его, хотя уже Карамзинъ справедливо замѣтилъ, что въ то время между Вятичами и Хазарской державой жили Печенѣги и Русскіе, и потому эта дань сомнительна. Теперь, когда мы знаемъ, что русскія владѣнія въ тѣ времена сосѣдили съ хазарскими на Тамани и въ Тавридѣ, намъ понятны враждебныя столкновенія Руси съ Хазарами и другими Прикавказскими народами (См. мое изслѣд. „Русь и Болгаре на Азовскомъ поморьѣ“). Но во времена лѣтописца Тмутраканскій край и его исторія, очевидно уже начали приходить въ забвеніе.

17) Левъ Діаконъ выставляетъ предлогомъ къ войнѣ дань, а Кедренъ и Зонара Угровъ. Относительно подарковъ, отправленныхъ Никифоромъ къ Святославу, первый приводитъ невѣроятное количество золота, именно 1500 фунтовъ.

18) Главными источниками для исторіи этой борьбы служатъ греческіе писатели: Левъ Діаконъ (Leonis Diaconi. Historiae. Lib. VI — IX. Ed. Bon.), Кедренъ (Cedreni Historiarum compendium. T. II. 383—413. Ed. Bon.), Зонара (Zonarae Annales. T. II. lib. 17. Cap. 1—IV) и Русская лѣтопись (по Лаврент. и Ипат. спискамъ). Извѣстія изъ Кедрена и Зонары собраны у Стриттера въ Memoriae Populorum (II. 988 и слѣд.); а вольный переводъ Льва Діакона на Рус. языкъ сдѣланъ Д. Поповымъ и изданъ Академіей Наукъ (Спб. 1820). Наиболѣе драгоцѣннымъ источникомъ должно считать Льва Діакона, какъ современника и м. б. очевидца событій; но изложеніе его мѣстами сбивчиво и реторично, такъ что въ точности и обстоятельности онъ уступаетъ иногда Кедрену или собственно Скилицѣ, который жилъ въ XI вѣкѣ и котораго сочиненіемъ воспользовался Кедренъ. Любопытно при этомъ, что современникъ Святослава Левъ Діаконъ называетъ Руссовъ Тавроскиѳами; а сами себя, по его замѣчанію, они именуютъ *Рось*. Такъ рядомъ съ этимъ народнымъ именемъ Греки

еще продолжали отмѣчать нашихъ предковъ географическими названіями Скиѳовъ и Тавроскиѳовъ. Точно также Болгаръ Левъ Діаконъ называетъ Мисіянами, т. е. именемъ заимствованнымъ изъ классической географіи.

Критическій сводъ источниковъ см. у Шлецера „Несторъ". Часть III. (Рус. переводъ Языкова. Спб. 1819.) и Черткова „Описаніе войны Святослава противъ Болгаръ и Грековъ". (Рус. Историч. Сборникъ. Т. VI. Москва. 1843.) Шлёцеръ и Чертковъ дали слишкомъ много значенія извѣстіямъ Русской лѣтописи; между тѣмъ какъ она для этой войны представляетъ лишь немногія данныя, заимствованныя изъ греческихъ источниковъ, но искаженныя баснями и собственными домыслами. Самостоятельнаго историческаго матерьяла въ ней только отрывокъ изъ договора съ Цимисхіемъ и расказъ о гибели Святослава. Кромѣ того она сообщаетъ о нападеніи Печенѣговъ на Кіевъ и послѣдовавшей затѣмъ смерти Ольги. По поводу нападенія Печенѣговъ приведено сказаніе о томъ, какъ одинъ кіевлянинъ, знавшій печенѣжскій языкъ, прошелъ непріятельскій станъ подъ видомъ Печенѣга, отыскивающаго своего коня. Подойдя къ берегу Днѣпра, онъ, бросился въ рѣку, достигъ противоположнаго берега, и извѣстилъ воеводу Претича о томъ, что Кіевъ едва держится и готовъ сдаться врагу. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня Претичъ съ своими людьми въ лодкахъ поплылъ къ городу съ громкимъ трубнымъ звукомъ. Печенѣги подумали, что приближается самъ князь, отступили, и пр. Любопытно, что подобная же военная хитрость встрѣчается у древнихъ писателей, въ Исторіи Боспорскаго царства. Именно Полліенъ (Stratag. кн. V. гл. 26) расказываетъ объ осадѣ города Ѳеодосіи боспорскимъ царемъ Сатиромъ I. Союзники Ѳеодосійцевъ Ираклейцы прислали имъ на помощь полководца Тинниха. Послѣдній, имѣя слишкомъ мало судовъ, высадилъ на берегъ трубачей и приказалъ играть поперемѣнно. Осаждавшіе подумали, что пришелъ сильный флотъ, и отступили.

Нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній о войнѣ Святослава въ Болгаріи можно найти въ статьѣ г. Бѣлова „Борьба Святослава Игоревича съ Іоанномъ Цимисхіемъ" (Журн. М. Нар. Пр. 1873. Декабрь) и въ изслѣдованіи г. Дринова „Южные Славяне и Византія въ X вѣкѣ" (Чтен. Об. И. и Др. 1875. кн. 3). Послѣдній предлагаетъ догадку, что Болгарское царство уже при Петрѣ Симеоновичѣ распалось на двѣ части: въ западной половинѣ былъ провозглашенъ царемъ Шишманъ, отецъ Самуила, извѣстнаго противника Василія II Болгаробойцы. Дѣйствительно завоеванія Святослава и Цимисхія обнимали, по всѣмъ даннымъ, только восточную половину Болгаріи; а западная ея половина была покорена императоромъ Василіемъ II. Но отсюда скорѣе можно заключить, что западная Болгарія отдѣлилась не при жизни Петра, а именно во время завоеванія Болгаріи Святославомъ. Послѣдній успѣлъ покорить собственно ближай-

шую и богатѣйшую часть, т. е. Придунайскую Болгарію; между тѣмъ западныя области Болгарскаго государства на время сохранили свою независимость; чему помогли и географическое ихъ положеніе, защищенное высокими горными хребтами и вѣроятное существованіе отдѣльныхъ племенныхъ князей, еще неуничтоженныхъ вполнѣ Болгарскими царями изъ династіи Асперика. Годъ Святославовой смерти мы оставили какъ въ лѣтописи; по изслѣдованію же Срезневскаго она относится къ 973 г. (Изв. 2-го Отд. Акад. Н. т. VII).

[19]) Въ числѣ Ярополковыхъ бояръ находился нѣкто *Варяжко*. Онъ, по словамъ лѣтописи, предупреждалъ своего князя объ измѣнѣ, и совѣтовалъ ему не ходить къ Владиміру, а лучше идти къ Печенѣгамъ и нанять тамъ войско; но тщетно. Послѣ убіенія Ярополка Варяжко убѣжалъ къ Печенѣгамъ и вмѣстѣ съ ними потомъ много воевалъ противъ Владиміра, пока послѣднему не удалось привлечь его въ свою службу. Имя или прозваніе этого боярина указываетъ конечно на его варяжское происхожденіе; а послѣднее обстоятельство подтверждаетъ наше предположеніе, что варяжскіе выходцы начали вступать въ службу кіевскихъ князей по крайней мѣрѣ со временъ Олега. Отсюда можно объяснить и присутствіе двухъ, трехъ норманскихъ именъ въ числѣ русскихъ пословъ, приведенныхъ договорами Олега и Игоря; если только эти два, три имени впослѣдствіи (при болѣе усовершенствованныхъ пріемахъ и болѣе значительныхъ средствахъ сравнительно - исторической филологіи) окажутся дѣйствительно норманнскія.

[20]) См. П. С. Р. Лѣт. Ипат. и Лавр. списки, а также Chronicon Dithmari, episcopi Merseburgensis. Ed. Norimb. 1807.

[21]) Отрывокъ изъ такъ наз. Іоакимовой лѣтописи у Татищева въ I томѣ—источникъ довольно мутный.

[22]) Лѣтопись по обычаю своему, смѣшивая Варяговъ съ Русью, называетъ этихъ мучениковъ Варягами. Но тутъ очевидное недоразумѣніе. Во первыхъ, въ Кіевѣ, какъ извѣстно, была уже туземная крещеная Русь. Объ этой крещеной Руси упоминаетъ сама же лѣтопись въ договорѣ Игоря. О христіанской Руси кромѣ того говоритъ Фотій въ своемъ посланіи 866 года и Левъ Философъ въ росписаніи церковныхъ каѳердъ. Константинъ Багрянородный упоминаетъ о „крещеной Руси", которая находилась на византійской службѣ (De Cerem. Aulae Byzant.) Тоже подтверждаетъ папская булла 967 года, которая указываетъ на Славянское богослуженіе у Руссовъ. (у Добнера Ann. III. 197. Несторъ-Шлецера II. 527. Нѣкоторые усиливаются доказывать, будто эта булла подложная). А во вторыхъ, съ какой стати Кіевлянамъ было бы требовать отъ чужеземнаго, вольнаго Варяга его сына на закланіе своимъ богамъ? Изъ самой лѣтописи, напротивъ, ясно, что жребій бросали на дѣтей самихъ гражданъ.

Мы не распространяемся о языческой религіи Русскихъ Славянъ

и довольствуемся краткимъ ея очеркомъ; причемъ имѣемъ въ виду преимущественно извѣстія писателей X-XII вв., каковы: нашъ лѣтописецъ, договоры Олега и Игоря, Ибнъ-Фадланъ, Масуди, Константинъ Б., Левъ Діаконъ и Слово о Полку Игоревѣ. Вообще источники, современные языческому періоду или близкіе къ нему по времени, очень скудны и не даютъ возможности создать ясную, полную картину; а извѣстія позднѣйшія сбивчивы и разнорѣчивы. Хотя литература славяно-русской миѳологіи вообще не бѣдна; но, за немногими исключеніями, въ ней столько гадательныхъ и произвольныхъ выводовъ, столько смѣшенія разныхъ эпохъ и племенъ, что пока трудно на этомъ основаніи строить какое либо зданіе. Сочиненія, наиболѣе заслуживающія вниманія по этому вопросу, суть: *Костомарова*—„Славянская миѳологія". Кіевъ. 1847; *Срезневскаго* — „Изслѣдованія о языческомъ богослуженіи Древнихъ Славянъ". Спб. 1848, *Аѳанасьева* — „Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу". М. 1865—1869. Кромѣ того много любопытныхъ мыслей и соображеній о Славянорусской миѳологіи разсѣяно въ трудахъ: того же Срезневскаго, Снѣгирева, Терещенка, Ходаковскаго, Строева, Касторскаго, Бодянскаго, Соловьева, Буслаева, Безсонова, О. Миллера, Котляревскаго, Бестужева-Рюмина, Потебни и др.

Что касается до требищъ и капищъ, то о нихъ кромѣ лѣтописей упоминаютъ митрополитъ Иларіонъ и Печерскій Патерикъ. Относительно происхожденія слова „капище" мы предпочитаемъ мнѣніе Срезневскаго, который сближаетъ его по корню съ „коп-оть", греч. καπνός (стр. 38); слѣдовательно это слово указываетъ на куреніе и дымъ, распространявшіеся отъ сожигаемыхъ жертвъ. (Точно также изъ всѣхъ объясненій слова „Перунъ" наиболѣе вѣроятнымъ полагаю сближеніе его съ греческимъ πῦρ-огонь). Самое положительное извѣстіе о языческихъ храмахъ у Руссовъ находимъ въ исландской сагѣ Олава Тригвіева сына. По ея словамъ, Олавъ всегда ѣздилъ съ Владиміромъ къ храму, но никогда не входилъ въ него, а стоялъ за дверями въ то время, когда князь приносилъ богамъ жертвы. Олавъ замѣтилъ при этомъ, что Владиміръ, имѣвшій обыкновенно веселый, ласковый видъ, дѣлался мрачнымъ и скучнымъ, когда посѣщалъ храмъ и приносилъ жертвы. (Рус. Истор. Сбор. IV. 47). Что у языческой Руси было жреческое сословіе и притомъ довольно вліятельное, о томъ свидѣтельствуетъ арабскій писатель X вѣка Ибнъ Даста. (Жрецы Руссовъ по переводу Хвольсона назывались „врачи" стр. 38, а по Гаркави „знахари", 269). Деревянные идолы Руссовъ, судя по Ибнъ-Фадлану, были термы, т. е. столбы съ человѣчьей головой. Вѣроятно эти рѣзные истуканы имѣли человѣкообразную фигуру, но только не членораздѣльную. Масуди также говоритъ о какихъ то славянскихъ храмахъ, поставленныхъ на горѣ и вблизи моря. Вѣроятно онъ сообщаетъ здѣсь слухи именно о Руси Боспорской или Тмутра-

канской. Тутъ между прочимъ въ одномъ храмѣ подъ большимъ куполомъ стоялъ мужской идолъ, а подлѣ него другой, женскій. (Гаркави. 139). Эти идолы и храмы у него изукрашены драгоцѣнными камнями, и вообще описаніе ихъ фантастично. Замѣчательно однако, что у мужскаго идола голова сдѣлана изъ червоннаго золота, и въ этомъ случаѣ онъ напоминаетъ извѣстіе нашей лѣтописи о кіевскомъ Перунѣ.

23) Намекъ на участіе Владиміровыхъ женъ въ его подготовленіи къ христіанству можно видѣть въ той же сагѣ объ Олавѣ Тригвесонѣ. По ея словамъ благотворное вліяніе на князя и на его религіозныя убѣжденія имѣла его супруга Аллогія. Въ этомъ имени мы узнаемъ княгиню Ольгу. Сага очевидно спутала бабку Владиміра съ его женами-христіанками, и забыла, что Владиміръ былъ многоженецъ.

Относительно перевода Св. писанія, найденнаго Кирилломъ и Меѳодіемъ у Черныхъ Болгаръ, см. наше изслѣдованіе: „Русь и Болгаре на Азовскомъ Поморьѣ".

24) Всѣ эти драгоцѣнныя подробности сохранила намъ Русская лѣтопись. Изъ византійскихъ историковъ о завоеваніи Корсуня Владиміромъ говоритъ только Левъ Діаконъ. Хотя онъ упоминаетъ о томъ мимоходомъ; но видно, что это завоеваніе считалось большимъ бѣдствіемъ для имперіи; такъ какъ оно, наравнѣ со взятіемъ Веррои Болгарами, будто бы предвѣщено было явленіемъ кометы и страшными огненными столпами на сѣверной части неба (т. е. отблесками необычнаго для тѣхъ странъ сѣвернаго сіянія?). О бракѣ съ греческою царевною упоминаютъ византійскіе писатели Скилицій—Кедренъ, Зонара, латинскій хронистъ Дитмаръ и армянскій историкъ Асохикъ, писатель X вѣка. Два послѣдніе говорятъ при этомъ и объ обращеніи Руси въ христіанство. Еще подробнѣе о бракѣ и крещеніи Владиміра говорятъ Ибнъ-Эль-Атиръ и Эльмакинъ, арабскіе писатели XIII вѣка. (Относящіеся сюда отрывки изъ этихъ арабскихъ писателей сообщены г. Куникомъ, въ переводѣ барона Розена, въ XXIV т. Зап. Акад. Наукъ. См. „О запискѣ готскаго топарха").

Взятіе Корсуня и крещеніе Владиміра русская лѣтопись помѣщаетъ подъ 988 годомъ. Но уже во времена лѣтописца были разныя мнѣнія о мѣстѣ, слѣдовательно и времени крещенія. По его словамъ, нѣкоторые утверждали, что Владиміръ крестился въ Кіевѣ, другіе въ Васильевѣ и т. д. Нѣкоторыя несогласія о времени крещенія и взятіи Корсуня, заключающіяся въ извѣстіяхъ иноземныхъ писателей, указаны г. Васильевскимъ (Русско-Византійскіе отрывки. Журн. Мин. Н. Пр. 1876. Мартъ). Судя по всѣмъ соображеніямъ, событія эти совершились въ концѣ 988 или въ началѣ 989 года.

25) Извѣстіе о Новогородскомъ мятежѣ находится у Татищева въ упомянутомъ отрывкѣ изъ такъ наз. Іоакимовой лѣтописи. Тамъ говорится, что язычниковъ подстрекали къ мятежу главный ихъ жрецъ Богомилъ и новогородскій тысяцкій Угоняй.

[26]) См. Никоновскій сводъ. Здѣсь упоминаются: Александръ Поповичъ съ Золотою Гривною, Рахдай Удалой, который одинъ выходилъ на 300 воиновъ, Янъ Усмовичъ, какъ названъ тутъ юноша, побѣдившій въ единоборствѣ печенѣжскаго богатыря, и славный разбойникъ Могута, который былъ пойманъ, приведенъ къ Владиміру и раскаялся въ своихъ грѣхахъ. Послѣдній можетъ быть имѣетъ нѣкоторую связь съ Соловьемъ Разбойникомъ былевыхъ пѣсенъ.

[27]) О пребываніи Бруна въ Россіи повѣствуетъ его собственное латинское посланіе къ императору нѣмецкому Генриху II Благочестивому. Оно напечатано Гильфердингомъ въ Рус. Бесѣдѣ 1856 г. № I., и перепечатано Бѣлевскимъ въ Monumenta Poloniæ Historica. т. I. Свѣденія о самомъ Бруно см. въ Chronicon Dithmari. Таже хроника заключаетъ извѣстіе о епископѣ Рейнбернѣ и Святополкѣ. (Lib. VII). Судя по словамъ Дитмара, Болеславъ Храбрый, вслѣдствіе заключенія въ темницу его дочери и зятя, предпринялъ походъ на Русь и воевалъ съ Владиміромъ незадолго передъ смертью послѣдняго. Русская лѣтопись ничего не знаетъ объ этой войнѣ.

[28]) Византійскіе историки: Кедренъ (т. II. стр. 699 и 710), Зонара (II. 221. Париж. изд.) и Михаилъ Пселлъ (стр. 10). Армянскій историкъ Асохикъ, издавіе Эмина. Стр. 200—203. О вспомогательныхъ Русскихъ отрядахъ на византійской службѣ см. любопытную статью г. Васильевскаго (Варяго-русскія и варяго-англійскія дружины въ Константинополѣ". Журн. М. Н. Пр. 1874 г. Ноябрь и 1875 Февраль и Мартъ); хотя попытка его доказать тождество Русскихъ дружинъ съ Варангами не имѣетъ серьезныхъ основаній. Войну съ хазарскимъ княземъ Чуломъ Скилица—Кедренъ помѣщаетъ подъ 1016 г., а начальникомъ русскаго войска называетъ при этомъ Сфенга, брата Владимірова. Русская лѣтопись не знаетъ никакого Владимірова брата съ этимъ именемъ. Вѣроятно тутъ надобно разумѣть сына его Мстислава, которому онъ отдалъ Тмутраканскій край и который слѣдовательно былъ въ той сторонѣ сосѣдомъ Грековъ и Хазаръ. Русская лѣтопись помѣщаетъ кончину Владиміра подъ 1015 г. Но Житіе Бориса и Глѣба время его кончины обозначаетъ 1016 годомъ въ обѣихъ редакціяхъ, первой XII вѣка и второй болѣе поздней. (См. *Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ*, изданныя Срезневскимъ по порученію Академіи Наукъ. Спб. 1860 г.). Хазаро-Черкесскій князь Георгій Чуло, судя по имени, былъ христіаниномъ. Отрѣзанный отъ своихъ соплеменниковъ Хазаро-Черкесовъ Кавказскихъ, онъ конечно не могъ долѣе держаться противъ соединенныхъ силъ Руси и Грековъ. По всей вѣроятности его владѣнія находились въ сосѣдствѣ съ Корсунскою областью, тамъ гдѣ теперь существуютъ развалины Черкесъ-Кермена. Земля его очевидно была присоединена Греками къ своимъ владѣніямъ.

[29]) Относительно Олава см: Extrait de la Heimskringla de Snorro Sturleson. Ex historia regis Olavi Trygvii filii. An-

tiquités Russes. т. I. Часть этой саги, именно о пребываніи Олава при дворѣ Владиміра, переведена на русскій языкъ протоіереемъ Сабининымъ (Рус. Историч. Сборникъ Московскаго Общества исторіи и древностей. т. IV). Намекъ на войну Владиміра съ Эрикомъ по справедливости находятъ и въ Русской лѣтописи, которая подъ 997-го упоминаетъ о походѣ Владиміра въ Новгородъ, хотя причиною его приводитъ наборъ войска противъ Печенѣговъ. (Geschichte des Russischen Staates von Strahl. т. I. стр. 115).

О морскомъ пути въ Біармію см. въ сочиненіи Стринголъма „Походы викинговъ". (Переводъ этого сочиненія, составленный Шемякинымъ, помѣщенъ въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. 1859 г. №№ 3 и 4 и 1860 г. №№, 1, 2, 3, и 4). Тутъ между прочимъ приводятся: путешествіе Отера въ IX вѣкѣ, заимствованное изъ сочиненій короля Альфреда Великаго, и взятый изъ сагъ разсказъ о томъ, какъ норманскіе купцы-пираты ограбили главное святилище Финновъ-Біармійцевъ, храмъ и идолъ верховнаго ихъ бога Юмалы.

30) О бракѣ Ярослава съ Ингигердой см. Antiquités Russes. Heimskringla. Saga af Olafi Konúngi Hinum Helga.

Относительно новогородской дани Русская лѣтопись говоритъ два раза. Въ расказѣ объ Олегѣ она выражается такъ: „и устави Варягомъ дань даяти отъ Новгорода гривенъ 300 на лѣто мира дѣля, еже до смерти Ярославлѣ даяше Варягомъ". А при извѣстіи о размолвкѣ Ярослава съ отцомъ говорится: „Ярославу же сущу Новѣгородѣ, и урокомъ дающу Кыеву двѣ тысячѣ гривнѣ отъ года до года; а тысячу Новѣгородѣ гридемъ раздаваху". Если предположить въ первомъ случаѣ ошибку (т. е. читать 3000 гривенъ, а не 300), то оба извѣстія относятся къ одной и той же дани, установленной еще Олегомъ. Но мы считаемъ болѣе вѣроятнымъ, что съ теченіемъ времени дани съ Новгорода были увеличены т. е. во времена Владиміра они уже платили 3000 гривенъ, изъ которыхъ 2000 шли въ Кіевъ великому князю, а тысяча назначалась на ратныхъ людей, охранявшихъ Новогородскую область, въ томъ числѣ и на варяжскую наемную дружину. Въ такомъ случаѣ второе извѣстіе не будетъ нисколько противорѣчить первому.

О мраморной ракѣ, въ которую положено тѣло Владиміра, говоритъ и наша лѣтопись; а Дитмаръ сверхъ того замѣчаетъ, что обѣ гробницы, князя и княгини, были поставлены посреди церкви.

По поводу плача Кіевлянъ при погребеніи Владиміра, напомнимъ, что лѣтопись изображаетъ его княземъ щедрымъ и милостивымъ, особенно къ нищимъ и убогимъ: тѣмъ, которые за болѣзнями не могли сами приходить на его дворъ, онъ разсылалъ съѣстные припасы на возахъ. Эту черту, т. е. щедрость въ раздачѣ милостыни, подтверждаетъ и митрополитъ Иларіонъ, младшій современникъ Владиміра, въ своей „Похвалѣ кагану нашему Владиміру". (Чт. Об. И. и Д. 1848. № 7).

История не можетъ не признать за Владиміромъ прозваніе Великаго, которое вполнѣ принадлежитъ ему за его подвиги и заслуги Русской землѣ, а посредствомъ ея и всему человѣчеству. Что же касается до нѣкоторыхъ чертъ характера, обнаруженныхъ имъ въ молодости своей, то въ этомъ отношеніи онъ немногимъ отличался отъ другаго великаго человѣка, Константина, императора Римскаго, которому уподобился въ дѣлѣ христіанской миссіи.

31) Такое ожесточеніе Святополка противъ братьевъ и его предыдущія отношенія къ отцу придаютъ нѣкоторую вѣроятность нашей лѣтописи, что онъ не былъ родной сынъ Владиміра. Послѣдній, говоритъ она, послѣ смерти Ярополка взялъ за себя его жену гречанку, уже беременную отъ прежняго мужа. Что касается до Глѣба, то мы не слѣдуемъ лѣтописному расказу, будто Глѣбъ во время кончины Владиміра находился въ Муромѣ и будто Святополкъ послалъ звать его къ себѣ отъ имени больнаго родителя, скрывая его смерть. Мы находимъ гораздо вѣроятнѣе и естественнѣе приведенное нами извѣстіе, взятое изъ Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ по древнѣйшей или Несторовой редакціи; тогда какъ въ позднѣйшихъ его редакціяхъ, обильно изукрашенныхъ реторикой, расказъ о Глѣбѣ согласенъ съ лѣтописью (См. Сказанія о свв. Борисѣ и Глѣбѣ, изданное Срезневскимъ, Спб. 1860, и Чтеніе о житіи и чудесѣхъ Бориса и Глѣба, изданное Бодянскимъ въ Чт. Об. И. и Д. 1859. №. 1). Это обстоятельство въ свою очередь указываетъ на болѣе позднюю редакцію самого лѣтописнаго свода, неправильно приписаннаго тому же Нестору.

32) Эймундова сага въ Antiquités Russes. T. II. (Она была переведена на Русскій языкъ Сеньковскимъ, и напечатана въ Библіотекѣ для Чтенія 1834 г. т. II). Эта сага приписываетъ Эймунду убіеніе Святополка, котораго она называетъ Бурислейфомъ. Затѣмъ она разсказываетъ о войнѣ Ярослава съ Вартиславомъ (т. е. Брячиславомъ) Полоцкимъ; при чемъ баснословитъ, будто Эймундъ, перешедшій на службу Полоцкаго князя, устроилъ между братьями мирный договоръ, по которому они раздѣлили между собою Гардарикію (т. е. Русь): Ярославъ остался новогородскимъ княземъ, Вартиславъ получилъ Кіевъ, а Полоцкое княжество отдано было Эймунду. Послѣдній, умирая, передалъ это княжество товарищу своему Рагнару. На баснословный характеръ саги указываетъ и то обстоятельство, что она, повѣствуя о борьбѣ Ярислейфа съ Бурислейфомъ, совсѣмъ не упоминаетъ объ участіи въ ней польскаго короля.

Передъ началомъ этихъ событій въ лѣтописи Русской помѣщенъ расказъ о столкновеніи Новогородцевъ съ Варягами Ярослава; при чемъ первые избили многихъ наемниковъ на дворѣ какого то Парамона. Тогда князь удалился за городъ въ свое село Ракому, зазвалъ сюда зачинщиковъ этого избіенія, и велѣлъ ихъ умертвить.

Но въ туже ночь изъ Кіева отъ сестры его Предиславы пришли вѣсти о смерти Владиміра и злодѣйствахъ Святополка. На другой день Ярославъ созываетъ вѣче, и кается въ своемъ жестокомъ поступкѣ съ Новогородцами; а послѣдніе примиряются съ нимъ, и вооружаются на Святополка. Весь этотъ расказъ отзывается искусственнымъ, драматическимъ построеніемъ. Столкновенія между гражданами и буйными Варягами происходили конечно нерѣдко. А смерть Владиміра и дѣянія Святополка были не такія тайныя событія, вѣсть о которыхъ могла достигнуть до Новгорода только съ помощью Предиславы и неиначе какъ въ критическую минуту вѣроломнаго умерщвленія новогородскихъ граждaнъ.

[33]) О битвахъ Ярослава съ Святополкомъ подъ Любечемъ и на рѣкѣ Альтѣ повѣствуетъ только Русская лѣтопись; она же говоритъ и о сраженіи на Бугѣ. Сообщенныя ею перебранки съ непріятелемъ были въ духѣ того времени, и подтверждаются, хотя нѣсколько въ другомъ видѣ, извѣстіями древнѣйшихъ польскихъ лѣтописцевъ, каковы: Мартинъ Галлъ и Кадлубекъ, писавшіе въ XII вѣкѣ (См. Monumenta Poloniae. Бѣлевскаго. Т. I и II).

О войнѣ Ярослава съ Болеславомъ Храбрымъ, кромѣ Русской лѣтописи, мы имѣемъ извѣстія иноземныя. Первое мѣсто между ними принадлежитъ нѣмецкому лѣтописцу Дитмару (Dithmari Chronicon. Гл. III и отчасти VII). Его извѣстія наиболѣе достовѣрны какъ современника этихъ событій. Относительно хронологіи онъ согласенъ съ нашею лѣтописью. Впрочемъ онъ не всегда дѣлаетъ точныя сообщенія по отношенію къ отдаленной отъ него Руси. Такъ, говоря о взятіи Болеславомъ Кіева (который онъ называетъ *Китава*), Дитмаръ прибавляетъ, будто въ этомъ великомъ городѣ уже тогда находилось 400 церквей—число невѣроятное,—и будто населеніе его составилось изъ какихъ то бѣглыхъ рабовъ, и преимущественно изъ быстрыхъ Дановъ или Данаевъ. За тѣмъ слѣдуютъ извѣстія польскихъ лѣтописцевъ, Мартина Галла, Богуфала, Кадлубка и Длугоша. Но эти извѣстія отличаются большимъ хвастовствомъ и реторикой. Напримѣръ, онѣ повѣствуютъ, что Болеславъ, въѣзжая въ Кіевъ, мечемъ своимъ надрубилъ его Золотыя ворота, въ знакъ своей побѣды; а Золотыя ворота еще не были тогда и построены. Особеннымъ многословіемъ и баснословіемъ отличается въ этомъ случаѣ Длугошъ, хотя онъ много пользовался и русскими лѣтописями. Такъ, по его словамъ, Болеславъ будтобы поставилъ на Днѣпрѣ, при впаденіи Сулы, какіе то желѣзные столпы, чтобы отличить предѣлы своего королевства. Король польскій у него произноситъ къ войску длинныя рѣчи въ духѣ классическихъ писателей; онъ одерживаетъ надъ Ярославомъ четыре великія побѣды, почти всѣ на той же рѣкѣ Бугѣ, и пр. Хронологія данныхъ событій у него также невѣрна. Послѣдующіе польскіе историки (Кромеръ, Сарницкій и др.) по большей части повторяютъ тѣже расказы. Еще

Карамзинъ указывалъ на ихъ противорѣчія и недостовѣрность (См. примѣч. 15—18 ко II тому его исторіи).

34) Объ этомъ походѣ не упоминаютъ старшіе лѣтописные своды, т. е. Лаврентьевскій и Ипатскій; о немъ говорятъ позднѣйшіе, именно: Софійскій, Воскресенскій и Никоновскій. Но очевидно онъ заимствованъ изъ древнѣйшаго источника. Относительно мѣстности, называвшейся Желѣзными Воротами, высказаны были разныя мнѣнія. Татищевъ разумѣлъ здѣсь Уральскій хребетъ и страну Югровъ; его мнѣніе принялъ Миллеръ. Карамзинъ подразумѣвалъ землю Мордовскую или Черемисскую (къ т. II. прим. 64). Шёгренъ указалъ на Зырянскій край, именно село Водчу въ Устьсысольскомъ уѣздѣ на р. Сысолѣ: близъ этого села есть холмъ или городище, называемое въ народномъ преданіи Желѣзными Воротами (Sjögrens Gesam. Shriften. I. 531). Его мнѣніе принялъ Соловьевъ. Наконецъ г. К. Поповъ въ своемъ очеркѣ Зырянъ (Извѣстіе Общ. Любителей Естествознанія. Москва. Т. VIII. выпускъ 2. стр. 39) также указываетъ на Зырянскій край и Устьсысольскій уѣздъ, но только далѣе къ востоку около самаго Уральскаго хребта. Онъ приводитъ выписку изъ замѣтокъ г. Арсеньева (Вологод. губ. Вѣд. 1866. № 47), а именно: рѣка Шугора, притокъ Печоры, берущій начало въ Уральскомъ хребтѣ, въ одномъ мѣстѣ такъ стѣснена каменистыми крутыми берегами, что мѣсто это у туземцевъ называется *Ульдоръ-Кырта*, т. е. Желѣзныя Ворота. Очевидно подобное названіе не принадлежало исключительно какой либо мѣстности, и встрѣчалось не одинъ разъ. (Напомнимъ, что таже Русская лѣтопись называетъ Желѣзными воротами и Кавказскій Дербентъ). Мы считаемъ вѣроятнымъ, что походъ Новогородцевъ былъ предпринятъ именно въ Зырянскій или Югорскій край; но не думаемъ, чтобы лѣтописецъ подъ Желѣзными воротами разумѣлъ какую либо незначительную мѣстность на рр. Сысолѣ или Шугорѣ, извѣстной только у окрестныхъ туземцевъ, и едва ли Татищевъ не былъ ближе другихъ къ истинѣ, указывая вообще на Уральскія горы.

35) О бракѣ русской княжны съ Казиміромъ, кромѣ Русской лѣтописи, говорятъ Мартинъ Галлъ, Богуфалъ, Лѣтописецъ Саксонскій (Annalista Saxo) и Длугошъ. Если Марія, по словамъ Длугоша, была дочерью Анны, супруги Владиміра Великаго, которая умерла въ 1011 году, то во время бракосочетанія съ Казиміромъ, она не могла имѣть менѣе 32 лѣтъ. Лѣтописецъ Саксонскій называетъ ее не сестрою, а дочерью великаго князя Кіевскаго. О женитьбѣ Изяслава Ярославича на сестрѣ Казиміра упоминаютъ наши позднѣйшіе лѣтописные своды, т. е. Софійскій, Воскресенскій и Никоновскій.

36) Главными источниками для объясненія войны 1043 года служатъ Русская лѣтопись, Пселлъ, Кедренъ и Зонара. Кромѣ того краткое упоминаніе о ней встрѣчается у Глики и Ефремія. Замѣчательно, что объ участіи Варяговъ въ этой войнѣ и объ ихъ совѣтѣ

идти на самый Царьградъ сообщаютъ не старѣйшіе своды лѣтописей, а позднѣйшіе. Извѣстіе ихъ подтверждаетъ Скилица—Кедренъ, который говоритъ, что въ числѣ русскихъ войскъ были союзники, обитающіе на сѣверныхъ островахъ океана. (Ясно, что въ прежнихъ походахъ Руси подъ Царьградъ, 865 и 941 гг., варяжскія дружины не участвовали; иначе византійская исторіографія неумолчала бы о томъ). Въ данномъ случаѣ мы отдаемъ предпочтеніе Скилицѣ—Кедрену передъ Пселломъ, хотя послѣдній былъ очевидцемъ событія; по словамъ его Русскіе начали войну будто-бы безъ всякой причины, изъ одной ненависти къ греческой *игемоніи*.

[37]) См. саги объ Олавѣ Св., Магнусѣ Добромъ и Гаральдѣ Смѣломъ въ Antiquités Russes.

[38]) Acta Sanctorum. Rerum Gallicarum et Francicarum scriptores. Lambert. Aschaffenburg. Turoc. Chronic. Hung. Снорро Стурлезонъ. Адамъ Бременскій и пр. О родственныхъ союзахъ и сношеніяхъ Ярослава съ европейскими государями самое обстоятельное разсужденіе съ указаніемъ на источники остается доселѣ то, которое принадлежитъ Карамзину. См. къ т. II примѣч. 40—48 и 59.

[39]) Въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ, Софійскомъ, Воскресенскомъ и Никоновскомъ, заложеніе Кіевской Софіи и Золотыхъ воротъ отнесено къ 1017 году, тогда какъ въ старѣйшихъ сводахъ, т. е. Лаврентьевскомъ и Ипатскомъ, оно упомянуто подъ 1037 годомъ. Отсюда возникли разныя мнѣнія и споры между учеными о времени основанія св. Софіи. (Всѣ эти мнѣнія сопоставлены въ „Описаніи Кіева“ Закревскимъ, стр. 760 и далѣе). Мы принимаемъ годъ старѣйшихъ сводовъ, который болѣе согласенъ съ обстоятельствами: до 1037 года мѣсто Софіи было еще за чертою стараго Кіева, въ полѣ. Свидѣтельство Дитмара, умершаго въ 1018 году, ясно указываетъ, что до построенія этого храма Ярославомъ въ Кіевѣ уже существовалъ храмъ того же имени; Дитмаръ прибавляетъ, что онъ вмѣстѣ съ своимъ монастыремъ подвергся пожару въ 1017 году.

Относительно построенія старой и новой Софіи въ Новгородѣ источники также представляютъ нѣкоторыя разнорѣчія. Такъ въ Ипатьевской и Лаврентьевской просто говорится о заложеніи каменнаго собора въ 1045 г. княземъ Владиміромъ. Тоже сказано и въ Новгородской первой лѣтописи съ прибавкою извѣстія о пожарѣ старой церкви: „въ лѣто 6553 (1045) сгорѣ св. Софія въ суботу по заутрени въ часъ 3-й, мѣсяца марта въ 15-е. Того же лѣта заложена бысть св. Софія Новгородѣ Владиміромъ княземъ“. Въ Новгородской второй стоитъ тотъ же годъ, и прибавлено, что сгорѣвшая деревянная церковь была о 13 верхахъ, построена владыкою Іакимомъ и стояла 4 года; а положеніе ея опредѣлено такъ: „конецъ Епископской улицы надъ рѣкою Волховомъ, гдѣ нынѣ (т. е. во время лѣтописца) Сотко поставилъ церковь Бориса и Глѣба“. Въ

Новгородской третьей лѣтописи кончина владыки Іакима отнесена къ 1030 году; слѣдовательно, если онъ былъ строитель деревянной Софіи, то послѣдняя стояла не 4 года, а гораздо долѣе. Въ той же лѣтописи прибавлено, что новую каменную церковь, заложенную въ 1045 г., строили 7 лѣтъ, а расписывали ее иконные писцы, приведенные изъ Царьграда. Тамъ же находится и сказаніе объ образѣ Спаса съ благословенною рукою. Въ Воскресенской, Софійской и Никоновской лѣтописяхъ закладка каменной Софіи отнесена также къ 1045 году, но освященіе ея къ 1050; а между этими годами, именно подъ 1049 стоитъ извѣстіе, конечно ошибочное, о пожарѣ старой, деревянной церкви.

[40]) Распорядокъ удѣловъ, приписанный самому Ярославу, очевидно въ этомъ видѣ устроился уже послѣ его смерти и невдругъ, а послѣ нѣкоторыхъ перемѣнъ и соглашеній между братьями. О распредѣленіи областей между сыновьями Ярослава см. разсужденіе въ Исторіи Карамзина (къ т. II примѣч. 50) и въ Исторіи Соловьева (къ т. II. прим. 27).

[41]) Мнѣнія о томъ, на какой Немизѣ происходила означенная битва, различны (см. въ Исторіи Соловьева къ т. II. прим. 37 и въ описаніи Минской губерніи Зеленскаго. Т. I. стр. 6). Мы думаемъ, что Всеславъ по всей вѣроятности шелъ на помощь Минску, но опоздалъ, и сразился съ Ярославичами подъ этимъ городомъ на рѣчкѣ Немизѣ, которая протекала чрезъ самый Минскъ; теперь эта рѣчка пересохла.

[42]) Кромѣ нашихъ лѣтописей главныя свѣденія объ Узахъ и Куманахъ заключаются у писателей византійскихъ, каковы: Константинъ Багрянородный, Скилица — Кедренъ, Зонара, Анна Комненъ, Георгій Акрополита, Никита Хоніатъ, Георгій Пахимеръ, Никифоръ Грегора, Іоаннъ Кантакузенъ и Георгій Кодинъ (см. у Стриттера т. III. ч. 2. Uzica и Comanica). О родствѣ Печенѣговъ съ Половцами свидѣтельствуетъ Анна Комненъ, которая говоритъ, что Куманы и Печенѣги говорили однимъ языкомъ. Куманскій словарь (записанный Генуезцами въ началѣ XIV вѣка и обнародованный Клапротомъ въ Memoires relatives à l'Asie, т. III) свидѣтельствуетъ, что языкъ Комановъ составлялъ вѣтвь Туркотатарскаго семейства. Полагаютъ, что названіе *Куманы* означаютъ „степняки", и что русское Половцы есть переводъ этого названія, произведенный отъ слова *поле*, *степь*. „Кумъ" на языкѣ татарскихъ народовъ значитъ песокъ; отсюда пожалуй можно заключить, что Куманы это собственно обитатели песчаныхъ степей. По свидѣтельству путешественника XIII вѣка Рубруквиса Куманы сами себя называли *Капчатъ*. (Кипчаками доселѣ называется часть Киргизовъ).

Что касается до Торковъ, нѣкоторые считаютъ ихъ остаткомъ Угровъ, изгнанныхъ изъ южной Россіи Печенѣгами въ IX вѣкѣ. Угры дѣйствительно у византійскихъ писателей называются иногда

не только Гуннами, но и Турками. Но русскіе лѣтописцы хорошо знали Угровъ и всегда отличали ихъ этимъ именемъ. Мы, вслѣдъ за Карамзинымъ, находимъ болѣе вѣроятнымъ, что Торки нашихъ лѣтописей тождественны съ Узами византійскихъ и Гузами арабскихъ писателей. Въ этомъ убѣждаетъ насъ и послѣдовательность ихъ появленія въ русской лѣтописи, послѣ Печенѣговъ, прежде Половцевъ. (Въ числѣ туркменскихъ родовъ доселѣ существуютъ Угузы, т. е. Узы или Гузы. См. газетныя извѣстія въ мартѣ 1875 года о походѣ полковника Иванова за Аму Дарью для наказанія Туркменъ). Что Торки были однюплеменны Печенѣгамъ, Половцамъ и Туркменамъ, о томъ прямо свидѣтельствуетъ нашъ лѣтописецъ. Подъ 1096 годомъ онъ говоритъ о четырехъ колѣнахъ Измаильскихъ: „Торкмени, и Печенѣги, и Торци, и Кумани рекше Половци". Торки и Торкмены очевидно одно и тоже названіе, хотя въ данномъ случаѣ первое относится ко второму какъ видъ къ роду. Потомки Торковъ, поселенныхъ на южныхъ границахъ Руси, какъ мы сказали, являются въ нашихъ лѣтописяхъ подъ общимъ именемъ Черныхъ Клобуковъ; а это имя есть ничто иное какъ переводъ турко-татарскаго названія Кара-Калпаки. Послѣднее названіе принадлежитъ въ наше время одному туркестанскому племени, которое хотя и родственно Туркменамъ, однако имѣетъ свои отличія. Подъ именемъ Половцевъ Русская лѣтопись смѣшиваетъ иногда вмѣстѣ Кумановъ и Узовъ; безъ сомнѣнія часть послѣднихъ (и нѣкоторая часть Печенѣговъ) осталась въ южнорусскихъ степяхъ и смѣшалась съ Куманами.

Изъ отдѣльныхъ трактатовъ, посвященыхъ этимъ народамъ, упомянемъ: *Сума* „Историческое разсужденіе объ Узахъ или Половцахъ" (Чт. Об. И. и Др. годъ III. № 8. Съ датскаго переводъ протоіерея Сабинина), *Куника* „О торкскихъ Печенѣгахъ и Половцахъ по мадьярскимъ источникамъ" (Учен. Записки Академіи по 1 и 3-му отдѣленіямъ. Т. III. 1855 г.) и *Блау* Ueber Volksthum und Sprache der Kumanen (Zeitschrift der deutschen Morgenlaendischen Gesellschaft. Leipz. 1875. III и IV Heft). На основаніи помянутаго выше Куманскаго словаря, Блау относитъ Кумановъ къ Узбекской вѣтви Турецкаго племени, т. е. къ той вѣтви, которая составляетъ господствующее населеніе Хивинскаго ханства. (Та же вѣтвь составила ядро Киргизъ-Кайсацкаго народа). Въ русской литературѣ укажемъ еще на очеркъ г. *Мельгунова* „Русь и Половцы" (Свѣдѣнія о гимназіи Креймана. М. 1873). Къ Куманамъ относится самое древнее извѣстіе о *каменныхъ бабахъ,* т. е. о тѣхъ грубыхъ изваяніяхъ, которыя встрѣчаются на курганахъ всей южной и юговосточной Россіи и частію въ Сибири. Именно Рубруквисъ упоминаетъ объ обычаѣ Кумановъ ставить эти изваянія на могильныхъ насыпяхъ въ честь своихъ покойниковъ. См. гр. Уварова „Свѣденія о каменныхъ бабахъ" съ указаніемъ литературы этого предмета (Труды перваго Археологич. съѣзда).

[43]) Объ осадѣ и взятіи Перемышля Болеславомъ Смѣлымъ довольно пространно повѣствуетъ Длугошъ.

[44]) О нѣмецкомъ посольствѣ къ Святославу Ярославичу см. Lamberti Schafnaburgensis Chronicon подъ 1075 г. Грамоты Григорія VII къ Изяславу и Болеславу напечатаны въ Historica Russiae Monumenta. Т. I. №№ 1 и 2. По словамъ Татищева, Болеславъ, хотя и былъ вдвойнѣ родственникъ Изяславу, но еще ближе приходился Святославу, на дочери котораго онъ былъ женатъ.

[45]) О заточеніи Олега на островъ Родосъ упоминаетъ игуменъ Даніилъ въ своемъ „Хожденіи" въ Іерусалимъ.

[46]) П. С. Р. Лѣт. О дочеряхъ Всеволода см. у Карамз. къ т. II примѣч. 156 и 157. Критическій сводъ всѣхъ латинскихъ извѣстій о супружествѣ Евпраксіи съ Генрихомъ IV находимъ у Круга во второмъ томѣ его Forschungen in der älteren Geschichte Russlands. St. Petersb. 1848.

[47]) Въ лѣтописи о мѣстѣ съѣзда сказано: „въ Увѣтичахъ". Нѣкоторые ученые старались опредѣлить, гдѣ лежали эти Увѣтичи, и дѣлали разныя предположенія. Но тутъ очевидное недоразумѣніе. Въ древнѣйшемъ спискѣ конечно стояло: „у витичева"; малограмотный списатель, не разобравъ хорошо, принялъ это за одно слово и для большей ясности прибавилъ предлогъ *въ*. Впрочемъ настоящее чтеніе встрѣчаемъ у Татищева: „на Вятичевѣ".

[48]) П. Собр. Рус. лѣтописей.

[49]) Мономахово Поученіе сохранилось только въ одной Лаврентьевской лѣтописи. Расказъ Владиміра о своемъ дѣятельномъ, простомъ образѣ жизни подтверждается Посланіемъ о Постѣ, которое митрополитъ Никифоръ написалъ для того же князя. Тамъ говорится о Мономахѣ, что онъ „болѣе на землѣ спитъ и дому бѣгаетъ и свѣтлое ношеніе портъ отгонитъ, и по лѣсамъ ходя сиротину носитъ одежду и по пути въ градъ входя, волости дѣля, въ властительную ризу облачится". (Русскія Достопамятности I. 68). Оцѣнку Поученія какъ „памятника религіозно-нравственныхъ воззрѣній", см. въ статьѣ С. Протопопова (Журн. Мин. Нар. Пр. 1874. Февраль).

[50]) П. С. Лѣт. Т. II.

[51]) Лѣтопись наша (именно Ипатьевская) только вкратцѣ упоминаетъ подъ 1122 годомъ: „И Володаря яша Ляхове лестью, Василькова братя". Подробности мы находимъ въ латино-польскихъ источникахъ, именно у Герборда въ жизни Оттона, епископа Бамбергскаго, у Кадлубка и Богуфала. (См. Бѣлевскаго Monumenta Poloniae Historica. Т. II. стр. 2, 74, 350 и 508). О захватѣ русскаго князя они сообщаютъ несовсѣмъ согласно; по Кадлубку и Богуфалу онъ былъ схваченъ на пиру; но вѣроятнѣе и обстоятельнѣе другихъ расказываетъ о взятіи его на охотѣ и выкупѣ Гербордъ. Длугошъ говоритъ, будто Володарь былъ плѣненъ въ сраженіи. Онъ прибавляетъ, что Болеславъ взялъ за Володаря окупу 20.000 марокъ се-

ребра и 500 сосудовъ, т. е. блюдъ, чашъ и ковшей греческой работы. Ипатьевская лѣтопись подъ 1145 годомъ сообщаетъ о судьбѣ вѣроломнаго Петра Власта. Преемникъ Болеслава Кривоустаго Владиславъ II велѣлъ его ослѣпить, урѣзать ему языкъ, разграбить его домъ и выгнать его съ женою и дѣтьми. Онъ нашелъ убѣжище на Руси.

[52]) См. у Карамз. т. II. глава VII и прим. 240 и 241.

[53]) О предпріятіи Леона Діогеновича и посылкѣ русскаго войска Владиміромъ Мономахомъ въ дунайскіе города сообщаютъ почти всѣ списки русскихъ лѣтописей, которые при этомъ называютъ Леона затемъ Владиміра (за исключеніемъ Густынской, которая называетъ его зятемъ Володаря).

Къ тому же времени относится сомнительный разсказъ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ о томъ, что русскія войска разорили Ѳракію и осадили самый Константинополь. Тогда устрашенный императоръ Алексѣй Комненъ будто бы послалъ къ Владиміру Мономаху ефесскаго митрополита Неофита и другихъ знатныхъ людей съ просьбою о мирѣ и съ богатыми дарами, между которыми находились: крестъ изъ животворящаго древа, золотой вѣнецъ, золотая цѣпь и бармы (оплечье) императора Константина Мономаха, сердоликовая чаша императора Августа, скипетръ и пр. Неофитъ торжественно возложилъ на Владиміра вѣнецъ и бармы, и назвалъ его царемъ. (См. своды Никоновскій, Воскресенскій и Густынскій, а также о рукописныхъ повѣстяхъ у Карамз. къ т. II прим. 220). По всей вѣроятности этотъ расказъ сложился во времена гораздо болѣе позднія, чѣмъ XII вѣкъ, между прочимъ для того, чтобы объяснить происхожденіе знаменитой Мономаховой шапки и другихъ регалій, которыя возлагались при коронованіи великихъ князей и царей московскихъ; онѣ и доселѣ употребляются при коронаціи нашихъ царей (хранятся въ Москов. Оружейн. палатѣ).

Замѣчательно, что греческіе источники совсѣмъ не упоминаютъ ни о Львѣ Діогеновичѣ, какъ зятѣ Мономаховомъ, ни о войнѣ послѣдняго съ Греками. По ихъ извѣстіямъ, сынъ Діогена Константинъ еще ранѣе того погибъ въ сраженіи съ Турками близъ Антіохіи (см. у Вріеннія и Анны Комненъ); а послѣ того явился какой то самозванецъ, выдававшій себя за этого сына Діогена. Онъ былъ сосланъ въ Херсонесъ Таврическій, оттуда бѣжалъ къ Половцамъ и вмѣстѣ съ ними вторгся во Ѳракію, но былъ обманомъ захваченъ въ плѣнъ Греками и ослѣпленъ. О походѣ съ Половцами на Греческую землю и ослѣпленіи его упоминаютъ и всѣ наши лѣтописи подъ 1095 г., называя этого самозванца просто Девгеничемъ. По нѣкоторымъ соображеніямъ и въ предпріятіи этого Лжеконстантина участвовали не одни Половцы, но и Русь. Онъ дѣйствительно проникъ во Ѳракію и осадилъ Адріанополь. (См. Васильевскаго „Византія и Печенѣги“ въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1872

г. Декабрь). Можетъ быть это предпріятіе и подало поводъ къ вышеупомянутому расказу о войнѣ Руссовъ во Ѳракіи (причемъ вмѣсто Адріанополя названъ Константинополь) и присылкѣ даровъ Владиміру Мономаху. Но и другой сынъ Діогена Леонъ, по словамъ Анны Комненъ, былъ убитъ не въ Дористолѣ, а въ сраженіи съ Печенѣгами, въ 1088 г. Итакъ кто же былъ зятемъ Владиміра, истинный царевичъ или самозванецъ? Вообще всѣ эти извѣстія довольно темны и сбивчивы. Г. Васильевскій предлагаетъ догадку, что Романъ Діогенъ кромѣ упомянутыхъ имѣлъ и другихъ сыновей, такъ какъ онъ женатъ былъ два раза; что кромѣ Льва, родившагося отъ втораго брака, у него вѣроятно былъ еще сынъ Левъ отъ перваго брака, и что этотъ то послѣдній, названный въ нашей лѣтописи зятемъ Владиміра Мономаха, былъ женатъ не на дочери его, а на сестрѣ. („Русско-Византійскіе отрывки". Журн. Мин. Н. Пр. 1875. Декабрь). Предположеніе о двухъ Львахъ, сыновьяхъ Діогена отъ разныхъ матерей, находимъ вполнѣ вѣроятнымъ; но полагаемъ, что, на оборотъ, Левъ, убитый въ 1088 г., происходилъ отъ перваго брака, а Левъ, погибшій въ 1116 г., рожденъ отъ втораго, когда Діогенъ уже царствовалъ (1067—1071), и слѣдовательно зять Владиміра Мономаха былъ не только истинный царевичъ, но и „порфирородный". Что же касается до предложенія преемника Діогенова Михаила VII Дуки (1071—1078), который сваталъ для своего брата Константина дочь какого то князя, то г. Васильевскій основательно полагаетъ, что этотъ князь былъ никто иной какъ Всеволодъ, отецъ Владиміра Мономаха. (Объ этомъ сватовствѣ идетъ рѣчь въ двухъ письмахъ Михаила VII, обнародованныхъ ученымъ грекомъ Саѳою въ Annuaire de l'association pour l'encouragement des etudes greques en France. 1875). Но сватовство очевидно не состоялось; также какъ вѣроятно не успѣло окончиться бракомъ и то сватовство Михаилова предшественника, на которое есть намекъ въ данныхъ письмахъ. Можетъ быть, въ обоихъ случаяхъ оно относилось къ извѣстной Янкѣ дочери Всеволода, которая не даромъ же осталась дѣвицею, и, будучи монахиней, предпринимала путешествіе въ Царьградъ.

О смерти Василька Леоновича Кіевская лѣтопись (по Ипат. списку) упоминаетъ подъ 1196 г. Иначе она называетъ его тутъ же „Василько Маричичъ, внукъ Володиміра", т. е. по матери Маріи. Очевидно Леоновичъ и Маричичъ одно и тоже лицо. Таже лѣтопись сообщаетъ и о бракѣ Мономаховой внучки съ греческимъ царевичемъ; о какомъ царевичѣ здѣсь говорится, неизвѣстно. Карамзинъ полагалъ, что это Алексѣй, сынъ императора Іоанна Комнена (т. II. прим. 242).

54) „Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ", изданныя по тремъ разнымъ спискамъ О. М. Бодянскимъ въ Чтен. Об. И. и Др. 1859 кн. I, и 1870 кн. 3. „Сильвестровскій списокъ Сказаній о свв. Борисѣ и Глѣбѣ", изданный отдѣльно И. И. Срезневскимъ по порученію

Археологич. Общества. Спб. 1860. Въ томъ и другомъ изданіи помѣщены Сказанія въ двухъ редакціяхъ: первая редакція болѣе древняя и оканчивающаяся перенесеніемъ мощей въ 1072 г., принадлежитъ Нестору, который самъ свидѣтельствуетъ о томъ въ концѣ. Вторая редакція, оканчивающаяся перенесеніемъ 1115 года, болѣе украшена и очевидно болѣе поздняго происхожденія (о томъ см. ниже въ прим. 58). О существованіи Борисоглѣбской церкви въ Константинополѣ свидѣтельствуетъ Путешествіе новогород. архіепископа Антонія, изданное подъ редакціей Саваитова. Спб. 1872.

[55]) См. у Миня S. Theodorus Studita. Patrologiae tomus XCIX. Полнѣйшій и древнѣйшій изъ славянскихъ списковъ Студійскаго устава, хранится въ Москов. Синод. библіотекѣ подъ № 330. (Опис. рукописей Синод. библ. III. стр. 229). Нѣсколько любопытныхъ замѣчаній о редакціи Студійскаго устава, принадлежащей патріарху Алексію въ перв. половинѣ XI вѣка, и вліяніи этого устава на монастыри греческіе и итальянскіе см. у архим. Сергія „Полный мѣсяцесловъ востока“. Т. I. М. 1875.

[56]) Источниками для начальной исторіи Кіевопечерскаго монастыря и его подвижниковъ служатъ: Полн. Соб. Рус. Лѣт. (списки Ипатской и Лаврент.). Житіе Θеодосія игумена Печерскаго, изданное Бодянскимъ по списку XII вѣка въ Чт. Об. И. и Др. 1858 г. кн. 3-я. Въ русскомъ переводѣ преосв. Филарета Харьковскаго это житіе издано въ Ученыхъ Запискахъ Академіи Наукъ. Кн. II. 1856 г. Посланіе епископа Симона къ Поликарпу, напечатанное въ Памятникахъ XII вѣка, изданныхъ Калайдовичемъ. М. 1821. Тоже житіе Θеодосія, Похвальное слово ему, а также сказанія Симона и Поликарпа, относящіяся къ началу Печерскаго монастыря и къ построенію Успенскаго храма, см. въ „Памятникахъ Литературы XII и XIII вѣковъ“ В. Яковлева. Спб. 1872. Сказанія эти напечатаны имъ по рукописнымъ сборникамъ Патерика Печерскаго и другимъ рукописямъ Импер. Публич. библіотеки. Кромѣ того, „О началѣ монашества въ Россіи“ въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ свв. Отцовъ, годъ VIII. кн. 4. О Патерикѣ Печерскомъ см.: Кубарева въ Чтен. Об. И. и Др. 1847. № 9, и 1858. № 3.; Казанскаго во Времен. Об. И. и Др. № 7, и „Обзоръ редакцій Кіевопечерскаго патерика“ въ Извѣст. 2-го Отдѣленія Акад. Н. т. V.

[57]) Упомянутыя сочиненія митрополитовъ Іоанна и Никифора напечатаны въ Русс. Достопамятностяхъ. Часть I. М. 1815, и въ Памятникахъ XII вѣка, изданныхъ Калайдовичемъ. М. 1821. Сочиненія Иларіона изданы въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ свв. Отцовъ. 1844 г. и въ Чтеніяхъ Моск. Об. И. и Др. 1848 г. № 7. съ предисловіемъ Бодянскаго. Объ этихъ сочиненіяхъ нѣсколько справедливыхъ замѣчаній см. у Шевырева въ его „Исторіи Русской словесности, преимущественно древней“. М. 1846. Лекція шестая. Тому же Иларіону приписываютъ еще „Поученіе о пользѣ душевной“, но едвали основательно; на что указалъ преосвященный Макарій

въ своей „Исторіи Рус. Церкви“ II. 81. Похвала Владиміру Іакова Мниха напечатана въ Христіанскомъ Чтеніи 1849 г. Тамъ помѣщено и Житіе Владиміра, которое считаютъ произведеніемъ того же Іакова, но совершенно несправедливо; такъ какъ это житіе имѣетъ признаки гораздо позднѣйшаго сочиненія. Существуетъ еще „Посланіе къ князю Димитрію“, сочинитель котораго называетъ себя также монахомъ Іаковомъ: онъ увѣщеваетъ своего духовнаго сына воздерживаться отъ пьянства и нецѣломудренной жизни. Думаютъ, что посланіе принадлежитъ тому же Іакову, а въ Димитріѣ хотятъ видѣть великаго князя Изяслава Ярославича. Но и это сомнительно. Востоковъ указывалъ на великаго князя Димитрія Александровича, т. е. на XIII вѣкъ (Описаніе рукописей Румянц. музея. 304). Посланіе это вполнѣ напечатано въ Исторіи Рус. Церкви Макарія. II. Примѣч. 254. Слова и поученія Θеодосія, отчасти вполнѣ, отчасти въ отрывкахъ, изданы тѣмъ же преосвящ. Макаріемъ въ Ученыхъ запискахъ Академіи Наукъ. Кн. II. 1856 г. См. его же статью „Преподобный Θеодосій Печерскій какъ писатель“ въ Историческихъ Чтеніяхъ о Языкѣ и Словесности“. Спб. 1855. О сочиненіяхъ Θеодосія, Іоанна и Никифора, относившихся къ отличіямъ Латинской церкви, любопытныя данныя собраны въ „Обзорѣ древнерусскихъ полемическихъ сочиненій противъ Латинянъ“ Андр. Попова. М. 1875. Этотъ добросовѣстный изслѣдователь приводитъ византійскіе первообразы, которымъ слѣдовали помянутыя сочиненія, особенно посланіе константинопольскаго патріарха Михаила Керуларія къ патріарху антіохійскому Петру, прилагая къ подлиннику и древній славянскій переводъ этого посланія.

58) Наши ученые изслѣдователи, каковы Погодинъ (Древняя Русская исторія), преосвященный Филаретъ („Обзоръ Духовной Русской литературы“ и „Исторія Русской церкви“), преосвященный Макарій („Исторія Русской церкви“) и И. И. Срезневскій (см. его изслѣдованія въ Извѣст. Акад. Н. т. II.), болѣе распространенную и болѣе украшенную редакцію сказаній о Борисѣ и Глѣбѣ приписываютъ Іакову Мниху, автору Похвалы Владиміру, тому Іакову, котораго Θеодосій желалъ назначить своимъ преемникомъ. Мы позволяемъ себѣ не согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Оно основано на томъ, что въ Похвалѣ Владиміру сочинитель говоритъ о своемъ прославленіи сыновей Владиміра, „свв. славныхъ мучениковъ Бориса и Глѣба“. Отсюда выходитъ, будто Несторово сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ написано послѣ сказанія Іакова; ибо Іаковъ былъ старше Нестора: Θеодосій предлагалъ Іакова въ игумены въ то время, когда Несторъ еще и въ монастырь не вступалъ. Но сличеніе обоихъ сочиненій убѣждаетъ насъ, что наоборотъ старшее изъ нихъ есть то, которое принадлежитъ Нестору. Второе, болѣе полное, болѣе украшенное цвѣтами краснорѣчія, очевидно кромѣ Нестора пользовалось и другими источниками; такъ какъ въ немъ есть нѣкоторыя отличія и прибавленія. Это второе сочиненіе дополнено

расказомъ о третьемъ перенесеніи мощей въ 1115 г.; тогда какъ Несторъ оканчиваетъ вторымъ перенесеніемъ, т. е. 1072 годомъ. Послѣднее обстоятельство конечно указываетъ на то, что болѣе полная редакція есть и болѣе поздняя. Какъ на признакъ позднѣйшаго происхожденія укажу еще на искаженный расказъ о смерти Глѣба, будто бы именемъ отца вызваннаго Святополкомъ изъ Мурома. По Несторовой редакціи Глѣбъ бѣжалъ изъ Кіева отъ грозящей опасности и былъ настигнутъ дорогою; что гораздо болѣе согласно съ логикой и съ обстоятельствами и прямо указываетъ на автора, по времени болѣе близкаго къ событію. Укажу также на Приточника, о которомъ упоминаетъ болѣе полное сказаніе въ своемъ началѣ; если тутъ разумѣется извѣстный Даніилъ Заточникъ, то опять имѣемъ явный признакъ позднѣйшаго сочиненія. Что касается до Іакова Мниха, автора Похвалы Владиміру, то по всей вѣроятности онъ написалъ подобную же похвалу Борису и Глѣбу; чѣмъ и можно объяснить его вышеприведенное о нихъ упоминаніе. Что Несторъ первый собралъ, привелъ въ порядокъ и изложилъ сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, о томъ онъ ясно свидѣтельствуетъ въ своемъ предисловіи: „Елико с
то да исповѣдѣ". И потомъ въ
сторъ грѣшный о житіи и о
блаженою страстотерпцю сею, опаснѣ вѣдущихъ исписавы (испытавъ?), а другая самъ свѣды, отъ многихъ мала вьписахъ, да почитающе славятъ Бога". Нѣтъ вѣроятія, что бы онъ не зналъ и не упомянулъ о подобномъ трудѣ, уже сдѣланномъ до него другимъ печерскимъ инокомъ, если бы таковой трудъ существовалъ. Не могъ бы онъ исключительно приписать себѣ сочиненіе, въ которомъ только сокращалъ Іакова Мниха. Повторяю, приписанное послѣднему сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ есть очевидно сочиненіе гораздо позднѣйшее сравнительно съ Несторовымъ.

[59]) Мы съ намѣреніемъ распространяемся о Несторѣ и Сильвестрѣ, что бы воздать должное каждому изъ этихъ двухъ основателей русской исторіографіи и по мѣрѣ силъ способствовать болѣе правильному взгляду на происхожденіе нашей лѣтописи. Вопросъ о начальной Русской лѣтописи занималъ многихъ ученыхъ и имѣетъ обширную литературу. Назову важнѣйшіе труды по этому вопросу:

Шлёцера Nestor. 4 Bände. Göttingen 1802 — 1809. Этотъ трудъ переведенъ порусски Языковымъ. *П. Строева* „О византійскихъ источникахъ Нестора" въ Трудахъ Об. И. и Др. IV. (Ему принадлежитъ честь первому указать на хронику Георгія Амартола, какъ на главный источникъ для нашей начальной лѣтописи). *Перевощикова* „О русскихъ лѣтописяхъ и лѣтописателяхъ" въ Трудахъ Рос. Акад. ч. IV. 1841. *Буткова* „Оборона лѣтописи Русской отъ навѣта скептиковъ" Спб. 1840. *Кубарева* „Несторъ" въ Рус. Историч. Сборникѣ 1842. т. IV. *Иванова* двѣ статьи о лѣтописяхъ въ Ученыхъ Зап. Казан. Университета. 1843. кн. 2 и 3. Кн. М. *Оболенска-*

го „Супрасльская лѣтопись“. М. 1836, а также „Лѣтопись Переяславля Суздальскаго“ во Временникѣ Об. И. и Др. IX., и „О первоначальной Русской лѣтописи“. М. 1870, съ приложеніемъ 1875 г. *Бѣляева* „О Несторовой лѣтописи“ въ Чт. Об. И. и Др. 1847. V. и еще во Временникѣ II и V. *Полѣнова* „Библіографич. обзоръ рус. лѣтописей“. Спб. 1850. *Казанскаго* статьи о лѣтописяхъ во Времен. III, X и XIII. Болѣе всѣхъ посвятилъ труда и времени этому вопросу *М. П. Погодинъ*, который печаталъ изслѣдованія о немъ отдѣльно и въ повременныхъ изданіяхъ, а потомъ собрялъ и свелъ ихъ въ своихъ „Изслѣдованіяхъ, Замѣчаніяхъ и лекціяхъ о Русской исторіи“. Т. I и IV. Въ первомъ томѣ заключается и его полемика съ такъ наз. Скептическою школою, отвергавшею достовѣрность древней лѣтописи. Представителями этой школы были: *Каченовскій* „О баснословныхъ временахъ Русской исторіи“ въ Учен. Зап. Москов. Универ. годъ III №№ 2 и 3., *С. Строевъ* „О мнимой древности Русской лѣтописи“ Спб. 1835 и „О недостовѣрности древней Русской исторіи“ Спб. 1834 (подъ псевдонимомъ Скромненко). Того же лѣтописнаго вопроса касались наши исторіографы *Татищевъ*, *Карамзинъ*, *Полевой* и *Соловьевъ* при обозрѣніи источниковъ Русской исторіи и памятниковъ древнерусской Словесности; кромѣ того *Шевыревъ* въ I томѣ своей „Исторіи Русской Словесности“ и *Костомаровъ* „Лекціи“ Спб. 1861. Далѣе замѣчательны труды: *Срезневскаго* въ Извѣстіяхъ Акад. Н. III; *Лавровскаго* „О лѣтописи Якимовской“ въ Учен. Запискахъ втораго отд. Акад. Н. кн. II.; особенно *Сухомлинова* „О древней Русской лѣтописи какъ памятникѣ литературномъ“ въ Учен. Зап. втор. отд. Акад. Н. III. и *Бестужева-Рюмина* „О составѣ Русскихъ лѣтописей“ въ 4 выпускѣ Лѣтописи занятій Археографической коммиссіи. Послѣдній трудъ представляетъ полный и тщательно составленный сводъ всѣхъ предыдущихъ работъ по этому вопросу.

Извѣстно, что составленіе Повѣсти временныхъ лѣтъ еще въ древней Россіи приписывалось кіевопечерскому иноку Нестору. Это мнѣніе доселѣ оставалось въ нашей исторіографіи; хотя нѣкоторые ученые уже высказывали сомнѣніе въ его справедливости и предположеніе, что начальная лѣтопись вѣроятно принадлежитъ не Нестору, а Сильвестру Выдубецкому. Мы рѣшительно присоединяемся къ послѣднему заключенію.

Вотъ главнѣйшія наши основанія:

1. Несторъ самъ заявляетъ о себѣ въ своихъ произведеніяхъ, именно въ Житіи Бориса и Глѣба и въ Житіи Ѳеодосія Печерскаго, заявляетъ согласно съ обычаемъ того времени въ предисловіи или въ послѣсловіи. Но въ лѣтописи онъ нигдѣ себя не называетъ и нигдѣ этого труда себѣ не приписываетъ. Въ дошедшихъ до насъ спискахъ лѣтописныхъ сводовъ въ заглавіи большею частію говорится: „Се повѣсти временныхъ лѣтъ черноризца Ѳеодосьева монастыря Печерскаго“, и въ одномъ только Хлѣбниковскомъ спискѣ,

относящемся къ XVI вѣку, стоитъ: „Нестора, черноризца Ѳедосьева монастыря“. Но въ древнѣйшемъ спискѣ, Лаврентьевскомъ, совсѣмъ нѣтъ словъ о черноризцѣ Печерскаго монастыря. Очевидно это прибавка позднѣйшая, вставленная подъ вліяніемъ уже сложившагося мнѣнія, что лѣтопись принадлежитъ Нестору. Поводъ къ такому мнѣнію могъ подать инокъ печерскій Поликарпъ, который называетъ Нестора *лѣтописцемъ* въ своемъ посланіи къ Акиндину и въ житіи Никиты Затворника. Поликарпъ писалъ болѣе ста лѣтъ спустя послѣ Сильвестра: онъ или смѣшалъ его трудъ съ произведеніями Нестора, котораго авторская слава была велика особенно между печерскими иноками; или (что вѣроятнѣе) назвалъ послѣдняго лѣтописцемъ по отношенію къ Печерскому монастырю, т. е. къ его Житію Ѳеодосія, которое есть въ то же время начальная лѣтопись этого монастыря.

2. Сличеніе Повѣсти временныхъ лѣтъ съ несомнѣнными произведеніями Нестора, т. е. съ Житіемъ Бориса и Глѣба и съ Житіемъ Ѳеодосія, ясно указываетъ, что первая не могла быть написана тѣмъ же лицомъ: ибо между ними встрѣчаются существенныя разногласія. Напримѣръ, въ лѣтописи при расказѣ о введеніи Студійскаго устава въ Печерскій монастырь сказано, что Ѳеодосій принималъ всякаго приходящаго; „къ нему же и азъ придохъ худый и недостойный рабъ, и пріятъ ми лѣтъ ми сущю 17 отъ рожденія моего“. Между тѣмъ въ Житіи Ѳеодосія Несторъ говоритъ о себѣ: „пріятъ же быхъ игуменомъ Стефаномъ, и яко же отъ того остриженъ бывъ“. Отсюда ясно, что не Несторъ говоритъ о своемъ вступленіи въ монастырь семнадцатилѣтнимъ юношею при Ѳеодосіѣ; да онъ самъ въ Житіи не скрываетъ, что лично не зналъ игумена и писалъ о немъ по расказамъ другихъ. Разнорѣчіе въ расказѣ объ убіеніи Глѣба въ лѣтописи и въ сочиненій Нестора мы уже приводили. (Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ позднѣйшей, не Несторовой, редакціи слѣдуетъ въ этомъ случаѣ лѣтописи). Затѣмъ можно указать на другія, болѣе мелкія, разногласія, каковы: разныя лица, посредствомъ которыхъ Ѳеодосій досталъ Студійскій уставъ, разница въ расказѣ о кончинѣ Ѳеодосія, о назначеніи ему преемника и пр. (Разногласія Нестора съ лѣтописью особенно ярко указаны Казанскимъ въ Отечест. Зап. 1851. Январь).

3. Что начальная лѣтопись составлена игуменомъ Сильвестромъ, о томъ онъ самъ свидѣтельствуетъ по обычаю въ концѣ ея, именно подъ 1110 годомъ: „Игуменъ Сильвестръ святаго Михаила написахъ книги си лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при князѣ Володимірѣ, княжащу ему въ Кіевѣ, а мнѣ въ то время игуменящу у св. Михаила, въ 6624 (1116) индикта 9 лѣта, а иже четъ книги сія, то буди ми въ молитвахъ“. Обыкновенно думали, что Сильвестръ былъ только переписчикомъ Повѣсти и ея продолжателемъ. Несостоятельность такого предположенія вытекаетъ изъ сличенія начала Повѣсти съ приведенною сейчасъ припискою Силь-

вестра. Въ началѣ ея есть хронологическая роспись кіевскихъ князей отъ Олега до смерти Святополка Михаила. Слѣдовательно Повѣсть начата послѣ 1113 года, въ княженіе Мономаха; приписка Сильвестра тоже подтверждаетъ, что онъ написалъ свой лѣтописецъ при Мономахѣ и закончилъ трудъ въ 1116 году. Нѣтъ ни малѣйшаго вѣроятія предположить, что бы въ этотъ короткій промежутокъ времени (1113 — 1116) Несторъ въ Печерскомъ монастырѣ составилъ лѣтопись; а Сильвестръ успѣлъ достать ее и переписать, да еще выдать за собственное произведеніе, ни словомъ не упомянувъ о Несторѣ!

4. Свѣденія, добытыя для Повѣсти отъ весьма разнообразныхъ лицъ, между прочимъ отъ знатнѣйшихъ бояръ и самихъ князей (напримѣръ, договорныя грамоты) и нѣсколько оффиціальный характеръ лѣтописи указываютъ, что она принадлежала не простому, смиренному иноку, а игумену, который былъ вхожъ въ княжій дворецъ, призывался иногда въ княжую думу, участвовалъ въ торжествахъ, посольствахъ и т. п. (Оффиціальный характеръ лѣтописи доказывалъ и самъ главный защитникъ ея мнимой принадлежности Нестору М. П. Погодинъ. См. его Изслѣдд. и лекціи. IV. стр. 7). Что лѣтопись предпринята была игуменомъ Выдубецкаго монастыря и при поощреніи самимъ Мономахомъ, естественно вытекаетъ изъ близкихъ отношеній этого монастыря къ своему благодѣтелю Всеволоду и его потомству. И дѣйствительно, Повѣсть, послѣ знаменитой Печерской обители, слѣдитъ за главными событіями Выдубецкаго монастыря болѣе чѣмъ за какимъ либо другимъ. Особенно хвалебный тонъ лѣтописи ко всему, касающемуся Владиміра Мономаха, а также помѣщеніе его письма къ Олегу и Поученія дѣтямъ несомнѣнно указываютъ на личныя отношенія лѣтописца къ этому князю и на покровительство послѣдняго; что подтверждается и послѣдовавшимъ вскорѣ послѣ лѣтописнаго труда назначеніемъ Сильвестра епископомъ въ родной Мономаху Переяславль.

5. Рядомъ съ мнѣніемъ, которое приписывало лѣтопись Нестору, въ древней Россіи сохранялось и другое мнѣніе: что начальная лѣтопись принадлежала Сильвестру. Вмѣстѣ съ тѣмъ видимъ и намекъ на отношеніе этого труда къ Мономаху; можетъ быть, намекъ этотъ подкрѣплялся тогда какими либо лѣтописными или другими указаніями, до насъ недошедшими. А именно, въ Никонов. сводѣ подъ 1409 г. читаемъ: „И первіи наши властодержцы безъ гнѣва повелѣвающи вся добрая и не добрая прилучившаяся написовати, да и прочія на нихъ образы явлени будутъ, якоже при Володимери Мономасе оного великаго Селиверста Выдубецкаго не украшая пишущаго, да аще хощеши прочти тамо прилежно".

Послѣ вопроса о сочинителѣ Повѣсти важенъ вопросъ объ ея источникахъ. Въ этомъ отношеніи господствуетъ мнѣніе, что лѣтописецъ пользовался нѣкоторыми сказаніями и повѣстами, будто бы написанными еще до него. Внесъ ли эти сказанія самъ начальный лѣ-

тописецъ или они внесены въ лѣтопись позднѣе, о томъ существуютъ разныя предположенія ученыхъ; ибо начальная лѣтопись не дошла до насъ въ своемъ первобытномъ видѣ, а дошла съ сокращеніями, вставками и искаженіями, которыя дѣлали въ ней позднѣйшіе списатели и составители сводовъ. Не отвергая позднѣйшихъ вставокъ, я нахожу, что мнѣніе какъ объ нихъ, такъ и о повѣстяхъ, которыми будто бы пользовался сочинитель лѣтописи, преувеличено. Напримѣръ, находящійся въ ней расказъ объ ослѣпленіи Василька считается отдѣльнымъ сказаніемъ, которое было написано какимъ то Василіемъ. Это предположеніе основывается на словахъ лѣтописи: „Васильковн же сущю Володимери, и мнѣ ту сущю, присла по мя князь Давыдъ, и рече: Василю, шлю тя, иди къ Василкови, тезу своему" и т. д. Здѣсь раскащикъ называетъ себя Василіемъ. Но дѣйствительно ли отсюда слѣдуетъ, что была особая Повѣсть объ ослѣпленіи Василька, написанная какимъ то Василіемъ и вставленная въ лѣтопись? Полагаю, что нѣтъ. Во первыхъ, расказъ о Василькѣ тѣсно слитъ со всѣмъ остальнымъ, и невозможно найти, гдѣ начало, гдѣ конецъ этой будто бы вставленной повѣсти. Во вторыхъ, если сличимъ съ другими расказами очевидцевъ, на которыхъ ссылается Сильвестръ, то увидимъ, что онъ нерѣдко сохраняетъ тонъ раскащика и говоритъ отъ его имени въ первомъ лицѣ. Такъ подъ 1071 годомъ онъ передаетъ извѣстіе о волхвахъ, съ которыми имѣлъ дѣло Янъ Вышатичъ въ Суздальской землѣ. Очевидно все это онъ слышалъ отъ самого Яна, хотя и говоритъ о немъ здѣсь въ третьемъ лицѣ. Но подъ 1096 г. передаетъ расказъ новогородца Гюряты Роговича о диковинахъ въ Югрѣ и ведетъ этотъ расказъ уже въ первомъ лицѣ. Не укажи онъ прямо на разговоръ свой съ Гюрятою, и это извѣстіе можно бы почесть такою же вставкою или отдѣльнымъ письменнымъ сказаніемъ какъ и ослѣпленіе Василька. Очевидно никакой особой писанной повѣсти объ этомъ ослѣпленіи не существовало во время лѣтописца; а послѣдній просто передаетъ нѣкоторыя подробности изъ своихъ распросовъ какого-то Василія, который по порученію Давида Игоревича велъ переговоры съ Василькомъ, сидѣвшимъ въ темницѣ. Припомнимъ, что Василько Ростиславичъ послѣ Любецкаго съѣзда, проѣзжая мимо Кіева, остановился у Выдубецкаго монастыря и пріѣхалъ въ этотъ монастырь поклониться Св. Михаилу; здѣсь и ужиналъ; послѣ того, не заѣзжая въ Кіевъ, хотѣлъ продолжать путь, когда его заманилъ къ себѣ Святополкъ. Безъ сомнѣнія у Василька были какія то особенно дружескія связи съ Выдубецкимъ монастыремъ, и отсюда понятно, почему игуменъ этого монастыря Сильвестръ съ такими подробностями и такимъ участіемъ передаетъ бѣдствіе, постигшее князя. Подъ 1114 годомъ записанъ еще расказъ о сѣверныхъ диковинахъ, начинающійся словами: „Пришедшю ми въ Ладогу, повѣдаша ми Ладожане". Эти слова не означаютъ непремѣнно, чтобы лѣтописецъ самъ ходилъ въ Ладогу или что это извѣстіе есть позднѣйшая вставка. Лѣтописецъ вѣроятно и здѣсь ведетъ повѣствованіе отъ имени лица, которое ему

расказывало и которое ссылается какъ на свидѣтеля на Павла, ладожскаго посадника; а этотъ Павелъ былъ современникъ Сильвестра.

Что касается до виднаго мѣста, отведеннаго въ Повѣсти временныхъ лѣтъ начальной исторіи Кіевопечерской обители и дѣятельности Ѳеодосія, оно объясняется прежде всего великимъ значеніемъ и великою славою, которыми въ то время пользовалась эта обитель, и особенно тѣмъ сильнымъ, еще живымъ впечатлѣніемъ, которое оставилъ послѣ себя Ѳеодосій. Подробности, сюда относящіяся и приводимыя иногда въ первомъ лицѣ, точно также могли быть записаны Сильвестромъ прямо со словъ нѣкоторыхъ печерскихъ иноковъ. Весьма возможно, что подробности эти, покрайней мѣрѣ отчасти, принадлежатъ лично самому Сильвестру; ибо ничто не мѣшаетъ предположить, что онъ самъ былъ прежде инокомъ Печерскаго монастыря. Извѣстно, что многіе игумены и епископы того времени начали свое иноческое поприще именно въ Печерской обители. (Симонъ въ посланіи къ Поликарпу говоритъ, что число такихъ епископовъ было болѣе 30; между тѣмъ какъ источники поименно назвали только половину этого числа). Можетъ быть къ самому Сильвестру относятся извѣстныя слова: „къ нему же и азъ придохъ худый... и пріятъ мя лѣтъ ми сущю 17". А также: „Азъ же грѣшный твой рабъ и ученикъ не доумѣю, чимъ похвалити добраго твоего житія и воздержанія". Или: „Молися за мя, отче честный, избывшему быти отъ сѣти непріязнены и отъ противника врага соблюди мя твоими молитвами". Вообще дѣятельность Ѳеодосія въ томъ видѣ, въ какомъ она сообщена лѣтописью, по нѣкоторымъ признакамъ описана лицомъ знавшимъ его лично, однимъ изъ его учениковъ, но описана нѣсколько иначе, чѣмъ въ Житіи, которое принадлежитъ Нестору. Едвали нужно предполагать, что въ Повѣсть временныхъ лѣтъ вошли мѣста изъ какой то еще неизвѣстной намъ лѣтописи Печерскаго монастыря; все это могъ написать самъ Сильвестръ, отчасти по собственной памяти, отчасти по расказамъ другихъ иноковъ.

Точно также не вѣроятно и предположеніе нѣкоторыхъ ученыхъ, занимавшихся вопросомъ о лѣтописи, будто авторъ ея имѣлъ въ числѣ своихъ источниковъ сочиненія Іакова Мниха, именно Житіе Владиміра и Житіе Бориса и Глѣба. Мы уже замѣтили, что эти сочиненія несправедливо приписываются тому Іакову Мниху, который написалъ Похвалу Владиміру, и что онѣ принадлежатъ позднѣйшему времени. Сходство ихъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ съ лѣтописью объясняется заимствованіями изъ послѣдней, а не наоборотъ. Вопросъ о томъ, до какого года Сильвестръ довелъ свою Повѣсть, также рѣшали гадательно. Помянутая его приписка 1116 года приведена въ Лаврентьевскомъ спискѣ подъ 1110 г. Но отсюда еще нельзя утверждать, что онъ закончилъ свою лѣтопись именно 1110 годомъ. Онъ можетъ быть велъ ее до самаго 1116 года; а приписка его позднѣйшими списателями и продолжателями поставлена не на своемъ мѣстѣ, подобно Поученію Мономаха, которое встрѣчается въ Лаврентьевскомъ

спискѣ (гдѣ оно только и сохранилось) подъ 1096 годомъ, хотя написано несомнѣнно позднѣе. Въ какомъ именно году написано это Поученіе, неизвѣстно; судя по нѣкоторымъ признакамъ не ранѣе 1118 года. Погодинъ доказывалъ, что первоначально оно сочинено въ 1099 году, а позднѣе слегка дополнено (Извѣстія 2-го Отд. Акад. Н. X). Не рѣшая вопроса, думаемъ, что Сильвестръ, по желанію или соизволенію Мономаха могъ прибавить Поученіе къ своей Повѣсти временныхъ лѣтъ и послѣ ея окончанія. Да и самая эта Повѣсть вѣроятно имѣла въ виду сыновей и внуковъ великаго князя. Что въ Лаврентьевскомъ сводѣ приписка Сильвестра могла быть поставлена не на своемъ мѣстѣ, доказываетъ Никоновскій сводъ, гдѣ таже приписка, только болѣе распространенная, встрѣчается именно подъ 1116 годомъ. Третье перенесеніе мощей Бориса и Глѣба, записанное подъ 1115 годомъ, судя по тону и обстоятельному расказу (Ипат. списокъ), едва ли не принадлежитъ Сильвестру, который тутъ же упоминается въ числѣ игуменовъ, присутствовавшихъ на торжествѣ.

Съ вопросомъ о начальной Русской лѣтописи тѣсно связанъ вопросъ о происхожденіи Русскаго государства. Сличеніе всѣхъ существующихъ списковъ лѣтописи, а также польскихъ хроникъ, которые пользовались русскими лѣтописями, приводитъ къ слѣдующему выводу: въ Повѣсть временныхъ лѣтъ уже была внесена басня о призваніи Варяговъ; но при этомъ еще не смѣшивалась Русь съ Варягами. Въ послѣднемъ особенно убѣждаютъ меня Длугошъ и Стрыйковскій, которые могли пользоваться списками русской лѣтописи болѣе древними, чѣмъ сохранившіеся до нашего времени. (Послѣдніе восходятъ неранѣе какъ ко второй половинѣ XIV вѣка, именно Лаврент. списокъ). Мое мнѣніе подтверждается свидѣтельствомъ краткой хронографіи, написанной въ Новгородѣ въ концѣ XIII вѣка и извѣстной подъ именемъ „Лѣтописца патріарха Никифора“ (Рукоп. Моск. Синод. библіотеки подъ № 132). Здѣсь сказано: „придоша Русь, Чудь, Славяне, Кривичи къ Варягомъ, рѣша“ и пр. У Татищева въ I томѣ помѣщенъ отрывокъ изъ лѣтописи, которую онъ неосновательно приписываетъ Іоакиму, первому новогородскому епископу. Эта лѣтопись есть очевидно реторическое произведеніе позднѣйшаго времени; но, по справедливому замѣчанію С. М. Соловьева, составитель ея безъ сомнѣнія пользовался начальною Новогородскою лѣтописью, которая до насъ не дошла (Истор. Россіи. III. 140). Въ этой такъ наз. Якимовской лѣтописи расказывается басня о новогородскомъ старѣйшинѣ Гостомыслѣ и его трехъ дочеряхъ, изъ которыхъ младшая сдѣлалась женою старшаго изъ трехъ призванныхъ варяговъ, Рюрика. Тутъ также не смѣшивается Русь съ Варягами: Варяговъ на ряду съ другими племенами призываетъ Русь. (Подробнѣе эти соображенія въ моей статьѣ „Еще о норманизмѣ“).

Вопросъ о Варягахъ и Руси породилъ обильную литературу въ нашей исторіографіи и филологіи. Назовемъ наиболѣе замѣчательные труды и мнѣнія. Скандинавское происхожденіе Руси доказывали, во пер-

выхъ, члены Петербургской Академіи Наукъ прошлаго столѣтія *Байеръ* (De Varagis и Origines Russicae въ Comment. Academiae Pet. IV и VIII), *Миллеръ* (Origines gentis et nominis Russorum), *Стриттеръ* (Memoriae populorum и Исторія Россійская) и *Шлецеръ* (Nestor), кромѣ того *Струве* (Dissertations sur les anciens Russes. 1785) и *Тунманъ* (Untersuchungen. 1772—1774); а въ настоящемъ столѣтіи: *Лербергъ* (Изслѣдованія, въ переводѣ Языкова. Спб. 1819), *Френъ* (Ibn—Foszlan, Спб. 1823), *Бутковъ* (Оборона Лѣтописи, Спб. 1840), *Погодинъ* (Изслѣдованія и Лекціи М. 1846. т. II), *Куникъ* (Die Berufung der Schwedischen Rodsen Спб. 1844—1845, О запискѣ Готскаго топарха въ Зап. Ак. Н. XXIV и Каспій-Дорпа. Спб. 1875), *Кругъ* (Forschungen. Спб. 1848), *Крузе* (Chronicon Nortmanorum. Dorpat 1851). Тоже мнѣніе поддерживали русскіе исторіографы Карамзинъ, Арцыбашевъ, Полевой, Устряловъ и Соловьевъ; а также Штраль (Geschichte des Russischen Staates).

Противники Скандинавской теоріи:

Ломоносовъ (Древняя Рус. Исторія. Спб. 1766), который выводилъ Вараговъ съ южнаго Балтійскаго поморья; *Татищевъ* (Исторія) и *Болтинъ* (Примѣчанія къ исторіи Щербатова. Спб. 1798) производили ихъ изъ Финляндіи. (Сюда же примыкаетъ въ послѣднее время г. Щегловъ съ своей теоріей Волжско-Финской Руси). *Эверсъ* (Vom Ursprunge des Russischen Staats. Riga-Leip. 1808. и Kritische Vorarbeitungen. Dorpat. 1814) производилъ Варяговъ-Русь изъ Казаріи; *Нейманъ* (Ueber die Wonsitze der ältesten Rossen. Dorpat. 1825) выводилъ ихъ съ береговъ Чернаго моря. *Брунъ* (Зап. Акад. Н. т. XXIV. кн. I) ведетъ ихъ отъ древнихъ Готовъ, принадлежа впрочемъ къ Норманской школѣ; *Юргевичъ* (Зап. Одес. Об. И. и Др. VI) считаетъ Руссовъ Угорскимъ племенемъ; а *Костомаровъ* предложилъ Литовскую теорію ихъ происхожденія (Соврем. 1860. № I.), но въ послѣдствіи добросовѣстно оставилъ ее, и расказъ о призваніи Варяжскихъ князей призналъ баснею (Вѣст. Европы 1873. Январь). Наиболѣе многочисленную группу противниковъ Норманской школы образуютъ ученые, выводившіе Варяго-руссовъ отъ Балтійскихъ Славянъ, отчасти примыкающіе къ Славяно-прусской теоріи Ломоносова; таковы: Максимовичъ (Откуда идетъ Русская земля. К. 1837), *Венелинъ* (Скандинавоманія. М. 1842), *Морошкинъ* (Изслѣдованія о Руссахъ и Славянахъ. 1842), *Савельевъ* (Сынъ Отеч. 1848), *Ламанскій* (Славяне въ Мал. Азіи, Африкѣ и Испаніи. Спб. 1859), *Котляревскій* (О погребальныхъ обычаяхъ у Славянъ М. 1868. и Древности Балтійскихъ Славянъ. Прага 1874). Наиболѣе сильные удары, послѣ ученаго и остроумнаго Эверса, нанесъ Норманской школѣ *Гедеоновъ* (Отрывки изъ изслѣдованій о Варяжскомъ вопросѣ. Зап. Акад. Н. т. I. кн. 2, т. II кн. 2 и т. III. кн. I); по своимъ выводамъ онъ примыкаетъ съ одной стороны къ Славяно-Балтійской школѣ, а съ другой къ теоріи Эверса о Хазар-

скомъ вліяніи на происхожденіе Русскаго государства. Нѣсколько дѣльныхъ возраженій противъ Норманской школы на основаніи арабскихъ извѣстій представляютъ *Хвольсонъ* (Извѣстія о Славянахъ и Руссахъ. Спб. 1869) и *Гаркави* (Сказанія мусум. писателей о Славянахъ и Русскихъ. Спб. 1870). Но всѣ труды помянутыхъ ученыхъ не могли разрушить Норманскую теорію, потому что исходнымъ пунктомъ своихъ изслѣдованій они полагали водвореніе на Руси варяжскихъ князей, т. е. оставляли безъ достаточной критики самое сказаніе нашей лѣтописи о призваніи Варяговъ. (Доказательства противъ достовѣрности этого сказанія представлены мною въ изслѣдд: „О мнимомъ призваніи Варяговъ", „Еще о Норманизмѣ" и пр.).

[60]) Хожденіе Даніила Паломника издано Сахаровымъ въ первой части „Путешествій Русскихъ людей въ чужія земли", 1837, и А. С. Норовымъ—Pelerinage en terre sainte de l'igouméne russe Daniel. S. Petersb. 1864.

[61]) Русская Правда дошла до насъ по многимъ спискамъ. Она различается по двумъ главнымъ редакціямъ: краткая, которая восходитъ къ XI вѣку, и пространная, относящаяся къ XIII. Открытіе этого памятника принадлежитъ Татищеву, который нашелъ его въ одной рукописи XV вѣка, заключавшей въ себѣ Новгородскую лѣтопись. Впервые издалъ ее Шлёцеръ въ 1767 г. съ той же рукописи. Но древнѣйшій списокъ Правды найденъ въ Кормчей книгѣ, въ рукописи XIII вѣка, которая хранится въ Московской Синодальной библіотекѣ. Съ этого списка Правда издана Обществомъ Ист. и Др. въ Русскихъ Достопамятностяхъ ч. I. 1815 г. Вообще Русская Правда издавалась нѣсколько разъ и по разнымъ спискамъ. Замѣчательны особенно ея изданія въ Рус. Дост. ч. II. 1843 г. съ объясненіями *Д. Дубенскаго* и „Текстъ Русской Правды" М. 1846. *Н. В. Калачева*. Въ томъ же 1846 г. вышло превосходное изслѣдованіе Калачева подъ заглавіемъ „Предварительныя юридическія свѣденія для полнаго объясненія Русской Правды". Здѣсь разсмотрѣны и оцѣнены всѣ предыдущіе труды по этому памятнику законодательства и представленъ сводный текстъ разныхъ редакцій. (Только вслѣдъ за Карамзинымъ, Погодинымъ и др. неправильно отнесенъ къ Ярославу I Уставъ о мостовыхъ въ Новгородѣ, въ нѣкоторыхъ спискахъ включенный въ Русскую Правду. Этотъ Уставъ несомнѣнно принадлежитъ времени позднѣйшему). Вопросъ о Русской Правдѣ имѣетъ значительную литературу. О ней разсуждаютъ Карамзинъ въ своемъ великомъ трудѣ; потомъ Эверсъ въ своихъ Kritische Vorarbeit. zur Geschichte der Russen. Dorp. 1814 (русскій переводъ Погодина) и Das aelteste Recht der Russen. Dorp. et Hamb. 1826 (русскій переводъ Платонова), Нейманъ—Studien zür gründlichen Kentniss der Vorzeit Russlands. Dorp. 1830, Розенкампфъ въ своемъ „Обозрѣніи Кормчей книги", Неволинъ въ своей „Энциклопедіи Законовѣденія", Погодинъ въ „Изслѣдд. и Лекціяхъ" т. III. Послѣдній ученый, какъ ревностный поборникъ Нор-

манской теоріи, видѣлъ въ Русской Правдѣ заимствованія изъ Скандинавскихъ законовъ, хотя, помимо общаго индоевропейскаго происхожденія, сходство въ юридическихъ понятіяхъ и обычаяхъ встрѣчается у самыхъ разнообразныхъ народовъ, стоящихъ на извѣстной степени развитія. Изъ трудовъ, спеціально посвященныхъ Русской Правдѣ, укажемъ еще на сочиненія: *Тобина* Prawda Russkaja. S. Petersb. 1844. *А. Попова* „Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву". М. 1841. *Н. Ланге* „Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды" (въ Архивѣ Калачева 1859. № I). *Леонтовича* „Русская Правда и Литовскій Статутъ (Кіевск. Университ. Извѣст. 1865) и *Дювернуа* „Источники права и судъ въ древней Россіи. М. 1869. Русская Правда издана еще въ Полн. Собр. Рус. лѣтоп. т. VI. вмѣстѣ съ славянскимъ текстомъ такъ наз. *Закона суднаго*, представляющаго извлеченіе изъ греческихъ узаконеній и несправедливо приписаннаго императору Константину В.; о чемъ см. у барона Розенкампфа въ Обозрѣніи Кормчей изд. 2-е стр. 101 и далѣе. Кромѣ того текстъ Русской Правды перепечатанъ въ „Собраніи важнѣйшихъ памятниковъ по исторіи древняго Русскаго права" Лазаревскимъ и Утинымъ, съ трехъ разныхъ списковъ, Спб. 1859, и въ „Хрестоматіи по исторіи Русскаго права" Владимірскимъ—Будановымъ, Ярославль 1872, по двумъ спискамъ, съ примѣчаніями и указаніемъ на литературу предмета.

Правдоподобныя соображенія о томъ, что загадочные Колбяги суть тоже, что Черные Клобуки или вообще юговосточные инородцы см. въ упомянутомъ изслѣдованіи Ланге (79 стр.). Это мнѣніе подтверждаютъ и нѣкоторые византійскіе хризовулы XI вѣка, въ которыхъ перечисляются разные наемные отряды на византійской службѣ. Рядомъ съ Варангами, Руссами, Саракинами и пр. тутъ упоминаются иногда *Кулпинги* (См. Sathas—Bibliotheca Graeca. I. 55 и 64.). Эти Кулпинги или Кулпяги конечно представляютъ отряды изъ степныхъ народовъ Южной Россіи.

Русская Правда представляетъ и еще нѣкоторыя не совсѣмъ опредѣленныя состоянія или классы населенія; таковы *огнищане* и *изгои*. Первыхъ правдоподобно объясняютъ словомъ *огнище*, т. е. очагъ, подъ которымъ тутъ разумѣется собственно княжій дворъ, и огнищане суть тѣже „княжіе мужи" или то, что впослѣдствіи называлось *дворяне*. (Ланге. 55). Относительно изгоевъ были выражены разнообразныя мнѣнія. Уставъ князя Всеволода о церковныхъ судахъ въ Новгородѣ и Псковѣ такимъ образомъ опредѣляетъ изгойство „Изгои трои: поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ, холопъ изъ холопства выкупится, купецъ одолжаетъ; а се четвертое изгойство и себѣ приложимъ, аще князь осиротѣетъ". Сравнивая съ другими упоминаніями объ изгояхъ, можно заключить, что вообще изгоями назывались люди измѣнившіе свое прежнее состояніе, въ особенности осиротѣвшіе, обнищавшіе.

Что касается до судебныхъ поединковъ, то они восходятъ къ

глубокой древности, ко временамъ Скиѳскимъ. Еще по извѣстію Геродота Царскіе Скиѳы рѣшали свои распри единоборствомъ въ присутствіи своего царя. Царь выдавалъ побѣжденнаго на волю побѣдителя; послѣдній отрубалъ голову своему противнику и изъ черепа его дѣлалъ застольную чашу. Безъ сомнѣнія Сарматы — Русь, родственные по племени Царскимъ Скиѳамъ, имѣли тотъ же обычай; онъ впослѣдствіи смягчился, особенно во времена христіанскія; но соединенное съ нимъ выраженіе осталось до позднѣйшихъ временъ (*выдача головою*). Что языческая Русь часто прибѣгала къ судебному поединку, о томъ имѣемъ два свидѣтельства, независимыя другъ отъ друга и оба принадлежащія X вѣку. Левъ Діаконъ: „Тавроскиѳы еще и нынѣ имѣютъ обыкновеніе рѣшать свои распри убійствомъ и кровію", (93 стр. русс. перевода). Ибнъ Даста: „Если обѣ стороны приговоромъ царя недовольны, то по его приказанію должны предоставить окончательное рѣшеніе оружію; чей мечь острѣе, тотъ и одерживаетъ верхъ. На борьбу эту родственники приходятъ вооруженными и становятся. Тогда соперники вступаютъ въ бой, и побѣдитель можетъ требовать отъ побѣжденнаго, чего хочетъ". (Хвольсонъ. 38). Такъ какъ тотъ же обычай впослѣдствіи встрѣчается подъ именемъ *поля* въ договорѣ Смоленска съ Нѣмцами 1229 г., въ Псковской судной грамотѣ и въ судебникахъ Ивана III и Ивана IV, то ясно что онъ не прекращался и во время Правды. (См. также статью Лохвицкаго „Значеніе божьихъ судовъ по Русскому праву" въ Отеч. Зап. 1857 г. кн. VI).

63) „Обозрѣніе Кормчей книги въ историческомъ видѣ" барона Розенкампфа (Второе, дополненное изданіе. Спб. 1839). „Первоначальный Славянорусскій Номоканонъ" (К. 1869) и „Номоканонъ при большомъ требникѣ" (Од. 1872)—проф. Павлова. Церковный уставъ Владиміра подвергался сомнѣнію со стороны своей подлинности. Напр. Карамзинъ указывалъ въ немъ слѣдующую невѣрность: Владиміръ говоритъ, будто бы онъ принялъ крещеніе отъ патріарха Фотія (вмѣсто Николая Хризоверга); тогда какъ Фотій жилъ столѣтіемъ ранѣе. Но неточности были конечно внесены въ уставъ позднѣйшими списателями; точно также различія въ дошедшихъ до насъ спискахъ устава произошли отъ позднѣйшихъ дополненій къ нему. Подлинность его въ особенности доказалъ преосв. Макарій въ своей „Исторіи Русской церкви" т. I. Онъ предлагаетъ здѣсь списки устава по разнымъ редакціямъ. Точно также пр. Макарій защищаетъ и подлинность устава Ярославова, во II томѣ своей Исторіи. Кромѣ Макарія уставы Владиміра и Ярослава были издаваемы Лепехинымъ въ его „Дневныхъ запискахъ путешествія", ч. III, Новиковымъ въ Древней Вивліоѳикѣ ч. VI и въ ея продолженіи. Ч. III, Калачевымъ въ его сочиненіи „О значеніи Кормчей", М. 1850, въ Полн. Собр. Рус. Лѣтоп. т. VI, въ дополненіяхъ къ Актамъ Историч. I. № 1, въ Актахъ относящихся къ Запад. Рос. т. I. № 166, и также Лазаревскимъ—Утинымъ и Владимірскимъ—Будановымъ въ ихъ

Хрестоматіяхъ по Русс. праву и проф. Аристовымъ въ его Хрестоматіи по Русской исторіи. Изслѣдованія о нихъ см. у митроп. Евгенія въ его „Описаніи Кіевософійскаго собора“ К. 1825, у Рейца—Опытъ исторіи Росс. законовъ, Погодина—Изслѣдд. и лекціи т. I. и Неволина—О пространствѣ церковн. суда въ Россіи до Петра В. (Собр. соч. т. VI).

[63]) Въ *Очеркахъ Мордвы* г. Мельникова (Рус. Вѣст. 1867. № 9) находимъ черту, которая можетъ служить нѣкоторымъ объясненіемъ лѣтописнаго расказа о волхвахъ, дѣлавшихъ надрѣзы у женщинъ за плечами и какъ бы вынимавшихъ оттуда съѣстные припасы. Когда Мордва готовится совершить служеніе и жертвоприношеніе своимъ богамъ, то особо выбранные для того люди ходятъ по деревнѣ и собираютъ жертвенные припасы. Въ каждомъ домѣ замужнія женщины, обнаживъ плечи, закидываютъ за нихъ суму съ мукой или другимъ припасомъ, держа ее за тесемки. Собиратель, читая извѣстную молитву, жертвеннымъ ножемъ слегка колетъ обнаженныя плечи и спину женщины, потомъ перерѣзываетъ тесемки, и сума падаетъ въ подставленную для того священную кадку. Г. Мельниковъ находитъ много общихъ чертъ въ языческихъ обрядахъ чудскихъ и русскихъ; что весьма естественно при исконномъ сосѣдствѣ, обоюдномъ вліяніи и перекрещеніи Славянъ и Финновъ. Онъ также приводитъ одно мордовское преданіе о сотвореніи человѣка Чамъ-Пасомъ (верховнымъ божествомъ) и Шайтаномъ (злымъ духомъ), весьма похожее на то ученіе, которое волхвы излагали Яну Вышатичу (ibid. 230 стр.).

[64]) П. С. Р. Л. Объ отказѣ полоцкихъ князей идти на Половцевъ свидѣтельствуетъ Ипатьевскій списокъ подъ 1140 г. и Татищевъ (II. 240); а объ ихъ подвигахъ въ греческой службѣ только этотъ послѣдній. Въ „Путешествіи новогородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ“ въ концѣ XII вѣка упоминается княгиня Ксенія, супруга Брячислава, погребенная въ одной изъ Цареградскихъ церквей на другой сторонѣ Золотаго Рога, т. е. въ Галатѣ (стр. 50 и 167). Это извѣстіе подтверждаетъ пребываніе полоцкихъ князей съ ихъ семействами въ столицѣ Византійской имперіи. Упомянутая Ксенія вѣроятно была внучка Мономаха, дочь Мстислава, супруга Брячислава Борисовича, одного изъ внуковъ знаменитаго Всеслава Полоцкаго.

[65]) Дополненіе къ Актамъ Историч. I. № 2. Въ числѣ пожалованныхъ великимъ княземъ доходовъ тутъ упоминается *осеннее полюдіе даровное* въ *полтретьядесятъ* (т. е. 25) *гривенъ*. Митрополитъ Евгеній составилъ археологическія примѣчанія къ этой грамотѣ (Труды Общ. Исторіи и Древн. Россійскихъ. Часть III. кн. I.). Относительно серебрянаго блюда, пожалованнаго Всеволодомъ, любопытно выраженіе грамоты: „велѣлъ есмь бити въ ніе на обѣдѣ, коли игуменъ обѣдаетъ“. Митроп. Евгеній объясняетъ это слѣдующимъ обычаемъ общежительныхъ монастырей: во время тра-

пезы, когда нужно перемѣнять кушанье, то настоятель, чтобы не нарушить безмолвія, стучитъ въ предстоящее передъ нимъ блюдо или чашу или колокольчикъ. Пергаменный подлинникъ этой грамоты съ серебряною позолоченою печатью хранится въ Новогород. Юрьевѣ монастырѣ.

Памятникомъ Мстиславова княженія въ Новгородѣ Великомъ служитъ еще Евангеліе въ дорогомъ окладѣ. Мстиславъ построилъ церковь Благовѣщенія на Городищѣ (загородный дворъ Новогородскихъ князей), и для этой церкви заказалъ написать евангеліе; что и было исполнено сыномъ пресвитера Алексою Лазаревымъ. Желая украсить его какъ можно богаче, князь посылалъ его съ какимъ то Неславомъ въ Царьградъ, гдѣ переплетъ евангелія и былъ украшенъ золотымъ и серебрянымъ окладомъ съ дорогими камнями и финифтяными иконными изображеніями. Свѣденія эти получаются на основаніи приписокъ или послѣсловія къ самому Евангелію. Въ настоящее время оно хранится въ Москов. Архангельскомъ соборѣ. Извѣстный археологъ Филимоновъ тщательнымъ изслѣдованіемъ доказалъ, что настоящій окладъ не принадлежитъ времени Мстислава; что отъ послѣдняго сохранилось только нѣсколько украшеній, а остальное относится къ позднѣйшему времени, преимущественно къ его обновленію въ XVI вѣкѣ („Окладъ Мстиславова евангелія“ въ Чтен. Об. И. и Др. 1860. № 4). Вмѣстѣ съ Остроміровымъ Евангеліемъ и Сборникомъ Святослава Мстиславово Евангеліе составляетъ наиболѣе драгоцѣнный памятникъ древнѣйшей русской письменности. (Остромірово Евангеліе хранится въ Петербургской Император. Публич. Библіотекѣ, а Святославовъ Сборникъ въ Москов. Синодальной библіотекѣ).

[66]) П. С. Р. Л. См. лѣтописи Новгородскія и Никоновскую.

[67]) Борьба эта обстоятельнѣе другихъ изложена въ Ипатьевскомъ спискѣ лѣтописи.

[68]) П. С. Р. Л. Своды Ипатьевскій, Лаврентьевскій и Никоновскій. Наиболѣе основательное сужденіе о томъ, что по вопросу, о митрополіи высказалось національное стремленіе Изяслава II къ ослабленію политическаго вліянія Византіи, дѣйствовавшей при посредствѣ іерархіи, принадлежитъ преосв. Макарію. См. его „Исторію Русс. церкви“ т. III. гл. I.

[69]) Несовсѣмъ ясно извѣстіе лѣтописи, почему ополченіе князей два года сряду останавливалось у Канева, далеко не доходя до пороговъ, гдѣ была главная опасность купеческимъ караванамъ. Вѣроятно князья высылали впередъ отряды для сопровожденія купцовъ; а сами въ тоже время угрожали всѣми силами ударить на половецкія вежи въ случаѣ нарушенія договорной клятвы со стороны хановъ и ихъ покушенія разграбить караванъ.

[70]) Украшенное сказаніе о молитвѣ архіепископа, объ иконѣ Богородицы, вынесенной на городскую стѣну и уязвленной Суздальскою

стрѣлою, находится въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ сводахъ, напр. въ Никоновскомъ и Тверскомъ. Время этихъ событій въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ обозначено невѣрно; такъ хронологія Ипатьевскаго списка уходитъ на два и даже на три года впередъ. Назначая 1169 годъ, мы слѣдуемъ показаніямъ Лаврентьевскаго списка и Новгородскихъ лѣтописей.

71) Лѣтопись по Ипат. списку. О какомъ живомъ огнѣ говорится здѣсь, неизвѣстно. Достовѣрно однако, что въ эту эпоху на востокѣ, именно у Сарацинъ и Турокъ, существовалъ какой то огнеметательный снарядъ, который они употребляли въ войнахъ съ Крестоносцами. Можетъ быть это было нѣчто подобное греческому или такъ наз. мидійскому огню.

72) Наиболѣе обстоятельный расказъ о походѣ, плѣнѣ и освобожденіи Игоря Святославича находится въ Ипатьевскомъ спискѣ. При изложеніи событія мы заимствовали нѣкоторыя черты изъ поэмы, принадлежащей неизвѣстному русскому пѣвцу конца XII вѣка, изображающей судьбу того же похода подъ заглавіемъ *Слово о Полку Игоревѣ*. „Полкъ" употреблялся тогда въ значеніи воинства, а равно и битвы, войны, рати. Это замѣчательное поэтическое произведеніе древней Руси найдено было въ концѣ прошлаго вѣка собирателемъ отечественныхъ рѣдкостей графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ въ одномъ старинномъ сборникѣ, и впервые издано въ 1800 году. Подлинникъ его сгорѣлъ въ Московскомъ пожарѣ 1812 г. Это Слово породило обширную литературу, состоящую изъ многочисленныхъ его изданій, толкованій и переложеній, какъ прозаическихъ, такъ и стихотворныхъ. Таковы изданія: Палицина 1807 г. Пожарскаго 1819, Граматина 1823, Сахарова 1839, Головина 1846 и др. Наиболѣе замѣчательныя изданія, снабженныя критическими толкованіями, это: Дубенскаго (*Русс. Достопамят*. Часть 3-я. М. 1844), Тихонравова („Слово о П. Игоревѣ"—для учащихся. М. 1866) и особенно кн. Вяземскаго („Замѣчанія на Слово о П. Игоревѣ". Спб. 1875). Любопытно также нѣсколько объясненій Слова у Шевырева въ *Исторіи Русс. Словесности* (Т. I. Ч. 2-я М. 1846) и Буслаева—„Русская поэзія XI и начала XII вѣка" (*Лѣтописи Русс. Литературы*—изданіе проф. Тихонравова. Т. I М. 1859). Изъ поэтическихъ переложеній укажу въ особенности на трудъ Майкова (въ 3-й части собранія его стихотвореній).

Относительно рѣки Каялы, на берегахъ которой происходила главная битва по Слову о П. И. и по Ипат. списку, въ настоящее время трудно опредѣлить, какая это именно рѣка. Карамзинъ считалъ ее Кагальникомъ, который впадаетъ въ Донъ съ правой стороны, повыше Донца. Но это пока гадательное предположеніе. По нѣкоторымъ обстоятельствамъ можно думать, что главная битва происходила гдѣ то ближе къ Азовскому морю или къ Лукоморью, какъ его въ лѣтописи называютъ Сѣверскіе князья.

73) Ипатьевскій списокъ, упоминающій объ этомъ случаѣ, не го-

воритъ, за какого именно царевича Святославъ выдавалъ свою внучку. Можетъ быть, рѣчь идетъ о царевичѣ, о которомъ Новогородская лѣтопись упоминаетъ подъ 1186 г: „Томъ же лѣтѣ приде царь грецьскыи Алекса Мануиловицъ въ Новгородъ“. (А въ такъ наз. Псковской первой лѣтописи: „царь греческій Александръ“). Чей былъ сынъ этотъ царевичъ Алексѣй, въ точности неизвѣстно. Карамзинъ дѣлалъ предположеніе, что царевичъ, женившійся на Евфиміи Глѣбовнѣ, вѣроятно былъ Алексѣй, сынъ Исаака Ангела. Но это едвали такъ. Въ тѣ времена фамилія Комненовъ имѣла многихъ царевичей съ именемъ Алексія. Г. Кунинъ склоняется къ тому мнѣнію, что въ Новогород. лѣт. можетъ быть говорится объ одномъ изъ самозванцевъ, принявшихъ имя императора Алексія III, убитаго въ 1183 г. (Учен. Зап. Ак. Н. по 1 и 2 отд. т. II. вып. 5).

[74]) Въ расказѣ о событіяхъ Южной Руси до начала XIII вѣка мы слѣдуемъ преимущественно Кіевскому своду по Ипат. списку, дополняя его нѣкоторыми извѣстіями изъ Лаврентьевскаго и Новогородской лѣтописи. Въ Ипатьевскомъ спискѣ Кіевскій лѣтописный сводъ прекращается 1200 годомъ; за нимъ въ этомъ спискѣ слѣдуетъ лѣтопись собственно Волынская.

[75]) О походѣ Фридриха Барбарусы и завоеваніи Святой земли невѣрными см. въ Ипат. спискѣ подъ 1190 г. А отдѣльная повѣсть о взятіи Царяграда Латинами помѣщена въ Новогородской первой лѣт. подъ 1204 г. (П. С. Р. Л. Т. III), откуда взята и въ Тверской сводъ. (П. С. Р. Л. Т. XV). Повѣсть конечно занесена подъ этотъ годъ позднѣе. Подъ 1211 г. въ той же Новгород. лѣтописи есть извѣстіе о возвращеніи изъ Царяграда въ Новгородъ Добрыни Ядрѣйковича (Андреевича) съ „гробомъ господнимъ“, т. е. съ ковчегомъ, устроеннымъ на подобіе Гробницы. Этотъ Добрыня можетъ быть приходился сыномъ воеводѣ новогородскому Ядрѣю, о которомъ упоминается подъ 1193 годомъ. По возвращеніи изъ Царяграда Добрыня постригся въ Хутынскомъ монастырѣ и вскорѣ былъ поставленъ архіепископомъ Новгорода подъ именемъ Антонія. Онъ оставилъ любопытное описаніе цареградскихъ святынь. Оно издано съ 1872 г. Археографич. коммиссіею съ примѣчаніями Савваитова. Въ предисловіи къ этому изданію достоуважаемый П. И. Савваитовъ ставитъ вопросъ: „не былъ ли Антоній въ Константинополѣ во время его взятія крестоносцами“? Отсюда самъ собою возникаетъ другой вопросъ: не онъ ли привезъ оттуда извѣстія, которыми воспользовался Новгород. лѣтописецъ? Мы идемъ далѣе, и едва ли ошибемся, если предположимъ, что Повѣсть о взятіи Царяграда, вставленная въ Новогородскую лѣтопись, была составлена тѣмъ же авторомъ, которому принадлежитъ упомянутое выше описаніе цареградскихъ святынь, т. е. архіепископомъ Антоніемъ. Тоже отчетливое знаніе топографіи и построекъ цареградскихъ; въ обѣихъ произведеніяхъ тотъ же слогъ; нерѣдко повторяются одинаковыя подробности и выраженія. Напр. въ Описаніи: „об-

разъ Пречистыя Богородицы Одигитрія, иже ходитъ во градъ"; въ Повѣсти: „Одигитрію же чудную, иже по граду хожаше". Въ Описаніи: „въ Лахерну святую, къ ней же Духъ святый сходитъ"; въ Повѣсти: „въ Влахернѣ, идѣ же святый Духъ схожаше". Далѣе, и тамъ и здѣсь встрѣчаются въ той же формѣ названія мѣстностей: „подруміе", „коневый торгъ", „Испигасъ" и пр. Судя по описанію, Антоній присутствовалъ въ Царьградѣ въ 1200 году; но это не мѣшало ему, спустя нѣсколько лѣтъ, быть свидѣтелемъ погрома отъ Крестоносцевъ или собрать тамъ свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ. По Новогородской лѣтописи онъ воротился въ 1211 году или около того времени. Очень возможно, что онъ не одинъ разъ посѣтилъ Царьградъ; возможно также, и очень вѣроятно, что его пребываніе въ Константинополѣ и путешествіе по Святымъ мѣстамъ заняло много лѣтъ; такъ что нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ воротился на родину примѣрно послѣ десятилѣтняго отсутствія, побывъ нѣкоторое время и въ южной Руси.

Наша лѣтописная Повѣсть о взятіи Царьграда издана въ латинскомъ переводѣ нѣмецкимъ византистомъ К. Гопфъ въ его собраніи „Chroniques gréco-romaines inedites ou peu connues" (Berlin. 1873), рядомъ съ записками Роберта Клари. Этотъ французскій рыцарь, принимавшій участіе въ завоеваніи Константинополя, оставилъ расказъ о немъ, неуступающій въ интересѣ его соотечественнику Вильгардуэну, автору de la conquête de Constantinople (Новое изданіе Дидо. Paris. 1874 г.). Почти въ одно время съ Гопфомъ Клари изданъ извѣстнымъ французскимъ ученымъ графомъ Ріанъ, подъ заглавіемъ: Li estoires de chiaus qui conquisent Constantinoble, de Robert de Clari en Aminois, chevalier. Неограничиваясь тѣмъ, графъ Ріанъ обнародовалъ свое любопытное изслѣдованіе о томъ же предметѣ: Innocent III, Philippe de Souabe et Boniface de Montferrat. (Paris. 1875). Изъ нѣмецкихъ трудовъ тому же событію посвящено отчасти сочиненіе Краузе: Die Eroberungen von Constantinopel im dreizehnten und fünfzehnten Jahrhundert (Halle, 1870); а изъ русскихъ Медовикова: „Латинскіе императоры въ Константинополѣ" (Москва. 1849). Изъ византійскихъ историковъ о завоеваніи Константинополя Латинами наиболѣе подробный расказъ находится у Никиты Хоніата. Что касается вообще до источниковъ этого событія, то обзоръ ихъ см. у Климке: Die Quellen zur Geschichte des vierten Kreuzzuges. Breslau. 1875.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.